

2 897261

А. Бартонек

Златообильные МИКЕНЫ



ПО СЛЕДАМ
ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ
ВОСТОКА

Antonin Bartoněk

Zlatě Mukěny

Praha, 1983

Антонин Бартонек

Златообильные Микены

перевод О.П. Цыбенко

Москва

Наука

1991

Тираж 15 000 экз.

Часть I. Источники

Глава 1. К вопросу об источниках

Глава 2. О чем рассказывают древние мифы

Глава 3. Свидетельства археологических памятников

Глава 4. Эгейские письма

Глава 5. Дешифровка линейного письма Б

Глава 6. Тексты на микенском диалекте

Часть II. Образ жизни

Глава 7. Государственное управление

Глава 8. Дворцы и их округа

Глава 9. Социально-политическая структура

Глава 10. Земледелие и животноводство

Глава 11. Ремесло

Глава 12. Торговля и мореплавание

Глава 13. Военное дело

Глава 14. Религия и культ

Глава 15. Повседневная жизнь

Часть III. История

Глава 16. До прихода индоевропейцев

Глава 17. Путь к шахтовым гробницам

Глава 18. Расцвет Микен

Глава 19. Закат Микен

Сокращения

Список литературы

А. И. Немировский. Древнее Гомера (вместо послесловия)

Приложение 1

Эратосфен. Хронография

Паросский мрамор

Диодор (не оцифровывался)

Приложение 2. Работы по микенологической тематике, опубликованные на русском языке в 1966—1989 гг.

Карты и иллюстрации

Часть I.

Источники

Глава I.

К вопросу об источниках

Вряд ли найдется среди нас человек, который не слышал о прекрасной Елене и о сражениях под стенами Трои, даже если он никогда не задумывался, происходили ли эти события на самом деле или же они являются вымыслом древнегреческих сказителей, прежде всего Гомера. Наука же рано или поздно должна была поставить вопрос об этом. Еще в начале второй половины XIX в. она усматривала здесь всего лишь поэтические легенды. И только благодаря удачливому немецкому коммерсанту Генриху Шлиману смогла победить противоположная точка зрения. В 70-х годах прошлого века он открыл на холме близ Дарданелл древнюю Трою, а затем раскопал и Микены — столицу Агамемнона, предводителя греков под Троей. Заступ этого археолога чуть было не потревожил Кносс, считавшийся резиденцией легендарного критского царя Миноса, но запутанность прав собственности и неприемлемые финансовые требования явились основной причиной того, что самое славное открытие на территории древней Эгеиды, как известно, досталось другому исполину эгейской археологии — англичанину Артуру Дж. Эвансу. А. Эванс, начав раскопки Кносса в 1900 г., открыл там культуру, которую назвал по имени Миноса минойской и непосредственно от которой он производил всю культуру материковой Греции, существовавшую в течение весьма значительного периода во II тысячелетии до н. э. Согласно точке зрения Эванса, территория Греции являлась всего лишь критской колонией и мир гомеровских героев, собственно говоря, и не был греческим миром. Но это эпохальное открытие Эванса содержало в себе нечто, что впоследствии стало причиной крушения этой его концепции, отрицавшей присутствие греческого элемента в критской культуре, — маленькие глиняные таблички, целыми сотнями найденные в развалинах Кносского дворца и покрытые знаками довольно развитой письменности, которую [3] Эванс назвал линейным письмом Б, для отличия от двух других более древних систем критской письменности — линейного письма А и иероглифики.

Несмотря на то что кносские таблички находились в его полном распоряжении вплоть до его смерти в 1941 г., а доступ к ним Эванс ревниво охранял, сам он так и не приступил всерьез к их дешифровке. Монополия Эванса была нарушена только в 1939 г., после того как К. Блеген обнаружил аналогичные таблички в Пилосе (область Мессения на юго-западе Пелопоннеса). Но вскоре началась вторая мировая война, и приступить к плодотворным исследованиям по дешифровке оказалось возможным только в конце 40-х — начале 50-х годов. Однако окончательного успеха добился здесь не ученый с громким именем, а тридцатилетний английский архитектор Майкл Вентрис, который в 1952 г. с помощью филолога-классика Джона Чедуика из Кембриджского университета представил ученому миру бесспорные доказательства того, что под текстами линейного письма Б кроется древнегреческий язык, отличавшийся от языка Гомера. Так окончательно было доказано то, что еще в 20-е годы предполагал британский археолог А. Дж. Уэйс. Вопреки убежденности Эванса в безраздельном преобладании Крита в Эгейском мире в эпоху бронзы, Уэйс выдвинул собственную теорию, согласно которой греческие земли во II тысячелетии до н. э. являлись областью самостоятельной в этническом и политическом отношениях, хотя и испытывавшей сильное культурное влияние Крита.

Таким образом, 1952 год окончательно отделил от минойской культуры древнего Крита, которая развивалась в своем самобытном догреческом облике приблизительно в 2900—1470 гг. до н. э., микенскую цивилизацию ахейских греков, возникновение, расцвет и падение которой приходится на период XVI—XII вв. до н. э. Область распространения этой цивилизации охватывала прежде всего центры, расположенные в континентальной Греции, но уже во второй половине XV в. до н. э. она включала также Крит, а со временем охватила в той или иной степени целый ряд областей на побережье Восточного и Центрального Средиземноморья — от Южной Италии и Сицилии вплоть до Малой Азии, сиро-палестинского побережья и Египта. Троянская война, завершившаяся разрушением Трои, происходила в конце XIII в. до н. э. и, по существу, уже была лебединой песней политического и экономического могущества ахейцев: вскоре после ее [4] окончания микенские дворцы и селения в результате еще и до сегодняшнего дня не вполне выясненных обстоятельств навсегда обратились в руины. Прошло несколько долгих столетий, прежде чем на фоне этих развалин в изменившихся этнических, экономических и культурных условиях начался новый исторический период развития греческой цивилизации — тот, который завершился приблизительно в середине I тысячелетия до н. э. появлением классической Греции, в результате чего была заложена основа нынешней европейской цивилизации.

Микенская цивилизация является, таким образом, первым великим культурным подъемом греческого народа в его долгой истории, насчитывающей три с половиной тысячелетия. И хотя микенский мир отделен от собственно античной греческой культуры I тысячелетия до н. э. рядом так называемых «темных веков» (XI—IX вв. до н. э.), он является цивилизацией, которую следует рассматривать как органичную составную часть греческой истории с таким же правом, с каким мы относим к истории Чехословакии эпоху Великой Моравии, несмотря на то, что земли Моравии и Словакии были отрезаны от последующего культурного развития страны более чем столетним политическим и культурным перерывом, наступившим после падения Великоморавской державы.¹ С другой стороны, микенская цивилизация обладает настолько самобытными чертами, что ее с полным правом можно считать вполне самостоятельным культурным проявлением греческого духа, каковым и была более поздняя греческая античная культура, а также византийская культура.

Наша книга посвящена первой попытке народа, говорившего на древнегреческом языке, выйти на магистральный путь развития мировой культуры. Он вступил на этот путь не с пустыми руками — в его распоряжении были уже и свои собственные традиции, принесенные с прародины индоевропейских племен, расположенной где-то в восточноевропейских степях, но прежде всего — богатый опыт и знания, унаследованные как от более древнего догреческого населения Эгейского мира, так и от более далеких цивилизаций Ближнего Востока. В результате соединения всех этих трех элементов и возник замечательный синтез выдающейся цивилизации Европейского континента, об отдельных составных частях которой рассказывают главы этой книги.²

Стремительное развитие исследований о микенском мире, благодаря которому удалось в течение последних [5] ста лет набросать картину совершенно новой величественной цивилизации, чье существование ранее было только гипотезой, обусловлено тремя основными факторами:

а) верой в правдивость греческой мифологической традиции и информации более поздних греческих авторов по древнейшей истории Греции;

б) результатами археологических раскопок на территории древней Эгеиды и прилегающих областей Средиземноморья;

в) дешифровкой линейного письма Б и толкованием его текстов, а также информацией, содержащейся в некоторых документах той же эпохи на других языках.

Таким образом, к настоящему времени у нас имеются три типа источников по истории Микенской Греции:

а) сведения, содержащиеся в греческой мифологической и исторической традиции;

б) памятники материальной культуры;

в) письменные греческие и иноязычные документы того времени.³

Извлекаемые из этих источников данные значительно отличаются друг от друга как по характеру информации, так и по степени достоверности. Информация, содержащаяся в греческой мифологической и исторической традиции, в значительной степени искажена хотя бы уже потому, что она не современна освещаемой эпохе, а моложе ее по меньшей мере на полтысячелетия. Так обстоит дело с Гомером, обе мифологические поэмы которого составлены в VIII в. до н. э., а повествуют о событиях Троянской войны, датируемой концом XIII в. до н. э. Произведения же античных авторов, в частности историков, которые, кстати, только вскользь упоминают о древнейшей истории Греции, отстоят от нее намного дальше. Геродот писал в первой половине V в. до н. э., Фукидид — во второй половине V в. до н. э., а прочие историки и того позднее. Принимая во внимание значительную временную дистанцию, следует считать, что данные античной традиции имеют скорее второстепенное значение и могут привлекаться, как правило, в качестве вспомогательных и дополнительных аргументов там, где верность того или иного факта уже установлена на основании источников иного рода. Однако в целом сопоставление таких данных с памятниками материальной культуры убедительно показывает, что мифологическая и историческая традиции содержат реальное ядро в значительно большей степени, чем это предполагалось ранее. Естественно, в каждом конкретном случае весьма трудно [6] определить, что именно относится к этому реальному ядру, а что к нему добавлено (или же, наоборот, изъято из него) в течение последующих столетий.

В отличие от мифологической традиции, сведения, полученные в результате открытий в области материальной культуры, и письменные источники микенских и иноязычных архивов, в сущности, современны освещаемой ими эпохе. Памятники материальной культуры могут быть, естественно, иногда и несколько более древними, а в отдельных случаях завезенными из других стран (в особенности это касается предметов роскоши). Большинство же обнаруженных до сих пор документов линейного письма Б, прежде всего тексты на глиняных табличках, наоборот — датируются в основном тем же периодом, что и археологические пласты, в которых они были обнаружены. Ценность памятников материальной культуры состоит в том, что они представляют собой изделия микенских мастеров в их подлинном, никогда впоследствии не повторяемом виде. В то же время они не могут дать нам прямых сведений об общественной и культурной среде в целом — о той среде, в которой они были созданы и которой служили после своего появления на свет.

Вплоть до дешифровки линейного письма Б сами по себе археологические находки не могли дать достаточно ясного ответа на вопрос об этнической принадлежности властителей⁴ микенских дворцов и их языке. Исключительное значение памятников

недавно дешифрованной микенской письменности состоит прежде всего в том, что они характеризуют правящие слои микенского общества как лиц, говорящих по-гречески, а также дают возможность непосредственно взглянуть на целый ряд отдельных сторон жизни микенского общества. К сожалению, речь может идти, по существу, лишь о некоторых сторонах жизни Микенской Греции, поскольку тексты носят характер регистрационных архивных документов, которые составлял не историк, желавший сохранить для будущего основные черты структуры микенского общества, а чиновник, для которого гораздо важнее было установить, верно ли произвело то или иное лицо обязательную для него поставку шерсти или же сколько боевых колесниц пришли в столь негодное состояние, что их уже невозможно использовать на войне. Если же, кроме всего прочего, вспомнить, что большинство письменных сообщений отличается лаконичностью и что относительно толкования текстов некоторых табличек до сих пор ведутся ожесточенные [7] споры, то станет ясно, что письменные источники также не всегда могут быть ключом к познанию микенской действительности.

Наиболее верным путем к установлению истины является, таким образом, сопоставление данных всех трех названных групп источников при скрупулезном и аргументированном определении их соотношения. Чтобы показать характер информации, которую можно извлечь из каждого из этих трех типов источников, рассмотрим прежде всего круг вопросов, связанных с мифологической и исторической традицией, далее — современные Микенской Греции иноязычные письменные сообщения, а затем начертим основную линию развития эгейской археологии с 1871 г. до наших дней, учитывая также раскопки, проводившиеся вне Эгеиды, познакомим читателя с историей доалфавитных эгейских письменностей (остановившись особо на текстах линейного письма Б) и, наконец, кратко рассмотрим, с какой степенью достоверности сохранил для человечества сведения о микенской эпохе ее главный певец Гомер.

[1] Великая Моравия — крупнейшее раннефеодальное государственное образование западных славян, существовавшее в IX — начале X в. на территории современной Чехословакии и соседних государств. Столицей Великоморавской державы был город Велеград, точное местоположение которого до сих пор не установлено. (*Примеч. пер.*)

[2] В том случае, когда автор и год издания работы указаны в списке литературы (с. 291), подробные библиографические данные в примечаниях опускаются. То же касается археологических публикаций, причем следует учесть, что публикация результатов археологических исследований обычно имеет место через год или даже несколько лет после проведения раскопок. Некоторые более ранние работы (в особенности вышедшие до первой мировой войны и в настоящее время не представляющие особого научного значения) по техническим причинам в библиографию не включены.

[3] Характер второстепенного, косвенного источника может носить и сопоставление социальной структуры обществ Микенской Греции и современных ей цивилизаций Ближнего Востока. К источникам этого типа мы будем обращаться в соответствующем месте, при рассмотрении явлений, имеющих определенные аналоги в системе микенской экономики (см., например, с. 104).

[4] Принятый при переводе термин «властитель», обозначающий носителя верховной политической власти в микенском обществе, в определенной степени условен, поскольку сам характер этой власти еще не определен в достаточной степени (см. с. 128-129).

Довольно удачным представляется избранное автором чешское слово *vladař*, близкое по своему значению к предлагаемому нами русскому аналогу. (Примеч. пер.)

Глава 2

О чем рассказывают древние мифы

Связать мифологические предания древних греков⁵ с конкретными историческими данными — труд, достойный древнегреческого царя Сизифа, который в наказание за свои прегрешения был обречен в царстве мертвых катить на крутую гору огромный камень, «но едва достигал он вершины, как С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой, Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень» («Одиссея», XI.596-598).⁶

Навести хронологический порядок в невообразимой путанице легендарных сведений пытались еще сами древние греки, и многие древнегреческие историки⁷ уже занимались в той или иной степени этим вопросом. Одним из наиболее заслуживающих внимания памятников такого рода является текст, высеченный на мраморе, на острове Парос в 264—263 гг. до н. э. — так называемый «Паросский мрамор»,⁸ который представляет собой попытку отобразить в хронологической последовательности события древнейшей и ранней истории Эллады. Его временной охват поистине достоин восхищения. Одним из древнейших событий, о которых рассказывает «Паросский мрамор», является [8] прибытие в Грецию Даная, датируемое в переводе на наше летосчисление еще XVI в. до н. э. Кто же был Данай? Он был сыном Бела, мифического царя Египта, будто бы жил в Ливии, но затем поссорился со своим братом, которого звали Египт, из-за того, что не пожелал отдать пятьдесят своих дочерей в жены пятидесяти сыновьям брата, и предпочел переселиться в греческую область Арголиду, где он основал город Аргос. Однако Египт выследил Даная и заставил все же его дочерей вступить в брак со своими сыновьями. Но тогда Данаиды по указанию отца решились на ужасное преступление: в свадебную ночь сорок девять из них убили своих мужей. За это они после смерти были осуждены на необычную кару в подземном мире: постоянно наполнять водой бездонный сосуд и таким образом выполнять в облегченном для женщин варианте тщетный труд Сизифа.

Данай принадлежит к числу самых прямых мифологических праотцов микенской культуры. Не случайно одним из трех названий греков под Троей было данайцы (наряду с ахейцами и аргивянами), что, очевидно, связано с именем Даная. Это слово связано также с египетским названием «дануна» или «дениен», которое встречается в перечне так называемых «народов моря», совершавших в XIII в. до н. э. нападения на Египет. На основе этих наблюдений было высказано предположение о связи между прибытием Даная в Арголиду и огромным ростом числа сокровищ в Микенах в XVI в. до н. э., а также одновременным упадком могущества семитов-гиксосов в Египте в первой половине того же столетия.⁹ При этом Данай не был в Греции единственным пришельцем. Примерно тем же временем — т. е. до конца XVI в. до н. э. — датирует упомянутый выше «Паросский мрамор» прибытие Кадма — финикийского царевича из Тира, сына царя Агенора. Кадм будто бы прибыл в Грецию после того, как тщетно разыскивал по всему свету свою сестру Европу, которую похитил, превратив ее в корову,^{9a} верховный греческий бог Зевс, принявший облик быка. На том месте, где Кадм убил чудовищного дракона, он якобы основал Фивы. Имя Кадма связано в греческих преданиях с первым появлением

письменности на греческой земле. При этом упоминания в легендах о так называемом Кадмовом письме, рассматривавшемся ранее как намек на финикийское происхождение греческого алфавита, возникшего приблизительно в IX—VIII вв. до н. э., нашли в последнее время значительно более древние подтверждения в [9] замечательных находках в Фивах, где в слоях XIV—XIII вв. до н. э. недавно были обнаружены клинописные вавилонские цилиндрические печати XVII в. до н. э.¹⁰ Несомненно, что речь идет о предметах, привезенных в Фивы в микенскую эпоху из Передней Азии, но при этом следует особо подчеркнуть, что их образцы были найдены именно в Фивах — городе, столь тесно связанном с именем Кадма.

Следующим знаменитым чужеземцем, прибывшим в Грецию с Востока еще в начале микенской эпохи, был Пелоп. Его отец, лидийский царь Тантал, желая испытать всеведение богов, однажды подал им на стол Пелопа в виде яства. Однако боги распознали обман и оживили Пелопа, а Тантала наказали особо для него изобретенной карой: в подземном мире, стоя по колени в воде под деревом с наливными яблоками, он не может напиться, так как вода исчезает под его ногами, а когда он хочет сорвать яблоко, ветви поднимаются вверх. Пелоп покинул отчий дом и поселился далеко на западе — в греческой области Элида. Там в городе Писа правил царь Эномай, славившийся необычайной ловкостью в конских ристаниях. Эномаю было предсказано, что он будет лишен жизни собственным зятем. Поэтому царь объявил, что отдаст свою дочь Гипподамию в жены только тому, кто одолеет его в ристаниях, в случае же поражения претендент лишался головы. Эномай победил бы и Пелопа, однако и поныне неизвестно, как случилось, что у самого финиша у его колесницы отскочило колесо. Говорят, что возникший Эномая Миртил, подкупленный то ли Пелопом, то ли Гипподамией, то ли ими обоими, вынул чеку из оси царской колесницы. Эномай разбился насмерть, Пелоп женился на Гипподамии, а Миртила, посмеявшегося приставать к нему с вымогательствами, сбросил со скалы. Со временем Пелоп завоевал почти весь полуостров, который выступает на юге материковой Греции глубоко в Эгейское море и с той поры называется островом Пелопа или Пелопоннесом. В ознаменование победы над Эномаем Пелоп учредил в роще недалеко от реки Алфей игры в честь Зевса Олимпийского, т. е. Олимпийские игры, а само место вскоре стало называться Олимпией. Тот факт, что согласно античной традиции первые достоверные Олимпийские игры состоялись в 776 г. до н. э., никоим образом не противоречит тому, что их происхождение в действительности более древнее и что в VIII в. до н. э. игры всего лишь приобрели свою классическую форму.¹¹

Хотя «Паросский мрамор» не содержит конкретных [10] хронологических сведений о Пелопе, о значительной древности этого предания свидетельствует прежде всего то обстоятельство, что на судьбах некоторых его потомков и зиждется та часть греческой мифологии, которая связана с Троянской войной. История Пелопова рода принадлежит к числу самых мрачных в греческой мифологии, представляя собой потрясающую цепь наводящих ужас событий.

Цепь убийств потянулась уже от самой смерти Эномая и свержения со скалы Миртила, который, прежде чем душа покинула его тело, успел проклясть и своего убийцу, и его потомков. Это проклятие не заставило себя долго ждать. По навету матери сыновья Пелопа Атрей и Фиест убили своего сводного брата Хрисиппа и бежали в Микены к своей сестре Никиппе, жене микенского царя Сфенела. Трон Сфенела унаследовал его сын Эврисфей, известный в греческой мифологии как царь, посылавший Геракла на свершение его знаменитых двенадцати подвигов. После смерти Эврисфея на трон взошел его дядя Атрей. Фиест попытался свергнуть Атрея, а когда этот замысел не удался и Фиесту пришлось бежать, он взял с собой малолетнего сына Атрея Плисфена и воспитал его в

ненависти к Атрею, поскольку Плисфен не знал, что Атрей был его отцом. Когда Плисфен вырос, Фиест послал его в Микены убить Атрея. Однако, защищаясь, микенский царь убил Плисфена. Когда же он узнал в убитом своего давно оплакиваемого сына, то замыслил страшную месть. Под предлогом примирения Атрей пригласил брата в Микены на пиршество и предложил ничего не подозревавшему Фиесту в качестве угощения изрубленные тела двух его сыновей. Когда Фиест узнал об этом, он бежал из Микен и поклялся отомстить брату. Атрей же захватил самого младшего из сыновей Фиеста, Эгисфа, и в свою очередь попытался воспитать его в ненависти к собственному отцу. Эгисф разгадал козни Атрея, лишь когда вырос и получил приказ убить Фиеста, оказавшегося к тому времени узником в Микенах. Однако Фиест узнал своего сына, рассказал ему все, и Эгисф убил Атрея. Так Фиест стал царем Микен, но спустя некоторое время сын Атрея Агамемнон убил его и захватил крепость Микен. Агамемнон прославился как верховный предводитель греков в военном походе на Трою. Сын Фиеста Эгисф воспользовался его десятилетним отсутствием, взяв на себя роль утешителя жены Агамемнона Клитемнестры, оставшейся в Микенах, которая не могла простить Агамемнону того, что он для благополучного [11] отплытия греческого флота к Трое принес в Авлиде в жертву их дочь Ифигению. Вышло так, что день возвращения Агамемнона из-под Трои стал последним днем его жизни — он погиб от руки Эгисфа во время омовения. Спустя несколько лет сын Агамемнона Орест с помощью своей сестры Электры отомстил Эгисфу и Клитемнестре. Согласно греческой мифологии все эти события произошли в Микенах в течение трех поколений, второе из которых жило во время Троянской войны. Однако в греческой мифологии есть сведения и о том, как возникли Микены. Основателем города считался Персей, о рождении которого рассказывает не менее знаменитое предание. Матерью Персея была Даная, дочь аргосского царя Акрисия и правнучка того самого Даная, пятьдесят дочерей которого должны были выйти замуж за сыновей брата Даная Египта. Как было сказано выше, во время свадебной ночи сорок девять из них убили мужей и только Гипермнестра спасла своего двоюродного брата и мужа Линкея. Именно от них вел родословную отец Данаи аргосский царь Акрисий. Ему было предсказано, что он погибнет от руки собственного внука. Поэтому царь велел запереть Данаю в подземелье, чтобы полностью отрезать ее от окружающего мира. Однако Акрисий не учел изобретательности верховного бога Зевса, который проник в мрачную темницу в виде золотого дождя и вступил в связь с Данаей. Тогда Акрисий поместил дочь и ее новорожденного сына Персея в ларец и бросил его в открытое море. Рыбаки с острова Сериф спасли их и отвели к царю Полидекту. Когда Персей возмужал, он стал неугоден царю, поскольку противился его браку со своей матерью. Поэтому Полидект предложил Персею отправиться на поиски приключений, к чему юноша стремился сам. По совету Полидекта он отправился далеко на запад к Атлантическому океану, убил там ужасную Медузу, имевшую вместо волос клубок змей и превращавшую в камень всех, кто только взглянет на нее. Страшная голова Медузы помогала Персею при свершении его последующих подвигов. В конце концов он вернулся домой в Аргос вместе с прекрасной Андромедой, вырванной им из пасти ужасного дракона. Его дед Акрисий успел вовремя бежать из Аргоса, чтобы, как он надеялся, уйти от своей судьбы. Но Аполлон не пророчествует зря! Однажды во время состязаний Персей по несчастной случайности поразил диском неведомого старца: это и был Акрисий, тайно возвратившийся к тому времени в родной город. Удрученный роковой гибелью деда, Персей заложил вблизи [12] Аргоса ряд крепостей, в том числе Микены, и стал основателем династии, которую со временем сменили Атриды. Таким образом, с Микенами, главным центром одноименной культуры, связан целый ряд наиболее известных греческих мифов, в которых действуют знаменитые герои греческих легенд, и поныне живущие благодаря мастерам слова и рук человеческих в сознании культурного человечества: победитель Медузы и легендарный основатель Микен Персей, могучий Геракл, именно из Микен отправлявшийся по приказу царя Эврисфея на свершение своих

двенадцати подвигов, обгаренные кровью братья Атрей и Фиест, предводитель греков в Троянской войне Агамемнон, жена и убийца Агамемнона Клитемнестра и мстители за Агамемнона, его дети Орест и Электра. Многие подробности в рассказах об этих персонажах принадлежат области сказочного вымысла, но что касается самих героев, то сегодня с полным правом можно считать, что речь идет о подлинно исторических личностях. У того, кто проходил через Львиные ворота в Микенах, заглядывал в глубь шахтовых гробниц или посещал Микенский отдел Афинского национального археологического музея, неизбежно рождается в уме ряд вопросов. Не принадлежала ли одна из золотых масок, обнаруженных Шлиманом на лицах захороненных в шахтовых гробницах вельмож, легендарному основателю Микен Персею? (Но ни в коем случае Агамемнону, как считал Шлиман, поскольку Агамемнон жил по крайней мере на три столетия позже!) Кто из микенских царей погребен в купольной гробнице, которую в древности называли «сокровищницей Атрея»? (Определенно не Атрей, а кто-либо из его предшественников на микенском троне, возможно даже Эврисфей, «на службе» у которого находился сам Геракл.) Не принадлежали ли различные предметы, зарегистрированные писцами на табличках линейного письма Б из Микен, дворцовому хозяйству самого Агамемнона, на что может указывать время составления этих табличек (около 1230 г. до н. э.)? Любой из этих вопросов указывает нам на то трудноразрешимое противоречие между мифом и реальностью, когда памятник материальной культуры, который находится у нас перед глазами и датируется археологами с точностью до десятилетия, оказывается связанным с тем или иным героем мифологии, однако идентификации такого рода, несмотря на все возможности современной науки, еще недостаточно для хронологической датировки легендарных событий. [13]

В этой книге мы не имеем возможности заниматься подробным изложением и анализом греческих мифов. Наше внимание обращено главным образом к нескольким пришельцам с Востока, имена которых связаны в греческой мифологии с началом культурного развития ряда наиболее значительных областей Греции или с основанием важнейших греческих городов. К этому мы нашли нужным добавить экскурс в генеалогию греческих властителей Микен — крупнейшего центра Микенской Греции. Равным образом можно было бы обратиться и к другим наиболее значительным центрам, на месте которых существовали поселения микенской эпохи.

При этом представляется целесообразным разделить наиболее известные греческие мифы в соответствии с хронологической последовательностью на две основные группы, исходя из того, являются ли их главными действующими лицами персонажи, относящиеся к «дотроянским» поколениям греческих героев или же к поколению участников Троянской войны. Первой группы мы уже коснулись, упомянув о предках прославленных греческих родов, ставших основателями древнейших городов; теперь же скажем несколько слов о легендах, связанных в той или иной степени с эпохой Троянской войны и с событиями, происшедшими после ее окончания. Эти предания порой отличаются конкретностью содержащихся в них сведений и довольно хорошо отображают политическую ситуацию позднемикенской Греции, когда явно еще не могло быть и речи о политическом единстве и происходили частые междоусобицы.

Из событий эпохи, непосредственно предшествовавшей Троянской войне, необходимо вспомнить прежде всего о военном конфликте между Фивами и коалицией городов Арголиды, известном под названием похода «семерых против Фив». Вокруг этого события, безусловно имеющего историческую основу, в греческой мифологии, сложился обширный цикл мифов, который по своему значению в художественном творчестве позднейшего времени не уступает легендам, связанным с Микенами.

Все началось с того, что фиванскому царю Лаю была предсказана смерть опять-таки от руки собственного сына. Когда у Лая родился ребенок, он приказал бросить его в горах на южной границе своего царства. Но слуга, которому было дано это поручение, отдал дитя пастухам соседнего Коринфа, где правил бездетный царь Полиб. Обрадовавшись мальчику, названному Эдипом, Полиб [14] усыновил его. Когда Эдип вырос, он случайно узнал, что был приемным, и отправился к дельфийскому оракулу, чтобы установить правду о своем происхождении. Однако там он не узнал ничего, кроме того, что ему суждено убить своего отца и жениться на собственной матери. Поэтому он решил не возвращаться в Коринф — на тот случай, если коринфский царь действительно был его отцом. Но неумолимый рок направил стопы Эдипа как раз туда, где должно было исполниться пророчество, — в Фивы. И вот в ссоре, завязавшейся на горной дороге по ничтожному поводу, он убил неизвестного мужчину — своего отца Лая, а после того, как избавил Фивы от страшного чудовища Сфинги,¹² которая опустошала окрестности и убивала людей, получил в награду царский венец и руку овдовевшей царицы — своей матери Иокасты. От этого брака родилось четверо детей, но ужасное прегрешение вызвало гнев богов, наставших на Фивы чуму. Аполлон Дельфийский возвестил, что чума не утихнет, пока Фивы не покинет самый страшный грешник — отцеубийца. Некоторое время спустя Эдип узнал правду о своем ужасном прошлом. Его жена и мать Иокаста покончила с собой, а Эдип выколол себе глаза и сопровождаемый своей дочерью Антигоной отправился в добровольное изгнание.

Однако фиванские несчастья на этом не окончились. Сыновья Эдипа, Этеокл и Полиник, которые должны были править по очереди, поссорились, и Полиник выступил в поход против родного города, имевшего семь врат, с войсками семи греческих городов, расположенных в Арголиде на Пелопоннесе. Поход окончился неудачей, и братья убили друг друга в поединке. Их сестра Антигона нарушила запрет фиванцев, похоронив своими руками Полиника, тело которого как изменника должно было быть оставлено на поле боя на растерзание диким зверям. В наказание Антигона была заживо погребена. Только спустя много лет сыновья потерпевших некогда неудачу семерых вождей предприняли новый поход и в конце концов разрушили Фивы.

Реальная основа преданий, известных по целому ряду древнегреческих трагедий («Семеро против Фив» Эсхила, «Эдип-царь» и «Антигона» Софокла, «Финикиянки» Еврипида), отражает острый конфликт между двумя ведущими областями Микенской Греции — Арголидой, главным центром которой был Аргос (любопытно, что среди легендарных участников обоих походов не было ни одного [15] представителя династии, правившей в Микенах), и Беотией во главе с Фивами. Результаты археологических раскопок, проведенных в Кадмее — предполагаемой резиденции фиванских властителей микенской эпохи, — показывают, что Кадмея действительно была разрушена и сожжена где-то во второй половине XIII в. до н. э.

Еще более четким историческим фоном обладают предания так называемого троянского цикла. Этот цикл мифов также начинается как обычная сказка. Троянский царевич Парис пасет овец в предгорье Иды и встречает там трех красавиц — богинь Геру, Афину и Афродиту. По велению вестника богов Гермеса он должен решить, кто из них самая прекрасная, поскольку именно ей предназначено яблоко, брошенное незадолго до этого между небожительницами богиней раздора Эридой, разгневанной тем, что ее не пригласили на свадьбу будущих родителей ахейского героя Ахилла. Сказка переходит в любовную историю — Парис объявил самой прекрасной Афродите, которая перед этим пообещала ему в награду очаровательнейшую из всех смертных женщин. Однако эта женщина — Елена — уже была отдана к тому времени в жены спартанскому царю Менелаю, брату могущественнейшего среди мужей ахейских Агамемнона. Но это не

остановило Париса. Прибыв в Спарту, он воспользовался отсутствием там Менелая и похитил Елену. Расплата не заставила себя долго ждать. Менелай и его брат Агамемнон возглавили общегреческий поход на Трою, чтобы смыть позор кровью. Вскоре десятки тысяч воинов под верховным предводительством Агамемнона вышли в море на 1186 кораблях, которые направились к берегам Малой Азии.

Здесь героический миф о Троянской войне приобретает трагическое звучание обреченности, присущей греческой драме. Далеко не все греки, отправившиеся в поход против Трои, дожили до полной победы. Пришлось вести десятилетнюю осаду и нести большие потери. Но в конце концов Одиссею удалось хитростью доставить внутрь троянских стен деревянного коня, в чреве которого укрылись ахейские воины. Троя обратилась в пепелище, и ахейские корабли отправились в обратный путь, нагруженные богатой добычей. Однако будущее, уготованное ахейским грекам, было далеко не блестящим. Некоторых из них ветры прибили к чужим берегам, и прошло много лет, прежде чем они смогли вернуться домой. Самым прославленным из этих гонимых бурями был Одиссей, возвратившийся на родную Итаку только после десятилетних [16] странствий. К числу таких скитальцев принадлежал и сам Менелай. Греческий миф повествует, что на обратном пути из-под Трои бури занесли его и Елену в Египет, откуда они возвратились только спустя более семи лет, побывав еще во многих других странах. Прочих героев ожидала на родине супружеская измена: их жены предпочли домашний покой с находящимися рядом любовниками громкой славе доблестных, но далеких мужей. Существовало и много иных причин для скитаний по чужим странам, лежащим по берегам Средиземного моря.

Переселение греческих героев на чужбину оказалось, таким образом, трагической расплатой за добытую под Троей славу. На могучих и удачливых воителей, которые десять лет терпеливо переносили тяготы войны и наконец завоевали победные лавры, обрушилось слишком уж много бедствий и вынужденных странствий на морях по всему свету. Этот злополучный обратный путь героев, сопряженный с самыми невероятными приключениями на суше и на море, принадлежит скорее уже миру сказок. Скрывающаяся за ними действительность гораздо проще: в результате длительной войны Микенская Греция дошла до предела своих экономических возможностей, усилились внутренние трения и конфликты, возросло число иноземных вторжений, и все это кончилось тем, что только немногим из числа победителей Трои было куда возвратиться. Ведь результаты археологических раскопок совершенно недвусмысленно говорят следующее: около 1200 г. до н. э. во многих местностях материковой Греции произошли значительные разрушения микенских поселений по причинам, однозначно объяснить которые не представляется возможным. Но обо всем этом, и прежде всего об историческом фоне Троянской войны и странствий Одиссея, мы еще поговорим более подробно в главе, содержащей соображения по поводу окончательного падения микенской цивилизации.

Здесь же мы обратились к троянскому циклу легенд только для того, чтобы на основе греческих преданий набросать контур легендарной истории микенской эпохи. Получаемая из подобных источников информация не является вполне надежной, а с объективно научной точки зрения она к тому же и недостаточна. Но, с другой стороны, уже само существование огромного множества преданий, связанных с микенской эпохой, вполне убедительно свидетельствует о том; что речь идет о времени [17] чрезвычайно богатом событиями, оказавшими исключительно сильное влияние на последующее развитие греческой культуры.

При этом, в отличие от скупого языка археологии и обнаруженных в микенских архивах памятников линейной письменности, многочисленные свидетельства отличающихся

богатством фантазии греческих преданий знакомят нас с теми достойными восхищения красочными образами микенского мира, которые создал греческий народ в тяжелые времена после падения Микен и которые, иными словами, являются только искаженным отображением реальных событий, но все же отображением некогда существовавшей действительности. Этот мир стал для грека последующих эпох тем, чем явилась содержащаяся в Библии картина мира для христиан, но в отличие от христиан античный грек никогда не настаивал на неизменности традиционной картины греческой предыстории, а постоянно ее улучшал и переделывал. Вот почему сегодня нам так трудно выделить из этого живописного полотна подлинно реальную основу, поскольку именно эта основа и скрыта за многочисленными художественными украшениями, в которые начали облачать ее поколения греческих мастеров слова уже в первые столетия после падения микенской цивилизации.

Тем не менее сегодня исследователи все более испытывают сильное желание как можно точнее определить это историческое ядро. Оно особенно усилилось начиная с 30-х годов, когда шведский ученый М. П. Нильсон создал метод определения исторического ядра на подлинно научной основе. В своем труде, изданном в 1932 г., ему удалось показать на ряде примеров существование поразительной географической согласованности между основными местами действия греческой мифологии и наиболее значительными центрами микенской цивилизации, а также выявить частые совпадения различных сведений эпических сказаний с данными археологических раскопок.

Легендарные предания, относящиеся к древнейшей истории Микенской Греции, преобладают в произведениях древнегреческой литературы до такой степени, что сообщения античных историков о греческой предыстории зачастую имеют вид обыкновенных сказок, лишенных сколько-нибудь надежной информации. Это действительно как в отношении различных мест из «Истории» Геродота, так и особенно в отношении двенадцати вводных параграфов «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида. [18]

По существу, из сообщений античных авторов о ранней предыстории древней Эгеиды вряд ли можно извлечь что-либо кроме констатации того факта, что греки не обитали испокон веков на земле своей позднейшей родины, а смешались здесь с более древним местным населением, среди различных названий которого чаще всего упоминаются пеласги — народ, вызывавший у античных греков чувство искреннего уважения и даже особого восхищения. Краткие упоминания о Троянской войне и о трагических событиях после ее окончания, в частности в связи с вторжением дорийцев на Пелопоннес,¹³ особенно часто встречаются у Геродота (около 484—430 гг. до н. э.) и Фукидида (около 460—400 гг. до н. э.), а также у Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), Страбона (64 г. до н. э. — 19 г. н. э.) и других авторов. На отдельных извлечениях из этих авторов мы остановимся подробнее, когда будем рассматривать проблемы, связанные с дорийским вторжением. А пока что предложим вниманию читателя обзорную таблицу некоторых хронологических данных, которые можно установить на основании сведений летосчисления, содержащихся в трех античных исторических источниках, а именно: у Геродота (II.154.4), в упоминавшемся выше «Паросском мраморе» (264 г. до н. э.) и у Эратосфена (III в. до н. э.), отрывки из произведений которого дошли до нас в изложении Клемента Александрийского — II в. н. э. («Покрывала», I.138.1 и далее):

	Геродот ¹⁴	Эратосфен	«Паросский мрамор»
Царствование Кекропа в Афинах	—	—	1581

Основание Фив Кадмом	около 1500	—	1518
Прибытие Даная в Аргос	—	—	1510
Царствование Миноса на Крите	—	—	1462
Геракл	около 1340	—	—
Объединение Аттики Тесеем	—	—	1259
Поход (неудачный) «семерых против Фив»	—	—	1251
Окончание Троянской войны	около 1260	1184	1209
Возвращение Гераклидов (нашествие дорийцев)	—	1104	
Начало основания ионийцами городов в Малой Азии		1044	1077
Первая Олимпиада	—	776	—

Однако все эти сведения принадлежат значительно более поздней эпохе, чем та, о которой шла речь. Характер достоверного и аутентичного исторического источника [19] могут носить только письменные сообщения современников. Из свидетельств такого рода мы располагаем сохранившимися непосредственно на греческой земле записями административного характера из дворцовых архивов, составленными так называемым линейным письмом Б. Кроме того, сведения о Микенской Греции содержатся и в некоторых современных ей иноязычных документах, найденных вне Эгеиды. На текстах линейного письма Б мы еще остановимся особо, а сейчас скажем несколько слов об иноязычных документах.

Наиболее важные из них — хеттские клинописные тексты. Упоминания о микенских ахейцах в хеттских текстах были выявлены еще более полувека назад, когда Э. Форрер¹⁵ сопоставил на более древнем языковом уровне хеттское «Аххийава» и греческое «Ахайвиа» (т. е. «страна ахайвов», как первоначально называли ахейцев) и прибавил к этому еще целый ряд других греческо-хеттских параллелей: хетт. Аттаришийаш = греч. Атрей, хетт. Лазпаш = греч. Лесбос, хетт. Миллаванда (или Милавата) = греч. Милватос (позднее Милет), хетт. Ашшува = греч. Азия, хетт. Таруиша = греч. Троя, хетт. Алакшандуш из Вилуши = греч. Александр из Илиона. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы первоначальный энтузиазм, вызванный подобными увлекательными сопоставлениями, рассеялся без следа. Новым импульсом к рассмотрению интересующих нас вопросов явилась осуществленная М. Вентрисом дешифровка линейного письма Б. Если создателями микенской культуры были действительно греки, как это убедительно доказал Вентрис и полностью подтверждается результатами работ археологов, обнаруживших микенскую керамику во многих областях Малой Азии, то прежняя гипотеза Форрера заслуживает дальнейшей проверки.

Топоним Аххийава, так же как и его варианты Аххийува и Аххийа, с большей или меньшей степенью достоверности засвидетельствован в 23 хеттских текстах. Не вызывает сомнений, что речь идет о топониме, обозначающем, по всей вероятности, какую-то страну. При этом более половины этих сведений имеют весьма хорошие хронологические соответствия и представляют собой хотя и фрагментарные, но весьма интересные свидетельства развития контактов между хеттами и Аххийавой во временной последовательности.

Указанные свидетельства датируются приблизительно от середины XIV в. до н. э. до второй половины XIII в. [20] до н. э. и отражают перемены, происходившие в отношениях между двумя независимыми друг от друга политическими образованиями, которые на некоторое время оказались по воле судьбы в самом тесном географическом соседстве. Более подробно мы обратимся к рассмотрению этих источников в одной из последующих глав; здесь же ограничимся только следующим замечанием: под именем Аххийавы безусловно следует усматривать не единое государство микенских ахейцев — такового, по-видимому, никогда и не существовало, — а скорее какое-то ахейское государство, расположенное недалеко от западного побережья Малой Азии и сумевшее сохранить независимость от могущественной Хеттской державы по той причине, что было отделено от нее морем. Вот почему сведения хеттских клинописных документов можно считать источниками по истории Микенской Греции XIV—XIII вв. до н. э., хотя и косвенными и в силу этого имеющими ограниченное значение.

Эгейский мир был известен и древним египтянам, однако египетские письменные источники гораздо неопределеннее и скромнее, чем хеттские. Они ограничиваются египетским словом Кефтиу, которое истолковывается как название острова Крит или же его обитателей, а также неясной надписью времени фараона XVIII династии Аменхотепа III (около 1417—1379 гг. до н. э.), которая, похоже, должна свидетельствовать о верховной власти египетского правителя над критскими городами Амниссом, Кноссом и Ликтом.¹⁶ Для изучения ранней истории микенского элемента эгейской цивилизации значительно большее значение имеет любопытная информация, содержащаяся на четырех фресках из гробниц в Фивах Египетских (XV в. до н. э.): здесь предположительно отображена происходившая в течение почти шестидесяти лет смена минойско-египетских торговых связей аналогичными микенско-египетскими. Но на этом мы остановимся подробнее в другом месте.¹⁷

[5] Краткая характеристика памятников письменности из архива хеттских царей в Богазкёе дается в настоящей главе, поскольку глава 5 будет полностью посвящена памятникам письменности, составленным на греческом языке.

[6] Цитаты из «Илиады» приводятся в переводе Н. Гнедича, из «Одиссеи» — в переводе В. Жуковского, из «Истории» Фукидида — по последнему изданию русского перевода: Фукидид. История. Л., 1981. (Примеч. пер.)

[7] Основополагающим исследованием греческой мифологии является коллективный труд под редакцией В. Г. Рошера и К. Циглера, изданный в 1884—1937 гг. (см. [Список литературы](#)). Из более новых работ см.: *Rose H. J.*, 1958; *Kirk G. S.* 1974. Основными работами, изданными на чешском языке, являются: *Saska L. F.*, *Groh F.*, 1949, *Zamarovský V.*, 1970, *Mertlík B.*, 1971. Из исследований по мифологии, специально посвященных микенскому периоду ее развития, заслуживают внимания прежде всего работы М. П. Нильсона: *Nilsson M. P.*, 1932, 1950, а также *Guthrie W. C. K.* — САН, 11, 2. (Из работ, вышедших в свет на русском языке, см.: *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936; она же. Миф и литература древности. М., 1978 [отметим, что автор относится весьма скептически к использованию микенского материала в исследованиях по реконструкции древнейших пластов греческой мифологии]; *Толстой И. И.* Статьи о фольклоре. М., Л., 1966; *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923; *Кессиди Ф. X.* От мифа к логосу. М., 1972; *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976; *Пронн В. Я.* Исторические корни

волшебной сказки. Л., 1946; Мифологии древнего мира. М., 1977; Мифы народов мира. Т. 1-2. М., 1981—1982. — *Примеч. пер.*)

[8] Перевод фрагментов «[Паросского мрамора](#)» и «[Хронографии](#)» Эратосфена, относящихся к древнейшему периоду истории Греции, см. в Приложении. (*Примеч. пер.*)

[9] См.: *Stubbings F. H.* — САН, II, 1, с. 633 и сл.

[9a] Один из вариантов мифа. Более известен вариант, в котором при похищении Европы сам Зевс превращается в быка. (*Примеч. пер.*)

[10] Обзор современного состояния вопроса происхождения греческого алфавита см.: *Heubeck A.*, 1979, с. 73 и сл. См. также: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982, с. 171-174. (Подробнее о находках в Фивах см.: *Колобова К. М.* Находки цилиндров-печатей в Фивах и спор о Кадме. — ВДИ. 1970, № 2, с. 111-121. — *Примеч. пер.*)

[11] Это предположение опирается также на данные археологических исследований. См.: *Dörpfeld W.* Alt-Olympia. Bd. I-II, В., 1935 г.; *Wrede W., Kuntze E.* Berichte über die Ausgrabungen in Olympia, Bd. I-VIII. В., 1937—1967. Обзоры раскопок в советской литературе см.: *Немировский А. И.* Нить Ариадны. Воронеж, 1989, с. 33-74; *Соколов Г. И.* Олимпия. М., 1980, с. 20-31. Территория священной рощи Альтиса в Олимпии была обитаемой еще в раннеэлладскую эпоху. От микенской эпохи здесь сохранились многочисленные образцы глиняных и бронзовых статуэток, а также керамики. К концу микенского времени относится так называемый Пелопейон — могильный курган диаметром около 33 м, насыпанный на каменном фундаменте, и находившееся возле горы Кронос предполагаемое святилище Гипподамии. В обоих названных культовых местах найдены статуэтки представляющие, в частности, колесницы и возничих. Еще во II в. н. э. возле храма Зевса Олимпийского можно было видеть колонну, сохранившуюся от дворца Эномея, уничтоженного молнией, как о том свидетельствует Павсаний (V.20.6). (*Примеч. пер.*)

[12] Такая нетрадиционная передача греческого имени (общепринятое — «сфинкс») дает понять, что это фантастическое существо было женского пола. (*Примеч. пер.*)

[13] См., например: *Геродот*, I.56.3; II.145, VII.204; IX.26.2 и сл.; *Фукидид*, I.12; I.107.2; *Диодор Сицилийский*, IV.57.2 и сл.; *Страбон*, VIII.1.2; VIII.3.33; IX.4.7; XIII.1.3.

[14] Хронологические данные Геродота весьма неопределенны. Так, в указанном месте Геродот относит деяния Диониса, внука Кадма, ко времени на тысячу лет ранее своего времени (т. е. около 440 г. до н. э.). Таким образом, деяния Диониса надо относить приблизительно к 1440 г. до н. э., а его деда Кадма — еще на два поколения ранее, т. е. приблизительно к 1500 г. до н. э. Время Геракла предшествовало времени Геродота на 900 лет (около 1340 г. до н. э.), а Троянская война должна была происходить за 800 лет до времени Геродота, т. е. где-то в конце первой половины XIII в. до н. э.

[15] См.: *Forrer O. E.*, 1924. В числе прочих позицию Э. Форрера с самого начала поддержал Б. Грозный (см.: *Hrozny B.*, 1929). Гипотеза Э. Форрера получила особую весомость после дешифровки линейной письменности Б (см.: *Page D. L.*, 1959, с. 12 и сл.; *Huxley G. L.*, 1960) и продолжает пользоваться признанием, несмотря на критическую статью Г. Штейнера, опубликованную в 1964 г., в которой читатель может найти подробную библиографию работ по данному вопросу.

[16] См.: *Hooker J. T.*, 1976, с. 69. Следует отметить также, что с Балканским полуостровом и Эгеидой иногда отождествляют также египетский топоним *Hau-nebwet*, обозначающий страну, родом из которой была мать основателя XVIII династии фараона Яхмоса I, который изгнал гиксосов из Египта около 1560 г. до н. э. Впрочем, хотя гипотеза о микенском происхождении праматери фараонов так называемого Нового Царства довольно привлекательна, она еще нуждается в доказательствах. См.: *Stubbings F. H.* — САН, II, 1, с. 634 и сл.; *Hooker J. T.*, 1976, с. 50.

[17] См. ниже, [с. 242-243](#).

Глава 3.

Свидетельства археологических памятников¹⁸

Тот, кто знаком хотя бы с одной из многочисленных биографий Генриха Шлимана,¹⁹ хорошо знает, сколько усилий пришлось приложить этому смелому и полному энтузиазма дилетанту, чтобы убедить ученый мир в том, [21] что древняя Троя находилась на невысоком холме под названием Гиссарлык на расстоянии около 5 км от Эгейского моря. Это выглядело довольно странно, поскольку все современники Шлимана предпочитали помещать Трою на более внушительном, но и значительно более удаленном от моря холме Балидаг у деревни Бурнабаши на десять километров южнее. Хотя около 1200 г. до н. э. гомеровская Троя была разрушена микенскими ахейцами, ее местонахождение оставалось хорошо известным на протяжении всей античности. Еще в древности на этом месте существовало несколько более поздних поселений, оставивших различные хронологические пласты, а выдающиеся полководцы и государственные деятели античного мира охотно посещали это место. Вспомним хотя бы Александра Великого или Юлия Цезаря. Всегда под рукой были и местные гиды, охотно показывавшие, где находились Скейские ворота, а где дворец Приама.

Начало забвения относится к рубежу нашей эры. Уже Деметрий из Скепсиса (II в. до н. э.), а позднее знаменитый греческий географ Страбон (64 г. до н. э. — 19 г. н. э.) неверно указывают местонахождение Трои. Однако истинная Троя не исчезла целиком из людской памяти, поскольку еще турки, появившиеся здесь около XIV в., называли этот холм Гиссарлык, что в переводе означает «крепость». И только в конце XVIII в. французы Шуасоль-Гуффье и Ле Шевалье сочли эту возвышенность длиной около 200 м и высотой около 30 м не слишком достойной столь прославленного города и поместили Трою на Балидаге. Так возник спор, в котором с самого начала скрупулезное исследование гомеровского текста и то обстоятельство, что один из местных источников достаточно теплый, чтобы соответствовать сообщениям Гомера, оказались намного весомее, чем искушение копнуть несколько глубже и дать заговорить тому, что скрывалось под поверхностью земли.

Г. Шлиман в 1871 г. отважился сделать это, и вскоре он смог окончательно ответить на вопрос, где же стояла Троя. Заслуга Шлимана состоит, однако, не только в самих его находках; она прежде всего в том, что он первым доказал, что упомянутые античной мифологией города следует искать там, где их местонахождение указывают античные авторы и где их развалины зачастую оставались хорошо видны на протяжении долгих

веков, прежде чем кто-либо решился провести здесь более тщательные исследования. Таким образом, если Гиссарлык был окутан [22] мраком неизвестности, то все хорошо знали, где находятся Микены, а рельефные изображения львов на Львиных воротах Микен, хотя и весьма существенно засыпанные у основания, на протяжении более трех тысяч лет уже издали приветствовали путешественников, приближавшихся к крепости с запада. Недалеко от стен Микен находился целый ряд купольных подземных сооружений, с незапамятных времен называвшихся «сокровищницами», доступных любому смельчаку и разграбленным, очевидно, еще в древности. Столь же хорошо был известен и Тиринф с его «киклопическими» стенами, воздвигнутыми на скале, и купольные «сокровищницы» в Орхомене в Беотии.

Все эти памятники ожидали человека, движимого юношеской мечтой разыскать города древнегреческих героев — Генриха Шлимана.

Генрих Шлиман (1822—1890), сын евангелического пастора из Северной Германии, сначала мелкий торговый служащий, а затем удачливый коммерсант, занимавшийся торговыми операциями в Голландии, США и главным образом в царской России, обладал феноменальными способностями к изучению языков и решительно преодолевал все преграды, стоявшие на пути к осуществлению его мечты.

Первые шаги Шлимана на поприще археологии относятся к 1868 г., когда он в качестве туриста посетил области, некогда находившиеся под владычеством Трои и Микен, и, основываясь на изучении античных авторов, сделал два основополагающих вывода:

а) Троя несомненно находилась на холме, называемом Гиссарлык;

б) гробницы микенских царей, о существовании которых упоминает греческий географ и путешественник II века н. э. Павсаний, должны находиться внутри укреплений Микен, и, следовательно, ими не могут быть упоминавшиеся выше «сокровищницы» — купольные подземные сооружения, расположенные как в непосредственной близости от Микенской крепости, так и чуть далее от нее.

После первых зондажей Трои в 1870 г. здесь в октябре 1871 г. начались настоящие археологические исследования, и в течение двух последующих лет в результате широкомасштабных раскопок на десятиметровой глубине Шлиманом были обнаружены явные следы укрепленного поселения. Среди найденных там богатых изделий эпохи бронзы наиболее знаменито собрание драгоценностей, известных [23] с того времени под названием «клад Приама». Шлиман считал, что они принадлежали последнему троянскому царю Приаму, во время правления которого Троя была захвачена греками-ахейцами. Шлиман увез этот клад в Берлин, и о его нынешней судьбе не известно ничего определенного. Относившаяся к числу предметов этого клада золотая диадема широко известна по фотографии, на которой эта драгоценность украшает лоб греческой красавицы Софии Шлиман, ставшей второй супругой Шлимана и разделившей со своим мужем, который был на тридцать лет старше ее, большую часть тягот археологических поисков.

Эти находки вызвали сенсацию, но, как мы уже упоминали, далеко не сразу получили полное признание у специалистов. Многие критически настроенные ученые скептически относились к открытиям дилетанта-богача, чужака, затесавшегося в ряды титулованных археологов, преуменьшали результаты работ Шлимана и продолжали связывать Трою с холмом у Бурнабаши. Но и те, кто признал открытия Шлимана существенным вкладом в науку, принимали его выводы с оговорками, зачастую вполне справедливыми.

В 1873 г. раскопки были прерваны — турки запретили Шлиману продолжать работу из-за того, что он тайно вывез наиболее ценные находки в Афины. Однако Шлиман не мог оставаться в бездействии, и тогда его внимание обратилось к Микенам. И здесь на его пути снова встали препятствия, чинимые на этот раз со стороны греческого правительства. Тем не менее уже в 1874 г. ему удалось обнаружить внутри крепостных стен Микен то, что он давно предвидел, основываясь на тексте Павсания, — большой круг захоронений диаметром 27,5 м.

Эти находки Шлимана сразу же вызвали большой интерес и восхищение широких кругов образованной общественности, поскольку в те времена греко-римская культура была предметом всеобщего изучения. Таким образом, его имя становится хорошо известным европейцам, которых не отпугивало отрицательное отношение отдельных гиперкритически настроенных специалистов, не желавших примириться с мыслью, что Гомер писал о событиях, которые действительно имели место, а не явились плодом гениальной фантазии сказителя.

С 1879 г. Шлиману удалось благодаря финансовым и некоторым другим уступкам уладить разногласия с турецкими властями, и он снова возвращается к [24] исследованиям Трои. Эти новые раскопки отличаются от прежних уже значительно более высокой археологической техникой. В отличие от предыдущих слишком грубых вторжений в троянскую почву, Шлиман действует теперь более осмотрительно и открывает последующие пласты со значительно большей осторожностью.

С 1882 г. Шлиман привлекает к сотрудничеству своего соотечественника В. Дерпфельда, который приобрел богатый археологический опыт во время раскопок в Олимпии. Именно В. Дерпфельд внес основной вклад в идентификацию семи пластов Трои, как об этом говорится в книге Шлимана «Троя», изданной в 1884 г. (во время своих первых раскопок в 70-х годах Шлиман определил только четыре пласта). Кроме того, Шлиман и Дерпфельд открывают теперь во втором снизу пласте Трои — в том самом, где был найден «клад Приама», — остатки двух прямоугольных сооружений, большее из которых сохраняло следы находившегося некогда в его центре очага. Любопытно, что вскоре аналогичные сооружения были обнаружены и в материковой Греции.

В 1884 г. Шлиман и Дерпфельд отправились в Тиринф, в 15 км к югу от Микен вблизи Арголидского залива, где были известны развалины мощной когда-то крепости. Именно здесь им посчастливилось обнаружить впервые в континентальной Греции фундамент дворца эпохи бронзы с обширным комплексом коридоров, дворов, больших и малых колонных залов и примыкающих к ним комнат. То, на что в проводившихся незадолго перед этим раскопках Трои содержались только намеки, предстало в Тиринфе в четко выраженном и более совершенном виде. Именно здесь было открыто сооружение, названное *мегароном* и известное по описаниям, содержащимся в гомеровских поэмах. Основу мегарона составлял центральный зал с очагом посредине, окруженный четырьмя несущими колоннами, богато украшенный настенными фресками, с инкрустированным потолком. Мегарон в Тиринфе имел размеры 12,00 * 10,00 м.²⁰ Входная часть мегарона состояла из прихожей и обрамленного колоннами вестибюля, который выходил во двор, окруженный со всех сторон целым комплексом самых разнообразных помещений и комнат.

Тиринфские раскопки явились новым громким успехом археологического предпринимательства Шлимана, увеличив число его почитателей. Вместе с тем стали раздаваться возражения, что с хронологическими выкладками [25] у него далеко не все в порядке. Троя II с ее строениями, отдаленно напоминающими тиринфский мегарон, в

свете этих новых открытий оказалась представленной археологическим слоем, в сущности более примитивным и безусловно значительно более древним, чем вновь открытый тиринфский дворец, вполне соответствовавший гомеровским описаниям дворцов древних ахейских царей.

Все это означало, что и найденный в том же втором троянском слое «клад Приама» должен быть значительно более древним и, таким образом, не имеет никакого отношения к троянскому царю Приаму — современнику гомеровских героев. В то же время начали обнаруживаться и существенные расхождения между керамикой, найденной в Тиринфском дворце и в шахтовых гробницах Микен. Анализ этих различий показал, что шахтовые могилы должны быть более древними, чем тиринфские находки, а в этом случае ни одна из золотых масок, найденных среди останков микенских вельмож, не могла принадлежать Агамемнону. Их обладателями могли быть только лица, жившие в Микенской крепости задолго до него.

Специалистам становилось все более ясным, что все три ключевых открытия Шлимана — Троя II, шахтовые гробницы в Микенах и дворцовый комплекс с мегароном в Тиринфе — относятся к совершенно различным эпохам и такие определения, как «клад Приама» и «маска Агамемнона», настолько условны, что могут употребляться только в кавычках.

Но такова уж судьба научных открытий: чем больше выявляется нового, тем больше новых проблем встает перед исследователями. Перед этой истиной вынужден был склониться и Шлиман. В конце своей жизни он безоговорочно признал, что не нашел подлинногоклада Приама и «не смотрел в лицо Агамемнону», как некогда с гордостью сообщал королю Греции в телеграмме из Микен.

Однако счастье еще раз улыбнулось ему. Во время возобновленных в 1890 г. раскопок Трои он открыл крепостные стены Трои II, а также еще одно сооружение типа мегарона и на этот раз — с керамикой, уже знакомой ему по Тиринфу, а также по некоторым находкам в Микенах. Но дать ответ на возникшие новые вопросы ему уже было не суждено. В том же году никем не uznанный Шлиман свалился на улице Неаполя от внезапного приступа и вскоре скончался. Поэтому только уже его соратнику Дерпфельду удалось обнаружить мощные крепостные стены Трои VI — поселения значительно более [26] крупного, чем Троя II, — и отождествить ее, хотя и не совсем точно, как это известно сейчас, с Троей царя Приама, за которую в течение десяти лет, согласно Гомеру, сражались ахейские греки. А пласт, в котором найдена Троя II с ее золотым кладом, с тех пор считают на несколько столетий старше, чем предполагаемое время Троянской войны.

В то время как исследования Трои после смерти Шлимана продолжал Дерпфельд, к раскопкам в Микенах приступил греческий археолог Х. Цундас. Вскоре на Микенском акрополе, к которому вели крутые ступени, были обнаружены остатки дворца. Вследствие неровности местности дворец сохранился значительно хуже, чем тиринфский, но, так же как и тот, в архитектурном плане он представлял собой постройку с мегароном. Цундас обнаружил также ход к подземному колодцу, насчитывавший 96 крутых ступеней, вырубленных в толще скалы. В нижнем городе Микен Цундас открыл 60 камерных гробниц. Эти небольшие камеры были высечены в скале и в плане напоминали купольные «сокровищницы», но при этом были значительно меньше, а по технике исполнения скромнее и примитивнее. Очевидно, они служили местом захоронения нескольким поколениям. Здесь был найден целый ряд предметов повседневного обихода, главным образом глиняные сосуды, в меньшем количестве — оружие, а также зеркала, гребни и различные фигурки, по большей части женские.

Ценность находок в этих гробницах состоит в том, что они представляют собой предметы, помещенные туда с целью оказания почестей усопшему, и поэтому сохранились в очень хорошем состоянии, чего нельзя сказать о различных случайных находках, среди которых зачастую встречаются предметы, изъятые из употребления и выброшенные на свалку.

Найденные Цундасом камерные гробницы не были ни первыми, ни последними в ряду такого рода открытий. Еще в 1868—1871 гг. сэр Альфред Билиотти обнаружил 41 аналогичное захоронение в Ялисе на острове Родос, а к настоящему времени число таких найденных захоронений измеряется сотнями.

Исследования камерных гробниц позволили в то же время прийти к бесспорному выводу, что и так называемые «сокровищницы», т. е. возведенные методом кладки крупные подземные сооружения с неправильным купольным сводом и длинным коридором в толще холма, [27] являются, в сущности, гробницами. Еще Шлиман вместе с женой Софией начали свои первые исследования в Микенах с обследования одной из этих «сокровищниц», которая находилась в непосредственной близости от крепостных стен (так называемая «гробница Клитемнестры»). В 1878 г. грек П. Стаматакис расчистил расположенную южнее знаменитую «сокровищницу Атрея»,²¹ а в 1880—1881 гг. Шлиман раскопал и «сокровищницу миниев» в Орхомене (область Беотия в Средней Греции). Однако ни в одной из этих трех «сокровищниц» не было найдено сколько-нибудь ценных предметов, так как эти сооружения были разграблены, по всей вероятности, еще в древности. Больше удачи выпало только на долю Г. Лоллинга, который также в 1880 г. исследовал подобную гробницу в Мениди к северу от Афин и нашел там рядом с человеческими останками множество предметов (в том числе из слоновой кости), представляющих для нас значительный интерес. По счастливой случайности оказалось, что эта гробница была в древности центром культа местного героя и поэтому избежала полного разграбления.

Сегодня трудно поверить, что в то время, когда был уже известен ряд выдающихся памятников микенской эпохи (Львиные ворота, золотые маски Микен, крепостные стены Тиринфа), о славе и культуре древнего Крита знали только из мифологии.

Ученым, конечно, было известно, где находился Кносс, бывший некогда резиденцией царя Миноса, а критянин Минос Калокеринос обнаружил здесь в 1878 г. — в то самое время, когда Шлиман уже сделал свои первые великие открытия в Микенах, — обломки древних сосудов и одну глиняную табличку, исписанную загадочными письменами.

Известие об этих раскопках сразу же привлекло внимание Шлимана и Дерпфельда, особенно потому, что эти черепки явно напоминали тип керамики из их собственных находок в Микенах, Тиринфе и других местностях Эгейского мира. Поэтому Шлиман вскоре направился на Крит с намерением купить земельные участки, на которых были сделаны эти находки, однако запутанность вопроса о правах собственности и чрезмерная цена, запрошенная владельцами участков, в конце концов заставили его отказаться от покупки. При этом Шлиман по роковой ошибке недооценил значения археологического исследования места, которое собирался приобрести. Так, по крайней мере, явствует из его письма, в котором он пишет: «Мне не стоило [28] тратить столь значительные суммы на раскопки, которые длились бы несколько недель, а в результате дали бы вещи, уже обнаруженные в других местах». Насколько глубоко ошибался Шлиман, ясно уже из того, что раскопки Кносса продолжаются с перерывами фактически до сегодняшнего дня, а их результаты относятся к числу самых замечательных в мировой археологии. В результате открытие легендарного Кносса, которое чуть было не совершил Генрих Шлиман, выпало

на долю другого энтузиаста эгейской археологии — младшего на одно поколение англичанина Артура Дж. Эванса (1851—1941).²²

Раскопки Кносса осуществлял под общим руководством Эванса опытный археолог Д. Дж. Хогарт, незадолго до этого раскопавший вместе со своим младшим коллегой Дунканом Маккензи раннеисторическое поселение в Филадельфии на острове Мелос. Уже в самом начале своих исследований Кносса британские археологи нашли среди развалин Кносского дворца большое количество письменных документов, и вскоре А. Эванс смог выделить среди этих памятников письменности три различные связанные между собой системы письма: так называемое иероглифическое (пиктографическое, рисуночное) и так называемые линейное письмо А и линейное письмо Б. Линейными они названы потому, что в отличие от иероглифики (знаки которой обычно имели форму пластически выполненных изображений) здесь знаки изображались только посредством контурных линий. Однако дворец, появившийся в ходе раскопок из-под тысячелетних наносов глины, вскоре предстал перед взором А. Эванса в такой величественности, что изучение критских писем, которые некогда привлекли ученого на Крит, постепенно отступило для него далеко на задний план. Основное внимание А. Эванса все более сосредоточивается на открытии неизвестной дотоле критской культуры, отчетливые следы которой после трех с половиной тысяч лет молчания свидетельствовали о том, что на поверхность земли возвращается город, принадлежавший высокоразвитой цивилизации Эгеиды.

При этом с самого начала стало очевидным, что Кносский дворец представляет собой архитектурный памятник, качественно совершенно иного характера, чем все то, что было открыто Шлиманом, В. Дерпфельдом и Х. Цундасом в Микенах, Тиринфе, Орхомене и других центрах ахейской культуры в континентальной Греции.

Кносский дворец никогда не имел каких-либо оборонительных сооружений. Кроме того, комплекс его строений [29] концентрировался вокруг центрального двора, а не центрального зала типа микенского мегарона, как это имело место на материке. Это был гигантский, с трудом обозримый конгломерат помещений, переходов и следующих за ними помещений — короче говоря, настоящий *лабиринт*. Так, по-видимому, и называли такие дворцы. Возможно, первоначально слово «лабиринт» было производным от критского слова «лабрис», обозначающего двойную секиру — символ политического могущества Кносса, с различными изображениями которого археологи встретились во многих помещениях дворца. Приезжим с материка этот «лабиринт» (т. е. «дом двойной секиры») представлялся сооружением столь запутанным, что его название стало в греческом языке словом, обозначающим место блужданий. То же значение слово «лабиринт» имеет и во всех современных языках.

Конечно, и здесь имелись черты несомненного сходства с Микенами, главным образом во внутренней отделке дворца, причем с самого начала было очевидно, что дающей стороной являлся Крит. Это в особенности касается фресковых росписей — как их технического исполнения, так и содержания: и в Кноссе, и в Тиринфе мы встречаемся с одними и теми же любопытными декоративными мотивами — например, с изображениями больших щитов в форме восьмерки.

Общим для обеих цивилизаций был критский мотив быка или же только бычьей головы или рогов, встречающийся как на фресках, так и в пластическом исполнении в различных помещениях дворца и на других памятниках материальной культуры. К их числу относятся, в частности, жертвенные сосуды, называемые *ритонами*, которые зачастую имели форму полой бычьей головы с позолоченными рогами.

Характер найденной керамики также указывал на то, что значительную часть уже известной к тому времени микенской материковой керамики следует рассматривать в контексте более широких связей с эгейским миром, исходным пунктом которых являлся прежде всего Крит. О культурном приоритете Крита свидетельствует и обширный кносский архив табличек с записями, выполненными линейным письмом Б. В первые годы раскопок Эванс весьма интенсивно занялся характеристикой основных черт этой системы письменности. Прежде всего он установил, что на табличках имеется целый ряд пиктографических изображений людей и бытовых предметов, причем [30] этим изображениям зачастую сопутствуют числовые обозначения десятичной системы. Эванс попытался дать какое-то конкретное толкование ряду табличек, но с течением времени все более убеждался в мнении, что дешифровка письменности невозможна, поскольку язык, на котором были составлены тексты, совершенно неизвестен и его конкретное определение на современном уровне знаний недоступно.

Раскопки Эванса, основная часть которых приходится на 1900—1904 гг., не были, однако, единственными раскопками, проводившимися на Крите. Остров привлекал к себе и других исследователей, как англичан, так и представителей прочих национальностей.²³ Так, итальянцы стали проводить раскопки на юге острова, где открыли обширный дворец в Фесте, а также менее крупный комплекс сооружений неподалеку от церквушки Св. Троицы, от которой эта местность получила название Агия-Триада. Американцы раскопали в Гурнии, на востоке Крита у залива Мирабелло, целый минойский город с сетью улиц и жилых домов, но без следов дворца, в то время как на крайней восточной окраине острова англичане провели раскопки минойских захоронений у Палекастро и Закро. Интересно отметить, что немцы никогда не вели на Крите продолжительных раскопок (главным объектом их исследований эгейских центров эпохи бронзы были Тиринф и Орхомен на материке). Французские археологи, обосновавшиеся приблизительно в начале нынешнего века на острове Делос, начали изыскания на Крите только в 20-е годы, раскопав дворец в Маллии к востоку от Кносса.

Благодаря всем этим археологическим исследованиям Крита (и прежде всего раскопкам Эванса) в начале нашего века основные черты развития Эгеиды эпохи бронзы начали вырисовываться в совершенно новом свете. Существование микенской культуры в материковой Греции, открытой Шлиманом в 80-х годах прежде всего в Микенах и Тиринфе, было подтверждено последующими находками как на материке, так и на островах Эгейского моря, а частично также и в других местах Средиземноморья. Однако микенская культура сама по себе представлялась Эвансу вовсе не такой уж значимой — он усматривал в ней всего лишь культурное явление, по существу восходящее к новооткрытой критской цивилизации. Охваченный энтузиазмом, Эванс недооценил вместе с тем некоторые чисто микенские особенности, возводя всю общественную, экономическую и культурную жизнь Эгеиды эпохи бронзы к единому, всеобъемлющему [31] комплексу «минойской цивилизации», названной так по имени легендарного царя Миноса. На базе уже разработанной к тому времени хронологии древнего Египта, поставленной Э. Мейером в 1904 г. на надежную основу, Эванс предложил в 1905 г. разделить историю Эгеиды эпохи бронзы на три крупных периода, которые с некоторыми поправками приняты и сегодня, а именно: на раннеминойский (РМ), среднеминойский (СМ) и позднеминойский (ПМ).

Эванс не сомневался, что материковая Греция представляла собой в то время область, зависимую от Крита не только в культурном, но также и в политическом отношении. Эту точку зрения подтверждают и некоторые античные источники, главным образом мифологические. Достаточно вспомнить легенду об афинском царевиче Тесее. Находясь в числе семи афинских юношей и семи девушек, регулярно посылавшихся на Крит в жертву

к кносскому чудовищу — полубыку-получеловеку Минотавру, он с помощью кносской царевны Ариадны убил Минотавра и освободил родной город от позорной зависимости от Кносса.

Выше уже отмечалось, что далеко не все, что обнаружено археологами в материковой Греции в слоях микенской эпохи, следует считать созданным под влиянием Крита. Достаточно указать на материковый мегарон, купольные гробницы, золотые маски умерших. Добавим к этому, например, что для микенской керамики характерны и самобытные черты, а не одно только критское влияние. По мере того как расширялись знания об эгейском мире, становилось ясно, что и памятники с Крита, и памятники с материка отличаются от того, что найдено на греческих островах вне Крита, в особенности в той обширной островной области в центральной части Эгейского моря, которая называется Кикладами, т. е. «кругообразно расположенными островами». К числу самых замечательных мест, систематические исследования которых начались в 90-х годах прошлого века, принадлежит Филакопи на острове Мелос. Этот остров вулканического происхождения, известный в ранний период эпохи бронзы вывозом обсидиана — чрезвычайно твердого вулканического материала. Еще раньше англичанин Дж. Т. Бент обнаружил сорок скальных гробниц на острове Антипарос, численность которых вскоре стала возрастать благодаря открытиям на других островах Эгейского моря. Из числа работавших здесь ученых следует отметить прежде всего [32] греческого археолога Цундаса, продолжавшего раскопки Шлимана в Микенах.

Цундас провел работы по консервации на Паросе, Наксосе, Сиросе, Сифносе и Аморгосе, в результате чего ему удалось уберечь от разграбления сотни скальных гробниц эпохи бронзы. Особенно результативными были его раскопки в Халандриани на Сиросе, где Цундас открыл доисторическое поселение, окруженное двойным кольцом крепостных стен. Повсеместно на этих островах (главным образом в слоях раннего периода эпохи бронзы) была открыта специфическая, отличная от критской, культура, о которой вскоре стали говорить как о кикладской культуре. Она характеризуется многочисленными, зачастую довольно разнородными находками — от укрепленных поселений (Халандриани, Филакопи, Агиос-Андреас на Сифносе и др.) до типичных кикладских скальных захоронений с самобытной кикладской керамикой и различных специфически островных мотивов декоративного искусства. Во всяком случае, любителю древностей, посетившему Афинский национальный археологический музей, надолго запомнятся в качестве основной характерной черты ранней кикладской культуры строго схематические мужские и женские каменные фигуры различных размеров. Это знаменитые кикладские «идолы», художественное исполнение которых удивительно близко представлениям современного изобразительного искусства. На Кикладах встречается также множество элементов, свидетельствующих о минойском влиянии, особенно в более поздний период эпохи бронзы (в частности, критские декоративные узоры на керамике или особое пристрастие к настенным фрескам), а в конце этой эпохи — также множество микенских элементов, в основном опять-таки в керамике. Поэтому вполне резонно, что вскоре после разделения истории Эгоиды эпохи бронзы, согласно хронологии Эванса, на раннеминойский, среднеминойский и позднеминойский периоды начала прослеживаться и тенденция к признанию самостоятельных кикладской и элладской культурных областей, развивавшихся одновременно с минойской культурой.

Таким образом, пришедший в восторг от своих великолепных находок Эванс переоценил степень воздействия минойских элементов вне Крита и при построении своей концепции истории Эгейского мира эпохи бронзы отвел некритским областям только подчиненное место. При этом он недооценил возможности того, что островная (кикладская) [33] и

особенно материковая (элладская) области могли со временем создать свои собственные культурные традиции.

После окончания первой мировой войны четко определилась тенденция к более объективному подходу к древнему Эгейскому миру. Такой подход, естественно, предполагал более тщательное исследование корней элладской и кикладской культур, начиная с неолита, создание унифицированной классификации их элементов с учетом их возникновения и выделение им соответствующего места на временной шкале. Эта задача не могла быть успешно решена Эвансом по причине его явной предвзятости. С ней смогли справиться только два других человека, на долю которых в период между двумя мировыми войнами выпало счастье сделать чрезвычайно важные открытия в Эгеиде, — англичанин А. Дж. Б. Уэйс и американец К. У. Бlegen.

А. Уэйс родился в 1879 г. На протяжении целого ряда лет его деятельность была связана с Британской археологической школой в Афинах, которую он длительное время и возглавлял. К. Бlegen, родившийся в 1887 г., был сотрудником Американской школы классических исследований в Афинах, а затем профессором археологии Цинциннатского университета.

Оба исследователя придерживались предложенной Эвансом хронологической периодизации истории Эгеиды эпохи бронзы, основанной на классификации критской керамики, которую они применили к областям материковой Греции. Ими же был окончательно введен в научный обиход и термин «элладский» для материковой цивилизации, а последняя хронологически разделяется, согласно системе Эванса, на три части — раннеэлладскую, среднеэлладскую и позднеэлладскую эпохи (годы до н. э.):*

	Минойская культура	Кикладская культура	Элладская культура
Ранний бронзовый век	РМ: 2900—2100	РК: 2800—2000	РЭ I: 2600—2400
			РЭ II: 2400—2200
			РЭ III: 2200—2000 [34]
Средний бронзовый век	СМ I: 2100—1900	СК: 2000—1500	СЭ: 2000—1550
	СМ II: 1900—1700		
	СМ III: 1700—1580		
Поздний бронзовый век	ПМ I: 1580—1470	ПК: 1500—1050	ПЭ I: 1550—1500
	ПМ II: 1470—1400		ПЭ II: 1500—1400
	ПМ III: 1400—1050		ПЭ III А: 1400—1300
			ПЭ III Б: 1300—1200
			ПЭ III В: 1200—1125
			ПЭ III Г: 1125—1050

В настоящее время мы пользуемся тремя культурно-историческими терминами, образованными от классического названия Греции (Эллада) и греков (эллины): термин «элладский» охватывает доисторические культуры эпохи бронзы в материковой Греции

(приблизительно около III—II тысячелетий до н. э.); термин «эллинский» связан с греческой цивилизацией в целом и в особенности с греческой культурой так называемых «архаической» и «классической» эпох (около 1000—300 гг. до н. э.); понятие «эллинистический» обозначает послеклассическую греческую цивилизацию, включающую восточные элементы, — синтез, возникший в результате завоевания греческих государств Филиппом Македонским и особенно покорения его сыном Александром Великим стран Ближнего Востока, где после его смерти возникает целый ряд греко-восточных государств (III—I вв. до н. э.).

Изучение постоянно возрастающего археологического материала позволило Уэйсу и Блегену прийти к выводу, что ранние материковая, островная и критская культуры восходят к единому более древнему источнику. В течение некоторого времени они, в сущности, развивались параллельно, с определенной степенью самостоятельности, и только с начала II тысячелетия до н. э. стало ощущаться явное преобладание критской ветви. Это связано с внезапным разрывом в культурном развитии, имевшим место в континентальной Греции примерно в 2000 г. до н. э. В это время здесь появляется новый вид керамики — первая на территории Греции керамика, изготовленная на гончарном круге.

Это была керамика, которую Шлиман во время своих раскопок Орхомена назвал минийской в честь мифического царя Миния, с именем которого в древности [35] связывали купольную орхоменскую гробницу, так называемую «сокровищницу Миния». Эта керамика была обнаружена Шлиманом в Микенах, в особенности в так называемых ящичковых захоронениях вблизи Микенской крепости. В 1920—1923 гг. Уэйс обнаружил здесь же новые образцы ее. Фрагменты подобной керамики Шлиман и Дерпфельд обнаружили также в Трое, а в 1932—1938 гг. ее наличие здесь было окончательно подтверждено раскопками Блегена, во время которых троянский слой VIIa был окончательно идентифицирован с гомеровской Троей.

Принимая во внимание то обстоятельство, что этот тип керамических изделий появляется в поселениях материковой Греции и в Троаде сразу же после явных следов разрушений,²⁴ Уэйс и Блеген пришли к выводу, что вскоре после 2000 г. до н. э. в эти области вторглось с севера новое население, которое, в сущности, принадлежало к одной и той же волне единой археологической культуры и, вероятно, было этнически родственно местному.

Особенно много нового дали раскопки Уэйса в Микенах. Благодаря им было установлено, что обнаруженные Шлиманом шахтовые гробницы, образующие ныне так называемый круг А, первоначально составляли часть более обширного некрополя, расположенного вне территории самой крепости, и оказались в черте ее только после сооружения более поздних, ныне хорошо обозримых крепостных стен, построенных тогда же, когда и знаменитые Львиные ворота (около 1250 г. до н. э.). Шахтовым гробницам в Микенах хронологически соответствуют древнейшие слои дворца, расположенные под остатками более поздних его строений. Но и так называемая «сокровищница Атрея» относится примерно лишь ко времени перестройки и, следовательно, принадлежит к числу самых младших из девяти купольных гробниц, расположенных вблизи Микенской крепости. Некоторые из этих купольных гробниц были сооружены еще в XV в. до н. э., и именно эта значительная временная дистанция, как указывал Уэйс, противоречит гипотезе Эванса. Речь шла не только о специфической строительной технике, прямые аналоги которой на Крите отсутствуют. Уэйс в особенности подчеркивал то, что время наибольшего распространения этих гробниц приходится на период, когда критская культура уже переживала упадок и ее влияние на континентальную Грецию было в прошлом.

С другой стороны, находки в шахтовых гробницах все больше выглядели в свете исследований Уэйса как [36] результат последующего симбиоза элладских и критских элементов. Здесь мы встречаем вперемешку и элладскую керамику минийского типа и чисто критский импорт, и предметы, изготовленные в технике минийской керамики, но уже с явно критскими декоративными элементами. Более выраженный критский характер носят главным образом изделия из драгоценных металлов (речь идет о критском импорте или же о предметах, изготовленных критскими мастерами непосредственно на территории Греции) и богато инкрустированное оружие, в особенности мечи и кинжалы. И наоборот, строительная техника шахтовых гробниц, прежде всего установленные над захоронениями рельефные стелы, по своему художественному исполнению совершенно не критские, равно как и золотые маски на лицах умерших властителей.

На основании этих и других аналогичных наблюдений Уэйс и Блеген еще в тридцатых годах доказали, что микенская цивилизация вовсе не является лишь побочным ответвлением критской культуры, распространившейся на материк, как полагал Эванс, а «плодом культивированного критского черенка, привитого к дикому побегу, материковой Греции».²⁵ Высший расцвет Микенской Греции бесспорно приходится на период упадка критской культуры, и носителем этой расцветшей культуры был народ несомненно иного этнического происхождения.

Среди археологов других стран, занимавшихся исследованиями Эгейды эпохи бронзы в период между двумя мировыми войнами, выделяются прежде всего шведы. Тогда же в Мальфи (область Мессения на юго-западе Пелопоннеса) они открыли остатки укрепленного поселения среднеэлладского периода (Н. Вальмин). Добавим к этому, что на юго-западе Пелопоннеса шведские исследователи обнаружили в это же самое время и несколько купольных гробниц микенской эпохи. Однако основные раскопки шведских археологов производились в Асине на побережье Аргонидского залива вблизи Навплии, где после окончания первой мировой войны О. Фредин, А. Пересов и другие исследователи раскопали поселение, существовавшее непрерывно в течение почти двух тысяч лет — приблизительно с 2600 до 700 г. до н. э., а затем с 300 г. до н. э. Поселение, имевшее всего несколько сотен метров в диаметре, принесло огромный археологический урожай: только фрагментов глиняной посуды было найдено здесь несколько тысяч. Следующая значительная находка была сделана примерно в 15 км к северу у селения [37] Дендра, приблизительно на полпути между Микенами и Тиринфом. Шведский археолог А. Перссон обнаружил здесь в 30-х годах купольную гробницу и целый ряд других захоронений с человеческими останками, микенским оружием и прочими предметами. Все находки датируются последним периодом позднеэлладской эпохи (ПЭ III). Область, называемая Аргонидой, вообще оказалась чрезвычайно богатой в отношении находок памятников эгейской культуры эпохи бронзы: к ней относятся Микены, Тиринф, Асина, Дендра, а также расположенная неподалеку от нее Просимна, где в 20-е годы проводил раскопки Блеген, и ряд других мест.

Но наиболее значительное открытие 30-х годов было сделано в самый канун второй мировой войны. Вслед за Микенами Агамемнона и Кносса — царя Миноса летом 1939 г. был найден Пилос — резиденция царя Нестора, участника Троянской войны, изображенного в гомеровских «Илиаде» и «Одиссее» мудрым старцем и наставником.

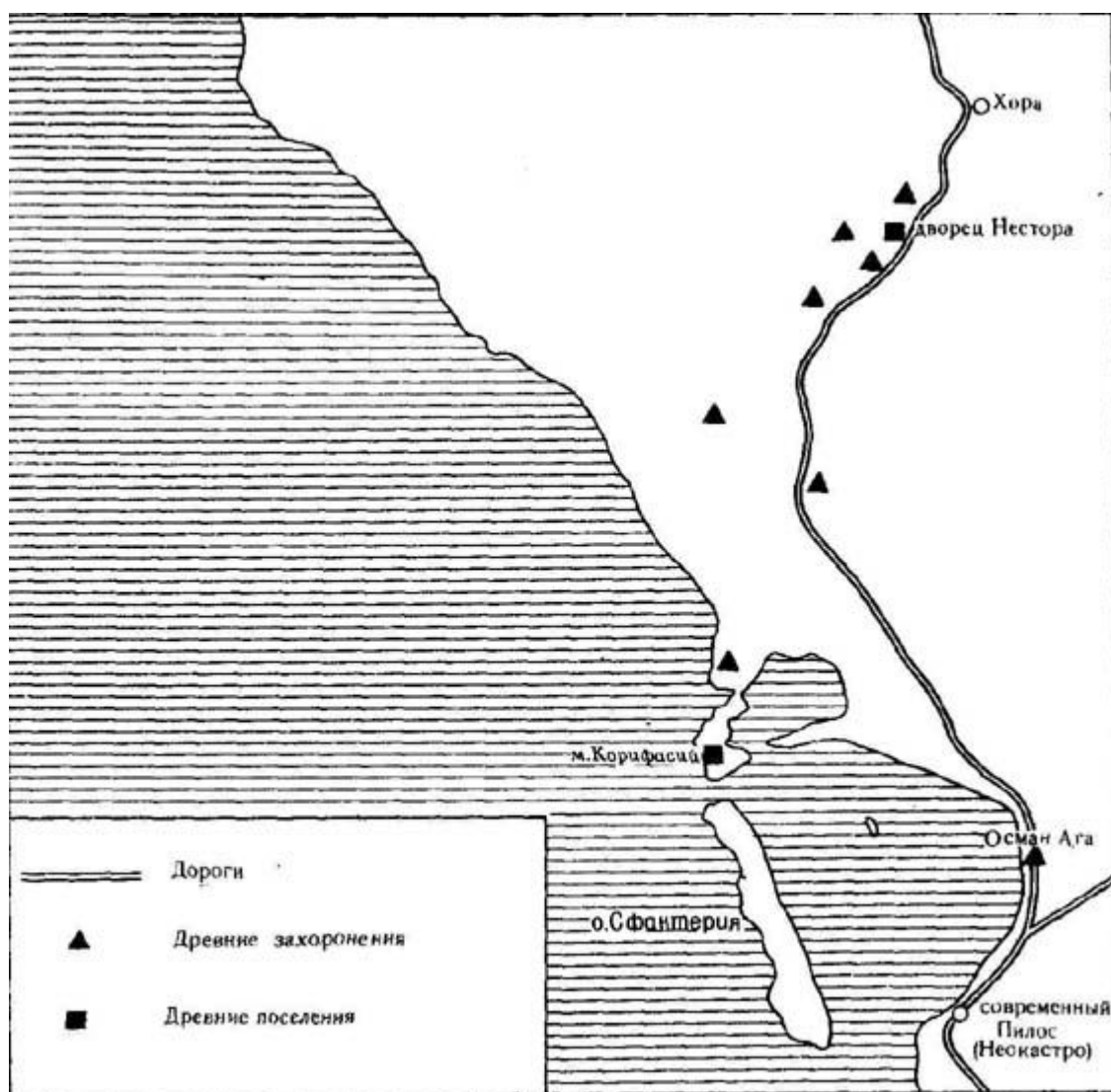
Отыскать Пилос царя Нестора оставалось на протяжении длительного времени невыполненным долгом эгейской археологии. От древних времен от него остался лишь ничего не говорящий греческий стих: «Есть перед Пилосом Пилос, но есть еще Пилос и третий»,²⁶ служивший в античности своеобразным комментарием к факту существования в Древней Греции нескольких городов с таким названием. Когда вскоре после Троянской

войны — где-то около 1200 г. до н. э. — произошло крушение мира микенских ахейцев, город Пилос подвергся столь сильному разрушению, что в I тысячелетии до н. э. честь считаться Пилосом Нестора оспаривали по крайней мере три города: один — на юго-западе Пелопоннеса в Мессении, второй — в Трифилии, области на западном побережье полуострова, и третий — в Элиде, к западу от Олимпии. Тогда-то и возник упомянутый выше стих, говорящий о трех различных Пилосах.

Представляется, однако, что в античные времена все же предпочитали относить древний Пилос к Мессении. Так, по крайней мере в V в. до н. э., назывался город, расположенный на мысе Корифасий в северной части бухты напротив острова Сфактерия. Здесь в 425 г. до н. э. во время Пелопоннесской войны шли ожесточенные сражения между афинянами и спартанцами, завершившиеся временной победой афинян. В 369 г. до н. э. здесь же возник город под названием Пилос, развалины крепостных стен которого можно видеть и сегодня. [38]

И снова много долгих веков пронеслось над Мессенией, прежде чем в VII в. н. э. в этой части Пелопоннеса появились славяне. Поскольку на Балканы они проникли вместе с аварами, их называли аваринами, а город на мысе Корифасий получил от них новое имя — Аварин. Это же название было перенесено и на крепость крестоносцев, построенную здесь в XIII в., которая позднее перешла в руки венецианцев и, наконец, турок. При этих последних город влачил жалкое существование до XVIII в. под переименованным итальянцами названием Наварино. То же самое название закрепилось и за турецкой крепостью Неокастро, построенной в XVI в. на южном берегу бухты. Она также неоднократно меняла своих хозяев, пока в водах бухты, получившей от нее название Наваринской, 20 октября 1827 г. объединенные морские силы Англии, Франции и России не разгромили мощную турецко-египетскую флотилию. Это событие оказало существенное влияние на исход войны греков за независимость, завершившейся три года спустя провозглашением самостоятельного греческого государства.

Итак, турки ушли, возникла независимая Греция, и области Древней Эллады стали посещать образованные люди, сопоставлявшие сведения древних авторов с тем, что сохранилось от давних времен под тысячелетними наносами глины. В 1907 г. бывший соратник Шлимана немец В. Дерпфельд объявил ученому миру, что обнаружил у деревни Каковатос в Трифилии на западе Пелопоннеса три купольные гробницы, схожие с открытыми в Микенах, и что неподалеку от них на скалистом холме найдено городище, отождествленное им с Пилосом Нестора. Ученый мир поверил, но оставалось несколько скептиков. Один из них, греческий археолог К. Куруниотис, открыл в 1912 и 1926 гг. две микенские купольные гробницы вблизи мыса Корифасий в Мессении и начал подробное исследование ближайших окрестностей. И в 1939 г. он совместно с американцем К. У. Блегеном обнаружил на холме Эпано-Энглианос, расположенном в 12 км к северо-востоку от Неокастро-Наварина, переименованного между тем в Пилос, остатки великолепного дворца, о котором Блеген мог вскоре написать с полным на то основанием: «Наш дворец на холме Энглианос соответствует географическим сведениям, содержащимся в гомеровской „Одиссее“, намного более, чем Каковатос Дерпфельда. Поэтому мы без колебаний решили отождествить этот новооткрытый дворец микенской эпохи с резиденцией царя Нестора — с песчаным Пилосом Гомера и гомеровской традиции». [9]



Карта № 1. Окрестности Пилоса

Обнаружению Пилоса с самого начала сопутствовало другое исключительно удачное открытие: уже в первый день раскопок здесь стали попадаться фрагменты глиняных табличек, исписанных знаками той самой письменности, которую А. Эванс обнаружил в 1900—1904 гг. среди развалин критского Кносса и назвал линейным письмом Б. В течение лета 1939 г. в Пилосе было найдено около 600 таких табличек, т. е. намного больше, чем кноссских текстов, опубликованных Эвансом в течение 39 лет.

Однако раскопки были вскоре прерваны второй мировой войной, и только по истечении 13 лет в 1952 г. американская археологическая экспедиция во главе с Блегеном возобновила начатые ранее исследования и сразу же нашла еще сотни подобных табличек.

В декабре 1952 г. два молодых англичанина, архитектор М. Вентрис и филолог Дж. Чедуик, опубликовали [40] результаты своей дешифровки письменности. К удивлению той части ученого мира, которая под влиянием Эванса с полной уверенностью продолжала приписывать создание микенской культуры не грекам, а более древнему догреческому населению, в текстах линейного письма Б при использовании предложенного Вентрисом шифровального ключа стал явственно прослеживаться древнегреческий язык. Таким образом, история греческого языка оказалась неожиданно углублена по меньшей мере еще на 600 лет. Древнейшие из известных к тому времени греческих текстов относились к VIII в. до н. э., тогда как таблички из Пилоса были

составлены около 1200 г. до н. э., а аналогичные тексты из Кносса — по крайней мере в начале XIV в. до н. э. Таким образом, окончательно был снят старый тезис Эванса о том, что носителем микенской культуры было догреческое население, фактически отождествляемое с древними критянами, и что микенская культура представляла собой всего лишь материковое ответвление критской культуры. Если около 1400 г. до н. э. на Крите велись записи на греческом языке, это означает, что по крайней мере уже в XV в. до н. э. греки должны были являться значительной культурной и политической силой во всей Эгее. Таким образом, развивавшаяся в материковой Греции в XVI—XII вв. до н. э. микенская цивилизация должна была быть их созданием, даже если отдельные ее стороны в той или иной степени обнаруживают влияние более древней и более зрелой критской культуры. Вторая мировая война прервала археологические исследования не только в Пилосе. Так, А. Уэйс был вынужден прекратить раскопки в Микенах — после того, как открыл там в 1939 г. вне крепостных стен акрополя несколько новых гробниц с керамикой, относящейся приблизительно к той же эпохе, что и глиняная посуда из шахтовых гробниц. А совсем неподалеку в 1951—1953 гг. греческой археологической экспедиции под руководством И. Пападимитриу и Г. Милонаса из университета Сен-Луи посчастливилось открыть большую группу из более чем 20 захоронений, известную ныне как могильный круг Б, названный так с целью отличия его от открытого Шлиманом могильного круга А со знаменитыми шестью шахтовыми гробницами. Вскоре было установлено, что новооткрытый могильный круг старше шлимановского и представляет из себя эволюцию погребальных сооружений — от среднеэлладских «ямных» и «ящичковых» могил с одним захоронением и одним или двумя погребальными сосудами [41] среднеэлладского минийского типа середины XVII в. до н. э. и до больших шахтовых гробниц от трех до четырех метров в поперечнике и приблизительно такой же глубины, в которых были найдены предметы материальной культуры, во многом напоминающие находки Шлимана (золотые и серебряные кубки, украшения, оружие, керамика и т. п.). При этом здесь была обнаружена всего лишь одна погребальная маска, изготовленная к тому же из сплава золота и серебра. В целом могильный круг Б значительно скромнее в сравнении с захоронениями, раскопанными Шлиманом. Однако его открытие имеет для нас исключительно важное значение: сокровища шлимановских шахтовых гробниц уже не представляются нам сегодня чем-то неожиданно возникшим и необъяснимым с точки зрения собственных элладских истоков, но воспринимаются как итог предшествовавшего культурного развития, имевшего место на греческой почве еще в конце среднеэлладской эпохи. При этом некоторые находки, обнаруженные в последние десятилетия в других местностях (Перистерия в Мессении, Элевсин, Лерна), предоставили ряд иных более или менее четких параллелей к упомянутым могильным кругам в Микенах. Однако полного аналога этому виду захоронений обнаружить пока не удалось.²⁷

Десятилетие спустя в число систематически исследованных микенских центров вошли наконец и Фивы. Если Пилос был открыт с опозданием только из-за того, что оставалось неизвестным его местонахождение, то о Фивах микенской эпохи, наоборот, было хорошо известно, что они находятся под застройкой современных Фив. Но именно из-за этого обстоятельства археологи смогли приступить здесь к исследованиям только после преодоления множества препятствий, да и то главным образом во время работ по канализации предназначенных к сносу кварталов. Среди находок в более ранних раскопках, проводившихся в 1908—1929 гг. греческим археологом А. Керампулосом,²⁸ особенно интересны фреска с изысканно одетыми женщинами и группа более чем из сотни глиняных пифосов, в том числе целый ряд обломков с краткими записями, составленными знаками линейного письма В. В связи с перестройкой части современного города в 1963 г., здесь возобновил раскопки Н. Платон,²⁹ а затем и ряд других греческих археологов, в частности Ф. Спиропулос. Был открыт комплекс комнат и прочих помещений, который не мог быть ничем иным, как остатками [42] знаменитой Кадмеи —

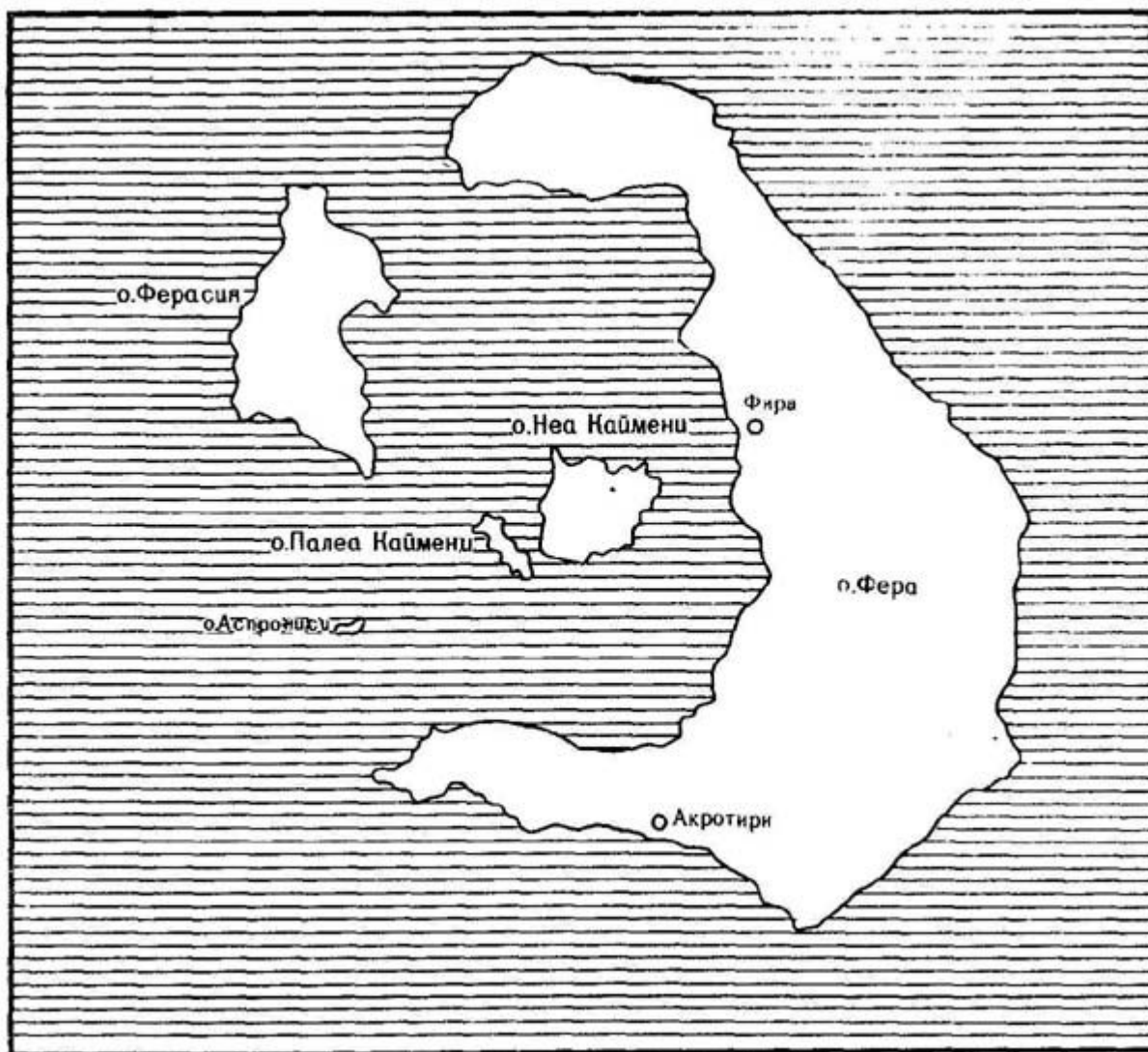
фиванского дворца микенской эпохи, названного так в честь легендарного основателя Фив финикийского царевича Кадма. Хронологическая связь с другими центрами микенской культуры была подтверждена и находкой примерно 45 глиняных табличек со знаками линейного письма Б, что свидетельствует о существовании фиванского дворцового архива, подобного пилосскому или кносскому. Выше мы уже упоминали, что в Фивах было обнаружено значительное количество завезенных вавилонских печатей-цилиндров с клинописными надписями.

За время своего существования Фиванский дворец был разрушен по крайней мере дважды: первый раз — около 1350 г. до н. э., а затем — во второй половине XIII в. до н. э. По мнению большинства исследователей, это произошло в самом конце XIII в. до н. э., так же как и в Пилосе, по мнению других — на несколько десятилетий ранее. Но во всяком случае очевидно, что во второй раз дворец был разрушен окончательно.

Можно было бы вспомнить и о некоторых более новых открытиях в области микенской культуры в других местах. К их числу относятся, например, многообещающие зондажи на месте древнего Иолка,³⁰ откуда Ясон отправился на корабле Арго в свое долгое плавание за золотым руном к берегам Колхиды, лежащей у подножия Кавказа. Это путешествие дало толчок к возникновению легенды об аргонавтах и стало благодарным сюжетом для античной трагедии — Ясона и Медеи, дочери колхидского царя.

Раскопки в Лерне (Арголида), которыми руководил в 1952—1958 гг. американский археолог Дж. Л. Кескей, поставили археологов и историков перед сложной проблемой — дать объяснение разрушениям, произошедшим здесь около 2200 г. до н. э. Сразу же после них в Лерне появляется так называемая серая минийская керамика, наличие которой связывают сегодня с приходом в Элладу греческого населения, причем в большинстве прочих местностей материковой Греции минийская керамика опять находится в связи с разрушениями, имевшими место на 200 лет позже (около 2000 г. до н. э.). Возникает вопрос, не пришли ли индоевропейские предки древних греков в Элладу двумя последовательными миграционными волнами? На этом вопросе мы остановимся подробнее в главе, посвященной появлению индоевропейцев в Эгейском мире.

Следует вспомнить также и о новых раскопках в Микенах, проводившихся в 1968—1969 гг. лордом У. Тейлуром, [43]



Карта № 2. Архипелаг о. Фера

и об исследованиях микенского поселения в Агия-Ирини на острове Кеос, проводившихся в 1960—1965 гг. американцем Дж. Л. Кескеем. В обоих местах были обнаружены, кроме всего прочего, развалины великолепных микенских дворцовых святилищ.

В настоящей главе нельзя не упомянуть и о самом значительном открытии эгейской археологии послевоенных лет, хотя к микенской культуре оно имеет лишь косвенное отношение. Мы имеем в виду ставшие эпохальными раскопки на острове Фера (Тира, Санторин) близ Акротири, проводившиеся под руководством С. Маринатоса и его продолжателей.

Раскопки на вулканическом острове Фера начались, собственно говоря, уже довольно давно — их история насчитывает более ста лет. Когда в 1859 г. Фердинанд Лессепс начал строительство Суэцкого канала, он обратил внимание на отличную водонепроницаемость здешних [44] вулканических пород. При их добыче на Ферасии, островке, образующем северо-западную часть миниатюрного Ферского архипелага, в 1866 г. были обнаружены следы древней человеческой деятельности, скрытые мощными слоями вулканических извержений. Первые раскопки проводили здесь французы, прежде всего Ф. Фуке. Затем Фера стала вотчиной немцев: Ф. Гиллер фон Гертринген в середине 90-х годов прошлого

века начал здесь раскопки греческого города второй половины I тысячелетия до н. э., а Р. Цан обнаружил на юге главного острова под слоем лавы остатки домов середины II тысячелетия до н. э. Но открыть сколько-нибудь значительное поселение той эпохи тогда не удалось.

Мысль, что такое поселение — да и не в одном только месте — должно было существовать на Фере, не давала покоя греческому археологу С. Маринатосу. Еще в 30-х годах нашего века он выдвинул гипотезу, согласно которой извержение вулкана на Фере, фактически определившее нынешний облик острова, связано по времени с периодом великих катастроф, постигших около 1500 г. до н. э. остров Крит, расположенный в 100 км южнее, и явившихся причиной гибели большинства критских поселений. Маринатос был также одним из первых, кто стал усматривать в этих событиях ядро платоновского мифа об Атлантиде.³¹

Но ученый мир не воспринял идеи Маринатоса всерьез. Прошло еще немало лет, прежде чем благоприятные обстоятельства и авторитетное постановление главного инспектора греческих исторических памятников в конце концов предоставили Маринатосу возможность попытаться доказать свою гипотезу конкретными археологическими исследованиями. Местом своих будущих раскопок Маринатос избрал обрыв у ручья возле деревушки Акротири приблизительно в 200 м от морского побережья, где уже ранее проводили раскопки французы. В 1967 г. он начал здесь археологические исследования.³² Уже первые зондажи дали интересный материал. От обрыва у ручья по туннельным ходам археологи проникли в самые недра ферских «Помпей» — города, погребенного под слоями пород вулканического извержения толщиной в несколько метров. Под ними стали вырисовываться развалины многоэтажных домов, принесшие богатые находки керамики середины II тысячелетия до н. э., а главное — прекрасно сохранившиеся в интерьере фресковые росписи. Впрочем, в одном отношении эти раскопки уступали помпейским — отсутствовали останки жившего здесь населения, а также [45] украшения и другие драгоценные предметы. Вскоре было установлено, что перед последним извержением на Фере должны были произойти по крайней мере еще два более слабых извержения (около 1580—1570 гг. и около 1510 г. до н. э.). После первой катастрофы поселение у Акротири было перестроено, и именно к этому времени относятся сохранившиеся сооружения, после же 1510 г. до н. э. город был окончательно оставлен жителями. Согласно преобладающему среди геологов мнению, самое мощное извержение произошло через короткий промежуток времени после упомянутого, вероятно через несколько месяцев, но сами геологи еще не пришли к полному согласию между собой по этому вопросу. Некоторые из них указывают, что между слоями последних катастроф имеется тонкий слой гумуса, который должен свидетельствовать о существовании последующего вегетационного интервала.

В связи с этими обстоятельствами, а также и по той причине, что при временной дистанции в тридцать пять столетий довольно трудно дать датировку с точностью до отдельных десятилетий, многие историки и археологи и поныне продолжают считать вполне возможным, что последнее извержение произошло только в 1470 г. до н. э. и в таком случае его можно связывать с катастрофическим разрушением ряда критских центров где-то до середины XV в. до н. э.

Картина ферско-критской катастрофы реконструируется при этом следующим образом:³³ население Феры, жившее в постоянном страхе после извержения вулкана около 1510 г. до н. э., взяв с собой все ценное, покинуло остров, очевидно, чтобы обосноваться где-нибудь в другом месте. О правильности предложенной датировки (1470 г. до н. э.) свидетельствует то обстоятельство, что наиболее поздняя критская керамика, найденная

на острове в оказавшемся под землей городе Фера (близ Акротири), по тину орнамента относится к так называемому растительному стилю, который имел распространение на Крите до конца XVI в. до н. э.

Только по истечении определенного времени (по всей вероятности, многих лет, а не лишь нескольких месяцев) на Фере произошло последнее вулканическое извержение. Где-то около 1470 г. до н. э. здесь разверзся ад. Остров с возвышавшимся ранее конусом вулкана высотой до 1000 или даже 1500 м над уровнем моря оказался разрушен в результате извержения. Кратер вулкана провалился в глубину моря и был затоплен водой. Когда разбушевавшаяся [46] стихия утихла, остров представлял собой круглую глыбу, выщербленную на западе открытым морем и поднимающуюся до высоты около 570 м над уровнем моря, покрытую при этом лавой и другими продуктами вулканического извержения. Но это было еще не все. Именно в это время на Крите происходит внезапное разрушение почти всех значительных центров минойской культуры. Не существовало ли какой-либо более тесной связи между этими двумя событиями? Не могли ли катастрофические последствия разрушения Феры сказаться каким-либо образом на относительно отдаленном Крите?

В последние годы над этими вопросами работает целый ряд исследователей (сам Маринатос погиб в 1974 г. в результате несчастного случая как раз на месте ферских раскопок), и многие из них сегодня вполне определенно склоняются к мысли о самой тесной и непосредственной связи между этими двумя событиями. При этом полная и окончательная гибель критской цивилизации не была следствием ни землетрясения, вызванного толчками земной коры на Фере, ни гигантской волны, возникшей при изменении давления во время извержения вулкана, ни высокой приливной волны цунами, обрушившейся на города северного Крита. Подобные бедствия не могли уничтожить цивилизацию на всей территории острова, в том числе в его южной части, да и, по всей вероятности, привести к окончательной гибели и север острова. Причина полной гибели была иной: тонны пепла, выброшенного вулканом Феры на громадную высоту, были занесены ветром — вероятно, быстрым августовским «мельтеми» — в основном в центральную и восточную части Крита и сделали там невозможным произрастание растительности в течение целого ряда лет. Проведенные совсем недавно с английских судов возле побережья Крита глубинные зондажи, во время которых на морском дне были обнаружены целые пласты пепла из ферского извержения, убедительно показали, что сразу же после извержения слой пепла должен был составлять в центральной части Крита по меньшей мере 20 см, а на востоке острова — около 1 м.³⁴

Поэтому неудивительно, что после 1470 г. до н. э. критская цивилизация прекращает свое существование как культура туземного, критского населения. Когда в конце XV в. до н. э. Крит вновь переживает культурный подъем, носителями его культуры являются уже пришедшие с материка микенские ахейцы. В пользу этого свидетельствуют тысячи глиняных табличек из главного центра [47] критской культуры Кносса с критским слоговым письмом, но уже в варианте, соответствующем греческому языку. Невольно напрашивается печальная мысль: как мало нужно было в те далекие времена для того, чтобы великая цивилизация (в данном случае первая на территории Европы) мгновенно канула в забвение. Но и дни восстановленного микенского Кносса тоже были уже сочтены: около 1380 г. до н. э. вследствие еще и доныне не вполне выясненных обстоятельств этот древний город критских царей окончательно исчезает с авансцены мировой истории.

Впрочем, с недавнего времени связь между извержением вулкана на острове Фера и разрушением критских городов не представляется столь очевидной. Извержение на Фере

все чаще датируют временем около 1500 г. до н. э., в то время как разрушение критских центров относят только к периоду около 1470 г. до н. э. Поэтому это разрушение может объясняться и какими-либо другими, вполне реальными причинами. Таким образом, ферская катастрофа, похоже, могла иметь своим следствием изменение только естественных и экономических условий, что несколько десятилетий спустя сыграло существенную роль во внезапном падении политического могущества минойского Крита.

Фера, на совести которой, возможно, лежит гибель древней критской культуры, сегодня стала первоклассным курортом Эгейского моря, принимающим тысячи туристов. Из городка Фира, расположенного на склоне холма на высоте 350 м над уровнем моря, к которому ведет пешеходная дорога со множеством поворотов и 600 ступенями, открывается захватывающий вид. С обеих сторон широким полукругом возвышаются разноцветные скалы вулканического происхождения, словно и вправду вышедшие из мастерской бога-кузнеца Гефеста. Посреди лагуны встают два островка с дымящимися кратерами, возникшие в результате извержения, а далеко внизу в скалистой бухте стоят на якорь белые парусники.

Палящее солнце, голубое море и чистый, прозрачный воздух — такова картина полного, безмятежного спокойствия, которое нисходит и с красочных ферских фресок, экспонирующихся ныне в Афинском национальном археологическом музее. Пышно одетые женщины, обнаженный рыбак с уловом в обеих руках, человеческая голова с негроидными чертами, два боксирующих мальчика и тут же стадо газелей, стайка бегущих обезьянок, скалы с лилиями [48] и порхающими птицами, фрагмент морской битвы, субтропический пейзаж с рекой и прежде всего фреска-миниатюра шестиметровой длины, изображающая морскую экспедицию, которая возвращается в родной город, приветствуемая мужчинами и женщинами, стоящими у портового мола и на крышах домов, — таковы восхитительные, полные жизни картины, написанные незадолго до того, как вырвавшийся из недр острова вулкан уничтожил все живое. Однако уничтожить творения рук и духа человеческого он не смог.

Сегодня в этом неповторимом островном мире царит покой. Когда путешественник спустится вниз к морю и отправится в дальнейший путь, утесы снизу будут снова казаться грозными и угрюмыми. А на ум приходит страшная мысль: что, если спустя тысячелетия из голубой лагуны посреди островного архипелага нынешней Феры снова вдруг вырастет мощный конус вулканического извержения? Будет ли вулкан опять сеять далеко вокруг себя ужас или человек к тому времени все же сумеет преодолеть страх перед вулканом и заставит служить себе мощь земных недр?

Впрочем, к микенскому миру ферская катастрофа имеет лишь косвенное отношение. Во время расцвета микенской цивилизации остров только начинал оправляться от тяжелого разрушения, а подлинной частью греческого мира в культурном и экономическом отношении он стал лишь в первой половине I тысячелетия до н. э. Однако Фера безусловно принадлежит микенской предыстории как вероятная причина критской катастрофы, имевшей место около 1470 г. до н. э., поскольку, не случись ферского извержения, вряд ли во второй половине XV в. до н. э. дело дошло бы до господства на Крите микенских греков, о чем свидетельствует греческий язык, зафиксированный линейным письмом Б в архиве Кносского дворца.

Однако Крит был вовсе не единственной территорией вне материка, сохранившей следы присутствия микенцев. Микенские сосуды найдены и на многих других островах Эгейского моря, в частности на Родосе, а также на прилегающем западному побережью Малой Азии, где, очевидно, с конца XV в. до н. э. селились повсюду микенские ахейцы,

становясь в той или иной степени прямыми наследниками своих предшественников — минойских критян.

Весьма богатые находки микенской керамики были (деланы и в странах северо-восточного региона Средиземного моря. Речь идет прежде всего об острове Кипр, где [49] еще с 60-х годов прошлого века стали находить в значительных количествах микенские сосуды XIV—XII вв. до н. э., в отношении большинства которых неизвестно, являлись ли они предметом ввоза или же были изготовлены на месте. В пользу второго предположения может свидетельствовать тот факт, что на Кипре часто находят микенские сосуды такого типа, который не обнаружен в собственно Греции.

Более систематические раскопки поселений позднего бронзового века производились впоследствии главным образом на северо-востоке Кипра — в Энкоми, около Фамагусты, где еще в 1932 г. начал исследования французский археолог К. Ф. А. Шеффер, открывший здесь остатки крупного города с многочисленными находками предметов микенского производства. Микенские сосуды, в частности керамика, были найдены на юге острова в Китионе (современная Ларнака), а также в других местах. Добавим к этому, что с 1933 г. К. Ф. А. Шеффер проводил раскопки и на противоположном острове сирийском побережье в древнем Угарите (современная Рас-Шамра), где обнаружил много микенской керамики, свидетельствующей о том, что и здесь некогда существовал микенский торговый центр.

Можно было бы дать перечень прочих археологических раскопок, производившихся за пределами Эгеиды, и в особенности вспомнить о послевоенных исследованиях П. Дикэоса и В. Карагеоргиса на Кипре. Но область влияния эгейской материальной культуры микенского типа вовсе не ограничивается Кипром: на востоке она распространяется за реку Иордан, на западе доходит до Тирренского моря, а на севере захватывает глубинные области Европейского материка. Однако здесь мы подошли уже к вопросу о торговой экспансии микенцев, на котором остановимся в одной из последующих глав.

[18] Об истории археологических открытий, касающихся Эгеиды эпохи бронзы, см.: Higgins R., 1973, с. 7 и сл.; Zamarovský V., 1962; Bartoněk A., 1969; Stubbings F. H., 1972; Demargne P., 1975, с. 5 и сл.; Warren P., 1975, с. 9 и сл. (Из работ на русском языке см., например: Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950; Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960 и 1986; Немировский А. И. Нить Ариадны. Воронеж, 1989; Сидорова Н. А. Новые открытия в области античного искусства. М., 1965. — Примеч. пер.).

[19] С биографией Г. Шлимана на русском языке читатель может познакомиться по книгам: Штоль А. Шлиман. М., 1965; Стоун И. Греческое сокровище. М., 1979; Мейерович М. Шлиман. М., 1966. (Примеч. пер.) Из работ Г. Шлимана следует назвать прежде всего: Schliemann H., 1878, 1881, 1884, 1886.

[20] Общие размеры комплекса мегарона в Тиринфе, включая продомос и портик «ваннах» (см. [примеч. 137](#). — Примеч. пер.), составляют около 23 * 11,50 м. Такие же размеры имеет и мегарон в Микенах.

[21] Существует предположение, что часть предметов из «сокровищницы Атрея» увез в Лондон в начале XIX в. лорд Эльджин, печально прославившийся неразборчивостью в средствах при собирании древностей.

[22] О раскопках А. Эванса на русском языке см.: *Златковская Т. Д.* У истоков европейской культуры. М., 1961; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974; *Амальрик А. С., Монгайт А. Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1959, с. 68-73; *Керам К.* Боги, гробницы, ученые, с. 71-80. (*Примеч. пер.*)

[23] Об археологических раскопках на Крите см.: *Press L.*, 1972. (См. также: *Молчанов А.* А. Таинственные письма первых европейцев. М., 1980, с. 11-20. — *Примеч. пер.*)

* В хронологию Эванса внесены изменения в соответствии с современным состоянием научных исследований.

[24] В ряде местностей минийская керамика встречается еще в предыдущем слое. О событиях, связанных с появлением такой керамики более ранней датировки, см. с. 233, 236-238.

[25] Цит. по: *Stubbings F. H.*, 1972, с. 56.

[26] *Страбон*, VIII.3.7. Подробный анализ данных античной традиции, касающихся топографии царства Нестора, см.: *Лурье С. Я.*, 1957, с. 189-203. (*Примеч. пер.*)

[27] Ср.: *Stubbings F. H.*, 1972, с. 70 и сл. Раскопки купольных гробниц в Мессении проводил в 50-60-х годах С. Маринатос (см., например: *Antiquity*. 1957, № 37, с. 97 и сл.; *АА*, 1962, с. 903). В 50-х годах Г. Э. Милонас проводил раскопки в Элевсине (см.: *Mylonas G. E.* Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961), а Дж. Л. Кескей — в Лерне (см. Список литературы).

[28] См.: *Keramopoulos A. D.* — *АЕ*. 1907, с. 207 и сл.; 1909, с. 57 и сл.; 1930, с. 29 и сл.

[29] См.: *Touloup E.* — *Kadmos*. 1964, № 3, с. 25 и сл.

[30] Раскопки в Иолке проводил в 50-60-х годах Д. Феохарис (*Archaeology*, 1958, № 11, с. 13 и сл.; *ААА*, 1970, № 3, с. 198 и сл.).

[31] Из вышедших в свет на русском языке книг, в которых проблема Атлантиды рассматривается в связи с вопросами эгейской культуры, см.: *Галанопулос А. Г., Бэкон Э.* Атлантида: за легендой — истина. М., 1983; *Резанов И. А.* Атлантида: фантазия или реальность? М., 1975; *Жиров Н. Ф.* Атлантида. М., 1964; *Зайдлер Л.* Атлантида. М., 1966; *Кондратов А. М.* Атлантиды моря Тетис. М., 1986; *Немировский А. И.* Рождение Клио. Воронеж, 1986, с. 101-119 (автор считает платоновскую легенду об Атлантиде вымыслом, не опирающимся на какие-то древние предания). (*Примеч. пер.*)

[32] В последнее время вопросы, связанные с извержением вулкана на Фере, привлекают к себе исключительно большое внимание. Кроме публикаций археологических памятников и обобщающих исследований С. Маринатоса, вышедших в свет в 1968—1986 годах, внимания заслуживают прежде всего работы: *Page D. L.*, 1970; *Hiller St.*, 1978, а из книг на чешском языке — *Bartoněk A.*, 1972; 1977; *Bouzek J.*, 1979, с. 48 и сл. (См. также: *Ильинская Л. С.* Легенды и археология. М., 1988, с. 19-33. — *Примеч. пер.*)

[33] См. указанные в примеч. 32 работы Д. Пейджа и С. Хиллера.

[34] Новейший анализ проблем этого круга см.: *Pichler H., Schiering W.* — *АА*. 1980. Авторы указанной работы склоняются к мысли об одном-единственном извержении

вулкана, имевшем место около 1500 г. до н. э. Но их выводы опираются главным образом на их же гипотезу, недостаточно обоснованную, согласно которой разрушение прочих центров критской культуры (кроме самого Кносса) около 1470—1450 гг. до н. э. явилось следствием внутренних волнений на Крите. См. об этом с. 288 ([сн. 155](#)).

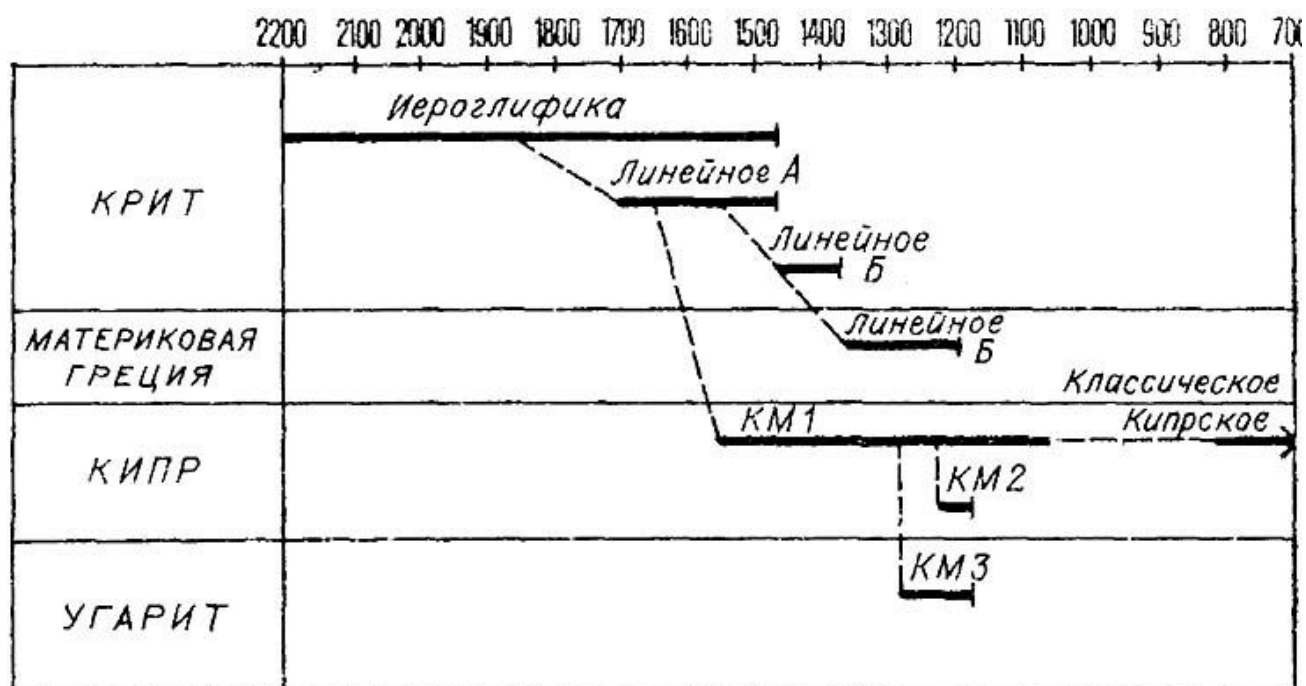
Глава 4

Эгейские письма

1. Начало эгейской письменности³⁵ теряется во мгле веков и, по-видимому, связано со знаками, употреблявшимися от случая к случаю с целью идентификации и регистрации самых различных предметов. Одной из разновидностей таких знаков были, например, так называемые гончарные знаки, засвидетельствованные уже [50] в конце неолита не только на Крите и других островах Эгейского моря, но и в материковой Греции, в частности в Лерне, другой — так называемые метки каменотесов, относящиеся к началу II тысячелетия до н. э. и позднее, главным образом на Крите, третьей и наиболее важной разновидностью — пиктографические (т. е. рисуночные) знаки на печатях и их оттисках. Последние встречаются на Крите уже в ранний период эпохи бронзы и численно возрастают приблизительно в начале II тысячелетия до н. э. Со времени А. Эванса их принято называть *критской иероглификой* или, что точнее, *пиктографикой*. При этом здесь, как правило, невозможно установить степень взаимосвязи не только между изображениями, вырезанными на разных сторонах печати, но даже между изображениями, находящимися на одной и той же стороне (или на одном и том же оттиске). Ряд комбинаций встречается особенно часто; по мнению А. Эванса, они передают широко распространенные имена собственные с титулами. Встречаются надписи и на предметах с отверстиями. В этом случае речь, по-видимому, идет об устойчивых формулах талисманов или амулетов, которые носили подвешенными на шее.

Дальнейший этап развития изображений, которые производят впечатление связного текста, отмечается на критских печатях (пока только в порядке исключения, притом на одной продолговатой печати). Что касается знаков этого типа, то здесь, безусловно, сделан решительный шаг от простого изображения предмета к письменной символике, в рамках которой изображение его становится символом слова как носителя определенно фонетического, т. е. звукового, качества. Вне всякого сомнения, эти функции уже выполняли сочетания знаков, начертанных рядом на самых различных глиняных предметах, появляющихся примерно в начале II тысячелетия до н. э., и прежде всего на глиняных табличках, относящихся к числу наиболее значительных памятников эгейской письменности эпохи бронзы.

На критских печатях пиктографические знаки представлены в своем традиционном, еще полностью рисуночном облике и позднее — в течение всего II тысячелетия до н. э., тогда как на глине фигурные изображения передаются уже только простыми контурами, состоящими из прямых и изогнутых линий, либо прорисованных смоченной в чернильной краске кисточкой, либо прочерченных по мокрой глине резцом. Такой способ [51] составления записей свидетельствует о том, что он широко использовался и при письме на мягком материале — главным образом папирусе, высушенных пальмовых листьях или выделанных шкурах животных. Однако образцы записей на таком материале до нашего времени не сохранились из-за его недолговечности.



Письменности Эгеиды и Кипра на временной оси

В эгейской эпиграфике для упомянутого контурного письменного стиля еще со времен А. Эванса употребляется предложенное им название «линейное письмо», самые ранние образцы которого по причине тесного родства его знаков с пиктографическими знаками на печатях Эванс относил еще к иероглифике. Сегодня же, когда количество найденных ранних линейных текстов возросло, предпочтительнее говорить об *иероглифическом* или *пиктографическом курсиве* или же попросту о так называемой *критской протолинейной письменности*. Однако вопрос о том, имеем ли мы в отдельных случаях дело уже с образцами более поздней системы письменности, так называемого линейного письма А, зачастую является предметом дискуссий.

К числу наиболее значительных образцов пиктографического протолинейного курсива относится небольшая группа глиняных табличек весьма раннего времени из Феста, часть которых, вероятно, следует датировать еще XIX в. до н. э., а также несколько надписей на сосудах из Кносса первых веков II тысячелетия до н. э. Тексты эти преимущественно краткие, однако на табличках иногда уже можно различить слова, записанные по фонетическому принципу с помощью слоговых знаков (общим числом [52] около 60), от понятий, выраженных посредством символов (идеографически) и зачастую сопровождающихся специальными числовыми или метрическими обозначениями. Направление письма также еще строго не закрепилось. В текстах прослеживаются признаки словоизменения, однако язык письменности продолжает оставаться неизвестным.

Количество сохранившихся критских иероглифических текстов (в том числе и протолинейных) довольно незначительно. Кроме печатей и их оттисков с весьма краткими надписями общим числом около 200, мы располагаем еще примерно 30 глиняными табличками и 60 надписями на прочих глиняных предметах, содержащих от двух до 30 знаков в тексте, т. е. в общей сложности приблизительно 300 образцами периода от 2200 до 1470 г. до н. э. ³⁶

В XVII в. до н. э. пиктографический протолинейный курсив на Крите исчезает, и на смену ему приходит линейное письмо А. Однако рисуночный долинейный вариант критских

пиктограмм сохранился на печатях вплоть до начала второй половины II тысячелетия до н. э.

2. Вторая критская письменность, так называемое *линейное письмо А*, представляет собой дальнейший этап развития пиктографического протолинейного курсива. По существу, она носит слоговой характер. Количество фонетических знаков возросло, а некоторые из них были заменены новыми, так что только третья часть фонетических знаков линейного письма А совпадает со знаками пиктографической письменности. Происходит стабилизация дополняющих силлабический текст идеограмм, и упорядочивается, подвергаясь упрощению, система числовых и метрических обозначений. Письменность читается теперь почти всегда слева направо. Отдельные слова бывают (прежде всего на табличках) отделены друг от друга точками или вертикальными линиями. Известные к настоящему времени образцы линейного письма А представляют собой целый комплекс вариантных письменных подсистем, отличающихся друг от друга отдельными деталями в зависимости от времени и места распространения той или иной подсистемы. Точно установленных и поддающихся надежной дешифровке слоговых знаков линейного письма А насчитывается к настоящему времени около сотни.³⁷

Общее количество образцов линейного письма А составляет приблизительно 2000 экземпляров, в том числе около 320 глиняных табличек, 1500 весьма кратких надписей [53] на глиняных ярлыках, привесках и тому подобных предметах и около 100 линейных текстов на других материалах (металл, камень, настенные росписи, керамика).³⁸ Однако из всего этого количества только немногим более 600 надписей имеют эпиграфическую значимость. Если не принимать во внимание уже упомянутые весьма ранние таблички из Феста, знаки которых по большей части следует рассматривать как протолинейный пиктографический курсив, то древнейшими образцами линейного письма А можно считать надписи, выполненные чернильной краской на двух глиняных кубках из Кносса, датированных приблизительно серединой XVII в. до н. э.

К настоящему времени образцы линейного письма А обнаружены в тридцати местах Крита и по крайней мере на пяти других островах Эгейского моря, что свидетельствует о значительном распространении этой письменности среди критского населения в период между 1650 и 1470 гг. до н. э.: одни только глиняные таблички найдены в одиннадцати различных местностях Крита. В последнее время особое внимание привлекают недавно открытые архивы табличек в Закро в восточной части Крита (около 30 экземпляров) и в Хании на западе острова (около 85 фрагментов табличек), однако самым значительным собранием образцов этой письменности и на сегодняшний день продолжает оставаться архив табличек, открытый во время раскопок в Агия-Триаде на юге Крита и датированный началом XV в. до н. э. В этом месте, тесно связанном с близлежащим дворцом в Фесте, найдено свыше 150 глиняных табличек с записями явно хозяйственного содержания. Вместе с ними были обнаружены и сотни небольших глиняных ярлыков и привесок с оттисками печатей всего лишь с одним или не более чем несколькими знаками линейного письма А, несомненно обозначающими название изделия или имя владельца.

Таблички из Агия-Триады представляют наиболее разработанный и вместе с тем наиболее исследованный репертуар знаков линейного письма А. Как правило, эти таблички имеют форму прямоугольника, высота которого колеблется от четырех до девяти строк текста. Линейные знаки прочерчивались по еще влажной глине, после чего таблички сушили на солнце. Таблички архива из Агия-Триады принадлежат к числу самых поздних памятников линейного письма А и датируются, как и некоторые единичные образцы из других критских местностей, приблизительно 1470 г. до н. э., когда весь Крит постигла [54] упоминавшаяся выше страшная катастрофа. Единственное весьма важное

свидетельство употребления линейного письма А на Крите в более позднее время — это надпись из трех знаков на сосуде, обнаруженном в слое XIV в. до н. э. в Кноссе.

Известны случаи находок отдельных образцов линейного письма А и за пределами Крита, в особенности на тех островах Эгейского моря, которые, как можно судить на основании найденных здесь памятников материальной культуры, около середины II тысячелетия до н. э. находились под критским влиянием или даже непосредственно входили в состав Критской морской державы (Фера, Мелос, Родос, Кеос, Кифера). Таковыми же часть исследователей считает и определенные письменные памятники с материка. Так, иногда высказывается мнение, что по крайней мере часть знаков, начертанных на микенских вазах, датируемых XIII в. до н. э. и найденных в материковой Греции, принадлежит скорее линейному письму А, а не линейному письму Б. Однако сколько-нибудь существенное значение имеют только два критских знака из микенского фолоса в Перистерии на западе Пелопоннеса (XV в. до н. э.), к одному из которых имеется более поздний аналог в «сокровищнице Атрея» в Микенах (XIII в. до н. э.), и, кроме того, знак на небольшом медном котле, найденном Шлиманом в Микенах во время раскопок шахтовых гробниц XVI в. до н. э.³⁹ Что же касается более изолированных находок, которые продолжают скорее традиции древних критских знаков гончаров и каменщиков, то их внешняя форма и хронологическая датировка говорят скорее о существовании какого-то иного эпиграфического источника, нежели о знаковом репертуаре линейного письма А.

Укажем при этом, что в Эмали (область Ликия в Малой Азии) найден памятник письменности с четырьмя оттиснутыми линейными знаками, один из которых, безусловно, числовое обозначение, а три остальных, по всей вероятности, обозначают имя владельца. Кроме того, к числу текстов линейного письма А иногда относят и надпись из трех знаков, начертанную на вотивном серебряном блюде из сирийского города Угарит.

Несмотря на интенсивные поиски, все усилия разгадать язык линейного письма А находятся пока что на полпути к цели. В сущности, здесь идет речь о решении двух задач: прежде всего дешифровать самую письменность, т. е. определить слоговые значения отдельных знаков, а затем дать [55] толкование языка текстов, т. е. установить их содержание на основе детального грамматического анализа. Первый этап был пройден вполне успешно. Существенную помощь оказало здесь внешнее сходство линейного письма А с более поздним линейным письмом Б, дешифрованным в 1952 г. Последнее было, по существу, особым вариантом линейного письма А, возникшим около XV в. до н. э. (если не ранее) на основе модификации более древней письменной системы. Проведя сопоставление отдельных знаков обеих систем письменности, шведский исследователь А. Фурумарк в 1976 г. пришел к выводу, что из приблизительно 75 знаков линейного письма А, содержащихся на памятниках из Агия-Триады, 33 совершенно идентичны и 31 знак очень похож на знаки силлабария линейного письма Б. А поскольку последнее уже дешифровано и слоговое значение его знаков известно, мы в состоянии фонетически прочесть графические знаки текстов линейного письма А с такой же степенью достоверности, с какой современный грек может прочесть текст, записанный кириллицей, не имея понятия об основах русской письменности и не зная русского языка. Само по себе прочтение текста, записанного кириллицей, представляло бы для него трудность лишь частично. Например, слово «рак» он прочел бы правильно, в то время как, например, в слове «жена» вообще не смог бы идентифицировать первой буквы. Но и слово «окно» он также не сумел бы прочесть верно, поскольку ему неизвестно, что русское произношение этого слова — «акно». В подобной ситуации находятся сегодня исследователи, пытающиеся прочесть тексты, записанные знаками линейного письма А. Кое-что они читают правильно, но некоторые знаки линейного письма А остаются при этом непонятными. Однако и те знаки, графическое изображение которых идентично в обеих

системах письма, не обязательно имеют одинаковое фонетическое значение. И совсем уж непреодолимым препятствием является то обстоятельство, что язык линейного письма А определенно не был похож ни на один из известных в настоящее время языков древности. Это значит, что, даже если бы удалось правильно прочесть тексты, их содержание станет от этого понятным не более, чем оно известно в настоящее время благодаря сопроводительным идеограммам. Все имевшие место до настоящего времени попытки связать язык линейного письма А с одним из известных нам древних языков основаны на одиночных и случайных аналогиях, чуждых языковой [56] системе в целом. Так, американский исследователь Дж. Гордон, по-видимому, удачно определил (в 1966 г.) в текстах линейного письма А ряд семитских слов, но его вывод о семитском характере языка не убедителен, поскольку здесь идет речь о понятиях, которые, несомненно, вошли в язык древних критян как заимствования культурной лексики, обозначающей те или иные предметы восточного происхождения. Если в чешском языке имеется слово *hřbitov* («кладбище»), то это вовсе не означает, что чешский язык относится к германской группе, поскольку в данном случае речь идет всего лишь об одном из слов, некогда заимствованных чешским языком у немецкого (ср. нем. *Friedhof*).

Весьма вероятно, что догреческое население Крита принадлежало к древнейшей средиземноморской этнической общности, язык которой весьма существенно отличался от языков индоевропейской семьи, характеризующихся наличием флексий, или окончаний (например, господин, -а, -у и т. д.), в том числе и от хеттского, который иногда рассматривают как язык линейного письма А. Очевидно, речь идет об одном из языков агглютинирующего типа,⁴⁰ которые засвидетельствованы среди доиндоевропейских языков древней Анатолии, т. е. нынешней Малой Азии (в частности, протохаттский и хурритский). Поэтому имевшие до сих пор место попытки дешифровать линейное письмо А представляются преждевременными.⁴¹

Ко времени наибольшего распространения линейного письма А относится и ряд критских эпиграфических памятников, стоящих в стороне от основного направления развития письменности Крита. Сюда относится, в частности, Феетский диск (около 1600 г. до н. э.⁴² — круглая глиняная пластина, исписанная [точнее говоря, оттиснутая] с обеих сторон 241 оттиском 45 пиктографических фигурных матриц). Текст Фестского диска решительно не поддается дешифровке, несмотря на неоднократные попытки десятков серьезных и менее серьезных дешифровщиков. Некоторые считают его предметом, завезенным из Малой Азии, правда, не приводя в пользу этого предположения серьезных доказательств. Особняком стоят и некоторые другие памятники, в том числе надпись на бронзовой секире из Аркалохори и на жертвенном камне из Маллии (также около 1600 г. до н. э.).

3. *Линейное письмо Б*⁴³ тесно связано с линейным письмом А, но в отличие от последнего употребление этой младшей разновидности линейного письма на Крите [57] (если не принимать во внимание одной группы исключений) ограничено Кноссом — вновь отстроенным греками-ахейцами после катастрофы, имевшей место около 1470 г. до н. э. Как мы уже говорили, среди развалин последних строений Кноссского дворца в начале нашего века А. Эванс обнаружил сотни глиняных табличек и их фрагментов, датированных началом XIV в. до н. э. — т. е. временем, когда Кносс был окончательно разрушен и никогда уже более не восстанавливался. К числу этих памятников, насчитывающих около 3400 текстовых единиц, впоследствии прибавились аналогичные находки табличек в материковой Греции, как на Пелопоннесе — в мессенском Пилосе (около 1100),⁴⁴ в Микенах (около 75) и в Тиринфе (6), так и в Средней Греции — в Фивах (около 45 табличек). Кроме того, сохранилось около 140 надписей и их фрагментов на обломках сосудов, главным образом из Микен, Тиринфа и Фив, единичные надписи из Пилоса, Элевсина, Орхомена и Кревсиды, а также несколько надписей с Крита — как из Кносса,

так и из Кидонии (Хании) на западе острова и из расположенной неподалеку местности Мамелюко. Следует отметить, что в отличие от линейного письма А мы не располагаем ни одним образцом текста линейного письма Б на металле или камне.

Большинство табличек с надписями, обнаруженных в материковой Греции, датируются временем великих катастроф, постигших микенские дворцы около 1200 г. до н. э., т. е. вскоре после победоносного завершения Троянской войны. Несколько более ранняя датировка табличек из Микен обусловлена тем, что в большинстве случаев они были найдены на объектах, расположенных вне укреплений собственно Микенской крепости и подвергшихся разрушению еще около 1230 г. до н. э.

Кносский архив табличек, напротив, относится, согласно датировке А. Эванса, ко времени около 1400 г. до н. э. В настоящее время исследователи предпочитают датировать разрушение Кносса более поздним временем — обычно 1380 г. до н. э., иногда — 1350 г. до н. э. или даже рубежом XIV—XIII вв. до н. э.⁴⁵ Здесь сказалось влияние гипотезы британского лингвиста Л. Р. Палмера, высказавшего в начале 60-х годов мнение, что датировка Эванса ошибочна и составление кносских табличек следует относить ко времени около 1200 г. до н. э.⁴⁶ Однако эта гипотеза отвергнута большинством ученых.

После более тщательного анализа памятников материальной культуры, открытых в Кноссе, появилась тенденция [58] датировать кносский архив табличек с текстами линейного письма Б более поздним временем. Разрушение Кносского дворца, являвшегося центром главного самостоятельного политического образования на Крите, теперь принято относить к 1380 г. до н. э., причем, как и ранее, представляется весьма вероятным существование ахейского государства в Кноссе периода ПМ II (до 1380 г. до н. э.), свидетельством чего могут являться материковые влияния во внутреннем убранстве дворцов, схематизация фресковых росписей и орнамента керамических изделий, захоронение ахейских воинов вблизи Кносса и т. п. Поэтому в настоящее время принято считать возможным существование на территории Кносского дворца местного ахейского административно-учетного центра, частью которого мог являться открытый А. Эвансом кносский архив табличек. Все это дает основание весьма существенным образом снизить дату составления найденных табличек, отнеся ее по крайней мере к 1200 г. до н. э. Однако нет необходимости пересматривать датировку составленных линейным письмом Б надписей на фрагментах критских сосудов, поскольку их древнейшие образцы относятся приблизительно к 1350 г. до н. э. и продолжают оставаться свидетельством использования линейного письма Б на Крите по крайней мере уже в первой половине XIV в. до н. э. При этом полученные новые данные содержат более точные указания на время и место возникновения линейного письма Б. Согласно недавно выдвинутой гипотезе, линейное письмо Б возникло где-то во второй половине XV в. до н. э. в Кносском дворце в результате приспособления линейного письма А для наиболее насущных нужд ведения административных записей в Кноссе на греческом языке. Таким образом, время возникновения линейного письма Б следует считать несколько более поздним, а место его возникновения ограничить Кносом. При этом из такого пространственного ограничения следует вывод, что линейное письмо Б получило распространение только на территории микенских дворцов. В отличие от линейного письма А, имевшего со времени своего возникновения более широкую область применения, появление линейного письма Б вызвано исключительно администраторскими потребностями. Линейное письмо Б не смогло преодолеть этой ограниченности в области его применения и позднее в материковой Греции.

Образцы линейного письма Б на фрагментах сосудов относятся, напротив, только к концу XIII в. до н. э. Это [59] касается в равной степени находок, сделанных как на материке, так

и на Крите (из критских находок только две датируются более ранним временем: одна — серединой XIV в. до н. э., вторая — первой половиной XIII в. до н. э.). При этом, как о том будет сказано ниже, можно считать доказанным, что и сосуды с надписями линейного письма Б, найденные в материковой Греции, были изготовлены также на Крите, а затем попали оттуда на материк. Таким образом, линейное письмо Б употреблялось на Крите, в сущности, на всем протяжении XIV и XIII вв. до н. э., несмотря на то что около 1380 г. до н. э. или вскоре после этого произошло разрушение Кносского дворца.

Линейное письмо В, как и линейное письмо А, состоит из слоговых знаков (числом 90), понятийных идеограмм (около 150), а также числовых и метрических обозначений и обычно имеет направление слева направо. Глиняные таблички, которые являются основными памятниками, содержащими знаки линейного письма Б, образуют дворцовые архивы и содержат текущие хозяйственные записи, составлявшиеся ежегодно заново. Что касается линейных надписей на обломках сосудов, то они весьма отрывочны и фрагментарны, зачастую содержат всего один знак, и только на основании косвенных данных, в особенности стратиграфии находок, можно прийти к заключению, что речь действительно идет об образце линейного письма Б, а не А. Относительно отдельных изолированных знаков иногда предлагается и третий вариант — усматривать в них традиционные гончарные знаки, произвольно связанные со всем комплексом эгейских письменностей, без их подразделения на линейное письмо А или Б.

Линейное письмо Б было прочитано в 1952 г. английским архитектором М. Вентрисом, которому в стадии завершения работы по дешифровке помогал филолог-классик Дж. Чедуик. При дешифровке было установлено, что за письменами кроется архаический греческий язык, на котором говорили в XIV—XIII вв. до н. э. греки-ахейцы — творцы микенской культуры и главные действующие лица греческой мифологии. Более подробно на этой дешифровке, а также на самой письменности и её языке мы остановимся в отдельной главе, здесь же коротко расскажем о возникновении линейного письма Б из более древних письменных систем Крита.

Микенские ахейцы пользовались письменностью, безусловно ведущей свое происхождение от более древнего линейного письма А. Почти полное отсутствие линейного [60] письма А на материке указывает также на возможность возникновения линейного письма Б на Крите (согласно некоторым исследователям, еще во второй половине XVI в. до н. э., когда еще не принимались во внимание наиболее характерные особенности греческого языка.⁴⁷ Оттуда это письмо распространилось среди материковых ахейцев в период до окончательного падения Кносса, т. е. до 1380 г. до н. э. На материке оно существовало приблизительно вплоть до рубежа XIII XII вв. до н. э., когда его следы окончательно исчезают среди развалин микенских дворцов во время окончательного крушения микенской цивилизации. При этом в XIV—XIII вв. до н. э. линейное письмо Б получило распространение и на Крите, как о том свидетельствуют упомянутые выше образцы этого письма, содержащиеся на критских вазах последдворцовой эпохи.

Явная ограниченность области применения линейного письма Б записями в архивах табличек и на фрагментах сосудов позволяет считать, что в мире микенских ахейцев (включая в это понятие и ахейский Крит после 1400 г. до н. э.) письменность была значительно меньше распространена, чем в более древнем минойском мире. По существу, она ограничивалась кругом занятых в дворцовом хозяйстве чиновников — очевидно, профессиональных писцов, в семьях которых знания передавались из поколения в поколение; родоначальником же микенских писцов мог быть какой-то миноец, владевший линейным письмом А.

На основании изложенного можно прийти к заключению, что периодом особенно интенсивного развития эгейской письменности, при том сразу в нескольких направлениях, является время около 1600 г. до н. э. В течение предыдущего столетия на Крите из протолинейных элементов образовался не только комплекс письменных вариантов, обозначаемый общим термином линейное письмо А, но и появились предпосылки возникновения целого ряда иных, более или менее обособленных письменных систем, не возводимых к линейному письму А. Эти системы представлены, в частности, текстом на Фестском диске, надписями на бронзовой секире из Аркалохори, на жертвеннике из Маллии. Письменная культура Крита того времени значительно обогащается за счет целого ряда новаций, знание письменности, несомненно, получает распространение среди высших слоев населения. Однако, несмотря на широкое распространение письменности, достигшее на Крите апогея в XVI — начале XV в. до н. э., памятники этого письма не столь многочисленны, как памятники более [61] позднего линейного письма Б, область применения которого была, напротив, значительно уже. Несомненно, что в это же время системы критской письменности широко распространяются в ряде как прилегающих, так и более отдаленных областей.

4. Наиболее весомым доказательством широкого распространения критской письменности является, пожалуй, та роль, которую сыграл Крит в формировании систем слоговой письменности на Кипре.⁴⁸ Уже в первой четверти II тысячелетия до н. э. на Кипре засвидетельствована первая иероглифическая печать критского происхождения, а концом XVI в. до н. э. датируются древнейшие образцы так называемого *кипро-минойского письма*, обозначенного так А. Эвансом по причине его значительного сходства с критскими системами. Древнейшие памятники этой письменности относятся еще ко времени распространения линейного письма А, но форма некоторых ее знаков дает основание считать, что возникновение кипрского письма явилось результатом влияния, оказанного Критом еще на раннем этапе развития его линейных систем, приблизительно в начале II тысячелетия до н. э. Принимая во внимание, что некоторые кипрские знаки не имеют ни одного аналога среди письменных памятников Крита, не следует исключать возможности того, что на формирование кипро-минойского письма кроме Эгеиды оказали влияние и другие культурные области, в особенности Анатолия и Сирия. В этом случае кипро-минойское письмо можно было бы рассматривать, по всей видимости, как результат слияния двух вполне самостоятельных письменных систем, только одна из которых имела несомненно критское происхождение. Менее вероятно предположение, что эгейская и кипрская системы письма восходят к одному общему источнику — какой-то древней азиатской письменности, из которой они развились затем независимо друг от друга.⁴⁹

На Кипре эпохи бронзы засвидетельствовано свыше 400 кипро-минойских надписей, представляющих широкий временной диапазон (около 1525—1050 гг. до н. э.) и не образующих какой-либо целостной письменной системы. Вся их совокупность может быть разделена на четыре следующие группы:

а) Архаический этап развития письменности представлен надписью на обломке таблички из Энкоми конца XVI в. до н. э., далее — надписью на обломке таблички из обожженной глины также из Энкоми, датируемой [62] приблизительно 1500 г. до н. э., и еще двумя другими фрагментами табличек. Именно тексты на табличках обнаруживают значительное сходство с аналогичными памятниками линейного письма А.

б) Эволюционная линия, начало которой представлено этими табличками, достигает апогея в целом ряде надписей XIV—XII вв. до н. э., содержащихся на самых различных предметах, и в частности на фрагментах сосудов, на каменных и металлических предметах

и прежде всего на особого рода глиняных дисках неизвестного предназначения, найденных главным образом в Энкоми (в общей сложности более 80 экземпляров). Однако самым пространным памятником этого типа является крупный валик из обожженной глины, датируемый предположительно XIV в. до н. э. Валик содержит 27 строк хорошо читаемого текста и напоминает аналогичные вавилонские предметы, хотя на последних надписи составлены клинописью. Указанный памятник позволяет характеризовать сегодня эту эволюционную линию кипрского письма (сокращенно обозначаемую КМ 1) как комплекс более или менее вариантных письменных систем, содержащих несколько десятков слоговых знаков и в отличие от Эгейских систем по существу не имеющих идеограмм (однако здесь иногда встречаются числовые обозначения). Памятники этого письма, позднейшие из которых относятся уже к середине XI в. до н. э., фиксируют, по всей вероятности, один или несколько «этеокипрских» (т. е. пракипрских) языков, на которых говорило догреческое население Кипра, об этнической принадлежности которого, равным образом как и о минойских критянах, невозможно сказать ничего определенного.

в) Около середины XIII в. до н. э. в древнем Угарите на противоположном побережье Сирии из типа КМ 1 развивается вариант КМ 3, засвидетельствованный четырьмя более или менее фрагментарными табличками и несколькими надписями на обломках глиняных и металлических сосудов.

г) Вполне самостоятельную группу киро-минойской письменности (группа КМ 2) представляют знаки на четырех фрагментах табличек из Энкоми, найденных в слоях конца XIII — начала XII в. до н. э. Два из этих текстов довольно обширны. На всех четырех табличках насчитывается в общей сложности более 1300 изображений, состоящих из 58 различных знаков. Эта система связана с основной эволюционной линией кипрского письма, однако при этом она отклоняется от линии КМ 1 не только рядом [63] эпиграфических особенностей (по сравнению с КМ 3 она имеет иное, более близкое к клинописи начертание и ряд новых знаков), но и обнаруживает некоторые отличия во внутренней структуре отдельных слов. Последнее обстоятельство, по всей вероятности, должно означать, что язык варианта КМ 2 отличался от языка прочих кипрских текстов. Прежде всего здесь прослеживаются несомненные признаки языковой флексии. Таблички типа КМ 2/3 заслуживают внимания и по ряду других причин. Так же как и архаическая кипрская табличка, датируемая приблизительно 1500 г. до н. э., эти таблички, в отличие от не подвергавшихся обжигу глиняных табличек из Эгеиды, обжигали сразу же после составления записей. Поэтому есть основание полагать, что они предназначались для записей, содержание которых сохраняло свое значение более длительное время. Для этих табличек характерно полное отсутствие идеографических знаков.

(Рисунок отсутствует)

Образцы различных типов киро-минойского письма: 1 — КМ 1: глиняный валик из Энкоми (XIV в. до н. э.); 2 — КМ 2: большая глиняная табличка из Энкоми (около 1200 г. до н. э.); 3 — КМ 3: глиняная табличка из Угарита (около 1250 г. до н. э.)

То обстоятельство, что таблички КМ 2 относятся к периоду переселения на Кипр основной массы говорящих по-гречески микенских ахейцев (после 1230 г. до н. э.), означает, что речь могла идти о записях, составленных на греческом языке. Однако дешифровать таблички до сих пор не удалось. Поэтому эта гипотеза, вполне приемлемая [64] в историческом плане, остается пока что лишенной каких-либо лингвистических обоснований. Конец XIII и весь XII век до н. э. в Восточном Средиземноморье характеризуется столь сложными перемещениями различных народов (дорийцы в Греции, фригийцы в Малой Азии, так называемые «народы моря» во всем указанном регионе), что

упомянутая группа табличек из Энкоми может с равным успехом фиксировать какой-либо неиндоевропейский язык одной из малоазиатских или переднеазиатских народностей, например так называемый хурритский. Эту гипотезу⁵⁰ может подтвердить прежде всего тот факт, что появившееся в результате дальнейшего развития кипро-минойского письма так называемое классическое кипрское письмо напоминает линейный вариант основной эволюционной линии кипро-минойской письменности — КМ 1, но ни в коем случае не «клинописную» форму КМ 2 упомянутых четырех табличек из Энкоми.

5. *Классическое кипрское письмо* засвидетельствовано на Кипре с VIII до конца III в. до н. э. в общей сложности более чем 700 письменными памятниками самого различного характера, зачастую весьма обширными.⁵¹ Это письмо использовалось как основной массой населения Кипра того времени, так и остатками туземного догреческого населения (впрочем, негреческих надписей сохранилось немного). В 1871 г. англичанин Дж. Смит⁵² положил основу дешифровке письменности, а анализ написанных по-гречески классических кипрских текстов вскоре показал, что за ними стоит греческий диалект, близкий аркадскому наречию Пелопоннеса. В настоящее время различают два основных варианта классического кипрского письма — восточный, или общекипрский (55 слоговых знаков), и западный, или пафосский (на сегодня определено менее 50 знаков). Это письмо не содержит идеограмм, его направление в районе Пафоса — обычно слева направо, а в прочих районах, как правило, справа налево.⁵³

В течение III в. до н. э. классическое кипрское письмо — последний реликт эгейско-кипрских слоговых письменных систем эпохи бронзы — окончательно вытеснено греческим алфавитом.

Бесспорные доказательства распространения эгейских письменных систем в результате культурного обмена имеются и далее на востоке.⁵⁴ Древнейшим из них считается критский знак, начертанный над клинописным текстом сосуда из Газера в Палестине (XVII в. до н. э.). Несколько позднее составлена надпись на бронзовом [65] кинжале из Тель-эд-Дувера (Лахиш, около 1600 г. до н. э.), содержащая четыре знака, из которых по крайней мере последний имеет точный аналог во всех эгейских и кипрских письменных системах. Бесспорным доказательством знакомства местного населения с письменностью эгейско-кипрского типа является упомянутая выше группа из четырех надписей на глиняных табличках из Рас-Шамры (Угарит) в Сирии, выполненных знаками особого варианта кипро-минойского письма КМ 3, близкого по своему «клинописному» стилю четырем более поздним табличкам из Энкоми. Эти угаритские образцы не утрачивают своей культурно-исторической значимости даже в том случае, если речь идет всего лишь о фрагментах надписей, составленных на Кипре и привезенных в Угарит. Названные документы были составлены приблизительно в середине XIII в. до н. э., т. е. незадолго до того, как Угарит был разрушен в результате вторжения «народов моря» около 1190 г. до н. э.

Интерес представляют также «линейные» знаки на кирпичах из Бет-Шаана (к западу от среднего течения р. Иордан), которые были обнаружены там наряду со знаками на микенских сосудах XII в. до н. э., и особенно три более пространного текста на глиняных табличках из местности Тель-Дейр-Алла в Иордании. Они датируются приблизительно 1200 г. до н. э., а представленная на них письменность производит впечатление упрощенного варианта линейного письма А без идеограмм и на первый взгляд напоминает классическую кипрскую письменность. Однако более тесной связи с эгейскими письменными системами проследить здесь невозможно.

Существует также и ряд других, менее определенных свидетельств распространения эгейской письменности в результате культурного обмена как на востоке, так и на западе Средиземноморья. На этом вопросе, равно как и на вопросе о проникновении ранних средиземноморских систем письменности в глубь Юго-Восточной и Центральной Европы, автор настоящей книги останавливается (в соавторстве с И. Владаром) в статье, опубликованной в журнале «Slovenská archeológia» (1977, № 25, с. 391 и сл.). Более подробные сведения читатель может почерпнуть из указанной статьи, здесь же мы упомянем только о двух чрезвычайно интересных памятниках, обнаруженных на территории Югославии (в Ватине к северо-востоку от Белграда), на возможные связи которых с Эгеей указал нам в свое время И. Владар, дав тем самым стимул [66] к их эпиграфическому истолкованию в упомянутой статье.

Первая из указанных находок представляет собой дискообразный керамический предмет, плоский с обратной стороны, толщина которого увеличивается на лицевой стороне по направлению к центру, где выступает небольшая круглая грань. С обеих сторон диск окаймлен рядом закругленных черточек (28 на обратной стороне и 26 на лицевой). На обратной стороне внутри двойного круга прочерчен орнамент, а на грани посередине имеется несколько ассиметричных изображений, образованных горизонтальными и вертикальными линиями и производящих впечатление письменных знаков.

Вторая находка имеет форму веретена, по окружности которого на одной плоскости имеется ряд изображений, также образованных горизонтальными и вертикальными линиями. Оба предмета относятся к культуре Ватина-Вршаца, названной так в связи с ее открытием в одноименных местностях на северо-востоке Югославии. Археологическая культура, к которой относятся эти находки, безусловно связана с микенской культурой времени наибольшего развития шахтовых гробниц.

В XVI в. до н. э. сильное влияние микенской культуры, исходящее из элладского региона, прослеживается далеко на севере у Дуная и оттуда через юго-западную Румынию и прилегающие районы северо-западной Болгарии к северу Югославии (классическая фаза культуры Ватина-Вршаца) и далее до Карпатской котловины. На территории Чехословакии это влияние представлено классической фазой культур «Отомани» (Барца I) и «мадьяровской» (Нитриански-Градок) культур, а также ранней ветежовской культурой (в Моравии), с которыми связаны последующие фазы этих культур («Отомани»: Спишки-Штврток, Стреда-над-Бодрогом; мадьяровской: Нитра, Врабле, Веселе; ветежовской: Блучина, Градиско-у-Кромержиже, Оломоуц). В этих культурах влияние географически столь отдаленной Микенской Греции наиболее выражено проявляется около 1500 г. до н. э., затем в течение нескольких последующих десятилетий его следы довольно быстро исчезают и появляются вновь — но уже в ином виде — только в XIII в. до н. э.

Тщательный анализ предметов из Ватина привел нас к заключению, что имеющиеся на них изображения определенно производят впечатление не простого орнамента, а скорее цепочки письменных знаков. Совпадения с [67] репертуаром знаков линейного письма А и Б указывают на явное сходство ватинских изображений со знаками обеих систем; однако, принимая во внимание, что находки из Ватина датируются XVI в. до н. э., источник их происхождения следует усматривать скорее в линейном письме А. Последнее же известно в Эгее прежде всего как письменная реальность критской культуры, хотя некоторые косвенные указания на знакомство с ним имеются и в кругу микенской культуры. Положительные результаты сопоставления ватинских изображений со знаками эгейских линейных письменных систем не означают, однако, что совокупность изображений на ватинском диске или веретене можно буквально прочесть с помощью линейных знаков. В

обоих случаях речь, несомненно, идет о весьма стилизованных «письменных» знаках, появление которых стало возможным благодаря лишь довольно поверхностному знакомству с эгейскими письменными системами. Знаки этих систем от случая к случаю проникали в глубь Европы, где легко становились декоративным элементом, в особенности если и сам украшаемый ими предмет имел сходство с каким-либо эгейским изделием. Это относится, в частности, к ватинскому диску. Если он являлся имитацией навершия рукояти микенского меча или кинжала, как считает Дж. Маккей,⁵⁵ то использование мотивов линейной письменности в его украшении вполне понятно. И хотя до сих пор линейные знаки непосредственно на рукоятях микенских мечей не засвидетельствованы, вполне допустимо предположение, что они могли употребляться там для обозначения имени владельца и один из таких экземпляров мог послужить образцом для ватинского мастера. Последний же мог воспользоваться микенским образцом одновременно для достижения двух целей: с одной стороны, имитировать само навершие меча в чуждом ему материале, т. е. в глине, с другой — имитировать линейную надпись на выступающей грани этой верхушки выполненную квазилинейными изображениями, лишенными своей коммуникативной функции.

В обоих случаях мы, по всей вероятности, имеем дело с любопытным следствием интенсивного влияния эгейской письменной культуры. Правда, это всего лишь в высшей степени стилизованное художественное явление, лишенное какого-либо конкретного коммуникативного смысла. Но, несмотря на последнее обстоятельство, оба предмета являются для нас ценным свидетельством интенсивного [68] воздействия эгейской культуры на другие области около середины II тысячелетия до н. э.

[35] См., например: *Vladár J., Bartoněk A.*, 1977, с. 391 и сл.; *Bartoněk A.*, 1981; 1969; *Grumach E.*, 1969; *Buchholz H.-G.*, 1969; *Hiller St.*, 1978; *Heubeck A.*, 1979.

Систематический обзор библиографии дают специальные периодические издания «Nestor» (США) и «Studies in Mycenaean Dialect and Inscriptions» (Великобритания). (Об эгейских письменностях см. также: *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961; *он же.* История письма. М., 1979; Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976; *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма; *Кондратов А. М., Шеворошкин В. В.* Когда молчат письмена. М., 1970; *Молчанов А. А.* Таинственные письмена... — *Примеч. пер.*)

[36] Полное издание текстов, составленных знаками пиктографической письменности, до сих пор отсутствует. Основополагающим здесь продолжает оставаться труд А. Эванса, вышедший в свет в 1909 году (см. список литературы).

[37] Различные исследователи приводят разное число знаков линейной письменности А (максимальное — 120). См.: *Heubeck A.*, 1979, с. 14.

[38] В настоящее время имеется превосходное издание текстов линейной письменности А: GORILA, 1976. Ср.: *Brice W. C.*, 1961.

[39] См.: *Grumach E.*, 1969, с. 254. Речь пока что идет только о единичных находках.

[40] Примером языка агглютинирующего типа может служить венгерский. (Грамматические отношения и словообразование в языках агглютинирующего типа реализуются посредством внутренних аффиксов. — *Примеч. пер.*)

[41] Ранее уже неоднократно имели место попытки интерпретировать язык линейного письма А как греческий, хеттский, лувийский, северозападный семитский и другие, но все они оказались неубедительными. См., например: *Bartoněk A.*, 1964b с. 201 и сл.; 1969, с. 140 и сл.; *Vladar J.; Bartoněk A.*, 1977, с. 399 и сл.; *Heubeck A.* 1979, с. 20 и сл. (Из работ, изданных на русском языке, см. статьи А. Ф. Деянова, М. Поупа и Г. Ноймана в сборнике «Тайны древних письмен». Популярное изложение предмета см.: *Кондратов А. М., Шеворошкин В. В.* Когда молчат письмена, с. 51-73. О древних языках Передней и Малой Азии см.: *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967; Древние языки Малой Азии. М., 1980; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1-2. Тб., 1984. — *Примеч. пер.*).

[42] Последнее критическое издание текста Фестского диска подготовил Ж.-П. Оливье. См.: *Olivier J.-P.*, 1975.

[43] Издания текстов и исследования по этой проблеме приводятся в примечаниях к главе 6.

[44] Первоначально отдельных фрагментов насчитывалось, естественно, значительно больше. Издание А. Хойбека насчитывает их для Кносса 6000, а для Пилоса 1445 единиц, многие из которых были впоследствии соединены друг с другом. См.: *Heubeck A.*, 1979, с. 24 и сл.

[45] *Popham M. R.* — *Kadmos*. 1966, с. 17 и сл.; *AJA*. 1975, № 79, с. 372 и сл. (около 1375); *Hood M. S. F.* — *Kadmos*. 1965, № 4, с. 16 и сл.; *SMEA*. 1967, № 2, с. 63 и сл. (около 1350); *Smith C. H.* — *Kadmos*. 1975, № 14, с. 175 и сл. (около 1300); *Ralson J.* *Etrennes de septantaine...* á M. Lejeune. P., 1978, с. 202 и сл. (1300).

[46] См.: *Palmer L. B.*, 1961, с. 107 и сл. Противоположная точка зрения высказана в работе: *Palmer L. B., Boardman J.*, 1963. Сомнение по этому поводу еще ранее недвусмысленно высказал сам К. Блеген. См.: *Blegen C. W.*, 1958, с. 61 и сл.

[47] См., например: *Schachermeyr F.*, 1959, с. 71 и сл.

[48] См.: *Meriggl P.*, 1956; 1973; *Masson O.*, 1961; 1968; *Masson E.*, 1972; 1974a; *Buchholz H.-G.*, 1969, с. 116 и сл.; *Grumach E.*, 1969, с. 267 и сл. (См. также: *Фридрих И.* Дешифровка...; *он же.* История письма, с. 92-94; *Кондратов А. М., Шеворошкин В. В.* Когда молчат письмена, с. 78-89; *Молчанов А. А.* Таинственные письмена..., с. 33-44. — *Примеч. пер.*).

[49] См.: *Gramach E.*, 1969, с. 282 и сл.

[50] См.: *Masson E.*, 1972, с. 106 и сл.; 1974a (гл. 3); 1975.

[51] *Masson O.*, 1961.

[52] *Smith G.*, 1872, с. 129 и сл.; *Thumb A., Scherer A.*, 1959, с. 141 и сл.

[53] В последнее время в Пафосе найдена надпись XI в. до н. э., составленная на греческом языке знаками слогового письма, которая, несомненно, представляет переходный этап от кипро-минойской к классической кипрской письменности. См.: *Soesbergen P. G.*, — *Glotta*. 1981, № 20, с. 486.

[54] *Masson E.*, 1974b; *Buchholz H.-G.*, 1969, с. 128 и сл.

[55] *Makkay J.*, 1968, с. 96.

Глава 5

Дешифровка линейного письма Б

Системы письменностей Эгейды эпохи бронзы, ведущие происхождение с Крита, рассматриваются в настоящее время как особая группа древних письмен, возникшая независимо от других, так же как египетские иероглифы и переднеазиатская клинопись.⁵⁶ Однако, как было уже сказано выше, из этой группы письменности дешифрованы только классическое кипрское письмо (в 1871 г.) и линейное письмо Б (в 1952 г.). На дешифровке и характере линейного письма Б мы и остановимся подробнее в настоящей главе, поскольку этим письмом записана одна из трех основных групп источников наших знаний о микенской культуре.⁵⁷

О начальных периодах истории дешифровки линейного письма Б скажем только несколько слов. Первым документированным собранием ее образцов стали те вышеупомянутые несколько тысяч глиняных табличек и их фрагментов, которые были найдены в Кноссе А. Эвансом во время раскопок 1900—1904 гг. Несмотря на то, что Эванс умер в 1941 г., при его жизни ученые так и не дождались полного издания кносских текстов. Привилегированное положение Эванса не могло быть поколеблено и первыми единичными находками образцов линейного письма Б в континентальной Греции: последние представляли собой всего лишь несколько десятков текстов, обнаруженных в период между двумя мировыми войнами на обломках сосудов из Тирифа, Элевсина, Орхомена, Микен и Фив. Эти тексты были столь отрывочны, что их значение для дешифровки письменности практически сводилось к нулю.

Монополия Эванса была окончательно нарушена только в 1939 г., когда К. У. Блеген обнаружил 600 фрагментов табличек среди развалин дворца Нестора в мессенском Пилосе. Однако война заставила отложить работу над этим материалом, и поэтому тексты были опубликованы только в 1951 г. американским ученым Э. Л. Беннеттом. Значение этого первого издания текстов пилосских табличек состоит прежде всего в том, что его автор впервые определил отдельные знаки линейного письма Б и составил из них микенский силлабарий, который с отдельными [69] исправлениями и дополнениями употребляется и до сих пор. Однако дешифровать линейное письмо Б Беннетт не решился. В 1952 г. была осуществлена первая попытка полного издания кносских текстов Эванса: его ученик и коллега Дж. А. Майрс издал около 1800 наиболее важных кносских текстов.

1952 год был особенно богат событиями в области микенской эпиграфики. А. Дж. Б. Уэйс находит около 50 новых табличек в нижнем городе Микен, а в июне Блеген возобновляет раскопки в Пилосе и уже в самом начале своих исследований находит здесь несколько сот новых табличек со знаками линейного письма Б.

Однако ни один из этих выдающихся археологов не мог предполагать, что уже совсем недалек день решения загадки письменности, новые образцы которой были только что извлечены из-под земли. Такая мысль не могла прийти им в голову, поскольку, начиная с открытий Эванса в Кноссе, дешифровать ее уже пытались десятки исследователей, но все было тщетно. Авторы этих попыток в большинстве случаев только сравнивали знаки линейного письма Б со знаками других восточных систем письменности и приписывали им ту или иную — обычно слоговую — качественную характеристику на основании

предположения, что внешнее графическое сходство определенных знаков сопоставляемых письмен должно равным образом означать и их звуковое тождество. О беспомощности ученых, пользовавшихся *этимологическим методом*, говорит тот факт, что в течение первых четырех десятилетий нашего века язык линейного письма Б имел самое различное толкование, в том числе как язык близкий баскскому, этрусскому, языку «хеттских иероглифов» и хеттскому клинописному.^{57а} Потерпели неудачу и столь крупные специалисты в области дешифровки восточных письмен и языков, как чех Б. Грозный и болгарский лингвист В. Георгиев. Однако большинству этих исследователей все же удалось правильно определить, что речь идет в принципе о слоговой письменности, и тем самым значительно сузить круг дальнейших поисков.

Работа пошла в нужном направлении только в конце 40-х годов, когда дешифровщики начали использовать *комбинаторный метод*, основу которого составляет исследование внутренних связей между отдельными знаками, словами, текстами и даже целыми группами документов. Для иллюстрации использования комбинаторного метода на раннем этапе дешифровки рассмотрим основные [70] положения одного из исследований американки А. Э. Кобер, вышедшего в свет в 1949 г. Кобер верно предположила, что главным содержанием табличек определенного типа являются списки людей или предметов, и заметила, что в конце всего текста — как бы в итоге предшествующих перечислений — часто выступают попеременно две пары знаков, которые можно было бы перевести как «итога», «в сумме». При этом одна пара знаков всегда выступает в сочетании, например, с идеографическими изображениями мужчины или барана, в то время как вторая отличается от первой своим вторым компонентом, являющимся идеографическим обозначением соответственно женщины или овцы. На основании этого наблюдения Кобер пришла к верному выводу, что употребление второго знака зависит от грамматического рода. Кроме того, ей удалось показать, что за линейным письмом Б стоит язык с развитой падежной флексией. Хотя сама исследовательница отказывалась связывать этот язык с греческим, часть ученых уже тогда полагала, что существует достаточно археологических и исторических предпосылок для того, чтобы по крайней мере таблички из Пилоса можно было считать документами, составленными на греческом языке. Это мнение постепенно стало распространяться и на образцы линейного письма Б из Кносса.

Однако решающим доказательством могло явиться только само толкование текстов, проведенное на научной основе. Успешно осуществить его удалось лишь молодому английскому архитектору Майклу Вентрису (1922—1956), занимавшемуся проблематикой эгейской письменности в качестве хобби еще со школьной скамьи. Свою первую статью, посвященную этой проблематике, Вентрис опубликовал, будучи восемнадцатилетним студентом, в 1940 г., а после получения диплома архитектора в 1949 г. с еще большим рвением занялся ею. В то время в своей работе он использовал *этимологический метод*. В начале 1950 г. Вентрис разослал двенадцати наиболее авторитетным специалистам анкету, включавшую отдельные вопросы по проблемам эгейских языков, обобщил полученные ответы, дополнил их собственными комментариями, размножил и отослал ученым, которые занимались данной проблематикой. Таким же образом в течение двух последующих лет он ознакомил специалистов и со своими собственными «Рабочими заметками» (Work Notes), подводившими итог определенной стадии его работы по дешифровке линейного письма Б. [71]

Метод Вентриса представлял собой более разработанный и углубленный *комбинаторный метод*, уже использовавшийся ранее, в частности А. Э. Кобер. Вентрис не старался сразу же определить качество отдельных знаков путем их сравнения со знаками других письмен. На основании собственных статистических исследований и комбинационных

соображений о взаимосвязях знаков линейного письма Б он составил экспериментальные слоговые решетки: знаки с одним и тем же начальным согласным располагались горизонтально, а знаки с одним и тем же конечным гласным — вертикально. При этом вплоть до весны 1952 г. Вентрис был убежден, что за линейным письмом Б стоит язык близкий этрусскому. Только проведенный весной 1952 г. тщательный анализ содержания некоторых кносских текстов, на основании которого 1 июня 1952 г. дешифровщик смог определить некоторые фонетические характеристики знаков своей слоговой решетки, а затем плодотворное сотрудничество с Джоном Чедуиком, молодым филологом-классиком из Кембриджа, позволили наконец в следующие месяцы высказать предположение, что речь идет о древнегреческом языке. Оба исследователя опубликовали результаты своей работы в статье «Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives» («Journal of Hellenic Studies», 1953, № 73, с. 84-103). Из 87 известных к тому времени знаков линейного письма Б Вентрис дал здесь конкретную слоговую характеристику 58 знакам, а для семи других предложил по крайней мере вероятную слоговую характеристику.

Однако греческий язык, открытый в микенских текстах в результате применения слогового ключа Вентриса, выглядел весьма искаженным. Для объяснения этого обстоятельства он выдвинул гипотезу, согласно которой линейное письмо (прежде всего линейное письмо А, поскольку письмо Б было всего лишь его позднейшей модификацией, приспособленной для нужд греческого языка⁵⁸) возникло на основе языка, для фонетики которого было чуждо сочетание согласных, а звуковая структура была совершенно иной, чем та, которую имеют все известные нам индоевропейские языки. На основании сопоставления различных документов Вентрис и Чедуик обобщили особенности графической фиксации микенского греческого при помощи линейных знаков в десяти орфографических правилах. В общих чертах речь идет о следующих основных принципах (мы приводим их здесь в несколько [72] упрощенном виде, пересмотренном в соответствии с современным уровнем знаний):

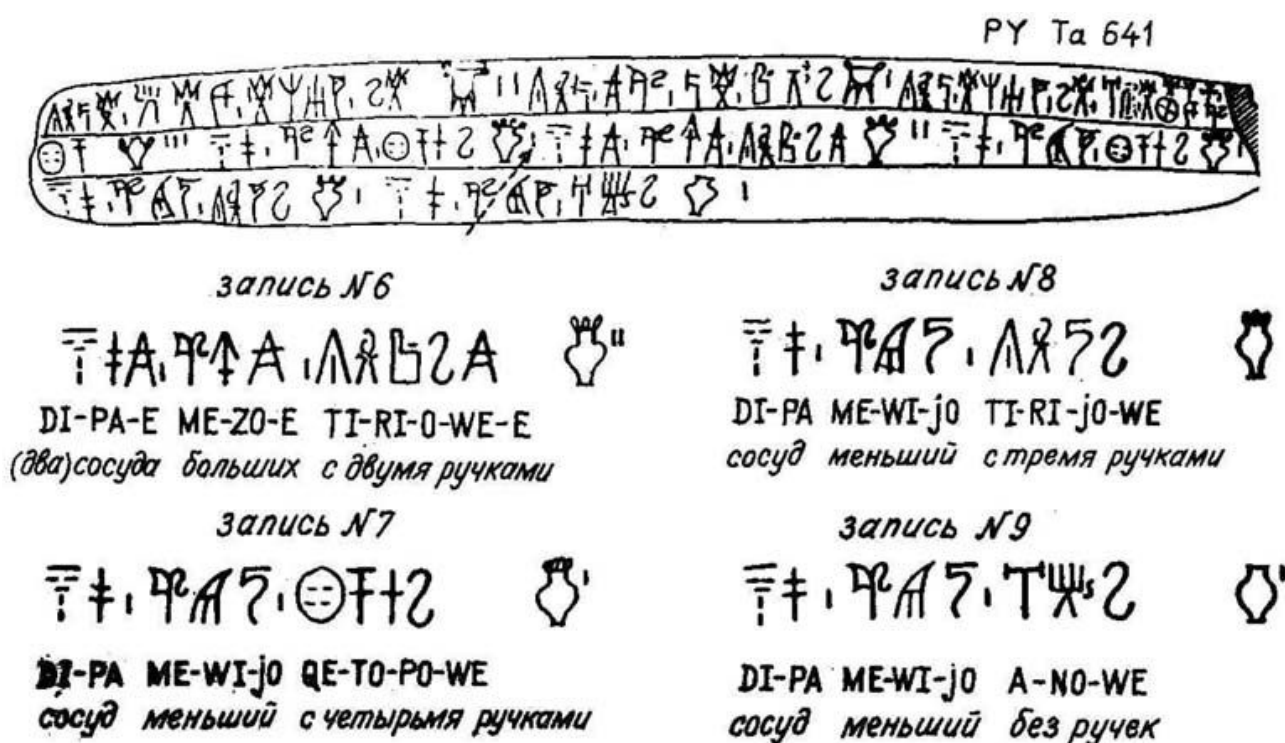
1. Долгие и краткие гласные на письме не различаются, например: ро-me, роimen — «пастух» (именительный падеж), ро-me-по, роimenos (родительный), ро-me-ne, роimenei (дательный).
2. Вторая часть дифтонгов, содержащих и, на письме фиксируется, в отличие от второй части дифтонгов, содержащих i, например: re-u-ko, leukos — «белый», но ро-te, роimen — «пастух». Однако начальное ai иногда обозначается особым знаком.
3. Сочетание гласных i, u (иногда также e) с последующим гласным иного качества, как правило, требует дополнительной вставки предыдущего j, w, например: i-ja-te, iater — «лекарь».
4. Различия между звонкими, глухими и так называемыми придыхательными согласными не фиксируются, например: tu-ka-te, thugater — «дочь». Единственным исключением является звонкое зубное d, имеющее свое особое обозначение.
5. На письме не фиксируются различия между l и r, например: e-re-u-te-ro, eleutheros — «свободный».
6. Удвоенные согласные обозначаются на письме как обычные: ср. i-qo, hikkwos — «конь».

7. Звук h в большинстве случаев графически не обозначается: ср. i-qo, hikkwos — «конь». Исключение составляют отдельные случаи с последующим а, например: e-ke-a, enkheha — «копья».

8. Согласные r, l, m, n, s в положении перед другим согласным на письме не обозначаются; ни один согласный не обозначается в конце слова, например: ka-ke-u, khal-keus — «кузнец», e-ko-si, ekhonsi — «они имеют», re-ma, sperma — «семья», pa-te, pater — «отец» или pantes — «все».

9. В остальных случаях, как правило, обозначаются обе составные части группы согласных путем добавления дополнительного гласного того же качества, который выступает после всей группы согласных: ti-ri-po-de, tripodes — «треножники», a-re-ka-sa-da-ra — Alexandra (женское имя).

10. Конечные группы согласных или вообще не обозначаются графически, или же фиксируется только первый согласный в сочетании с гласным, предшествующим группе согласных, например: wa-na-ka, wanaks — «владыка». [73]



Табличка Та 641 из Пилоса с идеограммами треножников и сосудов с различным числом ручек (здесь же дан анализ статей 6-9)

Основанная на этих правилах система письменности, естественно, не была в состоянии отобразить ни многообразия сочетаний греческих согласных, ни богатства оттенков всех греческих гласных и дифтонгов. Поэтому отдельные слова линейных текстов, переписанных с помощью предложенного Вентрисом ключа, иногда допускают большее число возможных толкований. Было даже подсчитано, что, например, слово pa-te теоретически может быть прочитано, согласно орфографическим правилам Вентриса, 2352 способами. Однако практически в греческом языке возможно всего лишь ограниченное количество прочтений этого слова, и среди них только два заслуживающих внимания: pater — «отец» и pantes — «все». Равным образом слово ka-ko может обозначать khalkos — «медь» и kakos — «плохой», и притом не только в именительном

падеже единственного числа, но и в других падежах. Однако и в этих случаях не следует особенно опасаться ошибочного выбора возможных вариантов.

Большую помощь оказывает здесь контекст табличек. Например, если на одной из табличек поставлены рядом формы *pa-te* и *ma-te*, значит, речь идет о паре *pater*, [74] *mater* — «отец», «мать». Если же на другой табличке список мужчин сопровождается словом *to-so pa-te*, то оно определенно обозначает *tosoi pantes* — «так много всех», «столько-то в целом». Или же если, например, слово линейного текста *a-re-ka-sa-da-ra*, по орфографическим правилам Вентриса, теоретически насчитывает около миллиона возможных прочтений, то его интерпретация, соответствующая нормам греческого языка, всего лишь одна — имя собственное *Alexandra*. Если же мы обратим при этом внимание, что на той же табличке засвидетельствовано другое типично греческое имя собственное *te-o-do-ra* = *Theodora* и даже греческое слово, обозначающее «дочь» — *tu-ka-te* = *thugater*, то все эти три чтения можно считать безусловно достоверными. Равным образом линейное *a-re-ku-tu-gu-wo e-te-wo-ke-re-we-i-jo* обозначало в микенском произношении *Alektruwon Etewoklewejos*, что в переводе с греческого значит «Петух, сын Этевоклевея».

Сочетание слов *ko-ka-ro a-pe-do-ke e-ra-wo to-so e-u-me-de-i* не может означать ничего иного, кроме греческой фразы *Kokalos apedoke elaiwon toson Eumed(h)ei*, т. е. «Кокал отдал столько-то масла Эвмеду».

Верность такой дешифровки сегодня совершенно очевидна, но в 1952 г., когда тридцатилетний Вентрис и двадцатитрехлетний Чедуик опубликовал предварительные итоги предложенного ими толкования текстов линейного письма Б, вполне естественно следовало ожидать резко скептической реакции со стороны прочих исследователей.

Впрочем, еще до того, как можно было вести речь о какой-либо критике по существу вопроса, дешифровщики получили в свою поддержку исключительно весомый аргумент, а именно — находку и интерпретацию ставшей сегодня уже знаменитой пилосской таблички Та 641. Табличка была обнаружена еще в июне 1952 г. при возобновлении раскопок К. Блегена в Пилосе, но Блеген прочитал ее впервые только весной 1953 г., т. е. в то время, когда основная работа Вентриса и Чедуика о дешифровке линейного письма Б давно уже находилась в печати.

Последнее обстоятельство исключает, таким образом, возможность того, что Вентрис мог использовать текст этой таблички еще при составлении своего силлабического ключа в середине 1952 г. И если теперь Блегену удалось без труда прочесть табличку при помощи [75] предложенных Вентрисом слоговых значений, то это означало, что в пользу принципиальной правильности дешифровки Вентриса вдруг заговорил сам неизвестный ранее текст.⁵⁹

В трех строках таблички, изображенной на стр. 74, слоговыми знаками записано девять отдельных инвентарных статей и почти все они (кроме сильно поврежденной 3-й статьи) оканчиваются идеограммой, т. е. символическим изображением определенного предмета. Так, в первой строке дважды встречаем изображение треножника, во второй — четыре изображения сосудов с разным числом ручек, а в третьей — изображения таких сосудов даны только дважды. Если мы прочтем предшествующий соответствующим идеограммам слоговой текст с помощью предложенного Вентрисом ключа, наше внимание привлечет прежде всего та особенность, что идеограмма всякий раз подводит итог содержанию предшествующего ей слогового текста. Это наилучшим образом подтверждает детальный анализ некоторых статей таблички, данный на стр. 74.

После публикации таблички Блегена мнение значительного большинства ученых решительным образом склонилось в пользу дешифровки Вентриса. Во всем мире сразу же возрос интерес к микенской проблематике, и ученые многих стран стали с тех пор в значительно большей степени пробовать свои силы на поприще только что возникшей научной дисциплины — микенологии. Уже в 1954—1956 гг. вышло несколько сот статей, рецензий, сообщений и монографий, посвященных вопросам микенологии, видное место среди которых заняла, в частности, монография Вентриса и Чедуика «Документы на греческом языке микенской эпохи» (Кембридж, 1956).

Сегодня мы знаем, что эта преждевременная, чрезмерная активность микенологов имела и свои отрицательные стороны. Удивительно легкое толкование таблички Блегена с треножниками и возникшая в связи с этим убежденность в исключительных достижениях дешифровки Вентриса, якобы предоставляющей возможности точного истолкования всех записанных только что дешифрованной письменностью документов, привели вскоре к тому, что многие исследователи с самого начала утратили чувство меры, чего никогда бы не случилось, если бы знакомство с дешифровкой Вентриса происходило не при столь необычных обстоятельствах. Но аргументация, основанная на параллелизме идеограмм и силлабического текста на табличке Блегена, представлялась столь убедительной, [76] что в большинстве случаев забывали о каком бы то ни было критическом анализе, а с транскрипцией линейных текстов дело обстояло так, словно речь шла всего лишь об обычной условной латинской транскрипции, а не о непосредственной графической фиксации языка, стоявшего за микенскими текстами.

В результате получилось так, что слишком уж много исследователей (в том числе и таких, которые не были достаточно подготовлены к этой работе) пытались как можно скорее прочесть ту или иную табличку. Это вызвало во второй половине 50-х годов временный скепсис и многочисленные оспаривания правильности дешифровки Вентриса, причем в силу стечения обстоятельств это случилось вскоре после того, как сам Вентрис погиб в автомобильной катастрофе в конце 1956 г. Спор окончился победой сторонников Вентриса,⁶⁰ однако выступления скептиков все же дали один весьма положительный результат: зерно серьезного подхода к толкованию текстов было в значительной степени отделено от плевел самых фантастических домыслов и микенологические исследования были поставлены на подлинно научную основу. Сегодня этой научной дисциплиной занимаются ученые всего мира. Основными микенологическими центрами являются Кембридж, Оксфорд, Амстердам, Брюссель, Париж, Рим, Саламанка, Мадрид и Мэдисон (США), а в социалистических странах микенологией занимаются в основном отдельные ученые, прежде всего в Бухаресте, Дебрецене, Москве,⁶¹ Скопле, Софии и Брно.

Благодаря применению комбинаторного метода Вентриса, в 1952 г. была дешифрована одна из загадочных письменностей древнего мира и получил толкование диалект древнегреческого языка, называемый сегодня микенским. На характеристике этой письменности и языка мы и остановимся подробнее.

Памятники линейного письма Б включают в целом три основных категории линейных знаков: а) слоговые фонетические знаки (например, ka, ke, ko, ku; na, ne, ni, po, pu и т. д.); б) идеографические (рисуночные) обозначения людей, животных, предметов и т. п.; в) идеографические обозначения типа числительных, включая обозначения мер и весов.

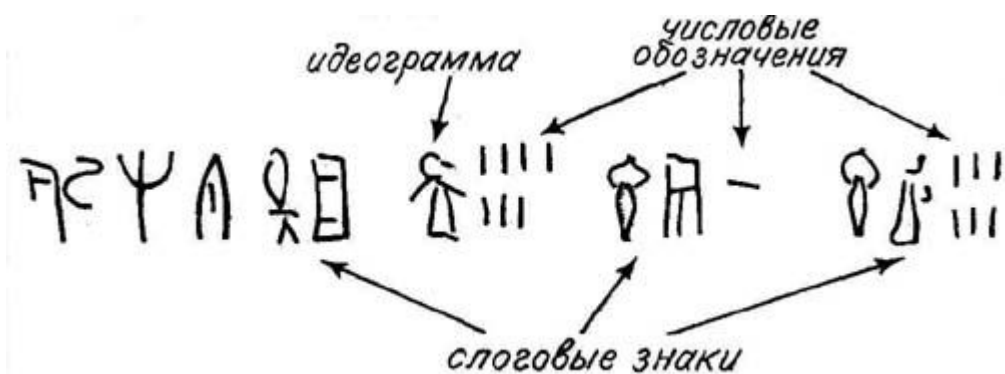
В то время, когда Вентрис осуществил свою дешифровку, слоговых знаков насчитывалось 87, сейчас их различают 90 (или 91), из них около 18 еще определено [77]

do		me		pte		sa		we		64	
du		mi		pu		se		wi		65	
dwe		mo		pu ₂		si		wo		79	
dwo		mu		qz		so		za		82	
e		na		qe		su		ze		83	
i		ne		qi		ta		zo		84	
ja		ni		qo		ta ₂		18		86	
je		no		ra		te		19		89	

Система линейного письма Б: 1 — силлабарий (знаки, обозначенные цифрами, не получили удовлетворительного толкования до настоящего времени) [78]

	мужчина		женщина
	лошадь		кабан
	треножник		чаша
	амфора		меч
	копье		стрела
	боевая колесница		колесо

2 — образцы идеограмм



3 — образец текста, выполненного линейным письмом: *me-ri-ti-ri-ja* = *meletriai* — «молотилыщицы» + идеограмма женщины + число 7; *ko-wa* = *korwai* — «девочки» + число 10; *ko-wo* = *korwoi* — «мальчики» + число 6

нельзя считать дешифрованными удовлетворительно. Впрочем, некоторые знаки встречаются в текстах чрезвычайно редко — частота их употребления нередко значительно ниже одной сотой процента. Современное состояние изученности знаков микенского силлабара может представлять таблица на стр. 78, где они даны вместе с их слоговыми значениями.

Любопытна фонетическая классификация основных надежно дешифрованных знаков. Лингвисты предполагают, что, например, слоги *ji*, *qi*, *wi* вообще отсутствовали [79] в микенском диалекте. С другой стороны, отдельные слоги могли передаваться на письме и двумя способами.⁶² Вероятно, здесь мы имеем дело с заимствованием знаков, относящихся к более древнему, догреческому периоду эволюции линейной системы письма. Эти знаки выполняли какие-то особые, не вполне понятные нам функции и со временем стали попросту случайными дублирующими вариантами. И, наконец, имеется несколько знаков, которые передают слоги, начинающиеся двумя согласными. Как правило, речь идет здесь о сочетании согласного с *j* или *w*. Однако большинство знаков представляет собой сочетание одного согласного с одним гласным, а отсюда следует уже отмечавшаяся выше необходимость или упрощать на письме сочетания согласных, или же сохранять их полностью за счет введения дополнительных гласных (см. орфографические правила 8-10 на стр. 73).

Писцы, которые записывали тексты, довольно хорошо владели силлабарием линейного письма Б, но основную смысловую нагрузку нес не столько сам текст, сколько понятийная классификация его содержания, служившая для административно-хозяйственных целей и количественного учета содержащихся в тексте данных. Подавляющее большинство сохранившихся табличек содержит идеограммы, в той или иной степени понятные любому человеку независимо от языка, на котором он разговаривает. Довольно ясны, например, идеограммы «мужчина», «женщина», несложно определить также идеограммы «конь», «шлем», «треножник», «звериная шкура», однако идеограммы «оливковое масло», «вино», «ткань» и другие вызывают уже существенные затруднения. Зачастую более точное определение идеограмм требует особых рассуждений, связанных с тщательным анализом значительного числа табличек.

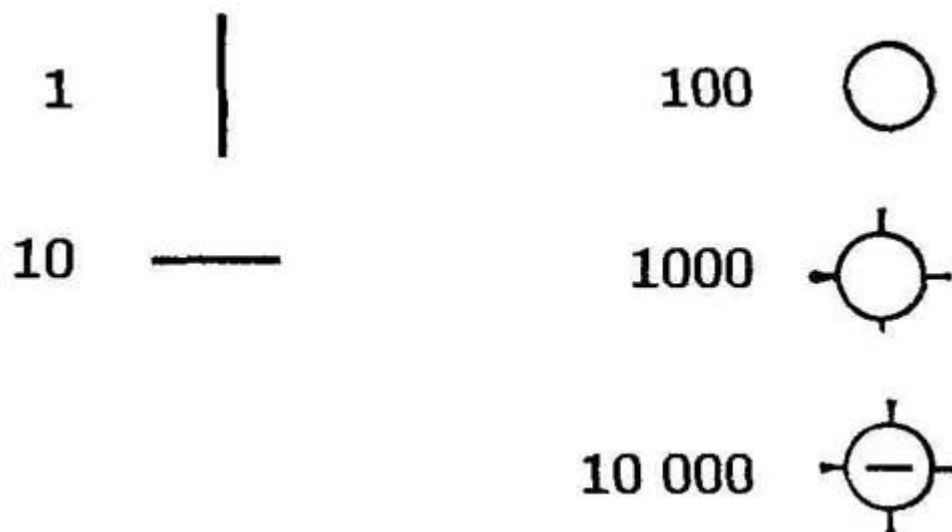
Иногда функции подобных идеограмм выполняют аббревиатуры, как правило, идентичные первому слогу слова, обозначающего соответствующий предмет или товар, причем в отдельных случаях речь идет, бесспорно, о словах, не отмечаемых в греческом языке. Так, благодаря анализу линейных текстов удалось установить, что «лён» идеографически обозначался знаком SA, хотя слово «лён» по-гречески *linon* (это слово в форме *gi-no* присутствует и в микенских текстах). Поэтому весьма вероятно, что на SA

начиналось слово, обозначавшее «лён» в догреческом языке древних критян, от которых греки заимствовали [80] наряду с репертуаром слоговых знаков также ряд издревле употреблявшихся аббревиатур, к числу которых впоследствии прибавился ряд других, образованных уже на основе греческого языка.

В общей сложности в текстах линейного письма Б засвидетельствовано свыше 150 различных идеограмм. В отличие от восточных систем письменности употребление идеограмм имеет здесь ту особенность, что они всегда так или иначе отделены от слогового текста и только в той или иной степени дополняют, резюмируют или уточняют его содержание.

Особым видом идеограмм являются числовые обозначения и единицы весов и объема, полностью заимствованные из древних критских метрических систем.

1. *Числовые обозначения.* Микенская система числовых обозначений последовательно десятичная и состоит из весьма простых и понятных знаков:



О том, каким образом производился последующий подсчет отдельных знаков, дает представление пиловская табличка PY Ea 59. На ее оборотной стороне чиновник производил «черновые» подсчеты. Единицы он обозначал вертикальными линиями, которые последовательно соединял в двух строчках по пять — в один десяток. Табличка повреждена, и поэтому полной фиксации подсчета не сохранилось. Засвидетельствована только итоговая сумма, равнявшаяся 137 и записанная суммарно одной сотней, тремя десятками и семью единицами.

Наряду с основными числовыми обозначениями микенская экономика нуждалась и в других количественных указателях — конкретных единицах веса и объема. Более древняя критская система была заимствована с изменениями: на ее основе был создан новый, упрощенный микенский вариант. Путь к его детальной интерпретации был довольно сложен. Определение принципов микенской метрической системы еще в начальный период исследования [81] текстов линейного письма Б является заслугой прежде всего Вентриса и Чедуика.

2. *Единицы веса.* Эта система довольно проста. Основной (и в то же время наиболее крупной) засвидетельствованной единицей является весовая, обозначаемая на табличках идеографическим знаком, сущность которого на первый взгляд ясна: речь идет о

схематическом изображении находящихся в подвешенном состоянии равноплечных весов. В этой микенской единице усматривают соответствие основной единице веса Греции классической эпохи, называемой *talanton* — «талант».

Основная единица подразделялась на 30 производных, а те, в свою очередь, на четыре еще более мелкие единицы. Все они имеют собственное идеографическое обозначение:

$$\begin{array}{rclcl}
 \text{[схематическое изображение весов]} & = & 30 & \begin{array}{c} \text{2} \\ \text{2} \end{array} & = & 120 & \begin{array}{c} \text{||||} \\ \text{||||} \end{array} & \text{(крупная единица)} \\
 & & 1 & \begin{array}{c} \text{2} \\ \text{2} \end{array} & = & 4 & \begin{array}{c} \text{||||} \\ \text{||||} \end{array} & \text{(средняя единица)} \\
 & & & & & 1 & \begin{array}{c} \text{||||} \\ \text{||||} \end{array} & \text{(мелкая единица)}
 \end{array}$$

Мелкая единица, вероятно, подразделялась еще на 12 частей.

Речь идет, таким образом, о метрической системе веса, основу которой составляет число 60 и которая, вне всякого сомнения, была заимствована на Ближнем Востоке.

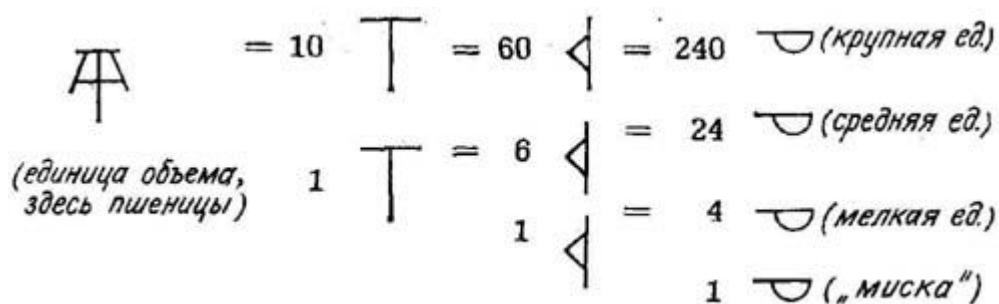
Шестидесятичная система использовалась фактически и в Греции классической эпохи, однако там она была уже нарушена проникновением десятичной системы (1 талант = 60 мин = 6000 драхм = 36 000 обол). Определить эквивалент, соответствующий упомянутым микенским единицам, представляется затруднительным. Во всяком случае, он не совпадает с величиной более позднего классического таланта.

При этом сам талант классической эпохи имел в зависимости от области использования две различные количественные характеристики (в одном случае 25,86 кг, в другом — 37,80 кг).

Путем различных умозрительных рассуждений и в особенности ссылаясь на эгейские гири, найденные [82] Эвансом в Кноссе и Кескеем на острове Кеос, Чедуик пришел к выводу, что основная микенская единица веса равнялась приблизительно 31,5 кг.⁶³

3. *Единицы объема.* Более сложной была система мер объема. Жидкие или сыпучие вещества (например, зерно) измерялись не по весу, а по объему. За единицами объема, безусловно, стояли определенные сосуды, как, например, явствует из идеограммы самой мелкой единицы объема сыпучих тел: она представляет собой миску с ручкой — в некотором роде соответствие самой мелкой единице объема в классической Греции, которая называлась *катила* («бокальчик», «рюмка»).

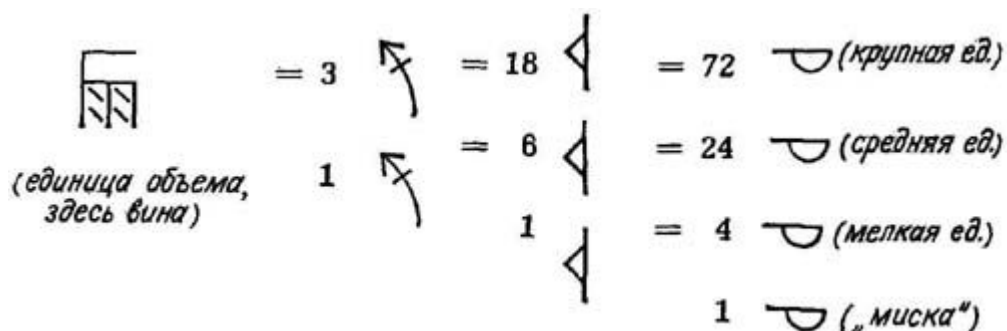
а) *Единицы объема сыпучих тел.* В качестве основной единицы здесь неизменно выступает идеограмма того или иного содержимого, например пшеницы. Эта единица подразделяется на 10 частей, каждая из которых включает 6 более мелких единиц, а эти, в свою очередь, насчитывают 4 вышеупомянутые миски:



В классическую эпоху 4 бокала (котилы) также составляли одну более крупную единицу — так называемый хойник, однако в возрастающем порядке система несколько менялась: 8 хойников составляли 1 модий, а 6 модиев — 1 медимн. Самая крупная единица объема классической эпохи, медимн, подразделялась только на 48 хойников, в то время как в микенскую эпоху единица объема, соответствующая классическому медимну, делилась на 60 частей.

Перевод на современную систему измерений также вызывает затруднения, поскольку и классическая котила имела в различных территориальных системах две разные объемные характеристики. На основании ряда сопоставлений Чедуик взял в качестве крупной единицы сыпучих тел объемов 96 литров — это, бесспорно, была максимальная величина. [83]

б) *Единицы объема жидких тел.* Система объемов жидких тел имела следующий вид:



Принимая во внимание то обстоятельство, что здесь две самые мелкие единицы по своему графическому изображению тождественны соответствующим единицам объема сыпучих тел, следует предполагать, что они имели один и тот же объем. Крупная единица измерения жидких тел составляла, таким образом, менее 1/3 единицы объема сыпучих тел и равнялась, согласно Чедуику, приблизительно 28,8 л. Этому объему (или его кратному) также соответствовал целый ряд крупных сосудов, найденных археологами в микенских и минойских дворцах.

Бросающееся в глаза различие между метрическими системами сыпучих и жидких тел обусловлено тем, что жидкие вещества, как правило, тяжелее равных им по объему сыпучих тел (1 л зерна = 0,63 кг). При этом основным критерием в выборе крупных единиц объема являлось следующее соображение: транспортировка объема, соответствующего определенному типу содержимого того или иного вещества, должна быть по силам одному человеку. Как показывают наши вычисления, и в том и другом случаях это было действительно на грани человеческих сил. Крупная единица объема воды или вина, соответствовавшая 28,8 л, весила равное число килограммов. Поскольку жидкости переносили в довольно тяжелых глиняных сосудах с ручками, нести такой сосуд

наполненным было тяжело даже для двух человек. Сыпучие тела также хранились в крупных глиняных емкостях, но последние в большинстве случаев стояли на одном и том же месте, а их содержимое переносили в мешках из кожи или ткани. В таком случае, хотя мешок хлеба объемом 96 л, содержащий приблизительно 60 кг зерна, был довольно тяжелым, один человек все же мог его перенести. [84]

Открытие древнейшего диалекта древнегреческого языка в текстах линейного письма Б XIV—XIII вв. до н. э. с самого начала привлекло большой интерес специалистов по древнегреческим диалектам. Следовало ожидать, что придется иметь дело с греческим языком, чем-то напоминающим язык гомеровских поэм, а учитывая историческую ситуацию, сложившуюся в Греции к концу микенской эпохи, язык этот должен был обнаруживать особое сходство с так называемым аркадо-кипрским диалектом.

Еще в конце XIX в. было установлено, что классический греческий диалект горной области Пелопоннеса Аркадии связан родственными отношениями с диалектом далекого Кипра. А поскольку и археологи склонны считать, что греки основали свои первые колонии на Кипре самое позднее около 1200 г. до н. э., была выдвинута гипотеза, согласно которой ко времени падения микенской цивилизации население всего Пелопоннеса, островов Эгейского моря и даже Кипра общалось на весьма близких между собой говорах, т. е. на особом древнеахейском диалекте. Дешифровка линейного письма Б вполне подтвердила это предположение, поскольку микенский диалект действительно обнаруживает целый ряд черт, тесно сближающих его с аркадским и кипрским диалектами. [64]

Изучение микенского диалекта способствовало также лучшему пониманию некоторых характерных черт языка Гомера. И хотя первоначальное предположение, что часть линейных текстов была составлена поэтическим размером древнегреческого эпоса — гекзаметром, оказалось ошибочным, многочисленные параллели между языком Гомера и микенским диалектом указывают, что истоки греческой эпической поэзии восходят к микенской эпохе.

Новооткрытый греческий диалект вполне соответствует и общим представлениям специалистов в области исторической грамматики греческого языка и сравнительного индоевропейского языкознания о древнейшем периоде истории греческого языка. Самым замечательным здесь было подтверждение существования так называемых индоевропейских лабиовелярных согласных. Проблема точной классификации индоевропейских языков уже давно интересовала ученых. Так, чешское числительное *čtyři* имеет в начале звук «ч» (ср. русск. «четыре», а также, например, древнеиндийское *catvarah*). Это же числительное начинается в английском языке звуком *f* (*four*; ср. немецкое *vier*, которое произносится как *fir*), в латинском — *qu* (*quattuor*), в греческом *t* или *p* (*tettares*, *tesseres*, *pisures* и другие [85] формы). При этом точно установлено, что все упомянутые слова происходят от единой индоевропейской основы, которая, вероятно, имела форму *k^wetwor* или *k^wetug*. К подобным выводам вело и сопоставление таких индоевропейских слов, как греческое *tis*, *ti* — «кто, что», *poteros* или *koteros* — «один из двух» с латинским *quis*, *quid* — «кто, что», чешским *který*, немецким *was* или английским *what* — «что». Лингвисты установили, что различие в начальных согласных этих слов можно объяснить, только выдвинув предположение, что в праязыке индоевропейской общности существовал какой-то особый ряд согласных, при произношении которых принимали участие как губной (лабиальный), так и задненёбный (велярный) элементы. Эти реконструированные индоевропейские согласные были названы лабиовелярными и обозначаются на письме как *k^w*, *g^w*, *g^wh*. Вот почему успешное доказательство Вентрисом и Чедуиком наличия этих лабиовелярных в микенском диалекте древнегреческого языка

еще около 1200 г. до н. э. было встречено с большим энтузиазмом. Числительное «четыре» встречается здесь, например, в составном слове *qe-to-ro-we*, *k^wetorowes* — «четверной». Этот пример подтверждает, что принципы структурного направления современной лингвистики применимы и к исследованиям мертвых языков. И если в подобных исследованиях невозможно в равной степени использовать фонетику, способную вполне точно определить произношение отдельных звуков, то на помощь приходит фонология с ее абстрактной фонемой, т. е. основной функциональной единицей, имеющей четко закрепленное место в звуковой системе языка.

Благодаря этим конкретным сведениям лингвистического характера микенские тексты предоставили нам возможность углубить наши знания о греческом языке II тысячелетия до н. э. Еще 30 лет назад история греческого языка начиналась приблизительно с 725 г. до н. э. (к этому времени относятся древнейшие надписи, составленные греческим алфавитом), а рассуждения о предыстории греческого языка ограничивались перечнем предполагаемых доисторических языковых процессов, датировать которые в большинстве случаев вообще не представлялось возможным. Сегодня же знание микенского диалекта позволяет хронологически разделить эти языковые явления на три группы:

а) явления, еще не засвидетельствованные в микенском диалекте (в таком случае они безусловно появились только в хронологический период между падением микенской [86] цивилизации около 1200 г. до н. э. и составлением первых письменных документов на греческом языке в конце VIII в. до н. э.);

б) явления, реализация которых прослеживается непосредственно в микенских текстах (датируются приблизительно 1400—1200 гг. до н. э.);

в) явления, уже присутствующие в микенском диалекте, возникновение которых следует, таким образом, отнести ко времени до 1400 г. до н. э.

Все это, естественно, привело к громадному обогащению наших знаний о древнейших периодах истории греческого языка, и сегодня она уже довольно хорошо прослеживается начиная с середины II тысячелетия до н. э. А зная, что греки пришли в места своего позднейшего обитания около 2000 г. до н. э., мы в состоянии также хронологически определить с большей или меньшей степенью вероятности и некоторые более древние языковые явления в зависимости от того, реализовались ли они уже на территории Греции или еще за ее пределами.

Таким образом, дешифровка линейного письма Б неожиданно открыла нам широкие перспективы изучения языковых и этнических процессов, происходивших в древней Эгеиде во II тысячелетии до н. э.

[56] Типологическую классификацию систем письменности см., например, в упоминавшихся выше работах И. Фридриха и И. Е. Гельба. (*Примеч. пер.*)

[57] О дешифровке линейного письма Б и его структуре см.: *Bartoněk A. Zlatá Egeis. Praha, 1969*, где указана и более ранняя литература по данному вопросу. Из других работ следует указать исследования М. Вентриса и Дж. Чедуика, изданные в 1953, 1956 и 1973 гг., а также монографии Дж. Чедуика, опубликованные в 1958, 1967 и 1974 гг. (На русском языке см.: *Чедуик Дж., 1976; Фридрих И. Дешифровка... — Примеч. пер.*).

[57a] В тексте книги есть ссылка на примечание, но само примечание отсутствует. *HF*.

[58] Однако вопрос о том, действительно ли возникновение линейного письма Б было обусловлено насущными потребностями греческого языка, продолжает оставаться открытым. Не исключено, что оно — один из вариантов линейного письма А, приспособленный греками-ахейцами для составления хозяйственно-административных записей на своем языке.

[59] См.: *Blegen C. W.*, 1953.

[60] См.: *Bartoněk A.* - SPFFBU. 1958, ЕЗ, с. 95 и сл.; 1969, с. 108 и сл.

[61] О состоянии микенологии в СССР читатель может получить представление по библиографии микенологических исследований, приведенных в [Приложении](#) к настоящей книге. (*Примеч. пер.*).

[62] Для знака a_2 принята фонетическая характеристика ha . См.: *Bartoněk A.* — SPFFBU. 1957, А5, с. 44 и сл.

[63] См.: *Chadwick J.*, 1976a, с. 102 и сл.; *Ventris M., Chadwick J.*, 1973, с. 394 и сл. Хотя данная в этих работах количественная характеристика отдельных метрических единиц не получила всеобщего признания, числовые пропорции между ними определены верно. Таким образом, эти характеристики являются ориентировочными: их можно считать действительными с колебаниями до 25 % в ту или иную сторону.

[64] О связях между диалектами греческого языка микенской эпохи см.: *Bartoněk A.*, 1971; 1978; 1979; *Chadwick J.* — САН, II, с. 609 и сл.; *Hiller St., Panagl O.*, 1976, с. 93 и сл.; *Chadwick J.* 1976b; *Schmitt B.*, 1977, с. 111 и сл. (См. также: *Гринбаум Н. С.* Ранние формы, с. 17-42. — *Примеч. пер.*).

Глава 6.

Тексты на микенском диалекте

Установить точное количество текстов линейного письма Б невозможно. Значительная часть найденных табличек состоит из двух и более фрагментов, причем тот или иной отдельный обломок может представлять только часть таблички, прочие фрагменты которой до сих пор так и не обнаружены. В целом ряде случаев отдельные фрагменты уже удалось соединить друг с другом. Поэтому разные ученые приводят различные количественные данные найденных табличек. Впрочем, поскольку новые таблички находят в последнее время довольно редко, а отдельные фрагменты удается соединить друг с другом, общее количество текстов постепенно снижается. Их состояние на конец 1979 г. было следующим:⁶⁵

	Таблички	Сосуды
Крит		
Кносс	3369	2
Хания и окрестности	—	16
Материковая Греция		
Пилос	1112	1
Микены	73	11 [87]
Тири́нф	6	43
Элевсин	—	1
Фивы	43	68
Орхомен	—	1
Кревсида	—	1
Итого	4603 +	144 = 4747

Из приведенных данных явствует, что наибольшее количество документов найдено в Кноссе, но при этом таблички из Пилоса менее фрагментарны и в большинстве случаев более пространны. Именно они дают нам большую часть информации. Почти все тексты были опубликованы в специальных изданиях, а последние находки появились на страницах научных журналов.⁶⁶ В настоящее время существуют даже специальные словари микенской лексики, но до сих пор отсутствует подробная описательная грамматика микенского диалекта греческого языка, которая соответствовала бы современному состоянию исследований в области языкознания.⁶⁷

Надписи на сосудах имеют свои особенности. Они прорисованы (ни в коем случае не прочерчены) по керамике и при этом как до, так и после обжига. Во втором случае речь идет о записях случайного характера, передающих, как правило, имя владельца.

Надписями на сосудах в собственном смысле этого слова следует считать только те, текст которых был прорисован по поверхности сосуда до его обжига и при этом только в том случае, когда надпись состоит по крайней мере из трех следующих друг за другом знаков. В большинстве случаев такие надписи состоят лишь из одного слова, чаще всего имени собственного. Более пространные тексты встречаются только в порядке исключения. Это касается прежде всего сосудов, найденных среди развалин дворца в Фивах. Текст фиванских сосудов обычно состоит из трех слов: мужского имени, названия местности

(или же пояснительного существительного, обозначающего принадлежность сосуда, например слово «владельца») и мужского имени в родительном падеже. При этом частое упоминание на фиванских сосудах топонимов, известных только на Крите, свидетельствует о том, что речь могла идти о предметах, завезенных с Крита.⁶⁸ Очевидно, критские топонимы должны были указывать на оригинальное происхождение привезенного товара (оливкового масла, вина и т. п.), поскольку сосуд был, в сущности, всего лишь тарой. [88] В конце концов и современный покупатель отдает предпочтение импортному вину с оригинальной этикеткой перед таким же вином, но поступающим в магазин с внутреннего рынка.

При анализе текстов табличек следует помнить и о цели их составления.⁶⁹ Они должны были фиксировать прежде всего количественные данные хозяйственного характера. Поэтому особую значимость на всех табличках имеют числа. Итоговые части текстов дают всего лишь краткую и стереотипную характеристику предметов и статей, к которым относятся эти числовые обозначения. Поскольку они повторялись в записях из года в год, несовершенство письменности не могло являться препятствием для их понимания. Что касается содержания, то большинство табличек состоит из двух частей: более или менее краткой словесной фиксации основного факта, т. е. хорошо запоминающейся части текста, и следующей за ней регистрации количественных данных, изменявшихся от случая к случаю и из года в год и, естественно, не сохранявшихся в памяти.

Таблички изготовляли из сырой глины, затем их выравнивали и по еще влажной плоской поверхности острым резцом (возможно, колючкой какого-либо растения) наносили письменные знаки, а затем сушили на солнце. Пока табличка еще не высохла полностью, можно было вносить необходимые исправления или дополнения. На следующий день поверхность становилась уже настолько твердой, что дальнейшая правка была невозможна. Специальному обжигу, как это было принято на Ближнем Востоке, таблички не подвергались, но, поскольку дворцы, в которых были найдены таблички, погибли в результате пожара во время вражеского нашествия, до нашего времени эти таблички дошли в обожженном виде. Для нас это обстоятельство явилось исключительной удачей, ибо в противном случае они попросту вскоре рассыпались бы в прах.

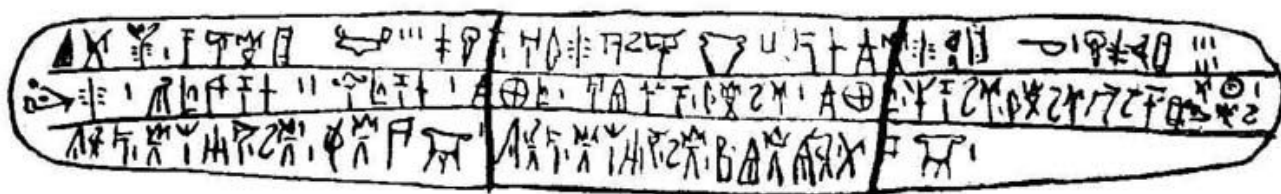
Тот факт, что таблички быстро высыхали, означает, что записи нужно было составлять оперативно, в один присест. Поэтому всевозможные сопроводительные данные, которые не занимали много места, записывались на табличках малого размера. Только после того, как накапливалось значительное число записей более частного характера из одной области делопроизводства, их переписывали на таблички больших размеров. Особенно хорошо это отображено в текстах, регистрирующих земельную собственность Пилосского царства: тексты малых табличек подсерии Eb в ряде [89] случаев переписаны на таблички нескольких больших размеров подсерии Ep, которая содержит суммарный итог записей табличек других подсерий. С другой стороны, размеры табличек, естественно, были обусловлены и прочностью материала (самый большой документ имеет размеры 16*27 см и толщину 3 см). В случае необходимости текст продолжали писать на новой табличке (или даже на нескольких табличках), которая по своему содержанию составляла единое целое с первой. Так обстоит дело, например, с группой из пяти табличек серии An/Jn, текст которых сообщает о береговой охране Пилосского царства, на чем мы еще остановимся ниже.

Таблички укладывались в плетеные корзины. Об этом свидетельствует находка глиняных табличек со сведениями о содержимом корзины (пилосская серия Wa). На обратной стороне их в некоторых случаях сохранились отпечатки плетеной поверхности. Очевидно, такие корзины устанавливались на полках дворцового архива. Когда дворец сгорел, все

воспламеняющиеся материалы, которые использовались для хранения табличек, погибли. Сохранились лишь сами обожженные жаром и расколовшиеся на части таблички. Лежавшие на полках таблички свалились наземь, и содержимое различных корзин перемешалось. В одном случае обломки одной и той же таблички остались лежать рядом, в другом оказались далеко друг от друга в результате пожара, а в третьем — попали в разные места только впоследствии, когда звери стали устраивать среди развалин норы, а люди искали сокровища и выносили все ценное. Вмешательство извне, повлиявшее на последующее местонахождение табличек, происходило и в начальный период археологических раскопок, когда исследования проводились еще без должной научной документированности и недостаток опыта сказывался прежде всего именно при находках памятников письменности. Теперь мы знаем, что по прошествии многих веков отдельные таблички образовали вместе с прилежащим к ним материалом столь однородную массу, что рабочие, участвовавшие в первых археологических раскопках эгейской культуры, естественно, могли попросту не обратить на них внимания и выбросить в отвалы. Именно так объясняют иногда то обстоятельство, что Шлиман, например, не обнаружил ни одной таблички на территории собственно Микенской крепости. Равным образом не считалось необходимым фиксировать точное местонахождение каждого из найденных предметов и при раскопках Эванса в Кноссе. [90]

Тем большее восхищение вызывают непрекращающиеся усилия исследователей, специально занимающихся соединением обнаруженных фрагментов в целые, изначально существовавшие таблички. Это англичане Дж. Чедуик и Дж. Т. Киллен, американец Э. Л. Беннетт и бельгийцы Ж.-П. Оливье и Л. Годар. Результаты их работы приносят все новые и новые неожиданные открытия.⁷⁰ Автор этой книги был свидетелем того, как во время экскурсии микенологов в Эшмолеанский музей в Оксфорде Ж.-П. Оливье обратил внимание, что один из экспонирующихся там кноссских фрагментов по своему внешнему виду очень напоминает другой фрагмент, находящийся на Крите в фондах музея Гераклиона. Две недели спустя все убедились, что память Оливье в отношении табличек поистине феноменальна, так как правильность его оксфордского наблюдения полностью подтвердилась. Сегодня эти два обломка рассматривают как одну табличку, состоящую из двух фрагментов, — один из них Эванс увез когда-то в Оксфорд, а второй остался на Крите.

Иногда любопытный сюрприз может преподнести счастливое стечение обстоятельств, как это имело место в случае со знаменитой кносской табличкой, на которой изображено шесть конских голов (Ca 895). Ее правая половина с изображениями четырех конских голов и двумя словами, записанными линейным силлабарием, была известна еще Эвансу. При помощи уже дешифрованного классического кипрского письма он в качестве опыта прочел оба слова как ro-lo, сравнив их с греческим словом polos — «жеребенок», но сразу же отбросил это толкование, поскольку не верил, что за линейным письмом Б может стоять греческий язык. На протяжении нескольких десятилетий никто не занимался этой табличкой, и только в 1955 г., когда линейное письмо Б было уже дешифровано, Чедуик обнаружил в музее Гераклиона на Крите левую часть таблички. На обломке имелось изображение еще двух конских голов и рядом два слова, записанные знаками линейного письма. Одно из них Чедуик прочел как i-qo, hikkwos — «конь» (в более позднем греческом языке это слово звучало как hippos, от которого в современных языках имеется ряд заимствований, например слово «ипподром»), а второе как o-no, т. е. onos — «осел». И Чедуик мог с полным правом спросить себя: «Может ли здесь быть простая случайность? Сколь ничтожна вероятность того, чтобы в двух строках, содержащих идеограммы шести конских голов, совершенно случайно (если дешифровка ошибочна) могли оказаться именно те слова, которые [91] напоминают греческие названия коня, жеребенка и осла!». ⁷¹



Табличка Та 709 из Пилоса, средняя часть которой была реконструирована Палмером еще до ее находки в 1957 г.

Раскопки Пилоса проводились уже более тщательно, и находкам письменных памятников здесь уделялось должное внимание. Сказанное особенно справедливо в отношении исследований, проводившихся после второй мировой войны. Если уж мы заговорили о пилосских фрагментах, следует вспомнить находку двух обломков продолговатой таблички, которым недоставало соединительной средней части. Дать толкование этому тексту пытались различные исследователи. Л. Р. Палмер из Оксфорда истолковал текст второй строки левого фрагмента как перечень предметов, имеющих какое-то отношение к очагу. Со временем его догадка получила замечательное подтверждение. В 1957 г. после долгих поисков была найдена и недостающая средняя часть (см. табличку Та 709), и таким образом обнаружилось, что во второй строке сразу же за названиями этих предметов следует линейное e-ka-ra, бесспорно соответствующее греческому eskhara — «очаг».⁷²

Следующей весьма важной задачей была классификация табличек линейного письма по содержанию. Основная заслуга здесь принадлежит Э. Л. Беннетту, впервые предпринявшему попытку классификации текстов в начале 50-х годов (т. е. еще до дешифровки письменности), основываясь главным образом на анализе идеограмм. Эта классификация была разработана впоследствии как самим Беннеттом, так и другими специалистами. В настоящее время микенские тексты, включая надписи на обломках сосудов, подразделяются на 23 основные серии, а те, в свою очередь, — на подсерии. Наряду с этим ученые интенсивно занимались вопросом о том, какие таблички связаны друг с другом в такой степени, чтобы их можно было рассматривать как единый письменный документ. Однако подробная классификация и систематизация сталкиваются с самыми различными трудностями объективного характера. Лишь в исключительных случаях удастся отыскать ту или иную изначально существовавшую группу табличек, столь [92] неоспоримо примыкающих друг к другу, как это имело место, например, в случае с табличками серии Рр, найденных Эвансом в Кноссе: лежащая в самом низу табличка содержит перечень данных прочих табличек и, таким образом, начинает (или же, наоборот, завершает) всю серию.

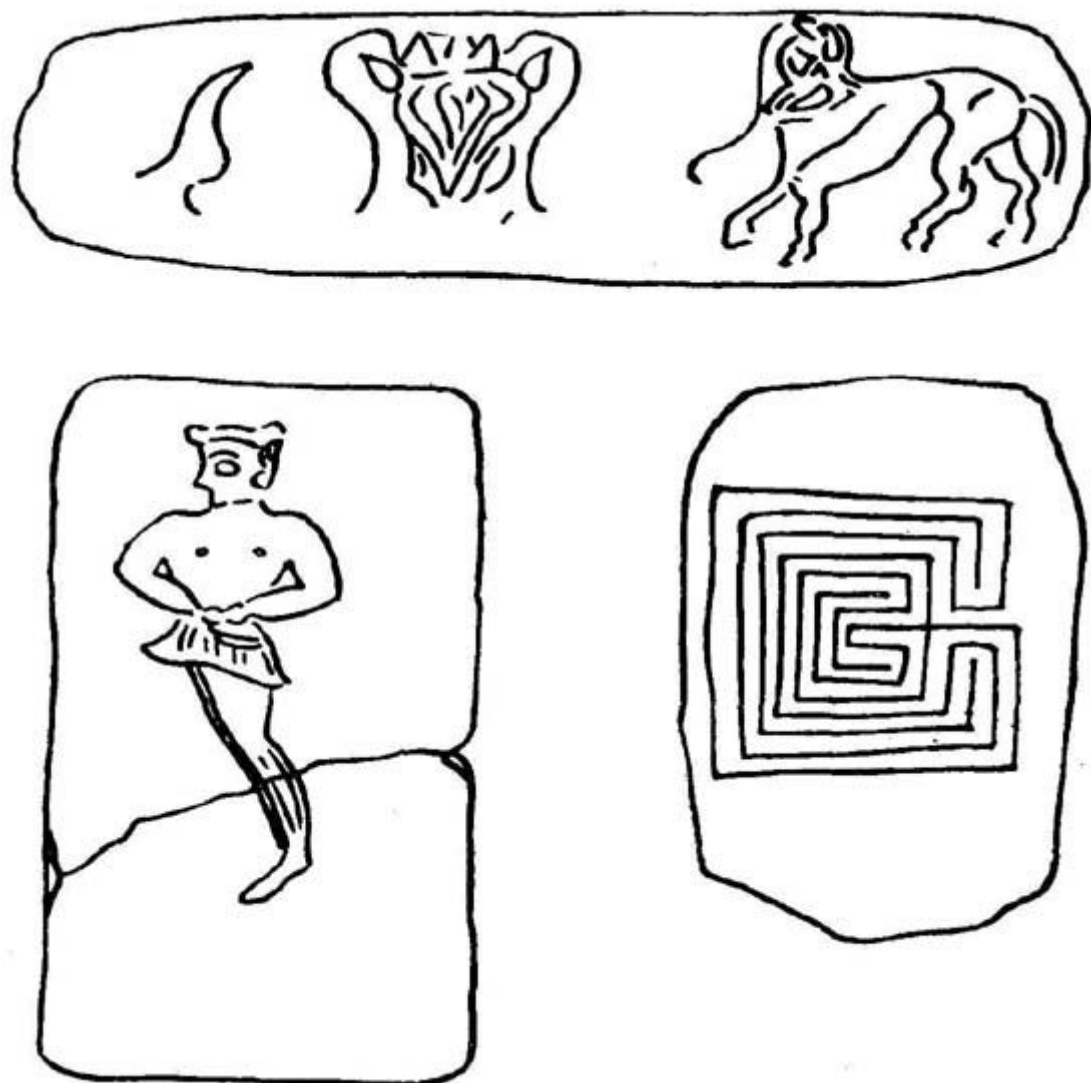
Обзор серии табличек, приведенный на стр. 97, может дать только самое общее представление об их содержании, поскольку многие из указанных здесь кругов понятий взаимно перекрываются. Кроме того, классификации присуща и некоторая очевидная несогласованность. Например, сосуды в Кноссе входят в класс К-, в то время как в Пилосе они относятся к классу Та и т. п. (см. данные в квадратных скобках).

Большое значение для правильной классификации табличек имело изучение техники работы писцов и индивидуальных особенностей их почерков. Точно так же как каждый современный человек имеет свой почерк, отличительные черты присущи и отдельным составителям табличек. Поэтому объектом исследования ученых является здесь определение отличий в силе нажима, в последовательности отдельных штрихов, в способе их соединения и манере написания некоторых второстепенных элементов того или иного

знака. На основании такого рода наблюдений Беннетт и Оливье установили наличие в Пилосе от 25 до 40 писчих почерков, а Оливье в Кноссе — от 70 до 80 писцов.⁷³

Изучение писчих почерков позволяет нам сделать и некоторые выводы относительно того, каким образом велось хозяйственное делопроизводство у микенцев. Так, установлено, что в Пилосе того времени, к которому относятся наши записи, существовал особый чиновник, ведавший инвентаризацией колес от колесниц (подсерия Sa). Все таблички этой подсерии составлены его почерком. Кроме того, его рука прослеживается и на глиняной этикетке Wa 1148, которая была определена как заглавие ко всей подсерии именно благодаря наличию одного и того же почерка. Без сопоставительного изучения писчих почерков это обстоятельство осталось бы незамеченным. В Кноссе один и тот же чиновник составлял все записи, касающиеся шерсти, одежды и рабочих женских групп. Это дает основание сделать вывод, что он ведал организацией или по крайней мере наблюдением за текстильными изделиями.

Во время работы чиновники делали перерывы. Об этом свидетельствует тот факт, что писцы иногда [93] переворачивали свою табличку и рисовали на ее оборотной стороне изображения различных предметов: например, растение, животное, человеческую фигуру или схему лабиринта (см. рис. на стр. 94).



Образцы случайных рисунков на табличках

Какой же была техника работы над табличками? Чистую сырую табличку писец поддерживал снизу левой рукой, как это явствует из часто встречающихся отпечатков пальцев на оборотной стороне таблички, причем таблички больших размеров зачастую имеют на оборотной стороне углубления, соответствующие положению большого и прочих пальцев.

Точно так же как сегодня может ошибиться машинистка, ошибались и микенские писцы. Однако последние имели в своем распоряжении гораздо менее совершенные корректирующие средства, поскольку исправления можно [94] было вносить, только пока поверхность оставалась еще влажной. Но и в тех случаях, когда писец соскабливал одну или несколько букв, ниже зачастую оставались незначительные следы первоначального текста, прочтение которого иногда позволяет нам извлечь любопытные сведения, касающиеся как языка, так и ведения делопроизводства. В других случаях писец попросту надписывал над ошибкой знак или слово, а иногда продолжал писать на правом или нижнем окаймлении таблички или даже переходил на другую сторону (PY Va 1324). На обратной стороне писали только в исключительных случаях. Такой случай имел место, например, на знаменитой табличке, составленной в последние часы существования Пилоса, на которой мы еще остановимся ниже. Известен случай, когда писец вообще не обратил внимания, что лицевая сторона таблички уже исписана, и сделал на обратной стороне еще одну запись, не имевшую никакого отношения к записи на лицевой стороне (MY Ue 611).

Большое число писчих почерков в текстах, относящихся к одному и тому же году, означает, что записи составляли отдельные чиновники, осуществлявшие надзор над определенной хозяйственной отраслью, но ни в коем случае не особая каста писцов, как это имело место на Ближнем Востоке. Содержать для составления в течение года нескольких тысяч табличек десятки человек, которые занимались бы только их заполнением, было бы совсем уже нецелесообразно, поскольку составление одной таблички, даже самой крупной из известных нам, отнимало у опытного писца чуть более четверти часа. При этом большинство текстов настолько кратко, что для их составления достаточно нескольких минут. Согласно подсчетам Чедуика, квалифицированный писец смог бы переписать все сохранившиеся таблички из Пилоса и Кносса за несколько недель. Дело обстоит, однако, таким образом, что в то время как десятки табличек (обычно определенных серий или подсерий) составлены лишь несколькими писцами, прочие писчие почерки встречаются только в единичных случаях. Очевидно, писать умели все чиновники, занятые в различных отраслях хозяйственного управления, хотя не все они в равной степени применяли свое умение на практике. Обычно записи составляли наиболее опытные чиновники среднего звена. Но при этом, так же как сегодня заведующий отделом подходит время от времени к машинистке и лично вносит в текст исправления или дополнения, так, очевидно, и в микенских дворцах главный чиновник [95] брал иногда в руки острое и вносил свои исправления. Так, вероятно, обстояло дело и с пилосской табличкой Ed 411, составленной двумя почерками: возможно, высший чиновник счел нужным внести некоторые дополнения в запись, первоначально составленную его подчиненным.

Многие серии табличек являются неполными, но, несмотря на это, мы зачастую можем составить представление о всей совокупности данных в табличках той или иной серии или подсерии. В некоторых случаях в нашем распоряжении имеются два ряда параллельных записей одной серии, и таким образом в случае необходимости можно восполнить пробелы. В других — от всей серии сохранились только итоговые количественные перечни, дающие возможность определить процентное количество недостающих табличек и на основании этого составить общее представление о всей серии.

Неполная сохранность той или иной серии может объясняться различными причинами. Например, составление записей, касающихся отдельных статей учета, могло зависеть от времени года. Содержание сохранившихся табличек позволяет считать, что как в Кноссе, так и в Пилосе ко времени разрушения дворца прошло только менее половины календарного года. Трудность, однако, состоит в том, что мы не знаем, когда именно начинался год в Эгееде.

Началом года теоретически можно предполагать весеннее или осеннее равноденствие или же летнее или зимнее солнцестояние. Учитывая то обстоятельство, что в кноссских текстах засвидетельствованы названия пяти календарных месяцев, но при этом отсутствуют систематические упоминания о летних урожаях зерновых, представляется, что год мог начинаться с момента весеннего равноденствия. Кроме того, на кноссских табличках сохранились записи о весенней стрижке овец, которую следует относить к апрелю. Все это говорит о том, что падение Кносса имело место, вероятно, в июне и что календарный год начинался с зимнего солнцестояния.

К подобным выводам мы приходим и при анализе пилосских табличек. На них сохранились названия всего лишь трех месяцев, из которых третий (он упоминается на табличке, составленной, несомненно, в последние дни существования Пилосского дворца) назывался ро-го-wi-to; Plowistos — «судоходный» (месяц). Судя по названию, речь идет о месяце, в котором начинался навигационный период. В таком случае Пилос, очевидно, был захвачен приблизительно в марте или апреле. В конце концов, это [96] подтверждается и тем фактом, что на пилосских табличках часто встречаются сведения о численности овец и при этом нет ни одной записи о их стрижке. Поэтому остается только сожалеть вслед за Дж. Чедуиком, что захватчики не подождали со взятием дворца Нестора по крайней мере до ноября.⁷⁴

Основные серии табличек линейного письма Б:

Серии	Идеограммы	Кносс	Пилос	Микены	Фивы
A-, B-	люди: мужчины, женщины	KN	PY	MY	
C-, D-	животные: быки и коровы, овцы, козы, свиньи, лошади, олени и др.	KN	PY		
E-, F-, G-	земледельческие продукты: пшеница, ячмень, маслины, растительное масло, смоквы, вино, корни и др.	KN	PY	MY	
J-	металлы	KN[Og]	PY		
K-	сосуды	KN	PY[Ta]	MY[Ue]	
L-	ткани: полотно, шерсть	KN	PY	MU[Oe]	TH[Of]
M-	(прочие статьи натурального налога)	KN	PY		
N-	лен	KN	PY		
O-, P-, Q-	(идеограммы окончательно не установлены)	KN	PY	MY	TH
R-, S-	боевое оружие: мечи, копья, стрелы, панцири, шлемы, боевые колесницы и колеса к ним	KN	PY		
T-	ремесленные изделия: мебель, предметы домашнего обихода и др.	KN[K-]	PY	MY[Ue]	
U-	(предметы различного назначения)	KN	PY	MY	TH

V-	(без идеограммы)	KN	PY	MY	
W-	(глиняные ярлыки с письменными знаками)	KN	PY	MY	
X-	(несистематизированные фрагменты)	KN	PY	MY	
Z-	(фрагменты сосудов с письменными знаками)	KN	PY	MY	TH

Однако что утрачено действительно навсегда, так это записи на материале не столь огнестойком, как глиняные [97] таблички. На существование такого материала указывает ряд обстоятельств. Прежде всего уже сама по себе закругленная форма писчего материала свидетельствует о том, что первоначально знаки письменности не были приспособлены для прочерчивания их по глине. Кроме того, записи на глиняных табличках всегда относятся только к текущему году, о чем свидетельствует и частое употребление оборотов «в этом году» (*toto wetos*), «в прошлом году» (*perusinwon*) и «в следующем году» (*hateron wetos*). Такая практика неминуемо вела бы к недоразумениям, если бы сохранялись одновременно записи, относящиеся к самым различным годам. Однако при этом представляется маловероятным, что столь развитая система хозяйственной регистрации могла обходиться без более долговременных записей хозяйственной деятельности. Поэтому принято считать, что глиняные таблички были в хозяйственном делопроизводстве только вспомогательным писчим материалом.

С другой стороны, следует подчеркнуть (о чем часто забывают микенологи!), что при так называемом распределительном хозяйстве, о котором мы еще будем говорить, долговременные записи не имели особо важного значения. Дворцовая администрация занималась скорее регистрацией, чем организацией производства, в результате чего хозяйственный учет носил в основном только временный характер. А для этого в большинстве случаев было вполне достаточно записей на глиняных табличках низкой себестоимости.

И все же мы считаем возможным, что в отдельных случаях использовался более долговременный писчий материал. Какой именно — относительно этого можно только строить предположения. Некоторые исследователи считают, что писать могли на высушенных пальмовых листьях, исходя прежде всего из факта существования наряду с наиболее распространенной формой глиняных, табличек — вертикально поставленным прямоугольником — другой формы, эллипсообразной, внешне напоминающей пальмовый лист. Впрочем, Чедуик убедительно доказал, что наличие табличек такой формы, использовавшихся главным образом для более кратких записей, объясняется тем, что чиновник брал подходящий кусок глины, скатывал его роликом, а затем расправлял по бокам на ровной подставке.⁷⁵ В настоящее время специалисты чаще всего склоняются к мысли, что долговременным писчим материалом служили в Эгее выделанные шкуры [98] животных, в пользу этого мнения, помимо прочих доказательств, приводят тот факт, что на Кипре в I тысячелетии до н. э. учитель чтения и письма назывался *diphtheroloiphos*, т. е. «человек, рисующий на шкуре».

Как ни парадоксально, но этот «более долговечный» писчий материал, каким бы он ни был, не мог противостоять огню. И наоборот, крошащаяся и всего лишь несколько затвердевшая на солнце глина превратилась после пожара микенских дворцов в чрезвычайно прочный материал, просуществовавший уже более трех тысячелетий. Лишь по воле случая до нашего времени сохранилось только то, что через несколько месяцев должно было быть уничтожено за ненадобностью. Это выглядит точно так же, как если бы от нашей нынешней цивилизации сохранилось только содержимое нескольких шкафов крупного универмага с бухгалтерскими документами. Для цивилизации со столь великолепными памятниками материальной культуры, каковой была микенская

цивилизация, и со столь богатым вкладом в мировую культуру, который вот уже на протяжении трех тысячелетий вносит греческая древность, этого все-таки мало. Но, с другой стороны, этого уже вполне достаточно, если учесть, что памятники материальной культуры не рассказывают о себе сами и остаются в большинстве случаев безымянными, а устные предания видят далекое прошлое сквозь густой мрак столетий, отделяющих рассказчика от излагаемых им событий.

На таком значительном временном расстоянии видел в искаженном виде микенскую эпоху и ее великий певец — Гомер. И хотя его взгляд не был особенно пристальным, а кое в чем и неверным, его поэмы составляют желанный противовес сухим записям чиновников, не подозревавших, в какое замечательное время они жили.

События, связанные с Троянской войной, навсегда остались в памяти микенцев, а вскоре эту благодарную тему восприняло и устное народное творчество. Естественно, что существовали и другие микенские сказания подобного рода. Многие другие замечательные события, о которых рассказывает греческая мифология (например, поход аргонавтов за золотым руном или длительные войны ахейской коалиции с Фивами), бесспорно, должны быть весьма древними. Однако о том, какую роль в сохранении, этих древних легенд сыграло поэтическое творчество, таблички линейного письма не говорят ни слова. Значительно [99] более важные сведения предоставляет нам Гомер. Рационалистическая критика «Илиады» и «Одиссеи», выдвинувшая так называемый гомеровский вопрос,⁷⁶ привела лишь к одному выводу, с которым единодушно согласны сегодня самые ярые спорщики: обе гомеровские поэмы содержат следы самых различных влияний нескольких исторических эпох — от микенской до гомеровской.

В ряде случаев как содержание, так и форма поэм Гомера уходят своими корнями во времена значительно более древние, чем события Троянской войны. Иногда это реминисценции предшествующих ей легендарных событий, но особенно важны здесь описания отдельных предметов материальной культуры. Так, в «Илиаде» (XVIII.807) говорится о мече с серебряными гвоздями (*phasganon argygoelon*), археологически датированном еще до 1400 г. до н. э. При этом упомянутое греческое выражение носит характер древней эпической формулы, образующей трехстопный дактиль в конце стиха. Если такой меч не будет обнаружен в более поздних археологических слоях, то можно будет утверждать, что эта формула, уже не имевшая реального подтверждения своему существованию после 1400 г. до н. э., родилась в устах некоего сказителя, жившего не позднее, чем на три поколения после того, как такие мечи вышли из употребления, т. е. самое позднее в 1300 г. до н. э. Три поколения составляют, таким образом, максимальный период, в течение которого устная, поэтически еще не оформленная сказительная прозаическая традиция способна навсегда сохранить в памяти конкретный факт без его существенного искажения.⁷⁷

Однако значительно большее число составленных гекзаметром формул «Илиады» и «Одиссеи» тесно связано с последними периодами существования микенской цивилизации, приходящимися на XII в. до н. э. Здесь мы находимся уже в непосредственной близости к так называемым «темным векам» рубежа II—I тысячелетий до н. э., когда микенские центры лежали в развалинах, а древнее ахейское население было уже или по крайней мере в большой степени, ассимилировано новыми, более примитивными в культурном отношении пришельцами — греками-дорийцами. Однако именно этот период глубокого упадка стал эпохой, которая в основном-то и сохранила для последующих поколений бесценное сокровище греческой мифологии и вместе с ней искусство микенцев излагать древние героические сказания в соответствии с законами дактилического гекзаметра. [100]

В эти трудные годы в различных греческих областях возникают эпические песни о том или ином событии, оказывавшие влияние друг на друга. Это явление связано в особенности с мощной волной греческой миграции, направлявшейся начиная с XI в. до н. э. за море в Малую Азию. Миграционному движению, в рамках которого ахейцы из Пелопоннеса смешались с эолийским населением Средней Греции, соответствует характер языковой многоплановости «Илиады» и «Одиссеи». Древнейшими языковыми пластами в поэмах являются элементы ахейского, а также эолийского диалектов. Спустя некоторое время в ионийских Афинах, ставших основным местом сосредоточения переселенцев, в поэтический язык попали и первые элементы ионийского диалекта, а затем отсюда устная героическая поэзия быстро распространяется уже и на побережье Малой Азии. Именно там, где-то в районе Смирны и островов Лесбос и Хиос, т. е. на общей ионийско-эолийской территории, в первые века I тысячелетия до н. э. завершается последний этап эволюции и вместе с тем осуществляется конечный синтез всей устной поэзии. Из древнейших ахейско-эолийских произведений, выпестованных здесь поначалу эолийскими аэдами («певцами»), ионийские рапсоды («слагатели», «сшиватели») создали со временем песни с ярко выраженным характером ионического наречия, хотя избавиться полностью от проникновения некоторых ахеизмов и эолизмов они так и не смогли. Да и сама атмосфера этих повествований уже в значительно большей степени обусловлена ионийской средой, преобладавшей в центральной части побережья Малой Азии, поскольку именно при дворах здешней знати, зачастую возводившей свою родословную к микенским героям, исполняли теперь свои песни ионийские певцы. Для этого им нужно было удерживать в памяти не только те или иные стихи, соответствующие определенному виду событий, различные соединительные формулы, особые, составленные гекзаметром эпитеты и другие необходимые выражения, но, кроме всего прочего, уметь использовать эти средства для свободной импровизации. Описанием морской бури в сказании об аргонавтах с равным успехом можно было воспользоваться и в эпосе об Одиссее, при этом в стихах изменились бы только имена собственные. Описание меча могло относиться к мечу Ахилла в сказании о Троянской войне и с равным успехом — к мечу Полиника в эпосе о походе «семерых против Фив». Каждое повествование [101] представляло собой новое произведение, но с использованием старых поэтических средств.

При этом, однако, существовало одно отличие. Если один певец оставался всего-навсего простым ремесленником, механически соединявшим заученные формулы, то другой находил внутреннее эстетическое удовлетворение в более искусном выражении определенной мысли или события, и при этом его вовсе не смущало, что он заставлял своих героев обнажать железный меч, хотя микенские греки еще не употребляли предметов из железа. Непревзойденный творческий труд, благодаря которому гениальный сказитель создал из этой цепи приемов и импровизации два целостных произведения, древнегреческая традиция связывает с именем Гомера. К такому же в целом выводу пришла после длительных дискуссий и современная наука, хотя и сегодня некоторые исследователи предпочитают говорить (не приводя при этом бесспорных доказательств) о существовании двух гениальных поэтических личностей.

[65] Приведенные цифровые данные составлены на основе различных изданий текстов линейного письма.

[66] Важнейшими изданиями текстов являются: *Chadwick J., Killen J. T., Olivier J.-P.*, 1971 (Кносс); *Bennett E. L., Olivier J.-P.*, 1973 (Пилос); *Sacconi A.* 1974 a, b (Микены и надписи на сосудах); *Godart L., Olivier J.-P.* — AAA. 1974, №7 (Тиринф); *Chadwick J.*, 1969; *Spyropoulos Th. G., Chadwick J.*, 1975 (Фивы).

[67] Описание микенской грамматики см. в работах: *Vilborg E.*, 1958; *Thumb A.*, *Sherer A.*, 1959, с. 314 и сл.; *Bartoněk A.*, 1965. Указатели и интерпретацию микенской лексики содержат работы: *Chadwick J.*, *Baumbach L.*, 1963; *Baumbach L.*, 1971; *Olivier J.-P.*, *Godart L.*, *Seydel C.*, *Sourvinou C.*, 1973. (См. также: Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. М., 1986. — *Примеч. пер.*).

[68] Критское происхождение этих и других найденных на материке сосудов в настоящее время подтверждено также химическим анализом глины. См.: *Catling H. W.*, *Millett A.* — *Archaeometry*, 1965, № 8, с. 3 и сл.

[69] Более подробно об эпиграфике линейного письма Б см.: *Chadwick J.*, 1976а, с. 15 и сл.; *Heubeck A.*, 1979, с. 46 и сл.

[70] См.: *Godart L.*, *Killen J. T.*, *Olivier J.-P.*, 1972 а, b; 1973.

[71] *Chadwick J.*, 1958, с. 86.

[72] См.: *Palmer L. R.*, 1961, с. 72 и сл.

[73] *Bennett E. L.*, *Olivier J.-P.*, 1976, с. 7 и сл.; *Olivier J.-P.*, 1967, с. 39 и сл.

[74] *Chadwick J.*, 1972, с. 39.

[75] *Chadwick J.*, 1976а, с. 28.

[76] Об истории гомеровского вопроса см., например: *Lesky A.*, 1967; *Heubeck A.*, 1974. О гомеровских реалиях см.: *Wage A. J. B.*, *Stubbings F. П.*, 1962, а также новейшее многотомное издание *Archaeologia Homerica (АН)*. Тьбинген, 1970. (На русском языке см. также: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960, с. 38-46; *Гордезиани Р. В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тб., 1978. — *Примеч. пер.*).

[77] О гомеровских формулах см.: *Parry A. M.*, 1928 (=1971); *Hainsworth J. B.*, 1968. Об устной эпической традиции см.: *Kirk G. S.*, 1962; 1965 (ср. САН, 11, 2). (На русском языке см.: *Тренчени-Вальдапфель И.* Гомер и Гесиод. М., 1956; *Толстой И. И.* Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса. М., 1958; *Фрейденберг О. М.* Происхождение эпического сравнения. — ЛГУ. Труды юбилейной научной сессии. Л., 1946, с. 101-118; *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 103-162. — *Примеч. пер.*).

Часть II

Образ жизни

Глава 7

Государственное управление

Три круга источников — мифологические, археологические и памятники линейного письма — предоставляют нам возможность прикоснуться к микенской цивилизации, отстоящей от нас во времени более чем на три тысячелетия. Попробуем же рассмотреть с помощью этих источников отдельные стороны повседневной жизни Микенской Греции — государственное управление, общественные отношения, хозяйство и торговлю, вопросы войны и мира, религию и культ, ремесло и изобразительное искусство, частную жизнь. При этом каждая из названных сторон жизни освещается тем или иным типом источников по особому. Относительно государственного управления, общественных отношений и экономики наиболее важные сведения содержатся в текстах линейного письма Б, однако в области государственного устройства ценное дополнительное освещение дают также археологические раскопки и легенды (в частности, относительно топографии микенских поселений). Все три круга источников имеют важное значение также при рассмотрении вопросов войны и мира, торговли и повседневной жизни микенцев, а также их религиозных верований. Самые обильные и вместе с тем самые надежные сведения о ремесле и изобразительном искусстве предоставляют, естественно, данные археологических исследований, хотя и здесь не стоит пренебрегать прочими источниками.

При освещении интересующих нас вопросов мы будем пользоваться всеми тремя основными видами источников, однако в этой связи следует отметить следующее. Принимая во внимание новизну взглядов, обязанных своим появлением дешифровке линейных текстов, мы будем использовать полученную из них информацию в несколько большем по сравнению с другими источниками объеме.⁷⁸ Кроме того, следует иметь в виду, что микенский мир [103] существовал не изолированно, а был тесно связан с цивилизациями Переднего Востока, причем последние иногда даже оказывали решающее влияние на его развитие. Поэтому сравнения с аналогичными явлениями, имевшими место в различных сторонах жизни Эгеиды и стран Востока, также можно считать источниками, хотя и косвенными.

Источники этого типа имеют существенное значение при реконструкции структуры микенского общества, прежде всего его экономической системы и различных институтов, в особенности когда речь идет о натуральной оплате, имевшей место в дворцовом (так называемом распределительном) хозяйстве,⁷⁹ о товарообмене или о выдаче сырья ремесленникам и регистрации их продукции. Сопоставление экономических систем древних обществ Эгеиды и Передней Азии, разумеется, не входит в рамки настоящей книги. Однако в меру возможного мы обратим внимание только на ряд аналогичных явлений.

Как в странах Передней Азии, так и в Эгеиде основу экономики составляло упомянутое выше распределительное дворцовое хозяйство, при котором продукт переходил от производителя непосредственно к потребителю, еще без участия рыночного механизма. Различные продукты сельского хозяйства и ремесла поступали в виде натуральной подати на склады дворцовых центров и распределялись затем в виде натуральной оплаты прежде всего среди непроизводительных групп, непосредственно связанных с дворцом и его

учреждениями, — жрецов, чиновников, торговцев, воинов, ремесленников, прислуги и т. п. Распределение выполняло, таким образом, с одной стороны, функции сбора налога, а с другой — частично также и функции оплаты государственной администрации, прислуги и войска (другой важной формой вознаграждения, в особенности лиц высших и средних социальных слоев, было наделение землей). Однако зачастую изделия не доходили до дворцовых хранилищ, а непосредственно раздавались потребителям, и дворцовая администрация только регистрировала это распределение. Такая система предполагала точный учет, и удивительное сходство между административными записями из многих центров Переднего Востока и Эгеиды является одним из наиболее серьезных аргументов в пользу заключения о параллелях, прослеживающихся в социально-экономической структуре обществ Востока и Эгеиды, несмотря на то что здесь не исключено существование и отдельных отличий. [104]

Микенские дворцы, в которых были обнаружены образцы линейного письма Б, имели ярко выраженный характер крупных административных центров. На это указывают уже сами развалины Кносса, Пилоса, Микен и других дворцовых мест, а обильные находки табличек с текстами линейного письма в дворцовых архивах только усиливают это впечатление. То обстоятельство, что на сегодняшний день мы располагаем 4750 документами линейного письма Б и что эти тексты содержат записи главным образом учетного характера, уже само по себе служит доказательством того, что микенские органы управления имели тщательно продуманную хозяйственную организацию и что существенную роль в экономике микенцев играла централизованная администрация. Около 97% найденных документов составляют таблички из дворцовых архивов, и только 140 документов являются записями, выполненными на обломках сосудов. Эти количественные данные приобретают особую значимость в связи с тем обстоятельством, что таблички из дворцовых мест фактически всегда относятся к последнему году существования дворцов. Добавим к этому, что административные записи из переднеазиатских центров, как правило, сохранились в значительно большем количестве, а главное — они более пространны и обстоятельны.

Объем содержащейся в текстах табличек информации поистине огромен. Записи (в частности те, которые сохранились в Пилосе и Кноссе) содержат сведения не только о самом дворце и его ближайших окрестностях, но дают также хорошее представление об административных и хозяйственных проблемах всего управляемого из дворца государственного образования.⁸⁰

Сказанное относится прежде всего к Пилосу, архив которого сохранился довольно полно. Количество сохранившихся табличек по отношению ко всему предположительно существовавшему (разумеется, к моменту уничтожения дворца) собранию пилосского архива колеблется у различных исследователей от 80 до 90%.

Дошедшее до нас собрание кноссских табличек имеет, вероятно, более существенные пробелы, но зато здесь административное делопроизводство превосходит по своему объему делопроизводство Пилосского дворца почти в два раза. Приблизительно таково же и соотношение между числом кноссских и пилосских писчих почерков (приблизительно 80 к 40). Однако, учитывая явные пробелы в собрании сохранившихся кноссских и пилосских табличек, [105] общее число кноссских (и соответственно пилосских) чиновников, в компетенцию которых входило ведение письменной документации, следует считать как минимум 100 (соответственно 50) человек.

При этом ведение письменной документации целым, рядом профессиональных чиновников — далеко не единственное, на что обращается наше внимание при более

тщательном анализе табличек; еще большее впечатление производят некоторые цифровые данные. Самое большое из известных к настоящему времени чисел — 19 300 — содержится на кносской табличке с идеограммой овцы. Пятизначные числовые обозначения имеются и на других табличках того же типа. Сохранилась также табличка, на которой зарегистрировано 1800 сосудов. В другом документе говорится о призыве на воинскую службу 569 мужчин. Высоки и итоговые количественные данные статей некоторых более обширных серий табличек. Так, в собрании пилосских табличек, содержащих записи о лицах весьма низкого социального положения, мы встречаем сведения о 2000 человек, главным образом женщинах и детях, а численность боевых колесниц, зарегистрированных на соответствующих кносских табличках, составляет около 400 единиц.

Эти цифры уже сами по себе убедительно говорят о том, что в микенских центрах велся централизованный учет хозяйства, регулярное функционирование которого осуществлял ряд чиновников аппарата управления. При этом записи обнаруживают настолько хорошее знание самых различных деталей административного, топографического и личностного характера, что не вызывает сомнения факт существования непосредственных контактов чиновников с людьми, занятыми на самых различных участках соответствующих отраслей хозяйства. Равным образом это указывает и на существование многолетней практики ведения учета, что, безусловно, явилось результатом опыта многих поколений. Хотя во всех микенских центрах не засвидетельствован такой высокий уровень, как в Пилосе или Кноссе, столь же высокое развитие администраторской практики можно предполагать и для дворцового центра в Микенах.

Открытие микенских табличек окончательно опровергло прежние предположения о существовании крупной микенской державы, управление которой осуществлялось из единого политического центра. Микенские дворцы с их архивами были подлинными центрами независимых [106] правителей, а небольшие микенские государства на территориях, обычно окруженных естественными географическими границами (горы, береговая линия), явились примечательным прообразом греческих городов-государств I тысячелетия до н. э. и резко отличались от государств Ближнего Востока, большинство которых охватывало огромные территории.

Самая обширная территория из числа исторически засвидетельствованных ахейских государств управлялась, очевидно, из Кносского дворца, расцвет которого приходится на время господства ахейцев, особенно на рубеж XV—XIV вв. до н. э. Вплоть до недавнего времени было принято считать, что власть кносского правителя распространялась в то время только на центральную и западную часть Крита, на что указывают топонимические названия, засвидетельствованные на кносских табличках. При этом власть Кносса над западной частью Крита была недавно убедительно доказана находками линейного письма Б на фрагментах керамики из нынешней Каньи, расположенной на месте древней Кидонии, упоминания о которой содержатся и на ряде кносских табличек.⁸¹ В последнее время был выдвинут важный аргумент в пользу господства ахейцев и над восточной частью Крита. Отдельные исследователи уже давно задумывались над тем, где находилось то или иное критское поселение, поскольку их названия, содержащиеся на кносских табличках, не удавалось идентифицировать. Вероятное местонахождение двух из них на востоке Крита было со временем установлено на основании любопытного соображения, появление которого в значительной мере обязано анализу химического состава керамики найденных на материке сосудов с надписями, составленными линейным письмом Б. Два критских топонима O-du-ro-we и wa-to засвидетельствованы не только на кносских табличках, но и на фрагментах керамики из Фив. При этом химический анализ упомянутых фрагментов показал, что состав их глины отличается от состава глины

некоторых других видов фиванских сосудов и обнаруживает сходство с керамикой из двух мест восточного Крита, называемых в настоящее время Закро и Палеокастро.⁸² Это наблюдение позволило ученым прийти к заключению, что именно к этим восточнокритским местностям и относятся два ранее не идентифицированных топонима Крита. Подтверждение такого объяснения явилось бы не только важным аргументом в пользу того, что власть кносских правителей распространялась в то время на восточный [107] Крит, но и интересным свидетельством ранних контактов восточного Крита с материковой Грецией.

С другой стороны, отсутствие на кносских табличках некритских топонимов означает, что правители ахейского Кносса не имели ни одной колонии вне собственно критской территории. Это обстоятельство резко отличает ахейский Кносс от располагавшего довольно обширными колониальными владениями доахейского (т. е. минойского) Крита времени до катастрофической гибели минойских центров около 1470 г. до н. э. К указанному периоду относится расцвет критских поселений не только на Фере, Мелосе, Родосе, Кифере и ряде других островов, но и в районе Милета на побережье Малой Азии. Объяснить это различие несложно. В то время как минойский Кносс занимал бесспорно ведущее положение во всей островной Эгеиде, ахейский Кносс был, вне всякого сомнения, всего лишь одним из множества малых или даже совсем малых государств, существовавших около 1400 г. до н. э. в различных районах древнего Эгейского мира.

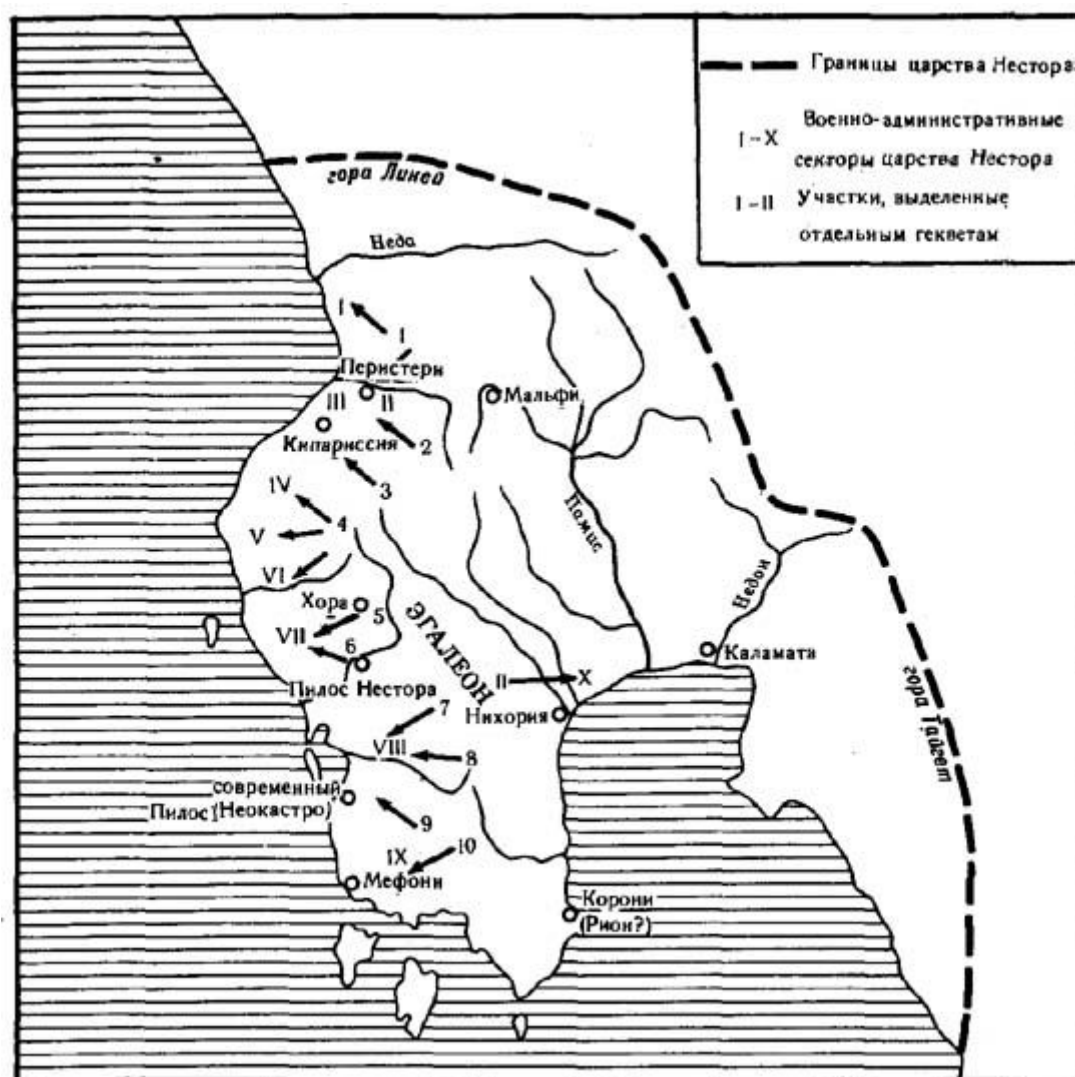
Крит — остров, и поэтому территориальные размеры существовавшего здесь ахейского государства определяются легче, чем границы ахейских государств на материке. Впрочем, труд ученых, сумевших в течение последних лет извлечь из линейных табличек информацию и по этому вопросу, заслуживает самого искреннего восхищения. Еще 45 лет назад не было точно установлено даже местонахождение Пилоса царя Нестора, а предпринимавшиеся тогда многолетние попытки решить этот вопрос чем-то напоминают усилия чехословацких археологов идентифицировать великоморавский Велиград.⁸³ Сегодня же мы можем уже со значительной степенью уверенности ответить и на вопрос, сколь велико было царство Нестора.⁸⁴

Из своего дворца (или же с какого-то расположенного в непосредственной близости от него места) пилосский властитель мог обозревать весьма значительную часть юго-западного Пелопоннеса — во всяком случае все свои владения. Тщательный анализ табличек из Пилоса показывает, что Пилосское царство, вероятно, занимало всю территорию нынешней Мессении. Основным выводом, полученным в результате такого анализа, явилось установление того факта, что территория Пилосского царства в микенскую эпоху делилась на две области, называемые *Deuoraigolaia* («Приэголия») и *Peraigolaia* («Заэголия»). Любопытно, что интерпретация соответствующих пилосских текстов подтверждается и топографией Мессении. [108] Если смотреть на северо-восток от развалин дворца Нестора, мы увидим четкие очертания горного хребта, отделяющего сравнительную узкую полосу западного побережья Мессении от расположенной далее к востоку широкой и плодородной Мессенской низменности, которая действительно называлась в древности Эгалеон (чередование гласных а-о в позиции рядом с l — весьма характерная особенность диалектов греческого языка). За этим хребтом, вероятно, лежала вторая, более отдаленная область царства Нестора. В результате детального анализа топонимов, содержащихся в текстах пилосских табличек, были получены новые, более подробные сведения об административном делении всего государства.

Ряд исследователей обратил внимание, что на некоторых пилосских табличках (Cn 608, Jn 829, Vn 20) выступает целая особая группа из девяти топонимов, рядом с которой на одной из табличек имеется перечень еще семи топонимов. Списки этих 9+7 городов

(вернее, «округов»), безусловно, составлены в определенной географической последовательности: сначала упомянуто 9 западных («приэголийских») округов в направлении с севера на юг, а затем — 7 восточных («заэголийских») в направлении с юга на север. При этом девятое в ряду этих названий *gi-jo*, бесспорно, является линейным написанием топонима Рион, как называлось в древности поселение возле мыса на крайнем юге Мессении. Также и четвертая местность Пилосского царства, обозначаемая топонимом *pa-ki-ja-ne* («Сфагианес») в западной области, вполне соответствует его действительному географическому положению.

Определение территории отдельных провинций Пилосского царства позволяет также установить общую конфигурацию и размеры владений царя Нестора. Довольно хорошо прослеживается восточная граница, проходившая по горному массиву Тайгета и спускавшаяся к морю по его юго-западным отрогам на юго-востоке от нынешней Каламаты. К аналогичным выводам мы приходим и на основании других данных, полученных при анализе табличек, которые указывают, что восточная провинция была надежно защищена со стороны побережья. Северная граница державы Нестора проходила всего лишь в 40-50 километрах от дворца Нестора — как раз там, где к западному побережью Мессении подходят высокие горы, спускающиеся к морю недалеко от нынешней деревни Каковатос, возле которой В. Дерпфельд обнаружил упоминавшиеся выше микенские гробницы. [109]



Карта № 3. Карта Мессении

Таким образом, результаты анализа табличек в значительной степени согласуются с естественным географическим рельефом юго-западной части Пелопоннеса и свидетельствуют, что царство Нестора простиралось приблизительно на 80 км с севера на юг и около 50 км с запада на восток, т.е. было по своим размерам приблизительно в два раза меньше Крита, территория которого составляет около 8300 кв. км.

Полученные таким путем данные отличаются от сведений, содержащихся в гомеровских поэмах, согласно которым держава Нестора занимала значительно большую территорию и простиралась намного далее к северу.⁸⁵ Впрочем, здесь мы имеем дело лишь с одним из явных противоречий между сведениями, полученными из пилосских табличек и гомеровских преданий. Число подобных несоответствий [110] достаточно велико. Учитывая то обстоятельство, что окончательное составление гомеровского эпоса следует относить ко времени на четыре или даже пять веков после падения дворца Нестора, современная наука в общем-то склонна считать, что данные, полученные на основании анализа текстов найденных линейных табличек, являются более надежным источником информации, чем поэмы Гомера. Безусловно, прав был выдающийся английский археолог А. Дж. Б. Уэйс, утверждавший еще много лет назад, что Гомер видит микенскую эпоху «сквозь мглу веков».

Что же касается Микен, то, хотя на основании табличек нельзя сказать ничего определенного о размерах этого государства, вряд ли власть микенского царя распространялась за пределы Арголидской котловины, окруженной довольно широким окаймлением гор. Но уж верховную власть над этой областью ему наверняка не нужно было с кем-либо делить.

Аналогичное господствующее положение над прилегающей округой занимали в микенскую эпоху и другие ахейские центры: Спарта в Лаконии, города у Коринфского перешейка, Афины в Аттике, Фивы и Орхомен в Беотии, Иолк в Фессалии и ряд других. Представляется, что размеры и этих микенских государств тоже, как правило, соответствовали ограниченному горным ландшафтом отдельным районам материковой Греции. При этом они до такой степени были изолированы друг от друга горными кряжами, что более трех тысяч лет назад один правитель вряд ли мог завладеть на сколь-нибудь длительный срок значительной частью материковой Греции или хотя бы одним Пелопоннесом. А если Гомер и рассказывает в «Илиаде» об общегреческом походе на Трои под верховным предводительством царя Микен Агамемнона при участии пилосского царя Нестора, спартанского Менелая, итакийского Одиссея, фессалийского Ахилла и других, то в свете наших сегодняшних сведений о микенской культуре этот поход следует рассматривать лишь как непродолжительное совместное предприятие, в котором принимал участие ряд микенских государств, объединенных друг с другом сознанием общего происхождения, языка, а в ряде случаев и родственными связями их властителей. Гомер не дает даже единого общего наименования воинам, сражавшимся у Трои. Он называет их то ахейцами, то данайцами, то аргивянами, хотя, как известно сегодня, ни одно из этих трех названий не могло полностью охватывать все греческие [111] племена, так или иначе участвовавшие в создании и развитии микенской цивилизации.

Внушительные размеры и великолепное убранство дворцов, обширный административный аппарат в упомянутых центрах являются несомненными признаками существования у микенских греков государственного устройства, однако говорить о каком-либо едином общемикенском государстве, подчиняющемся власти одного правителя, нет достаточных оснований. Большое число открытых на материке микенских дворцовых центров указывает скорее на одновременное существование ряда небольших

государств, ведущее место среди которых уже со времен шахтовых гробниц безусловно занимали Микены. Об этом единодушно свидетельствуют как богатые находки предметов материальной культуры в Микенах, так и греческая мифологическая традиция. Правда, содержание сохранившихся в Микенах письменных документов значительно беднее, чем, например, в Пилосе. Главный архив Микенского дворца или вообще не обнаружен до сих пор (что, впрочем, мало вероятно), или же был попросту уничтожен во время ранних раскопок Шлимана, когда ценность открытия определялась скорее тривиальным спросом на найденные предметы, нежели их значением для истории развития мировой культуры.

Впрочем, весьма ограниченное количество письменных документов вполне компенсируется в Микенах столь изумительными археологическими открытиями, что наш краткий обзор археологических комплексов микенской культуры в материковой Греции, составляющий содержание следующей главы, нельзя начать с какой-либо иной местности кроме Микен.

[78] Кроме работ, указанных в примечаниях к главам [2](#), [3](#) и [5](#), отдельные стороны повседневной жизни в Микенской Греции освещают следующие исследования: *Ventris M., Chadwick J.* 1956, 1973; *Chadwick J.*, 1958; 1976 a, b; *Лурье С. Я.*, 1957, а, б; *Palmer L. R.*, 1961; *Taylour W.*, 1964; *Heubeck A.*, 1966; *Vermeule E.*, 1966; *Bartoněk A.*, 1969; *Kerschensteiner J.*, 1970; *Faure P.*, 1975; *Hiller St., Panagl O.*, 1976; *Hooker J. T.*, 1976, с. 183 и сл.

[79] См.: *Pečírka J.*, 1979, с. 205, 352.

[80] Об организации микенских дворцовых архивов см.: *Olivier J.-P.*, 1967, с. 125 и сл.; *Chadwick J.*, 1976a, с. 14 и сл.

[81] *Tzedakis J. G.* — *Kadmos*. 1967, № 6, с. 106 и сл.; *Sacconi A.*, 1974b, с. 179 и сл.

[82] См. [примеч. 68](#).

[83] См. [примеч. 1](#). (*Примеч. пер.*)

[84] См.: *Chadwick J.*, 1976a, с. 35 и сл.

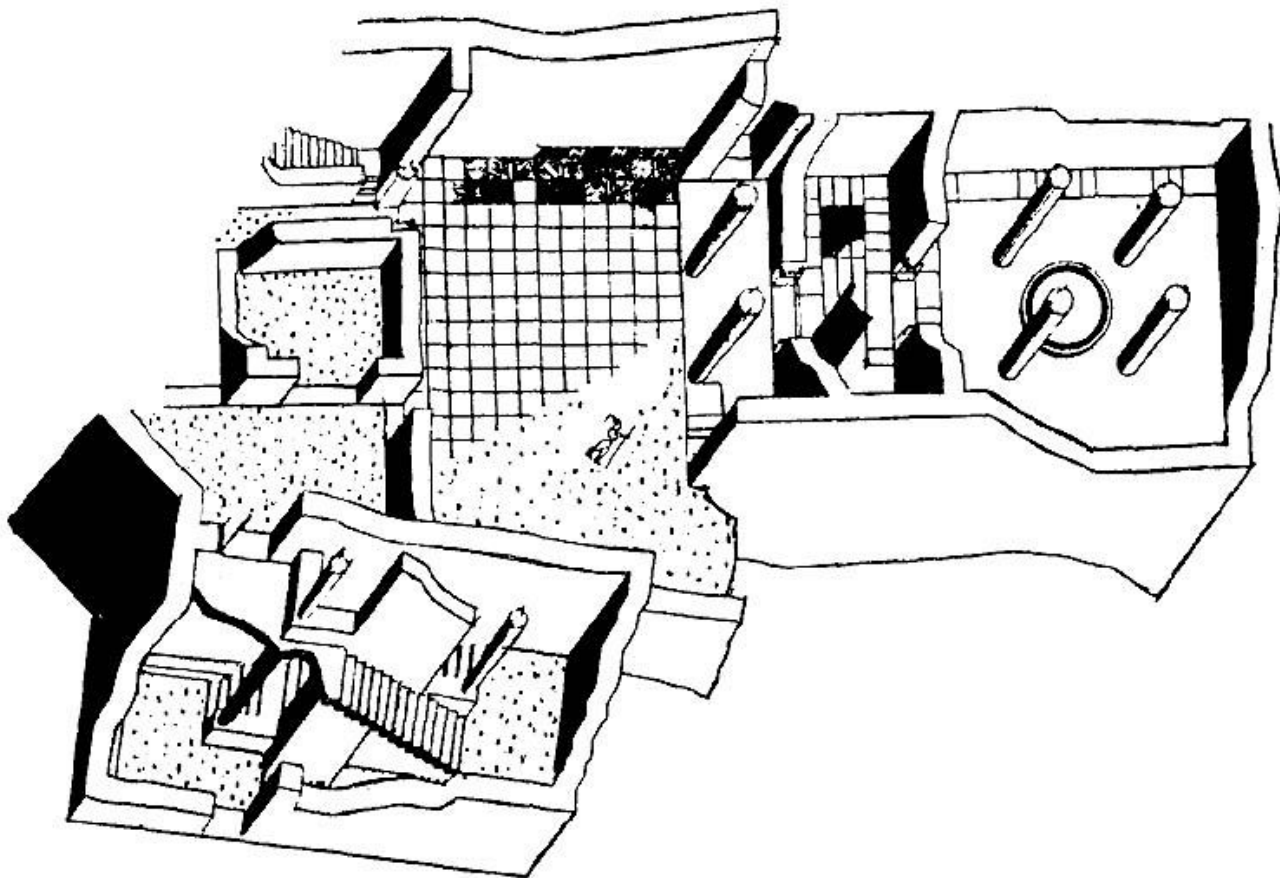
[85] Компромиссное решение предлагает С. Хиллер. По его мнению, раскопанный К. Блегеном в Эпано-Энглианосе дворец мог быть резиденцией Нестора, известной из рассказа о путешествии Телемаха в III песни «Одиссеи» и соответствующих мест в других песнях поэмы, в то время как «Илиада» (в особенности пассаж XI.670-761) содержит воспоминания о более древней резиденции Нелеидов, находившейся несколько далее к северу (Каковатос). См.: *Hiller St.*, 1972, с. 214 и сл.

Глава 8

Дворцы и их округа

В настоящее время археологическая зона Микен расположена в стороне от больших дорог, недалеко от одноименного поселка Микинес.⁸⁶ Путешественник, приближающийся по шоссе к мощно укрепленному холму, непременно увидит слева вход в так называемую «сокровищницу Атрея». Этот памятник в непосредственной близости Микен, один из числа девяти гробниц, дошедший в наилучшей сохранности, — принадлежит к числу самых прекрасных в Европе каменных [112] сооружений эпохи бронзы. По мнению Уэйса, «сокровищница» сооружена около 1330 г. до н. э., по мнению других исследователей — только в первой половине XIII в. до н. э. За «сокровищницей Атрея» справа от нас останутся развалины нижнего города Микен, где была обнаружена большая часть микенских документов линейного письма Б. Возле автостоянки дорога поворачивает к самой крепости. Справа от дороги расположен более древний могильный круг Б, датируемый концом XVII и частично XVI в. до н. э., а рядом с ним — две другие купольные гробницы: восстановленная так называемая «гробница Клитемнестры» XIII в. до н. э. и наполовину разграбленная так называемая «гробница Эгисфа» первой половины XV в. до н. э. И вот мы уже стоим перед мощными Львиными воротами, возвышающимися более чем на три метра. Над их верхней плитой весом 20 тонн в кладке имеется треугольное отверстие, закрытое известняковой доской высотой три метра со знаменитым рельефным изображением двух стоящих на задних лапах львиц, которое датируется временем около 1250 г. до н. э. За воротами, на пороге которых до сих пор видны выбоины, оставленные колесами микенских колесниц, дорога поднимается вверх. С правой стороны внимание посетителя привлекает к себе знаменитый шлимановский могильный круг А XVI в. до н. э. с двойной галереей каменных блоков, где на глубине без малого пять метров были сделаны великолепные находки. С левой стороны дорога переходит в остатки некогда величественной лестницы, которая вела к резиденции властителя на вершине скалы, круто нависшей над Львиными воротами. Здесь дорога оканчивается в небольшом дворике с тронным залом в западной части и окружающими его жилыми помещениями собственно дворца, украшенного с восточной стороны входной колоннадой. Позади дворца находятся остатки других строений, к числу которых относится интересная постройка с остатками колонн, а также фундамент дорического храма III в. до н. э. — времен более позднего поселения на территории Арголиды.

Заслуживает внимания и дополнительно пристроенный в конце XIII в. до н. э. выступ, включивший в черту крепостных стен бьющий из скалы подземный источник. К нему можно было спуститься по лестнице из 96 ступеней, внезапно обрывающейся у водной цистерны двухметровой глубины. В этом выступе и дальше в северной части крепостной стены были сделаны две потайные боковые [113]

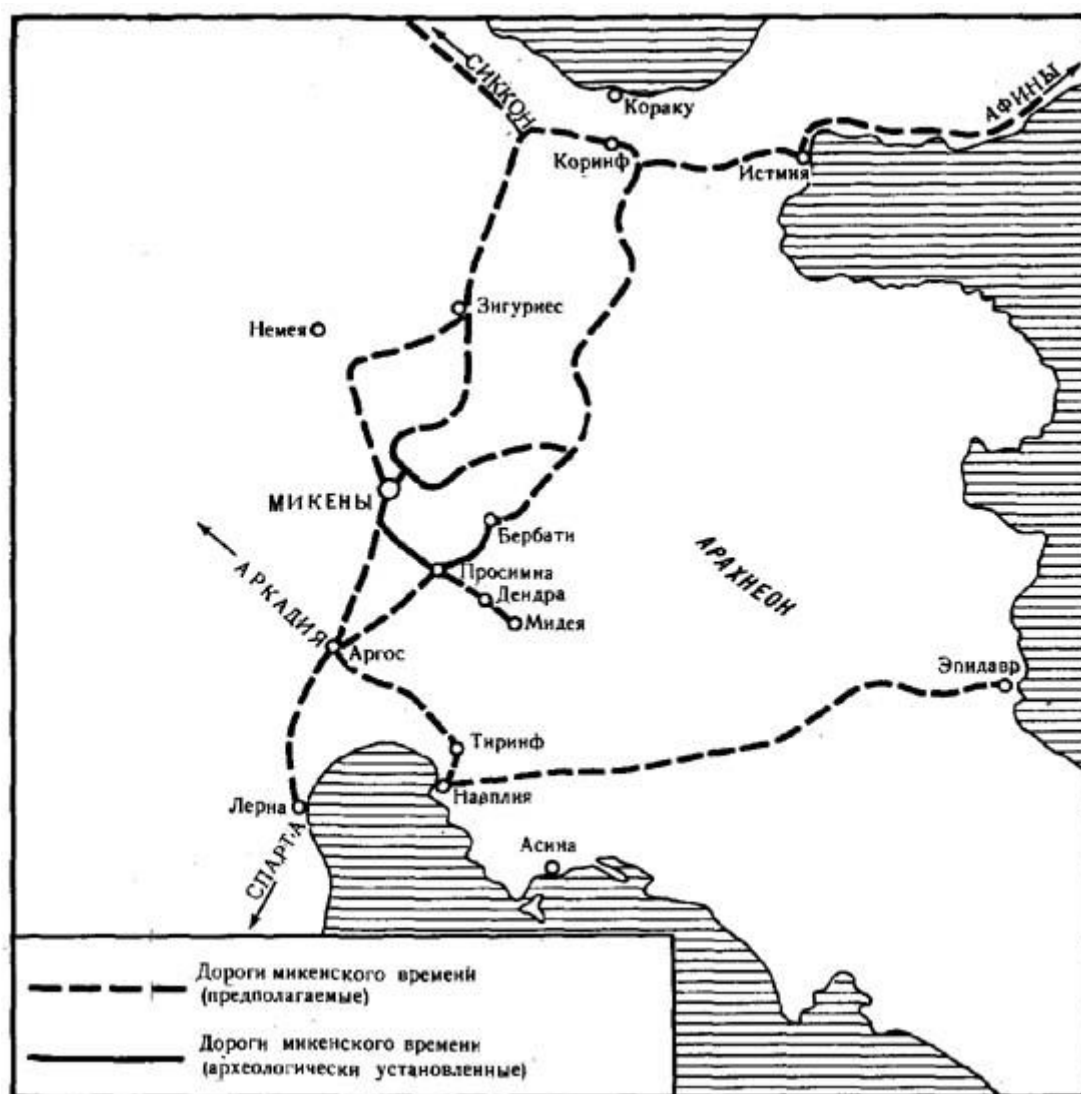


Реконструкция дворца в Микенах. (Рисунок повернут на 90° по часовой стрелке)

калитки. Здесь посетитель может перейти на один из противоположных склонов и оттуда увидеть Микены как на ладони. Если же подняться на самую вершину, горы Св. Ильи (Агиос-Илиас), на память придут строки из трагедии Эсхила «Агамемнон». Может быть, именно здесь запылал в день падения Трои последний костер в огромной цепи огненных сигналов, протянувшейся от Трои к [114] Микенам. Это пламя возвестило микенцам о победе ахейского войска, а Клитемнестре и Эгисфу — о том, что наступил час готовить кровавую баню Агамемнону.

С высоты своего дворца Агамемнон мог обозревать почти всю Арголидскую котловину, раскинувшуюся по обоим берегам реки Инах. Археологических комплексов, в особенности относящихся к ранним периодам истории Древней Греции, в этой котловине сконцентрировано намного больше, чем на территории таких же размеров в любой другой области Греции. В самом центре котловины расположен Аргос, считавшийся некогда резиденцией Даная. Здесь следы поселения микенской эпохи были обнаружены, в частности, на конусообразном холме, и поныне называемом Ларисса (это слово заимствовано из языка догреческого населения и означает высоко расположенное укрепленное поселение). Характер отношений, существовавших между Аргосом и Микенами, не вполне ясен. С точки зрения археологии Микены представляются центром намного большей значимости, чем Аргос, однако греческая мифологическая традиция в ряде случаев ставит Аргос над Микенами. Во-первых, Аргос выступает в мифологии как более древний из двух городов (Микены якобы основал аргосский царь Персей, отдаленный потомок Даная). Во-вторых, Аргосу принадлежит ведущая роль в походе «семерых против Фив», в котором Микены вообще не участвовали. В некоторых произведениях драматургии классического периода (например, в «Антигоне» Софокла)

именно Аргос назван резиденцией царя Агамемнона. Не исключено, что в микенскую эпоху оба города соперничали друг с другом, однако весьма сомнительно, чтобы два столь близко расположенных центра могли сохранять независимость друг от друга в течение продолжительного времени. Во время Троянской войны Аргос, очевидно, находился в подчинении у Микен, хотя в гомеровской «Илиаде» аргосский царь Диомед зависит от Агамемнона не более, чем прочие греческие вожди. Преобладание Аргоса над Микенами в традиции более позднего времени, очевидно, является отображением ситуации, сложившейся после гибели микенской цивилизации: Микены лежали в развалинах, в то время как Аргос первых веков I тысячелетия до н. э. стал во главе обширной области, а впоследствии даже соперничал со Спартой за господство над всем [115] Пелопоннесом. Неудивительно поэтому, что Аргос, игравший в те времена весьма значительную роль, оказался в более выгодном по сравнению с Микенами положении и при литературной разработке древних греческих сказаний.

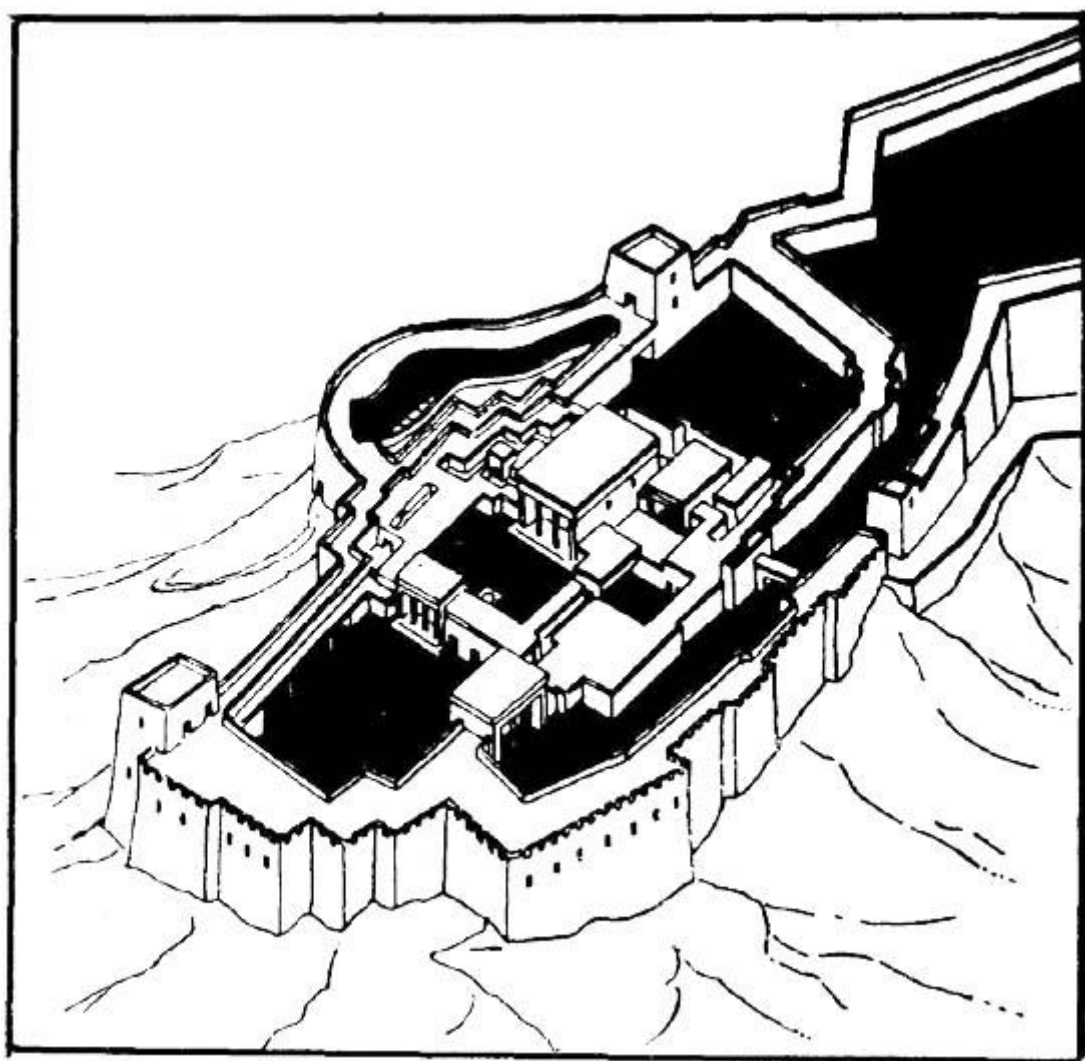


Карта № 4. Карта Арголиты

С высоты возвышающейся над Аргосом Лариссы отдельные части Арголитской котловины видны значительно отчетливее, чем со склонов Микенского акрополя. На северо-востоке перед нами встает мощный горный массив, у подножия которого вырисовываются Микены, а справа от них скорее угадываются, чем просматриваются, развалины самой значительной священной местности Арголиты с остатками святилища Геры, известного под названием Герейон, древнейшие элементы архитектуры которого

относятся, как точно [116] установлено, к VIII в. до н. э. Сама же местность была обитаема начиная с III тысячелетия до н. э. и переживала период первого значительного расцвета в конце микенской эпохи, о чем свидетельствует микенское захоронение у расположенной поблизости деревни Просимна. В долине за ближайшей горной грядой скрывается конусообразная вершина с остатками другого укрепленного микенского поселения, а прямо на запад от Аргоса на высоком холме у деревни Дендра вырисовываются развалины Мидеи. Под ними находятся другие микенские гробницы, в одной из которых был найден единственный целиком сохранившийся экземпляр микенского бронзового панциря XV в. до н. э. (ныне экспонируется в музее расположенного неподалеку Навплиона — древней Навплии).

Несмотря на большое археологическое значение этих мест, туристы появляются здесь только изредка. Зато мало кто упустит возможность осмотреть укрепленную скалу, возвышающуюся у дороги из Аргоса в Навплион. На ней высится живой свидетель бронзового века Греции — могучий Тиринф. Он встает посреди широкой равнины как памятник давно минувших веков, и морские волны, некогда докатывавшиеся почти до самых его стен, отошли к западу на расстояние около двух километров. А ведь когда-то это была одна из самых неприступных на греческой земле крепостей. О ее мощных стенах рассказывали, будто бы их возвели сказочные исполины киклопы, отчего они так и называются — «киклопические». Следы древнейшего поселения в Тиринфе относятся к III тысячелетию до н. э. С конца III тысячелетия сохранились остатки громадного круглого сооружения неизвестного предназначения (возможно, это было убежище для окрестного населения в случае военной угрозы). Но основные достопримечательности Тиринфа относятся к микенской эпохе. Начиная с XVI в. до н. э. здесь высилась могучая крепость, достигшая своего расцвета в XIII в. до н. э. В крепость поднимались по длинной эстакаде, проходившей под высокой стеной и сворачивавшей через узкий проход между башнями к крепостным воротам. Подошедший к Тиринфу враг неизбежно оказывался под обстрелом занимающих выгодное положение защитников. Чтобы проникнуть к дворцу, который был украшен внутри великолепными фресками, неприятелю нужно было прорываться через несколько ворот и [117] внутренних дворов. Остатки тиринфских фресок можно увидеть сегодня в Афинском национальном музее. Сам же Тиринф поражает посетителей своим фортификационными сооружениями и в особенности мощной галереей с внутренним проходом, которую образуют неправильные своды и стены десятиметровой толщины. С этим окружением вполне гармонировал мощный торс прославленного силача Геракла, отправлявшегося отсюда на свершение своих знаменитых двенадцати подвигов. Но и Тиринф подвергся внезапному разрушению в конце XIII в. до н. э. и с тех пор лежит в развалинах.



Дворец в Тиринфе (реконструкция)

Однако Тиринфом путешествие по раннеисторическим поселениям Аргολиды еще не оканчивается. По обеим сторонам Арголидского залива недалеко от морского побережья расположены два очень древних [118] поселения, уходящие своими корнями еще к середине III тысячелетия до н. э. Вблизи Навплиона, на скалистой вершине, возвышающейся над песчаной полосой берега, недалеко от деревни Толо расположена Асина — укрепленное поселение, население которого непрерывно менялось на протяжении всего бронзового века вплоть до середины I тысячелетия до н. э. На противоположном, западном берегу залива, у дороги, ведущей в глубь Пелопоннеса, расположена Лерна. Для древних греков она была местом обитания гидры — чудовища, убитого самим Гераклом, в то время как современным археологам это поселение известно своим «Домом черепиц» — четырехугольным строением, некогда покрытым терракотовой черепицей. «Дом черепиц» был разрушен пожаром около 2200 г. до н. э., что представляет в новом, весьма интересном освещении проблемы, связанные с приходом индоевропейцев в Эгейский мир.

Самой значительной после Аргολиды областью микенской эпохи раннеисторической Греции является Мессения — плодородная равнина на юго-западе Пелопоннеса, обращенная в сторону, противоположную Эгейскому морю, и омываемая с запада водами другого, более дождливого Ионического моря. В раннемикенский период здесь возникает ряд небольших поселений с захоронениями, к числу которых принадлежит множество

ранних купольных гробниц с ценными находками, напоминающими таковые предметы из шахтовых гробниц Микен.

Во внутренней части Мессении близ Мальфи находилось укрепленное поселение, расцвет которого относится еще к началу II тысячелетия до н. э. На северо-западе Мессении особенно плотно была заселена прибрежная низменность в районе Кипариссии (с рядом фолосов у Перистерии), к которой примыкает идущая в направлении к северу узкая полоса побережья Трифилии. Здесь следует вспомнить о раннемикенском погребении в Клейди и прежде всего группу трех знаменитых фолосов у Каковатоса, в район которых В. Дерпфельд ошибочно помещал Пилос царя Нестора. Последний был позднее открыт К. У. Блегеном значительно южнее от этого места, вблизи западного побережья Мессении, откуда виден Наваринский залив. Этот район также богат находками купольных гробниц и прочих захоронений (Эпано-Энглианос, Мирсинохори и др.).

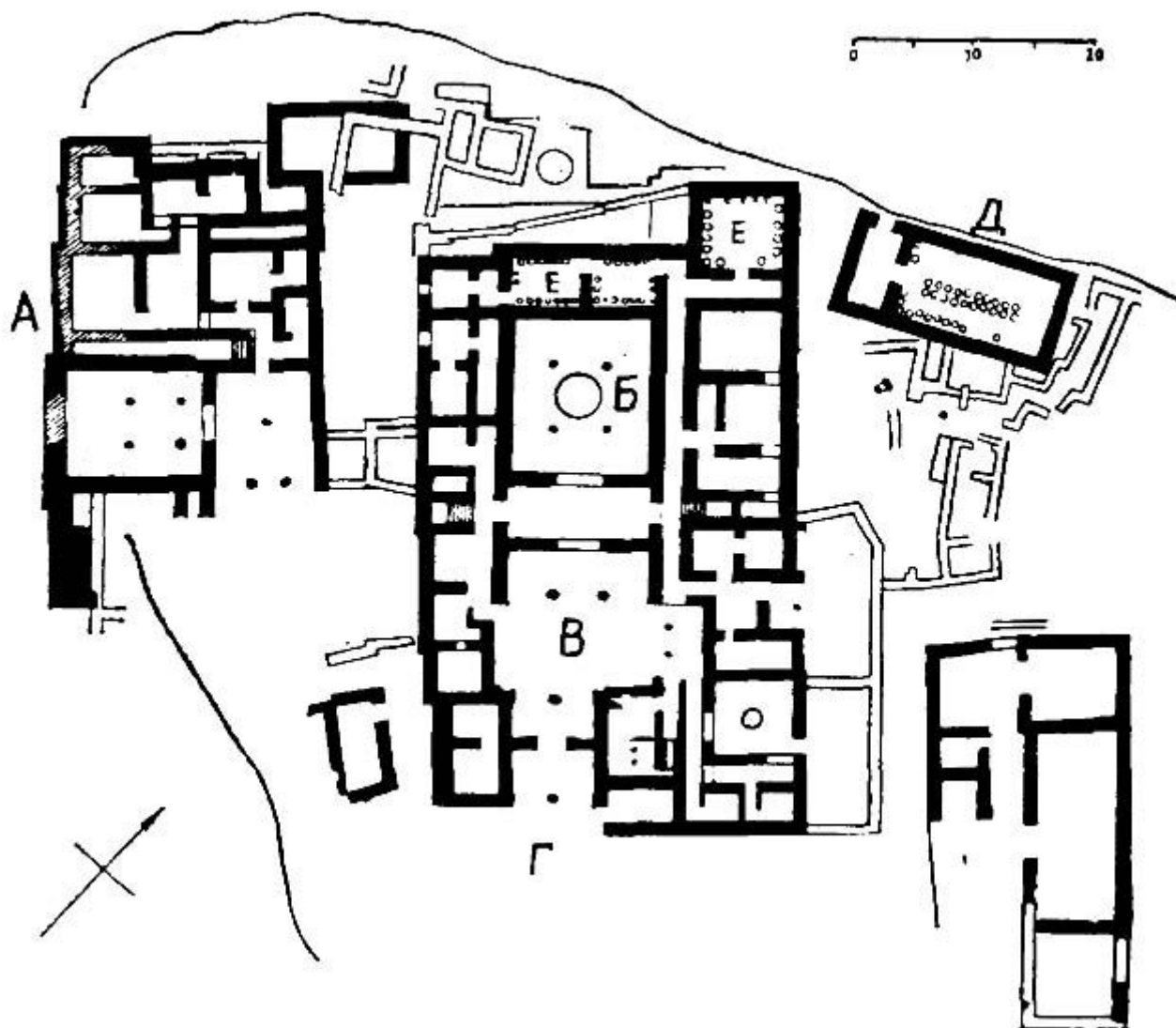
В то время как Микены поражают посетителя великолепными развалинами на укрепленной скалистой вершине [119] в дикой безлесной горной местности, а Тиринф — мощью своих фортификационных сооружений в приморской низменности, Пилос расположен среди холмов, поросших лиственными деревьями, и, по существу, защищен только своим естественным положением. На северо-востоке тянется вдаль до самого горизонта пологая гряда, разделявшая державу Нестора на две части, между тем как на юго-западе местность спускается к морю, где на расстоянии неполных десяти километров от Пилоса блестит гладь Наваринского залива, посреди которого могучей стеной между водами залива и открытым морем встает остров Сфактерия.

Сегодня Пилос царя Нестора является, наряду с Микенами и Тиринфом, одним из наиболее хорошо исследованных центров микенской культуры, а его сохранившиеся в сравнительно хорошем состоянии фундаменты дают весьма отчетливое представление о царском дворце позднемикенского периода около 1200 г. до н. э.

Входные ворота вели в окруженный колоннадой двор размерами 12,90 * 7,30 м, откуда через вестибюль с колоннами можно было пройти в прихожую, а затем в главный дворцовый зал площадью 12,90 * 11,20 м с четырьмя опорными колоннами и очагом посередине. Вестибюль, прихожая и главный зал были украшены фресками, фрагменты которых сохранились и в настоящее время экспонируются частично в Афинском национальном археологическом музее, частично — в местном музее, находящемся в районе Хоры.

К центральным комнатам примыкали различные административные и хозяйственные помещения и склады. В них были обнаружены изделия высокой художественной ценности, а также тысячи глиняных сосудов, притом зачастую в столь больших количествах и столь однотипных, что они явно предназначались не для домашнего хозяйства царя Нестора, а на вывоз. Сегодня образцы их выставлены в музее Хоры. Эти экспонаты могут восхитить любого посетителя своеобразием своей формы. Как правило, в музейных витринах выставляют отдельные экземпляры различных типов памятников материальной культуры. В Хоре же все наоборот. Главный зал местного музея напоминает скорее торговую палату: витрины заполнены почти совершенно одинаковыми сосудами. Кажется, будто еще и сегодня здесь ожидают, что через день-другой причалит прибывший из Элиды, Лаконии или какой-либо другой области материковой Греции, с островов [120] Закинф, Итака или Кефалления, или же с лежащих за морем итальянских берегов, микенский парусник, капитан которого закупит пилосские керамические изделия для правителя своей страны. Покупателям было бы что выбрать здесь и сегодня. Общее количество найденных в Пилосе сосудов составляет приблизительно 8000 экземпляров.

Только в одном помещении было обнаружено 2853 фрагмента керамики — сплошь кубки с тонкой ножкой и широким горлышком. Столь большое количество кухонной посуды вряд ли требовалось для личного домашнего хозяйства пилосского царя.



План Пилосского дворца времени около 1200 г. до н. э.:

А — северо-западная (древнейшая) часть дворца; Б — мегарон; В — двор; Г — вход; Д — хранилище

Сопоставление Пилоса с Микенами приводит посетителя к некоторым другим соображениям. Микенская крепость встает перед нами как расположенный в сердце греческих земель эпохи бронзы центр многовекового государственного образования, тщательно укрепленный во время господства здесь честолюбивого рода Пелопидов, не брезговавших для достижения своих целей даже убийством [121] и всегда претендовавших на главенствующую роль среди греческих государств.

В противоположность этому Пилос — с его значительно менее продолжительной и менее богатой историей и окраинным положением на западе микенского мира — представляется скорее коммерческим и хозяйственным центром, ведущим оживленную торговлю с ближними и дальними соседями по суше и морю и процветающим под властью царей из рода Нелеидов, прибывших сюда из северной греческой области Фессалии. Особого расцвета город достиг во время правления дальновидного Нестора, чья мудрость и

рассудительность явно не пришли к нему вдруг, сами по себе лишь во время боев под Троей.

Из числа прочих местностей Пелопоннеса заслуживают упоминания богатые остатки микенских поселений в районе Коринфа (Истмия, Кораку, Зигуриес), а также в Элиде в районе Олимпии. Здешние находки показывают, что в предании о микенском происхождении Олимпийских игр, связанном в греческой мифологии с именем Пелопа, может содержаться и какая-то доля истины.

Результаты археологических раскопок микенских поселений и гробниц в Лаконии на юге Пелопоннеса вполне соответствуют исторической традиции. Греческие сказания повествуют, что властителем этой области был брат Агамемнона Менелай, из чьего роскошного дворца в Спарте троянский царевич Парис похитил супругу царя прекрасную Елену. Дворца микенской эпохи ни в Спарте, ни в других местностях Лаконии до сих пор не обнаружено, хотя здесь и открыт целый ряд археологических комплексов интересующего нас времени (Амиклеон, Менелеон, Агиос-Стефанос).

На территории Лаконии было сделано также одно из самых замечательных открытий микенской эпохи. В 1888 г. Хр. Цундас⁸⁷ исследовал близ лаконской деревни Вафио к югу от Спарты купольную гробницу, возведенную, как это часто встречается в Лаконии, Мессении и Фессалии, на вершине высокого холма. Гробница была известна с 1805 г., а грабители, несомненно, наведывались сюда и ранее. Впрочем, последние не сумели выполнить свою задачу должным образом. Мало того, что после их посещения на полу осталось много мелких ценных предметов, основным их упущением оказалась яма, вырытая в полу гробницы. В ней Х. Цундас обнаружил остатки мужского скелета с большим числом ценных изделий (десятки аметистовых бусин, камей, золотых перстней), комплектом [122] различных предметов личного оружия и большим количеством сосудов из различных материалов. К числу этих находок относятся два знаменитых золотых кубка с великолепным рельефным изображением сцен с быками, указывающим на их критское происхождение. Кубки датируются временем около 1600 г. до н. э.

Значительные археологические комплексы микенской эпохи были открыты и за пределами Пелопоннеса. В Аттике к их числу относятся, например, фолосы в Мениди, Перати, Форику и Марафоне (где знатное лицо захоронено вместе с парой коней), камерные гробницы в Бравроне, Элевсине, Афинах и других местах. На Афинском акрополе открыты остатки микенской крепости, аналогичной по своей строительной технике крепостям в Микенах и Тиринфе. Однако существование микенского дворца в Афинах археологически не засвидетельствовано, несмотря на то, что в греческой мифологии упоминания о таковом содержатся в легендах о Тесее. При этом Афины могут гордиться тем, что они были единственным центром микенской цивилизации на материке, не затронутым волной опустошительных разрушений, и что жизнь города на рубеже бронзового и железного веков не была нарушена какими-либо внешними потрясениями.

Одной из важных областей микенской культуры была также Беотия. Мы уже упоминали о выдающейся роли Фив в греческой мифологии и о достойных восхищения открытиях археологов, сделанных во время раскопок Кадмеи — дворца Фив микенской эпохи, в том числе о находке десятков памятников письменности и великолепных остатков фресковых росписей. Вблизи дворца были обнаружены камерные гробницы и среди них одна совершенно уникальная: это первая из известных к настоящему времени микенская гробница, украшенная фресковыми росписями и при этом соединенная с внешним миром двумя входными коридорами. В последнее время Беотия внесла свой вклад в изучение микенской живописи благодаря тому, что в захоронении XIII в. до н. э., открытом в

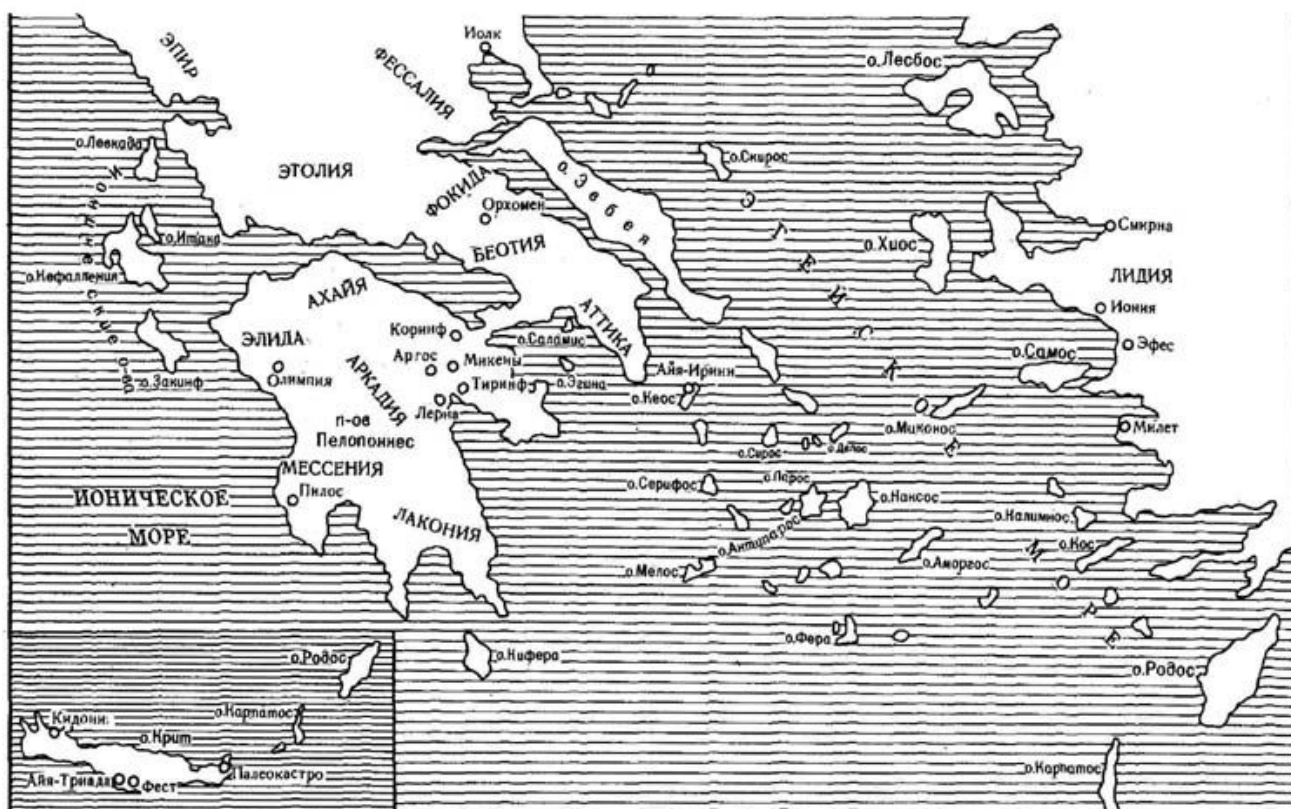
последние годы в Танагре — поселении к востоку от Фив, — была найдена группа расписных ларнаков (глиняных погребальных ларцов), ранее известных в пределах бассейна Эгейского моря только на Крите.⁸⁸ Эта беотийско-критская параллель не является единственной, имея другие любопытные аналоги. Выше мы уже упоминали, что линейные надписи на глиняных сосудах из Фив содержат топонимические названия, встречающиеся на [123] востоке Крита. Следует подчеркнуть также то обстоятельство, что весьма тесные связи между Беотией и Критом отражены и в греческой мифологии.

К числу прочих раннеисторических местностей Беотии принадлежит расположенный на юго-востоке Эвтресис, ранние слои которого относятся к неолиту. Но особенно примечателен комплекс микенских поселений к северу от Фив, вблизи ныне осушенного Копайдского озера. На его южном берегу существовало укрепленное микенское поселение вблизи более позднего Галиарта, на северо-западе находился Орхомен — легендарная резиденция царя Миния, где сохранились остатки дворца и купольная гробница XIV в. до н. э., к сожалению, полностью разграбленная. А в северо-восточной части озера на большом острове возвышалась мощная крепость, с киклопическими стенами протяженностью три километра. Ныне это одно из самых загадочных мест Микенской Греции называется Гла. Крепостные укрепления окружали здесь территорию площадью около 20 га, т.е. в семь раз большую, чем в Тиринфе. Этот археологический комплекс имеет необычный план, и, согласно преобладающему мнению исследователей, в данном случае речь должна идти об убежище для населения целого ряда окрестных микенских селений Беотийской равнины, прятавшегося здесь в случае возникновения военной опасности. При этом местные жители, очевидно, провели мелиоративные работы по сооружению канала, связанного с водной системой Копайдского озера посредством комплекса дамб. Остатки этого канала сохранились до настоящего времени.

Основным районом микенских поселений в Фессалии был Иолк у Пагасейского залива — город, из которого, согласно преданию, отправились в плавание за золотым руном аргонавты. Археологи открыли здесь остатки дворца, а чуть поодаль от него купольные гробницы.

На западе и северо-западе элладского мира следы микенских поселений не столь многочисленны, как на северо-востоке. Упоминания заслуживают здесь Кирра у Коринфского залива в Фокиде (неподалеку от Дельф), Фермой в Этолии, Парга в Эпире с открытой здесь купольной гробницей и острова Итака и Кефалления в Ионическом море.

И наоборот — в Эгейском море, т.е. на востоке будущего греческого мира, следует предполагать существование микенских поселений на многих островах, а именно на Кеосе, Аморгосе, Делосе, Паросе, Наксосе, Мелосе [124] (в Филадельфии) и Кифере, затем на Крите (особенно в Кноссе), из островов Восточной Эгеиды — на Родосе (в Ялиссе), Карпатосе, Косе, Калимноссе, Самосе и Хиосе, а также на западном побережье Малой Азии — прежде всего в Милете, Колофоне и современном Мюскеби на юго-западе полуострова.



Карта № 5. Карта средней и южной Эгейды [125]

Среди археологических местностей островной Эгейды первое место занимает недавно открытое доисторическое поселение в Агия-Ирини на острове Кея (древнегреческий Кеос; оба названия женского рода). В 1960 г. американский археолог Дж. Л. Кескей обнаружил здесь на одном из северо-западных выступов острова на расстоянии около 21 км от Европейского материка развалины поселения, существовавшего от начала II тысячелетия до н. э. с некоторыми перерывами почти до начала нашей эры.

Приблизительно в XV в. до н. э. на Кеосе произошла катастрофа, связанная с упомянутыми выше катастрофами на Фере и Крите, следствием которой было частичное запустение обитаемого района. К этому времени принадлежат различные находки, относящиеся к минойской и микенской культурам. Довольно хорошо сохранились остатки поселения с жилищными комплексами, погребями, улочками, лестницами и большим могильным курганом. На окраине города на берегу моря обнаружено отдельно стоящее здание святилища размерами 23 X 6 м с двумя несколько меньшими внутренними помещениями, где было найдено около 20 дошедших в той или иной степени сохранности женских фигур различных размеров вплоть до величины с человеческий рост. Фигуры представляют женщин, облаченных в длинные колоколообразные юбки, с открытой грудью и тщательно уложенными волосами. Изготовлены они из терракоты. По мнению Дж. Л. Кескея фигурки меньших размеров представляют танцовщиц, исполняющих танец вокруг своей богини. Храм, несомненно, подвергся перестройке в XII в. до н. э. и оставался местом отправления культа вплоть до эллинистической эпохи.

Самым значительным центром микенской культуры за пределами материковой Греции, несомненно, является Кносс. Учитывая то обстоятельство, что ахейцы добились господства над Кноссом, не прибегая к разрушительному военному вторжению, а лишь в результате ослабления политического и экономического могущества Крита, вызванного извержением вулкана на Фере, микенский Кносс, по существу, следует рассматривать как

древний [126] минойский Кносс, перешедший под власть новых хозяев. Около 1450 г. до н. э. ахейцы заняли огромный Кносский лабиринт, насчитывавший около тысячи помещений, который и далее продолжал сохранять свою прежнюю планировку с широким внутренним двором, великолепными переходами и лестницами, обширным комплексом разнообразных сооружений, в том числе и четырехэтажных, а также изумительные фресковые росписи и технически совершенные бытовые удобства. Ахейцы со временем внесли сюда лишь некоторые изменения, например украсили тронный зал новыми фресковыми росписями, в которых прослеживаются материковые влияния. Утвердившись в Кноссе, ахейцы овладели во второй половине XV в. до н. э. значительной частью Крита (если не всем островом) и оставались хозяевами Кносского дворца вплоть до его окончательного разрушения, имевшего место приблизительно в начале XIV в. до н. э.

Итак, мы совершили путешествие по целому ряду основных центров микенской культуры от Микен и до Кносса. Очевидно, микенских поселений было значительно больше — вероятно, намного более пятисот. Конечно они не существовали одновременно на протяжении всей этой эпохи. Но во всяком случае, ко времени расцвета микенской цивилизации в XIII в. до н. э. только в материковой Греции их насчитывалось 264.⁸⁹ И в каждом из этих поселений развивалась микенская культура и кипела жизнь первого великого периода культурной истории Греции, вызывающего у нас такое восхищение.

[86] Сведения о дворцовых центрах и важнейших поселениях микенской эпохи содержатся в большей части работ, посвященных вопросам микенской культуры. Более подробно см. об этом в: *Hope Simpson R.*, 1965; *Hooker J. T.*, 1976, с. 233 и сл. (На русском языке см.: *Блаватская Т. В.*, 1966, с. 33-74; она же, 1976, с. 100-112; *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976. с. 13-31; *Полякова Г. Ф.*, 1983, с. 89-127, а также обзоры новейших археологических исследований на территории Греции, регулярно появляющиеся на страницах «Вестника древней истории». — *Примеч. пер.*).

[87] *Tsountas Chr.* — EA, 1888, с. 197 и сл.; 1889, с. 136 и сл.

[88] *Vermeule E.*, 1966; *Orlandos A. K.* Tanagra. — EAE, 1969—1974.

[89] *Hope Simpson B.*, 1965; *Bouzek L.*, 1969, с. 51.

Глава 9

Социально-политическая структура

Обнаружение каждого нового архива памятников микенской письменности означает также открытие еще одного значительного административного центра, из которого осуществлялось управление обширной округой. А если мы еще и прочтем архивные записи, то при сопоставлении с данными античной традиции сможем почерпнуть из них много весьма важных сведений, которые невозможно получить в результате одних только (пусть даже самых обстоятельных в смысле информативности!) археологических изысканий. Так, весьма тщательно исследованный Блегеном Пилосский дворец дает нам довольно точное представление о том, как выглядел [127] микенский дворцовый центр. Но только на основании того обстоятельства, что дворец находится в районе, куда античная мифологическая и литературная традиция помещает центр владений рода Нелеидов, мы можем строить предположения о том, кто владел этим дворцом, а принимая во внимание некоторые намеки и описания «Илиады» и «Одиссеи», можно сделать также некоторые выводы и об общественных отношениях, существовавших в царстве Нестора. Однако основным критерием истины является согласованность этих выводов со сведениями, содержащимися в текстах пилосских табличек.⁹⁰

Уже сами по себе титулы мужей, занимавших главенствующее положение в социальной структуре Пилосского царства, указывают на существенное расхождение между Гомером и текстами табличек. Если у Гомера, как и в более позднем греческом языке, правители микенских государств зачастую выступают под титулом *basileus* (причем это слово переводится на чешский язык как *král* — «король»),⁹¹ то как на пилосских, так и на кносских табличках властители носят титул *wanax* (родительный падеж — *wanaktos*). Это слово также известно из более позднего греческого языка. Гомеровское *anax* является, в сущности, синонимом слова *basileus*, но имеет более широкое и менее специфическое значение, приблизительно соответствующее чешскому *pan* — «господин», хотя означает уже некоего обладающего значительной властью человека, как, например, царя Микен Агамемнона, или же некое божество. Впрочем, эти же функции религиозного содержания имело уже и микенское *wanax* на некоторых пилосских табличках серии Fg, содержащих сведения о благовонных мазях, пожертвованных различным божествам.

В противоположность этому микенский термин *kwaseileus*, являющийся праформой более позднего греческого *basileus*, на пилосских табличках означает лишь правителей местного значения. В Пилосском царстве таковыми были особые лица, осуществлявшие надзор за работой и официальными заказами кузнецов и выполнявшие, помимо прочего, функции царских оружейных инспекторов в том или ином административном районе. Аналог этому имеется и в «Одиссее», где говорится о многих *басилеях* на Итаке («Одиссея», I.394 и сл.), а феакийский царь Алкиной имеет в своей свите двенадцать *басилеев* («Одиссея», VIII.340 и сл.).

Различие между микенским и более поздним греческим [128] значением слова «басилей» весьма отчетливо отражает то обстоятельство, что политическая власть, сосредоточенная в микенскую эпоху в руках незначительного числа *ванактов*, была распределена после падения микенской цивилизации между более значительным числом местных правителей, для обозначения которых и стало употребляться слово «басилей», а со временем, когда власть отдельных *басилеев* распространилась на более обширную территорию, это понятие существенно увеличило свою значимость. Слово же «ванакт», напротив, исчезло из политической жизни, поскольку с падением микенской цивилизации исчезло и лицо, обозначавшееся этим словом. Поэтому, хотя слово «анакт» и значит в более позднем

греческом языке, оно уже ограничено только областью культовой жизни, в которой обозначает приблизительно то же, что «господь» в выражении «господь бог».

Не вызывает сомнения, что пилосский властитель упомянут на табличке Ег 312, где говорится о площади земельных участков, которыми владеют различные представители господствующего класса Пилосского царства — ванакт, лавагет и три телеста. Лавагет (этот титул известен как в Пилосе, так и в Кноссе) был, очевидно, вторым человеком в Пилосском царстве. Это название указывает, что его следует считать верховным командующим. Само по себе это слово означает «владыка народа», что, однако, еще не дает оснований наделять его особой военной властью. Достаточно вспомнить по этому поводу о чешском *vévoda* («герцог»), возникшем из *voj(e)voda* и вскоре утратившем свое первоначальное значение. Сведения, почерпнутые из поэмы Гомера, также указывают, что верховным предводителем войска был сам властитель. Таким образом, лавагет был, вероятно, высокопоставленным государственным сановником, неким министром ванакта. Что же касается телестов, то, по-видимому, это были представители местной родовой знати в государственном аппарате Пилосского царства.

Из той же таблички мы узнаем, что площадь земельных владений ванакта была в три раза больше, чем лавагета, и равнялась земельным владениям всех трех телестов, вместе взятых. Можно, однако, предполагать, что речь идет о записи, касающейся только определенного земельного надела (в тексте выступает словосочетание *wanakte-rontemenos* — «земельный надел властителя»), но ни в коем случае не всех земель ванакта. Прилагательное *wanakteros* несколько раз засвидетельствовано в Пилосе и в качестве [129] поясняющего определения принадлежности некоторых ремесленников, а также в связи с изготовлением тканей в Кноссе.

Любопытную параллель с указанной табличкой обнаруживает пилосская табличка Un 718, содержащая сведения о четырех лицах, посвящающих дары богу моря Посейдону: на втором месте здесь тоже появляется лавагет, а на первом, якобы предназначавшемся для ванакта, — лицо, обозначенное графически как E-ke-ra₂-wo, т.е., вероятно, *Enkheliáwon*. Большинство исследователей усматривает сегодня в этом слове собственное имя пилосского властителя того времени, к которому относятся сохранившиеся тексты. Это имя, неизвестное в греческой мифологии, встречается и на других пилосских табличках. На основании одной из них (Ег 880) можно считать, что это лицо обладало земельными владениями значительных размеров (в три раза большими, чем размеры «теменоса», упоминаемого на табличке Ег 312). Кроме того, у Энхелиавона было сорок гребцов, что приблизительно составляет команду одного крупного военного корабля того времени (An 610). Сопоставление прочих табличек аналогичного содержания привело шведскую исследовательницу М. Линдгрэн к сходному выводу — что пилосского лавагета, вероятно, звали Веданей и что он был владельцем крупных отар овец и располагал двадцатью гребцами.⁹²

Более важное место по сравнению с телестами, упоминаемыми на табличке Ег 312 на третьем месте, занимали в иерархии пилосского (и, возможно, также кносского) общества так называемые «гекветы» («спутники»). Это были высокопоставленные сановники, сопровождавшие властителя, т.е. члены его свиты. Языковые аналоги соответствующего типа хорошо известны: члены королевской и императорской свиты в эпоху раннего средневековья носили латинский титул *comes*, т.е. «спутник», из которого возникли затем аристократические титулы «граф», например, во французском (*comte*) и английском (*count*) языках.

Слово «геквет» засвидетельствовано на пиловских и кноских табличках около двадцати раз; при этом одиннадцать гекветов выступают как командующие отрядами, выделенными для обороны отдельных прибрежных районов Пиловского царства. В результате сопоставления различных данных французскому ученому М. Лежену удалось установить, что один из гекветов [130] тождествен одному из крупнейших пиловских землевладельцев Амфимеду.⁹³ В Кносе данные табличек более фрагментарны, но гекветы засвидетельствованы и там. Военные функции гекветов подтверждает и то обстоятельство, что они, несомненно, имели особую форму одежды и располагали выделенными им боевыми колесницами.

Представляется, что высший слой господствующего класса микенского общества состоял из двух частей: центральной власти, представленной властителем (ванакт), его первым министром (лавагет) и свитой властителя (гекветы), а также местного управления в отдельных административных округах, которых насчитывалось шестнадцать. По мнению Дж. Чедуика, во главе каждого округа стоял так называемый *koreter* со своим заместителем, называемым *prokoreter*.⁹⁴ Управляющие округами выполняли самые различные задачи. Из сохранившихся пиловских табличек времени непосредственной военной угрозы Пилову явствует, что в этих чрезвычайных обстоятельствах они должны были произвести сбор бронзовых предметов — очевидно, для дополнительного изготовления воинских доспехов.

К представителям местного управления в отдельных округах принадлежали и телесты. Это были крупные землевладельцы, находившиеся в таком же соотношении с коретером, как гекветы с ванактом. Численность их была довольно значительна. В главном пиловском округе, где находился и дворец, согласно данным табличек их было 13 или 14.

На Крите телесты засвидетельствованы в четырех местах. В Аптаре, на западе острова, их было целых 45. В качестве земельных собственников они именовались также *ktinookhoi* — «владельцы земли», но не всякий ктенух являлся телестом. Очевидно, ктенухи составляли верхний социальный слой свободного населения округа, для обозначения которого употреблялось собирательное название *damos*, что является микенской праформой более позднего греческого *demos* («народ»).

О близости терминов *ktinookhoi* и *damos* свидетельствует и одна из пиловских табличек, где сначала было написано слово *ktinookhoi*, затем стерто (к счастью, неудачно) и заменено словом *damos*. В распоряжении дамоса — т.е. населения, которое следовало бы называть скорее «община», а не «народ», — находилась общинная земля, часть которой можно было сдавать в аренду [131] отдельным лицам. Вполне очевидно, что это было выгодно прежде всего ктенухам, как это явствует из текста табличек. Не совсем ясно, в каких отношениях находился дамос как собственник общинной земли к властителю. Кое-что поясняют аналогии, имевшие место на Ближнем Востоке (там правитель был владельцем всей земли, хотя с течением времени только символическим), но окончательное суждение можно вынести только после более тщательного изучения общественных отношений, сложившихся в Эгее.

Представители средних социальных слоев, составлявших ядро дамоса, фигурируют в текстах табличек главным образом в записях, касающихся различных трудовых профессий свободных общинников, в частности ремесленников. Довольно высокая численность последних указывает на значительную степень разделения труда в микенском обществе.

Что касается области ремесел, то в текстах табличек встречаются упоминания о лицах, занимающихся обработкой металла (khalkeus — «кузнец», khrusoworgos — «золотых дел мастер»), дерева (drutomos — «лесоруб», tekton — «плотник», thronoworgos — «столяр», harmoteion — «оковщик»), строительным делом (toikhodomos — «зодчий», naudomos — «корабельщик»), изготовлением тканей и выделкой кожи (knapheus — «сукновал», rapter — «портной»), изготовлением глиняных сосудов (kerameus — «гончар»). Из лиц, имеющих отношение к земледелию, животноводству и охоте, кроме ктенухов — «владельцев земли», т.е. землепашцев, выступают главным образом роimen — «овчар», gwougwotas или gwoukolos — «волопас», sugwotas — «свинопас», zeugeus — «возничий», kunagetas — «псарь, охотник», из профессий, связанных с приготовлением пищи, — artopokwos — «пекарь», а из профессий общественного характера — angelos — «вестник», karux — «глашатай», iater — «лекарь», eretas — «гребец».

Само собой разумеется, никто не может с полной уверенностью утверждать, что во всех случаях, когда на табличках упоминаются перечисленные профессии, речь действительно идет о свободных гражданах. Однако в большинстве случаев контекст табличек вполне ясно указывает на это — в частности, когда упомянутое лицо является арендатором земельного участка. С другой стороны, названия женских профессий, о которых говорится на табличках серий Aa, Ab, Ad, бесспорно, относятся [132] к лицам с весьма низким социальным статусом, занятым в дворцовом хозяйстве. Тексты линейного письма Б предоставляют нам не только хорошую возможность определить высшие и средние слои микенского общества, но в то же время являются богатым источником информации и в отношении лиц, стоящих на самых нижних ступенях социальной лестницы микенского общества.

Основу экономического роста микенских государств, несомненно, составляла эксплуатация лиц с зависимым или вообще бесправным социальным статусом, однако социальной структуре того времени был совершенно чужд четкий разграничительный рубеж, отделявший класс рабов от класса рабовладельцев, — явление, имевшее место позднее — в I тысячелетии до н. э., в особенности в классическую эпоху. Впрочем, известно, что даже в классическую эпоху в целом ряде греческих городов-государств социальные слои не выкристаллизовались столь четко, как это имело место в Афинах. Между лицами, занимавшими, безусловно, положение раба, и господствующим классом в ряде областей и городов-государств находились общественные слои с более или менее зависимым статусом, как, например, так называемые перизки в Спарте, занимавшие промежуточное положение между свободными спартиатами и совершенно бесправными илотами. В Микенской Греции вдобавок ко всему прочему существовала наследственная монархия, при которой понятие полностью свободного гражданина фактически ограничивалось царем и его ближайшим окружением. Это равным образом означает, что понятие «раб» в классическом смысле этого слова в Микенской Греции также еще не могло существовать.

Микенологи зачастую еще не вполне осознают этого обстоятельства и ставят знак равенства между микенскими понятиями doelos, doela и их более поздними лексическими эквивалентами классической эпохи dulos, dule, означающими в развитом рабовладельческом обществе раба и рабыню. Таких «доэлов», согласно данным линейных текстов, имел не только ванакт, но и некоторые другие отдельные лица, например гекветы и даже пилосские кузнецы. На пилосских табличках серии Jn самое малое число «доэлов» равняется тринадцати, а на основании одной из поврежденных табличек можно сделать вывод о существовании еще 36 других «доэлов» мужского пола. На некоторых табличках из Кносса идеограммы мужчин и женщин стоят рядом с греческим словом kwrijato, [133]

соответствующим классическому (e)priato, что значит «купил», на основании чего принято считать, что документ сообщает о покупке рабов.

Трудность состоит также в том, что понятия doelos, doela употребляются и при обозначении лиц, называемых theoio doeloi или theoio doelai, т.е. «божьи слуги», «божьи служительницы». Последние же зачастую фигурируют на пиловских табличках в качестве арендаторов земельных наделов, а представление о рабе, являющемся одновременно арендатором земли, совершенно несовместимо с понятием раба как совершенно бесправного лица.

В сколь сложные земельно-правовые отношения вступали пиловские «божьи слуги» и «божьи служительницы» видно, например, из таблички Eo 247, которая содержит записи о наделе, сдаваемом в аренду богатым ктенухом Айтиоквсом. Арендуют этот надел один жрец, трое «божьих слуг» и две «божьи служительницы». При этом большая часть арендаторов не ограничивается арендным соглашением с одним Айтиоквсом. Например, один из «божьих слуг» взял в аренду наделы еще у трех других ктенухов, а некоторые арендуют, кроме того, наделы еще и у всей общины. С другой стороны, то странное обстоятельство, что «божьи слуги» лично не владеют никакой землей, свидетельствует об их более низком общественном положении хотя бы даже в сравнении со жрецами, которые могли обладать земельной собственностью.

Каких лиц обозначало, таким образом, понятие «божьи слуги», продолжает оставаться загадкой, хотя все исследователи признают возможность их связи с культом. Определенно можно сказать лишь следующее: «божьи слуги» не были рабами в более позднем греческом значении этого слова. Эта же оговорка распространяется, на наш взгляд, и на некоторых других «доэлов». Так «доэлы геквета Амфимеда» могли арендовать землю наряду с ктенухами и «божьими слугами», и, таким образом, их нельзя считать совершенно бесправными лицами.

Естественно, возникает вопрос, имеются ли в текстах линейного письма Б упоминания о рабах в полном смысле слова, т.е. о лицах, лишенных всяких прав. Обычно специалисты дают положительный ответ на этот вопрос, исходя из того обстоятельства, что среди пиловских табличек имеется целая серия записей о рабочих группах женщин и детей, безусловно занимавших самое низкое положение в социальной структуре общества. Имеются в виду таблички серий Aa, Ab и Ad, на которых упоминается [134] 49 различных групп женщин и детей, причем некоторые из них фигурируют два и даже три раза. Наиболее полной представляется серия Aa, содержащая две группы табличек, каждая из которых составлена своим особым писчим почерком и, несомненно, касается одной из двух главных пиловских провинций. Здесь приводятся прежде всего суммирующие данные о количестве женщин и их детей (отдельно девочек и мальчиков), после чего даются сведения о численности лиц, которым поручен надзор за этими рабочими группами. Серия Ab включает те группы серии Aa, которые относятся к западной области, кроме того, здесь же содержатся и записи о выдаче им хлеба и смокв. Серия Ad интересна тем, что содержит сведения только о мальчиках — сыновьях женщин, зарегистрированных на табличках серий Aa и Ab, которые, несомненно, уже достигли физической зрелости и поэтому могли работать отдельно от своих матерей. С этим согласуется и тот факт, что в сериях Aa и Ab численность мальчиков ниже, чем девочек.

То обстоятельство, что на табличках упомянутой группы отсутствуют сведения о других мужчинах, кроме сыновей женщин, занятых в дворцовом хозяйстве, вполне соответствует тому, что говорится об источниках рабства у Гомера и других античных авторов. При взятии города или военном вторжении в рабство обращали только женщин и детей, тогда

как всех взрослых мужчин попросту истребляли. Очевидно, опыт показал, что использование последних на подневольной работе было сопряжено с такими значительными неудобствами и требовало соблюдения столь значительных мер предосторожности, что это оказывалось нецелесообразно.

Приведем несколько примеров, которые могут дать представление о содержании табличек:⁹⁵

Аа 783: Женщины-прачки

ЖЕНЩИН 38, девочек 13, мальчиков 15, [лицо] DA 1, [лицо] Та 1

Ab 553: Пилос — прачки (женщины)

[женщин] 37, девочек 13, мальчиков 15, ЗЕРНА 11 крупных + 1 средняя мера, СМОКВ 11 крупных + 1 средняя мера, DA, TA.

Ad 676: Пилос — мальчики прачек (женщин)

МУЖЧИН 22, мальчиков 11. [135]

В заглавии каждого из приведенных трех текстов указывается конкретный вид трудовой деятельности женщин, о которых (а также о детях которых) идет здесь речь. Серии Ab и Ad, как правило, отличаются от серии Аа тем, что содержат в заглавии указание на место трудовой деятельности (Пилос таковым является не всегда). Мы уже говорили, что на табличках серии Ab встречаются и сведения о продовольственном рационе. Из сопоставления с другими табличками явствует, что каждая женщина получала по две «средние» меры⁹⁶ хлеба и смокв, каждый ребенок — по одной мере, лицо DA — пять мер (надзиратель), а лицо TA — две меры (надзирательница). Если, руководствуясь этим штампом, подытожить данные таблички Аа 783, то общая сумма составит 111 мер ($38 * 2 + 13 + 15 + 5 + 2 = 111$). На табличке Ab 553, которая, впрочем, совершенно идентична табличке Аа 783, вместо 38 ошибочно упоминается 37 женщин (общая сумма объемных мер для 37 женщин должна составлять 109). Добавим к этому, что одна упоминаемая здесь мера составляет около 9,6 литров и что рацион был рассчитан на месяц. Знаменательно, что смоквы и зерно выделялись в качестве продовольственного рациона и в странах Ближнего Востока.

Численность женщин в различных рабочих группах различна, колеблясь от 1 до 38. Число детей, зарегистрированных на табличках вместе со своими матерями, довольно низко и, как правило, не превышает общей численности упомянутых женщин на тех же табличках. Очевидно, в состав рабочих групп входило и много женщин старшего возраста, дети которых к тому времени были уже привлечены к трудовой деятельности иного рода. На табличках серий Аа и Ab зафиксировано около 750 женщин и несколько большее количество детей (450 девочек и 350 мальчиков). Из них около 450 женщин, т.е. 60%, было задействовано на работах непосредственно на территории округа главного города, около 100 трудилось в прочих населенных пунктах западной провинции, остальные 200 — в восточной провинции, причем более половины в Левктрах — административном центре провинции. Количество молодых мужчин и юношей на табличках серии Ad составляет около 450. При этом опять-таки более 60% мужской рабочей силы было занято в Пилосском округе. В целом же на табличках упомянутых трех серий зарегистрировано, таким образом, около 2 тыс. человек. [136]

В Пилосе существовало два критерия классификации трудовых групп женщин: род деятельности и место рождения. В первом случае мы встречаемся со столь разными профессиями, как мукомольщицы, пряжи, швеи, прачки, прислуга и т. п. Речь идет

исключительно о женских профессиях низшего порядка, связанных непосредственно с домашним хозяйством, прежде всего с текстильным производством.

Образованные от топонимов определения, указывающие на происхождение женщин, зачастую относятся к отдаленным областям на западном побережье Малой Азии — например, милетянки (Милет был городом с микенским населением уже с конца XV в. до н. э.), книйянки (Книд — полуостров и город на юго-западе Малой Азии), зефириянки (Зефирий — город в районе Галикарнасса к северу от Книда), лемниянки (остров Лемнос расположен в северной части Эгейды, приблизительно на морском пути из Греции в Трою) или женщины из Асвии (явно греческое название какой-то области на западе или юго-западе Малой Азии, о которой уже в хеттских клинописных текстах говорится как о земле Ашшува — ср. ниже, с. 258).

Каким образом эти женщины очутились в Пилосе? Путь морем из Пилоса до малоазийского побережья составляет по меньшей мере 650 км. При этом из поэм Гомера известно, что в Троянской войне принимало участие 90 пилосских кораблей, т.е. около 5 тыс. человек. На основании же тех сведений о завоевании Трои и обращении в рабынь троянских женщин, которые заимствовал из мифологической традиции Гомер, естественно предположить, что отдельные группы женщин, работавших в Пилосском дворце, были из добычи, захваченной под Троей. Впрочем, с другой стороны, известно, что малоазийский Милет был населен, по крайней мере частично, микенскими греками и нападение пилосцев на такое поселение не представляется правдоподобным.⁹⁷ Более вероятно, что «милетянки» получили свое имя по той причине, что были куплены на рынке рабов в Милете. Что же касается книйянок и прочих групп женщин, то и они могли быть приобретены в Милете или других малоазийских городах, поскольку и в Книде, и в Галикарнассе обилие микенской керамики в местных захоронениях указывает на присутствие там микенского населения в период около 1200 г. до н. э.

Однако не все женщины, зарегистрированные на упомянутых табличках, являются уроженками далеких земель [137] Малой Азии. Имеется, например, упоминание о киферянках. Остров Кифера находился на расстоянии одного дня пути на корабле от Пилоса, и тамошние жители могли попасть в плен в результате военного нападения пилосского царя.

Таким образом, весьма вероятно, что лица, упомянутые на табличках серий Aa, Ab и Ad, отличались в этническом и языковом плане от представителей господствующего класса Пилосского государства. При этом не следует исключать возможности, что этнически и лингвистически отличалась и часть сельского населения Пилосского царства, относившаяся к еще догреческому этносу. По мнению некоторых исследователей, упоминавшийся на пилосских табличках термин *kamahewes* обозначает социальный слой, занимавший более низкое положение, чем широкие слои населения, обозначаемые термином *damos* и этнически связанные с господствующим классом.

Но как бы то ни было, тексты линейных табличек из Пилоса, безусловно, содержат красноречивые аналогии к описанию жизни во дворцах ахейских властителей (в том числе к упоминаниям о дворцовых рабынях и служанках в гомеровских поэмах). Правда, численность этой прислуги оказывается у Гомера значительно меньшей, чем на пилосских табличках: даже Гомер не мог представить себе всего великолепия дворцов микенской эпохи. Для сравнения стоит вспомнить, например, о знаменитом пассаже из «Одиссеи» (VII.103-107), рассказывающем о ведении домашнего хозяйства во дворце царя феаков Алкиноя:

Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.

Наличие этих аналогов вынудило большинство исследователей склониться к тому мнению, что лица, упомянутые на пилосских табличках серий Aa, Ab, Ad, находились в Пилосском дворце в совершенно бесправном положении.

Таким образом, в свете текстов линейных табличек основные черты социальной структуры микенского общества вырисовываются сегодня довольно четко. Речь идет о весьма дифференцированном обществе с многоступенчатой шкалой социальных слоев, нисходящей от властителя (wanax) и его наместника (lawagetas) к высшим [138] государственным сановникам, по всей вероятности, тождественным высшим представителям родовой знати (hekwetai), далее к прочим держателям частной земли (ktoinookhoi), первое место среди которых занимали представители местной знати (telestai), а также жрецы (hierewes) и зажиточные ремесленники, затем к «божьим слугам» и «божьим служительницам», вплоть до лиц весьма зависимого положения, каковыми являлись doeloi, doelai, а уже за ними следовали лица, упомянутые на табличках серий Aa, Ab, Ad. Где-то посредине находились рядовые члены общины (damos) самых различных профессий, главным образом сельскохозяйственных и ремесленных, причем несколько ниже, по всей видимости, стояли остатки догреческого сельского населения (kamahewes). Давать более подробную характеристику отдельным упомянутым группам затруднительно, поскольку состояние этого вопроса в настоящее время не дает возможности привлечь для его решения необходимые конкретные данные. Однако картина, составленная на основании данных, содержащихся в текстах линейных табличек, отличается от развитой социальной структуры античного общества, существовавшего, например, в Афинах классического времени (V—IV вв. до н. э.), которое характеризуется острыми противоречиями между классами рабов и рабовладельцев. Более того, она не согласуется даже с картиной микенского общества, составленной ранее на основании поэм Гомера.

Детальный анализ аналогий и различий между Гомером и текстами линейных табличек показывает, таким образом, что микенский мир XIV—XIII вв. до н. э. и гомеровский мир VIII в. до н. э. разделяла глубокая пропасть, в которой на протяжении XII в. до н. э. безвозвратно исчезли роскошные микенские дворцы и вся создавшая их цивилизация. Несмотря на все величие гомеровских описаний, мир ахейских героев изображен в «Илиаде» и «Одиссее» значительно более скромным, в сравнении с его реконструкцией, произведенной на основании данных линейных табличек и археологических раскопок. Гомер имел довольно хорошее представление о том, что за несколько веков до него на территории материковой Греции существовала цивилизация, с которой не могла равняться его собственная эпоха, однако подлинного могущества микенских властителей и величия их дворцов он даже не мог вообразить.

Таким образом, когда в XII в. до н. э. происходит крушение микенского мира, Эгеида претерпевает столь [139] существенные перемены политического и экономического характера, что цивилизация, формирование которой на развалинах микенского мира относится к началу I тысячелетия до н. э., носила уже весьма отличный характер, была довольно неоднородной в политическом отношении и находилась на значительно более низком уровне по сравнению с цивилизацией эпохи расцвета Микен. Современники Гомера уже с удивлением слушали рассказы о том, что царь мифического острова феаков

Алкиной имел при своем дворе 50 служанок. Но как бы изумились слушатели Гомера, если бы узнали, что линейные тексты из Пилоса регистрируют только в одной группе табличек две тысячи человек, весьма тесно связанных с хозяйством Пилосского дворца!

Послемикенская эпоха весьма часто вносит в воображаемую картину микенского мира некоторые современные ей черты.⁹⁸ В гомеровских поэмах таковыми являются, например, упоминание о железе (микенская эпоха относится еще к бронзовому веку), изображение своеобразной военной демократии микенских властителей, совещающихся на сходках со своим народом во время войны, или же рассказ о том, что отец Одиссея бывший итакийский царь Лаэрт трудится и живет вместе со своими работниками в принадлежащем ему саду. Однако стремящийся к объективности исследователь наших дней вынужден смириться с тем, что в микенских дворцах место доблестных, но простых гомеровских героев заняли могущественные властители в одеяниях восточных деспотов, со своим развитым бюрократическим аппаратом, централизованной экономикой и десятками чиновников, регистрировавших во дворцах каждый поломанный треножник, каждое запасное колесо боевой колесницы или недоимки установленного натурального налога. Встречается на табличках и слово «герусия», обозначающее совет старейшин, «сенат», но только когда речь идет о местном управлении, а вовсе не о центральной дворцовой власти, которая производит впечатление государственного образования, стоящего намного ближе к ранним обществам Ближнего Востока, чем к греческим государствам I тысячелетия до н. э.

При этом, однако, Микены занимали окраинное положение среди областей, подвергшихся сильным влияниям Востока. Минойский Крит, особенно в период, предшествующий вулканической катастрофе около 1470 г. до н. э., стоял к Востоку намного ближе, чем греческие [140] государства. В то время как Крит унаследовал от Востока экономическую систему вместе с целым рядом культурных явлений тамошнего образа жизни, а критские дворцы были не только политическими центрами, но и центрами производства и товарообмена, ахейцы заимствовали на Востоке главным образом систему хозяйственного управления. Их дворцовые центры всегда носят характер преимущественно оборонительных сооружений. При этом производительная и товарообменная хозяйственная деятельность осуществлялась зачастую вне территории собственно дворца (например, в Микенах — в предместье, расположенном между дворцовыми укреплениями и так называемой «сокровищницей Атрея»).

[90] Кроме работ, указанных в примеч. 78, см.: *Lejeune M.*, 1959, 1965; *Bartoněk A.*, 1964a; *Ленцман Я. А.*, 1963; *Wundsam K.*, 1968; *Lindgren M.*, 1973.

[91] См. [примеч. 4](#). (*Примеч. пер.*)

[92] *Lindgren M.*, 1973, II, с. 134 и сл.

[93] *Lejeune M.*, 1966, с. 260.

[94] *Chadwick J.* 1976a, с. 73 и сл.

[95] Слова, переданные заглавными буквами, обозначают соответствующие идеограммы текстов линейного письма Б.

[96] Имеется в виду «средняя» мера сыпучих тел (см. [с. 83](#)), равнявшаяся, согласно Дж. Чедуику, 9, 6 л. См.: *Chadwick J.*, 1976a, с. 108.

[97] Это утверждение автора находится в явном противоречии с тем, что говорится ниже о междоусобных войнах в Микенском мире. (*Примеч. пер.*)

[98] О дискуссии по вопросу о классовой структуре обществ Эгейского мира и гомеровской Греции, имевшей место в советской науке, см. статью Я. А. Ленцмана в ВИ, 1950. (*Примеч. пер.*).

Глава 10

Земледелие и животноводство

Содержащиеся в текстах линейных табличек сведения о микенском обществе, имея для нас исключительно важное значение, при всем этом остаются сведениями косвенными. Ведь само собой разумеется, что писцы не ставили своей целью дать характеристику микенского общества — они только составляли записи хозяйственного характера. Тем более обоснованы надежды, что в линейных текстах кроется возможность почерпнуть из них более подробные сведения по ряду частных вопросов, связанных с ведением в Микенской Греции сельского хозяйства.⁹⁹

Весьма ценным источником информации являются пиловские таблички серии Е, содержащие сведения о земельной собственности. Как правило, на них встречается идеограмма зерна, которой предшествует словосочетание *toson sperma*, что значит «столько-то семян», «столько-то зерна». Идеограмма обычно сопровождается числовыми и метрическими знаками, сообщаящими сведения о размерах участков обрабатываемой земли, которые определяются количеством необходимого для их засева зерна. Например, четыре крупные таблички подсерии Еп общим объемом 66 строк знакомят нас со значительной частью земельного фонда Пиловского царства, расположенного непосредственно в округе, в котором находится сам Пилос. Некоторые фрагменты повреждены, однако их содержание восполнимо на основе 13 других, более кратких табличек подсерии Ео (прочие данные более [141] кратких табличек были со временем перенесены на суммирующие таблички больших размеров). На шести других табличках подсерии Ер общим объемом 76 строк мы встречаемся с другим пиловским земельным комплексом, суммирующим сведения многих десятков табличек подсерии Еб объемом от одной до трех строк.

Принципиальное различие между двумя упомянутыми комплексами состоит в том, что речь идет о различных с точки зрения правового владения группах наделов. Земля, обозначенная как *ktimena ktaina* (т. е. «обладаемая, возделываемая земля»), несомненно, находилась в частном пользовании отдельных лиц, даже если первоначально и составляла часть земельного фонда властителя, как это имело место на Востоке. И наоборот, *kekeimena ktaina* (первое из этих слов до сих пор не получило удовлетворительного толкования) была землей, принадлежащей «народу» (*damos*), т. е. общине.

Отдельные собственники земли часто обозначаются на табличках термином *ktoinookhoi* (т. е. «держатели земли»), причем некоторые из них одновременно являются телестами. Однако среди держателей земли этого типа фигурируют и различные ремесленники и представители других трудовых профессий, относящихся к дворцовому хозяйству, например сукновал, царский гончар, пастух и т. п.

Наделы обоих типов часто сдавались в аренду. Сами ктенухи нередко арендовали также и другие наделы, как правило, у общины, что производит впечатление земельных спекуляций. Например, ктенух Айтиоквс¹⁰⁰ арендовал у общины наделы, размеры которых определяются числом 87 малых мер зерна. Для сравнения укажем, что участок, выделенный общиной ванахту, содержал 30 больших (т. е. 1800 малых) мер, а наибольшее (после ванахта) количество земли, выделявшейся отдельным собственникам, соответствует 606 малым мерам. Однако кроме земли от общины Айтиоквс лично владел землей в 94 меры, из которой сдавал в аренду участки величиной в 90 мер. Отсюда следует предположение, что у общины землю можно было арендовать на более выгодных условиях, чем у частных владельцев. В роли арендаторов (*onateres*) в текстах табличек выступают прежде всего жрецы, различные ремесленники, а зачастую также «божьи слуги» и «божьи служительницы», о чем мы уже упоминали выше ([стр. 134](#)) в связи с частным земельным владением ктенооха Айтиоквса. [142]

Среди записей упомянутого типа поражает фиксация большого числа арендаторов, имеющих отношение к культу. Например, один из наиболее крупных участков общинной земли находится в держании жрицы Эрифы (*Eritha*), которая, согласно свидетельству табличек, даже вела тяжбу с пилосской общиной. Община утверждает, что Эрифа получила в обычную аренду участок величиной в 237 малых мер, в то время как Эрифа заявляет, что эта земля принадлежит не ей, а божеству, жрицей которого она является, и что поэтому речь идет о пользовании землей без арендных обязательств. Эта запись существует в двух версиях, несколько отличающихся друг от друга (на суммирующей табличке *Er 704* размеры участка меньше, чем на табличке *Eb 35*).

Значительное количество жрецов, жриц, «божьих слуг» и «божьих служительниц», выступающих в роли арендаторов, обусловлено, вероятно, тем обстоятельством, что речь идет о наделах, расположенных непосредственно в округе Пилосского дворца. Интересно было бы узнать, как обстояло дело в прочих 15 округах Пилосского царства. Но записей такого рода не сохранилось: возможно, они были составлены и хранились не в царском дворце, а в каком-то другом месте.

Если упомянутые четыре подсерии пилосских табличек (*En-Eo* и *Er-Eb*) представляют собой некий кадастровый перечень, то на прочих подсериях пилосских табличек серии *E*, регистрирующей земельные участки, содержатся записи несколько иного характера. Например, включающая 15 табличек подсерия *Es*, несомненно, фиксирует дополнительную повинность, имеющую определенное отношение к культу. На табличке *Es 650* сообщается общая величина наделов 13 лиц (опять-таки выраженная в мерах зерна), на табличке *Es 644* — годовичная натуральная повинность пшеницей, а на прочих 13 табличках — распределение натуральной повинности, которую эти же лица должны исполнять по отношению к отдельным божествам, или отправления ими культа. Обращает на себя внимание тот факт, что натуральная повинность по отношению к богу Посейдону всегда в несколько раз превосходит таковую и отправление культа в отношении прочих божеств. Это указывает на особое почитание Посейдона в Пилосе.

То обстоятельство, что земля регистрировалась в дворцовых архивах, свидетельствует о том, что дворцовая администрация была заинтересована в ее учете. Сам [143] ванахт

прямо назван держателем земли только один раз — на упоминавшейся выше табличке Eг 312, согласно которой ванахту выделяется 30 больших мер (т. е. 1800 малых), лавагету — 10, а трем телестам, вместе взятым, также 30. Причем названную табличку следует читать в совокупности с табличкой Un 718, где эти же лица приносят пожертвования Посейдону и где ванахт назван своим личным именем — Энхелиавон. Из таблички Eг 880 следует, что Энхелиавон имел в частном держании земельный участок величиной в 94 большие меры (т. е. 5640 малых мер). Это в то же время и самая крупная земельная собственность, засвидетельствованная в текстах линейных табличек. Поскольку одна большая мера содержит около 96 л, в целом это составляет 9024 л зерна, что соответствует почти 57 ц зерна, предназначавшегося для засева упомянутой земли (1 л зерна весит около 0,63 кг). В результате сопоставления с нормой засева, существовавшей в древности на Ближнем Востоке (50 л на 1 га),¹⁰¹ был сделан вывод, что указанным количеством зерна засеивалась площадь около 180 га. Это довольно значительная земельная собственность, достойная богатого пилосского властителя. К ней, однако, нужно добавить еще упомянутый на табличке Eг 312 семенос ванахта величиной в 30 больших мер, т. е. 2880 л зерна, что составляет еще около 58 га земли.

Хотя мы не располагаем аналогичными текстами из Кносса, там сохранились (правда, отрывочно) записи о сборе урожая зерна (E 668). В них говорится, что в Ликте собрано 246,7 больших мер пшеницы, в Тилиссе — 261, в Лато — 30,5. Это соответствует, например, для Тилисса приблизительно 25 050 л зерна, т. е. примерно 15,8 т собранного урожая. Такой урожай в нынешних условиях Крита составляет земледельческую продукцию приблизительно с 10 га посевной площади. Однако самые высокие показатели сбора урожая зерна на кносских табличках относятся к местности под названием Dawos (F 852), расположенной, вероятно, где-то на плодородной равнине Месара на юге Крита. Запись, составленная опять-таки в больших мерах, частично повреждена, но определенно соответствует по крайней мере нашему пятизначному числу, начинающемуся с цифры 1. Даже если предположить, что минимальное возможное число — 10 000, то это составляет не менее 600 т зерна. [144]

Отсутствие подобных же данных в Пилосе обусловлено тем, что гибель его, несомненно, приходится на весеннее время. Но кое-какие сведения можно получить косвенным путем. Сохранился фрагмент пилосской таблички, очевидно регистрирующей суммарно месячный рацион зерна для рабынь, о которых говорится на табличках серий Aa, Ab, Ad. Данные содержат 192,7 больших мер, т. е. около 11,7 т пшеницы. В год это составило бы около 140 т. Для сравнения укажем, что сегодня во всей Мессении производится около 22 000 т пшеницы.¹⁰²

Тексты табличек содержат также интересные сведения о том, какие именно культуры возделывались в микенском мире. Из зерновых это были прежде всего пшеница и в несколько меньших количествах ячмень. Весьма богатыми были и урожаи маслин. В Кноссе сохранились записи о двух сортах маслин, а наибольший урожай (точнее, «наибольший сбор натурального налога») отмечен на юге Крита в Давосе — 8640 л (F 852). Упоминания о выращивании маслин имеются и в текстах пилосских табличек. Кроме того, оно подтверждается и находками остатков плодов в микенских поселениях. Маслины (как сами плоды, так и оливковое масло) употреблялись не только в пищу, но также для освещения (сохранились образцы микенских ламп), в гигиенических (вместо мыла) и косметических (в качестве компонента благовонных масел) целях.

В больших количествах выращивались смоквы. В Пилосе они упоминаются в пищевом рационе рабынь: речь непременно идет о равных количествах пшеницы и смокв (возможно, сушеных). В Кноссе мы располагаем как рядом суммирующих записей об

урожае смокв (в одном случае — 7200 л [F 841r, так и записями о несколько меньших количествах смокв, вина, ячменя и оливкового масла, подносимых богам в качестве жертвенных даров. Любопытна запись из Кносса, регистрирующая 1770 смоковниц (Gv 682). На значимость смокв в экономике Пилоса указывает существование лица, называвшегося *orisukos*, т.е. «смотритель смокв».

Получило распространение и виноделие. Из пилосской таблички Eг 880 со сведениями, касающимися Энхелиавона, мы узнаем, что последний владел виноградниками размерами в 1100 лоз и по крайней мере 1000 смоковницами. Само вино регистрируется на пилосских табличках только в малых количествах. Однако его [145] популярность в Пилосском дворце убедительно доказана результатами археологических раскопок. Одно из тамошних строений было определено как винный склад. Об этом свидетельствуют находки крупных сосудов и особенно глиняных черепков с печатными оттисками идеограммы вина (один из черепков имел при этом пометку «с добавлением меда»). Значительно больше зафиксировано в Кноссе: на сохранившейся фрагментарно табличке Gm 840 приводится совокупность четырех статей, касающихся распределения более 14 тыс. л вина.¹⁰³

Имеются и сведения о меде, упоминающемся главным образом в качестве жертвоприношения в записях с культовым контекстом. Целый ряд записей касается различных видов растений. Самый богатый ассортимент представляют таблички из Микен, однако здесь невозможно определить, какие виды корней культивировались на месте, а какие ввозились с Ближнего Востока (тмин, мята, шафран и др.).

Важным сельскохозяйственным продуктом был лен, из которого изготовлялось полотно. В Пилосе записи о полотне содержатся почти на ста табличках, причем производство льна регистрируется здесь для каждого из 16 административных округов в отдельности. Первоначально таблички находились в двух корзинах, каждая из которых содержала записи, относящиеся к одной из обеих провинций. Суммирующие данные, касающиеся западной провинции (Ng 319), составляют 1239 единиц, т.е., согласно Дж. Чедуику, около 37 т.¹⁰⁴ Итоговая табличка, касающаяся восточной провинции, повреждена (Ng 332), но содержащееся на ней число составляло не менее 200 и не более 899 единиц. Общая совокупность данных двух табличек колеблется, таким образом, от 43 до 64 т и вполне согласуется с тем фактом, что сегодня весь Пелопоннес производит около 300 т льна.

Ряд табличек содержит параллельные данные о различных видах продуктов, главным образом сельскохозяйственных. На двух подсериях табличек (Ma в Пилосе, Mc в Кноссе) имеются даже записи, свидетельствующие об определенной системе натурального налога различными изделиями. Особенно наглядно представлено это на табличках пилосской серии Ma, где перечисляются отдельные, чаще всего точно не идентифицированные продукты, сопровождающиеся числовыми обозначениями, которые находятся в отношении друг к другу в строго установленной пропорции $A:B:C:D:E:F = 7:7:2:[146]:3:1,5:150$. Такое соотношение в принципе прослеживается во всех 16 округах Пилосского царства. Между отдельными данными иногда имеют место числовые диспропорции, но это можно объяснять тем обстоятельством, что распределение налога в отдельных случаях варьируется внутри более или менее обширных групп пилосских округов. При общем же распределении отдельных продуктов эти диспропорции не наблюдаются. На основании этих данных Ж.-П. Оливье вычислил, какое количество того или иного вида продуктов натурального налога приходилось в Пилосе на одного налогоплательщика — отдельное лицо или определенную хозяйственную единицу.¹⁰⁵ Эти записи являются еще одним доказательством скрупулезного хозяйственного учета, имевшего место в микенских дворцах, который, очевидно, осуществлялся на протяжении

многих поколений с использованием испытанных временем традиционных методов. Тщательный анализ данных пилосской подсерии Ма позволяет прийти к выводу, что, хотя западная провинция насчитывала девять округов, а восточная только семь, по всему экономическому потенциалу западная провинция уступала восточной. Такой вывод целиком согласуется с различием географических условий двух провинций: расположенная у реки Памис восточная часть Мессении всегда была более плодородной, чем западная. При этом имеется поразительное сходство между количественными показателями натурального налога в Пилосе и Кноссе, что опять-таки подтверждает сходство администраторских принципов, применяющихся в этих двух крупных центрах микенской цивилизации.

Многие таблички, прежде всего кносские, содержат и записи, касающиеся животноводства. Поскольку учет скота осуществляется по головам, то здесь таблички дают весьма точную информацию. Например, на табличке Dn 1088 содержатся сведения о 13 300 овцах, а на табличке Dn 1319 — о 11 900 овцах, относящиеся к критскому Амнису. Исчисление тысячами приводится также и в других аналогичных текстах. Общая численность овец, зарегистрированных на кносских табличках, составляет — с учетом определенного допуска — около 100 тыс. голов (для сравнения: в 1974 г. поголовье овец на Крите составляло 400 000).¹⁰⁶

На важную роль овцеводства в хозяйственной жизни Крита указывает и то обстоятельство, что о разведении [147] овец упоминают около 850 табличек и фрагментов при общей численности 3369 найденных в Кноссе документов, т.е. четвертая часть. Документы из Пилоса содержат сведения только приблизительно о 10 тыс. овец и 2 тыс. коз. Хотя эти данные наверняка неполные, тем не менее по ним можно судить, что разведение овец и коз получило широкое распространение в Мессении.

Примечательно, что численность овец, зарегистрированных на кносских табличках, составляет, как правило, круглую сотню или ее кратное. Это объясняется тем, что таблички подсерий Da-Dg представляют собой записи итогов ежегодного крупного подсчета овец. Это предположение подтверждается наличием табличек, на которых меньшие количества восполняются недостающей величиной до сотни. Например, табличка Dc 1118 в вольном переводе читается приблизительно так: «Стадо пастуха Вадунара в Кутайте, находящееся под верховным присмотром Дамния, насчитывает 77 баранов, недостает 23 барана». Подробные количественные сведения приводятся, например, на табличке Dg 1280, сообщающей, что в стаде пастуха Синита из Лукта (более поздний Литт) насчитывается 39 баранов, 11 овец, 10 старых баранов и 40 баранов — «одногодок» (упомянутые в начале 39 баранов и 11 овец являются, очевидно, ягнятами). (Примечательно, что стада состояли, как правило, из животных различного возраста и что в них неизменно численно преобладают бараны над овцами. Это иногда объясняется тем, что наиболее выгодными для производства шерсти были кастрированные бараны. Увеличение поголовья стад достигалось путем разведения ягнят, о чем говорят записи на табличках подсерий Vo.¹⁰⁷

Сведения о налоге шерстью, установленном для пастухов овечьих стад, которые перечисляются на табличках серий Da-Dg, содержат таблички подсерий Dk. Одна основная налоговая мера шерсти, предположительно равнявшаяся 3 кг, составляет продукцию, получаемую или от 4 голов (для более старых кастрированных особей), или от 10 голов (молодых особей, в том числе ягнят). Таблички зачастую содержат сведения и о налоговых недоимках. Так, пастух Каданор из Кутайта явно не был образцовым работником, поскольку ко времени подсчета задолжал из положенной нормы 75 кг шерсти от 100 овец почти 40 кг (Dk 1065), а его товарищ [148] Тимиза из положенной нормы

около 150 кг от 200 овец задолжал 50 кг (Dk 1076). Очевидно, шерсть обрабатывалась непосредственно в тех же пунктах, где происходила стрижка. Это следует из совпадений топонимов на табличках серий D и L, тексты которых содержат сведения о налоге текстильными изделиями.

Как явствует из приведенных примеров, каждое стадо поручалось попечению одного лица, непременно фигурирующего на табличках. Однако третья часть табличек серии D непременно содержит также и имя лица, в отношении которого можно предполагать, что это был какой-то заслуженный сановник, получивший от кносского властителя право собирать налог шерстью на свой счет.

Оставшиеся две трети, очевидно, поступали в царские хранилища без такого посредничества.

Ранее уже предпринимались попытки определить количество годового производства шерсти в областях, находившихся под властью Кносса. Однако вследствие фрагментарности табличек выводы ученых нельзя считать окончательными. На основании данных сохранившихся табличек Ж.-П. Оливье определил установленное количество производства шерсти в Кноссе в 17 300 основных единиц шерсти, что составляет около 51 900 кг. Из всего этого количества ко времени составления табличек было собрано только 10 300 единиц (около 30 900 кг),¹⁰⁸ т.е. неполных 60%. При благоприятных условиях пастухи еще имели бы возможность восполнить недостачу до конца года. В год составления табличек этого уже не случилось, поскольку летом Кноссский дворец неожиданно подвергся полному разрушению. В Пилосе же сведения о производстве шерсти вообще отсутствуют. Дворец был разрушен еще весной — ранее того срока, когда производилась весенняя стрижка овец.

На табличках содержатся также и сведения о козьих стадах, но их численность намного ниже, чем овечьих. Интересна серия табличек Mc, содержащая учет рогов критских диких коз, называемых в настоящее время «агрими». Численность рогов доходит до нескольких сот, а их использование стало предметом самых разнообразных домыслов ученых (изготовление луков, рессор боевых колесниц). Упоминания о поросятах встречаются реже и притом только в малых количествах.

Лишь изредка тексты табличек упоминают о лошадях и ослах, зато бычьи стада, несомненно, отличались [149] большим поголовьем. Однако относительно последних мы располагаем только косвенными данными случайного характера. На кносской табличке C 59 содержатся сведения о 80 быках, использовавшихся в качестве тягловой силы, на табличке Gh 902 упоминается 12 быков и 144 теленка. На табличках подсерии Ma приводятся сведения о налоге бычьими кожами со всех 16 пилосских округов, величина которого составляет в целом 234 кожи. Такая норма предполагает существование довольно высокой численности бычьих стад, поскольку величина налога, несомненно, могла определяться в расчете только на старых, уже не годных для тяжелой работы животных.

Подводя итоги, можно сказать, что домашних животных использовали и как источник сырья для ремесленного производства (овцы для шерсти, козы для ворса и рогов, бычьи стада для кож), и с целью получения молочных продуктов (коровы, козы, овцы; имеются упоминания о сыре), а кроме того, для тяжелых сельскохозяйственных работ (бычьи стада) и, естественно, на мясо (зачастую также с целью жертвоприношений).

Из нашего изложения явствует, таким образом, сколь важную роль играли в микенской экономике земледелие и животноводство. Дешифровка текстов линейных табличек предоставила нам в этой области целый ряд новых сведений, хотя при этом многие детали продолжают оставаться неясными. В частности, это касается точного толкования различных правовых терминов землепользования. Однако можно надеяться, что надлежащий комплексный анализ отдельных серий пиловских табличек прольет новый свет и на этот круг вопросов.

[99] См.: *Finley M. J.*, 1957 a, b; *Bartoněk A.*, 1964a; *Olivier J.-P.*, 1967; 1974; *Killen J. T.*, 1964; *Tegyey I.*, 1965; 1968; *Lejeune M.*, 1966.

[100] Данные, касающиеся земельной собственности Айтиоквса, содержатся на табличках Eb 846, En 74, Eo 247, Ep 301.

[101] См.: *Lewy H.*, 1944; *Ventris M.*, *Chadwick J.*, 1956; 1973, с. 237.

[102] *Chadwick J.*, 1976a, с. 118.

[103] В случае принятия другого варианта прочтения этого текста, речь здесь идет о 33 800 л.

[104] *Chadwick J.*, 1976a, с. 154.

[105] *Olivier J.-P.*, 1974.

[106] *Hiller St.*, *Panagl O.*, 1976, с. 130.

[107] *Killen J. T.*, 1964.

[108] *Olivier J.-P.*, 1967.

Глава 11.

Ремесло

Микенские ремесленники достигли высокой техники в обработке самых различных материалов. [109] Большинство изделий из этих материалов (в особенности неорганического происхождения) пережило столетия, а труд археологов предоставил нам возможность восхищаться ими как при посещении мест археологических раскопок, так и в экспозициях музеев и коллекций. Сказанное относится к различного типа сооружениям дома, гробницы, [150] крепости, дороги, мелиоративные сооружения), их внешней и внутренней отделке (главным образом скульптура и живопись), а также к предметам роскоши и повседневного обихода из драгоценных и обычных материалов (камень, слоновая кость, стеклянные массы, янтарь и т. п.) или же из обожженной глины (керамика). Определить уровень, достигнутый микенскими мастерами в работе с этими материалами, относительно несложно, поскольку и здесь мы располагаем возможностью сопоставить данные археологии, памятников линейного письма и устной традиции.

Кроме упомянутых материалов ахейские ремесленники работали и с материалами, подверженными разрушительному воздействию времени, каковыми являются дерево и ткани. Изделия из этих материалов сохранились лишь как исключение, поэтому об уровне развития соответствующих ремесел мы располагаем только косвенными сведениями, которые предоставляют нам тексты линейного письма и произведения, восходящие к мифологической традиции — например гомеровские описания изделий художественного ремесла.

Следует сразу же отметить, что ремесленное производство в Микенской Греции существовало в тесной связи с дворцовыми центрами и их филиалами. Здесь получали сырье, необходимое для кузнечного дела, текстильного и прочих ремесел, а сами ремесленники облагались строго установленным натуральным налогом предметами, ими изготавливавшимися.

Наш обзор художественного ремесла мы начнем с *архитектуры*. Самый верный путь получить представление о строительной технике микенцев это, естественно, исследование сохранившихся до наших дней сооружений той эпохи. Наиболее важные из них мы уже упомянули в главе о топографии, однако следует отметить, что большинство из рассмотренных выше объектов представляют собой архитектурные памятники позднего периода микенской эпохи, т.е. XIV и главным образом XIII в. до н. э.

Весьма существенным исключением, однако, являются погребальные сооружения, представляющие весь временной диапазон архитектуры позднеэлладской эпохи, — от шахтовых гробниц в Микенах и ранних купольных гробниц, прежде всего в Мессении (XVI в. до н. э.), вплоть до монументальных купольных гробниц типа так называемой «сокровищницы Атрея» в Микенах (XIII в. до н. э.). При этом архитектура гробниц не претерпевала изменений при их последующем использовании, в то время как во дворцах [151] весьма часто имели место те или иные перестройки. В порядке исключения архитектура XVI—XV вв. до н. э. представлена остатками некоторых поселений, как, например, упоминавшегося выше минойско-микенского города в Айя-Ирини на острове Кеос, разрушенного в результате естественной катастрофы в XV в. до н. э.

На технике сооружения монументальных гробниц мы еще остановимся подробнее в главе о религии, здесь же скажем только несколько слов о планировке микенских дворцов. Основу их архитектоники составляет характерный для древнейшей элладской

архитектуры так называемый *мегарон*, что является, таким образом, продолжением местных культурных традиций. Архитектоническое ядро составляло здесь чуть вытянутое прямоугольное помещение с круглым очагом посередине и открытой прихожей с более узкой стороны, к которой вела колоннада из дворцового двора. Последний был сравнительно небольшим и, в отличие от Крита, не носил характера открытого центра дворца, вокруг которого концентрировались более или менее самостоятельные сооружения. В основной части мегарона вокруг очага обычно стояли четыре несущие колонны, поддерживавшие высокий потолок. Центральную часть дворца окружал комплекс комнат, являвшихся царской резиденцией, и различных хозяйственных помещений. Микенские дворцы были менее обширны, чем критские, имели более ясную и простую планировку и, в отличие от критских, как правило, были обнесены крепостной стеной. Последняя нередко окружала частично незастроенное обширное пространство. Характер крепости придавало дворцам и их расположение в труднодоступной местности, а также тщательно укрепленные подступы, ведущие от крепостных ворот к собственно дворцу. Иногда отсутствие фортификационных сооружений восполнялось выгодным местоположением (например, в Пилосе).

Возведение подобных сооружений требовало огромного количества строительного материала. Протяженность крепостных стен дворца в Микенах составляла 1100 м, а крепости Гла в Беотии — целых три километра. Глыбы, из которых построена Тиринфская крепость, весят обычно несколько тонн, и неудивительно поэтому, что в более поздние времена рассказывали, будто Тиринф и подобные ему крепости сооружали великаны киклопы. Ведь один только каменный блок над входом в так называемую «сокровищницу Атрея» в Микенах весит около 10 т. Купол этой гробницы имеет высоту около 13 м, ширину — 14,6 м, [152] и, хотя это так называемый неправильный свод, образованный путем постепенного выдвижения строительных камней внутрь гробницы, он представляет собой самое мощное купольное сооружение древности до постройки Пантеона — «храма всех богов», воздвигнутого в Риме в 27 г. н. э., т.е. 1200 лет спустя. Поистине огромной была и потребность в трудовых ресурсах: частые перестройки и пристройки, производившиеся, например, в Микенах, требовали участия в строительных работах сотен местных жителей.

Своим внешним обликом центры политической жизни Микенской Греции напоминали настоящие крепости и уже с первого взгляда отличались от критских дворцов, которые производят скорее впечатление благоустроенных сооружений хозяйственно-административного и культового характера с открытым доступом центральным двором, где совершались культовые отправления. В микенских же дворцовых центрах для таких отправлений попросту не хватало места. Что же касается внутреннего убранства, то они не намного уступали критским. Строгие черты древнего элладского зодчества зачастую сочетаются здесь с многочисленными влияниями, идущими с Крита, — в особенности с богатыми фресковыми росписями в главных дворцовых помещениях и соответствующими удобствами — ваннами, туалетами и т. п.

Микенская *фресковая живопись* развивалась на основе уже достигшей к тому времени высокого уровня фресковой живописи Крита. Древнейшие образцы критских фресок знаменуют собой возникновение стиля критского художественного натурализма, господствовавшего в течение XVII в. до н. э. Поначалу на них преобладают в основном растительные мотивы, но вскоре появляются мотивы из животного мира. В частности, ко времени около 1600 г. до н. э. относится фреска с лилиями из Амнисса и «Обезьяна, собирающая шафран» из Кносса.

Начиная с XVI в. до н. э. на критских фресках появляются также изображения человека, например монументальная фреска так называемого «Принца» из Кносса, восхитительный портрет «Парижанки», изображения жриц, танцовщиц и танцоров, участвующих в играх с быками и в других сценах. У северного входа Кносского дворца была открыта великолепная рельефная фреска с изображением быка. Однако лучшие из сохранившихся образцов критской фресковой живописи найдены не на самом Крите, а на Фере, где под слоем лавы сохранилось [153] в прекрасном состоянии целое собрание фресок самого различного содержания — от картин, представляющих как растительный и животный мир, так и человеческие фигуры (жрицы, повар с рыбами, боксирующие дети), до широкой полосы фрески-миниатюры с изображением морского похода, прибрежного города и окружающего ландшафта.

На фресках, относящихся к последнему периоду существования Кносского дворца, т.е. ко времени, когда его хозяевами были уже микенские ахейцы, изображения утрачивают свою былую естественную непосредственность и подвергаются определенной схематизации. Сказанное относится, в частности, к фресковым росписям тронного зала Кносского дворца, изображающим фантастические существа, так называемых грифонов. Здесь уже заметны влияния, которые шли с материка, проявлявшиеся как во фресковой живописи, так и в декоре современной ей критской керамики. Эти влияния были обусловлены появлением на Крите ахейцев около середины XV в. до н. э.

Древнейшие образцы фресковой живописи на материке открыты в Микенах, они относятся ко времени до прихода ахейцев на Крит. Однако фрагментарность этих фресок не позволяет нам составить исчерпывающее представление об уровне их художественного мастерства. К XIV—XIII вв. до н. э. относят ряд образцов фресковой живописи из Микен (не только из дворца, но также из сооружений, находящихся вне крепостных стен), Тиринфа, Пилоса и Фив, а кроме того, из некоторых менее значительных мест, таких, как, например, поселение Зигуриес к югу от Коринфа. Уровень их исполнения близок к критским образцам лишь в исключительных случаях (например, голова богини или жрицы, открытая недавно в Микенах в слоях, датируемых приблизительно 1350 г. до н. э.). При этом, однако, здесь весьма часто встречается типично критская тематика, например изображения культовых процессий (в частности, довольно раннее изображение из Фив начала XIV в. до н. э., более поздняя фреска из Тиринфа XIII в. до н. э.) или грифонов, напоминающих росписи тронного зала в Кноссе.

При этом в выборе тематики прослеживается и ряд отклонений, которые невозможно объяснить простой случайностью. Так, на материке значительно чаще, чем на Крите, встречаются изображения охотничьих и особенно военных сцен. Первые известны главным образом в Тиринфе и Пилосе, вторые — в Пилосе и прежде всего в Микенах. Микенский мегарон был, очевидно, украшен [154] фризом из фресковых росписей высотой 45 см и длиной 46 м, изображающих военные сцены. Мегароны дворцов отличались, как правило, богатством изображений. Пилосский мегарон мог бы по праву гордиться собранием самых разнообразных сцен, представляющих мир богов и людей, на одной из которых композиционным центром всего изобразительного пространства являются монументальные образы певца с лирой в руках и летящего голубя, как нельзя более удачно вводящие зрителя в атмосферу героики древних эпических песен. В Пилосе и Тиринфе сохранились также остатки расписного потолка, разделенного на квадраты и украшенного изображениями осьминогов и другими мотивами.

Только в самом конце микенской эпохи во фресковой живописи наблюдается тенденция к упадку, за которым последовало вскоре ее исчезновение в Эгейском мире — в период так называемых «темных веков», наступивших после падения микенской цивилизации.

В отличие от богатых росписей дворцов *монументальная скульптура* микенского мира была довольно посредственной. В этой области искусства микенские ахейцы не имели возможности использовать критские образцы, поскольку монументальная скульптура на Крите почти не известна (к числу немногих исключений относятся рельефная фреска быка у северного входа в Кносский дворец и якорный камень с рельефным изображением осьминога). Микенская скульптура, в сущности, продолжает местные элладские традиции и представлена главным образом надгробными стелами шахтовых гробниц и, кроме того, декором купольных гробниц, о котором мы можем составить весьма неполное представление на основании лишь нескольких скромных фрагментов, а вершиной ее являются рельефные украшения дворцовых ворот, из числа которых до нашего времени сохранились только изображения на Львиных воротах в Микенах.

Памятники материальной культуры дают нам, таким образом, богатую информацию об архитектуре микенской эпохи. Определенную ценность имеют и соответствующие упоминания о царских дворцах в гомеровском эпосе, хотя живший в значительно более позднюю эпоху Гомер уже не мог иметь представления о всем великолепии микенских дворцов и об их внутреннем убранстве. Памятники линейного письма дают в этой области весьма ограниченную информацию, однако имеющиеся в нашем распоряжении тексты могут дополнительно предоставить [155] некоторые весьма интересные сведения, касающиеся отдельных сторон строительной техники. Так, в тексте одной из пилосских табличек идет речь о группе из 12 зодчих, выполнявших различные строительные работы в четырех различных местах (An 35). А в тексте другой таблички из Пилоса встречаем запись о древесных материалах, предназначенных для строительства какого-то не вполне понятного сооружения (Vn 46). Наиболее интересной в этом плане является группа из трех документов, в каждом из которых выступает слово *καρπία* — «дымоход», и упоминание о 22 деревянных балках, образовывавших, по всей вероятности, дымоходное отверстие в крыше. Представляется интересным сопоставить эти сведения с открытыми Блегеном в Пилосе остатками двух очагов, где было обнаружено значительное число фрагментов керамики, из которых оказалось возможным составить две цилиндрические дымоходные трубы длиной около полуметра и диаметром 65 см. ¹¹⁰

Важным строительным материалом микенской эпохи было *дерево*. Но древесина подвержена процессу разрушения, поэтому по прошествии 3 тыс. или даже 3500 лет от изделий из дерева сохранились ничтожные остатки, да и то лишь в исключительных случаях (например, деревянные предметы середины II тысячелетия до н. э., найденные на Фере под защитившим их слоем вулканических пород, или шкатулка из сикоморы, найденная в одной из шахтовых гробниц в Микенах, датируемая около 1550 г. до н. э.).

Однако довольно много предметов из дерева зарегистрировано в текстах пилосских табличек, в частности составляющих подсерию Та. Здесь встречаются сведения о столах, креслах, табуретках, служивших подставками для ног, и т. п. предметах. И хотя древесина, из которой они в основном были изготовлены, непосредственно не упоминается, подробно перечисляются различные декоративные детали или из одной только древесины, или же из древесины с использованием золота, серебра, слоновой кости и прочих материалов. При этом в сведениях, содержащихся в текстах табличек, не обнаруживается сходство не только с современными им декоративными изделиями из древесины, найденными во время археологических раскопок, но и с подробными описаниями различных предметов, содержащимися в гомеровском эпосе. Некоторые данные, содержащиеся в линейных текстах, трудно поддаются объяснению. Так, инвентарная запись столов содержит [156] термины, которые можно было бы перевести как «имеющий шесть ножек» либо «имеющий девять ножек», хотя вряд ли можно представить себе стол с девятью ножками. Поэтому Дж. Чедуик предложил недавно новое, довольно логичное толкование, согласно

которому эти два слова следует понимать как «шестистопный» или «девятистопный», принимая во внимание, что греческое слово *pus* или *pos* означает не только «ногу», но и «стопу», в том числе как единицу измерения длины.^{[111](#)}

В еще большей степени, чем дерево, разрушительному воздействию времени подвержены *ткани*. Выше мы упоминали о двух основных видах сырья, использовавшихся для изготовления тканей в микенскую эпоху, — овечьей шерсти и льняном волокне. Сведения об изготовлении тканей из шерсти содержатся главным образом на кноссских табличках (в особенности подсерии Lc и Ld), недвусмысленно указывающих на тщательный централизованный учет текстильных изделий. В Кноссе, безусловно, осуществлялся учет производства тканей на значительной территории Крита, поскольку целый ряд документов упоминает города, расположенные на весьма значительном расстоянии от Кносса (например, находящийся в 60 км к югу Фест). При этом создается впечатление, что то или иное критское поселение специализировалось на различных процессах производства. Для табличек, содержащих эти сведения, характерна идеограмма, напоминающая ткацкий станок с пряжей. Часто встречается здесь и слово *pharweha* (множественное число от *pharwos*, *pharos* — «одежда»). Данные табличек свидетельствуют об изготовлении различных видов шерстяных тканей, отличающихся друг от друга как качеством, которое определяется количеством использованной шерсти, так и размерами, назначением, а также цветом. Общее количество израсходованной шерсти составляло, согласно данным табличек, около 11 500 основных мер шерсти, т.е. около 34 500 кг, что приблизительно соответствует количественным данным налога шерстью, содержащимся в текстах кноссских табличек серии D (см. выше, с. 149).^{[112](#)}

Работники, занятые в текстильном производстве (речь идет главным образом о женщинах), были зарегистрированы в централизованном архиве Кносса и получали продовольственный паек из дворцовых кладовых. На этом основании можно считать, что речь идет о лицах, зависимых от кносского властителя: при беглом взгляде представляется, что таковыми были рабыни, во всяком случае [157] лица весьма низкого социального статуса. Мы встречаем здесь упоминания о прядильщице, швее и портнихе, специализировавшихся на изготовлении определенных видов одежды.

Часть женщин, упоминаемых в текстах пилосских табличек серии A (согласно традиционной точке зрения, рабынь), была занята в текстильном производстве: среди них были прядильщицы, швеи и т. п.

В отличие от Кносса основу текстильного производства Пилоса составляла переработка не только овечьей шерсти, но и льняного волокна. Однако более подробные сведения о производстве тканей в Пилосе, которое представляется нам аналогичным кносскому, отсутствуют — то ли по причине иной системы ведения административного учета, то ли потому, что составление табличек относится ко времени года, предшествовавшего составлению таковых записей.

Применение льняных тканей было весьма широким: из полотна изготавливали как нижнюю одежду (ср. микенское слово *ki-to*, соответствующее классическому греческому *khiton*), так и корабельные паруса и воинские панцири (наиболее распространенным типом их являлся панцирь, изготовленный из полотна и металлических пластин). Большая численность занятых в текстильном производстве работников и большое количество выпускаемой ими продукции могут указывать также на то, что микенские ткани производились и на вывоз. Это предположение, похоже, могут подтвердить и египетские росписи конца первой половины XV в. до н. э., обнаруженные в гробнице высокопоставленного египетского сановника. На них изображены критские или

микенские посланцы, приносящие различные дары, среди которых имеются и ткани (ср. ниже, с. 242).

А теперь обратимся к изделиям из материалов, неподвластных воздействию времени и дошедших до нас в весьма хорошей сохранности.

Согласно единодушному свидетельству мифологической традиции, археологических находок и памятников письменности, из числа *металлов* в Микенской Греции имели распространение главным образом золото, серебро, медь, цинк и олово. Возможно, что уже было известно и железо, однако технология его обработки находилась еще на весьма низком уровне.

Основными промышленными металлами были медь и олово и при этом преимущественно в их сплаве — бронзе. [158] Бронза содержала до 10% олова, иногда также с другими примесями, например с мышьяком.

Условия для изготовления бронзы в микенском мире не были особенно благоприятными, поскольку ни медь, ни олово здесь не встречаются. Очевидно, олово привозили из дальних западных стран — Иберии (современная Испания) и Британии, а частично также из Центральной Европы (Крушные горы) и гор Передней Азии, хотя не исключено, что существовали менее богатые, но зато более близкие залежи, исчерпанные к настоящему времени, например в Средней Италии.

Основным поставщиком меди являлся Кипр, от названия которого происходит латинское обозначение меди *cyprium*, а от него также французское *cuivre*, английское *copper*, немецкое *Kupfer*. Это подтверждается распространением по всему Средиземноморью медных слитков (кусков металла в виде шкуры животного), зачастую отмеченных знаками кипро-минойской письменности. Одна из наиболее интересных находок такого рода сделана в 1959 г. у мыса Хелидония к югу от г. Анталя (Турция). Американский спортсмен-подводник и журналист П. Трокмортон обнаружил здесь остатки корабля, потерпевшего крушение в конце XIII в. до н. э.¹¹³ Грузенный металлом корабль, очевидно, плыл с Кипра в западном направлении к одному из центров микенского ремесла. Представляется, что длина корабля составила 9 м, ширина — 3 м, а груз — более 1 т металла, в частности медных (но также и цинковых) слитков и отходов из бронзы. Среди обломков корабля найдено также много ценных предметов из бронзы, набор инструментов кузнечной мастерской и самые различные драгоценности, находившиеся в капитанской каюте: египетские камеи с изображением скарабея, переднеазиатские цилиндрические печати с клинописными знаками, бусы финикийской работы и т. п. Ныне эти предметы экспонируются в музее турецкого города Бодрум, расположенного на месте античного Галикарнасса. На основании этой и ряда других находок был сделан вывод, что бедная рудами Микенская Греция ввозила медь с Кипра, перерабатывала ее в своих мастерских и экспортировала готовые бронзовые изделия. Многие из этих изделий, в частности бронзовые мечи, встречаются в самых различных странах Средиземноморья. Поэтому у нас действительно создается впечатление, что микенские ахейцы занимались одним из самых выгодных видов торговли: ввозили сырье и вывозили готовые изделия своих ремесленников. [159]

Существование такого экономически высокоэффективного производства подтверждают также тексты пиловских табличек подсерии Jn, содержащие сведения о кузнецах из различных городов Пилосского царства наряду с данными о количестве бронзы, выделяемом им для обработки из дворцового центра в Пилосе.¹¹⁴ В общей сложности на табличках упоминается 270 кузнецов, по меньшей мере из 14 городов (в одном городе

работало даже 26 кузнецов, не считая рабов). Очевидно, здесь идет речь о единичных заказах, поскольку их объем небольшой. Норма выработки на одного человека составляла 3-4 кг (минимум — 1,5 кг, максимум — 12 кг). При этом приблизительно третья часть кузнецов вообще не получала заказов. Общая совокупность предназначавшейся для обработки бронзы составляет около 600-700 кг. Сохранилась также табличка с итогом, составлявшим 34,9 талантов, что равняется приблизительно 1100 кг. Принимая во внимание обычный вес микенского оружия (рукоять короткого меча весит 0,35 кг, бронзовый шлем — 0,7 кг),[±] такого количества бронзы вполне хватило бы для изготовления 1550 шлемов и вдвое большего числа мечей.

Более трети табличек упомянутой серии утрачено. При этом не исключено, что именно на этих недошедших табличках содержались сведения о кузнецах, проживавших в Пилосе, какое бы то ни было упоминание о которых в сохранившихся текстах отсутствует. С другой стороны, то обстоятельство, что большинство топонимов подсерии Jn не встречается в других текстах, позволило Дж. Чедуику предположить, что кузнецы трудились в основном в менее крупных селениях, расположенных в гористой местности, где постоянно дуют ветры, нужные для работы кузницы. Принимая во внимание, что часть табличек утеряна, можно предполагать, что общее количество кузнецов в Пилосском царстве составляло приблизительно 400 человек. Сопоставление с Востоком дает основание для предположения, что выдача металла из дворца и изготовление заказанных изделий, осуществлялись под контролем царских чиновников (kwasileus) в рамках распределительного дворцового хозяйства. В процессе производства кузнецы могли оставлять себе определенную часть сырья. Часть заказанных изделий явно предназначалась на вывоз. Находка затонувшего корабля у мыса Хелидония и анализ текстов табличек подсерии Jn единодушно указывают на взаимосвязь вывоза и ввоза в микенской экономике.

В случае необходимости для получения сырья производился [160] сбор непригодных к употреблению старых предметов из бронзы. Так, текст пилосской таблички Jn 829 содержит предписание собрать из святилищ отдельных городов царства бронзовые предметы для постройки кораблей и изготовления оружия, в частности наконечников стрел и копий. Подобные меры свидетельствуют о военной опасности, что согласуется и с тем обстоятельством, что таблички можно датировать последними месяцами, а некоторые даже последними днями существования Пилосского дворца.

В количественном отношении все упоминания о бронзе в Пилосе уступают записи на кносской табличке Oa 730, регистрирующей 60 бронзовых слитков общим весом 52,1 таланта, т.е. более 1600 кг. Таким образом, один слиток весил около 26-27 кг, что приблизительно соответствует весу слитков, найденных археологами. Отметим также, что слова, обозначающие бронзу, медь и олово, графически не засвидетельствованы¹¹⁵ — нам известна только идеограмма бронзы.

В Микенской Греции бронза имела весьма широкое распространение, на что указывают богатые находки бронзовых предметов в ряде поселений и захоронений. Имеется в виду прежде всего наступательное и оборонительное оружие, а также большое число бронзовых сосудов, треножников и других предметов повседневного обихода. Из бронзы изготавливались самые различные орудия и металлические детали строительной, транспортной и иной техники.

Из числа прочих промышленных материалов олово засвидетельствовано как археологически (из него отливались небольшие металлические фигурки: таково, вероятно, и происхождение кусков олова, расплавившегося во время пожара во дворце в Фивах), так

и в текстах линейного письма Б (на одной из кноссских табличек содержится слово *moliwdos*, соответствующее классическому греческому *molybdos* — «свинец».

Из драгоценных металлов, найденных при раскопках объектов микенской эпохи, привлекают внимание прежде всего золотые предметы, сохранившиеся, однако, лишь в немногих оставшихся неразграбленными погребениях (вспомним шахтовые гробницы в Микенах, а также купольные гробницы в Вафио и Перистерии). До нас дошло довольно много золотых кубков, культовых сосудов для возлияний богам (так называемых ритонов), украшений, золотых масок и великолепно инкрустированных [161] золотом и серебром мечей и кинжалов. Уникальными образцами высокого уровня прикладного искусства Микенской Греции являются золотые перстни-печати с мастерски выполненными миниатюрными сценами (наиболее известен перстень из Тиринфа, найденный в более поздних слоях, но изготовленный до 1400 г. до н. э.).

Упоминания о золоте часто встречаются и в мифологической традиции. Например, в «Илиаде» (XI.632-635) дано описание золотого кубка, из которого пил царь Пилоса Нестор. Однако на территории Пилосского дворца, к сожалению, не было найдено ни одного золотого кубка. Очевидно, во время захвата дворца все золотые предметы были вынесены оттуда (за исключением нескольких забытых золотых пластинок).

О золоте, доставлявшемся главным образом из нубийских рудников через Египет, говорится и в текстах линейных табличек. Прежде всего отметим, что здесь засвидетельствовано само слово *khrosos* — «золото» (классическое греческое *khrysos*, бесспорно относящееся к культурной лексике, заимствованной греческим языком из семитских: ср. ассирийское *hugāšu*). Тексты содержат и особую идеограмму золота. На пилосской табличке Jo 438 дан перечень изделий из золота, собранного местными сановниками в различных районах Пилосского царства (опять-таки из тамошних святилищ) общим весом почти 6 кг (от 65 г до 1 кг от отдельных лиц). Речь здесь идет о каком-то исключительном случае, вероятно связанном с военной угрозой. В отличие от сбора бронзы целью этого предприятия не являлось непосредственное использование золота в военной технике. По мнению некоторых исследователей, здесь имела место попытка как можно скорее получить денежные средства, необходимые для организации обороны или же, как считает Дж. Чедуик,¹¹⁶ попытка откупиться от неприятеля. Впрочем, и то и другое предположения остаются недоказанными. В тексте знаменитой пилосской таблички Tn 316, относящейся к последним дням существования дворца, в качестве жертвенного подношения богам упоминается 13 золотых кубков. Таким образом, защита Пилосского дворца вверялась непосредственному заступничеству богов.

Среди материалов, полученных в результате археологических раскопок, встречаются также серебряные предметы (в частности, сосуды и украшения), а иногда и предметы, инкрустированные серебром (мечи и кинжалы). Находки серебра довольно многочисленны, что позволяет предполагать [162] использование уже в те времена рудников Лавриона, находящихся к востоку от Афин. В отдельных случаях серебро встречается и в сплаве с золотом, который назывался впоследствии «электрон» (например, маска из могильного круга Б в Микенах), а кроме того, в виде особого сплава черного цвета, использовавшегося наряду с золотом и серебром для инкрустации ножен мечей и кинжалов и обозначавшегося на табличках непонятным словом *ra-ra-ku* (в настоящее время этот материал называется «чернью»). Слово *arguros* — «серебро» (ср. классическое греческое *argyros*) засвидетельствовано в текстах линейных табличек только в одном случае: на кноссской табличке говорится о паре колесничных колес, «скрепленных серебром» (вместо применявшихся обычно бронзовых скреплений).

В целом о металлах можно сказать, что они являлись важным материалом для изготовления предметов повседневного обихода, употреблявшихся как в мирное время, так и для военных целей, а также для изготовления предметов роскоши, относящихся к области прикладного искусства. При этом микенские ремесленники использовали и другие материалы.

Весьма древние эгейские традиции и влияние высокохудожественных критских образцов прослеживаются, например, в художественной отделке перстней-печатей и других изделий из *драгоценных камней*. Порой даже трудно отличить собственно микенскую продукцию от предметов критского ввоза. Представленные на этих печатях сцены весьма выразительно перекликаются с современными им изображениями на золотых перстнях-печатях, причем во время археологических раскопок те и другие зачастую находят рядом. В шахтовых гробницах Микен было найдено восемь таких предметов, а самая крупная находка (43 перстня) была сделана в купольной гробнице Вафио. Создается, однако, впечатление, что на материке ни геммы, ни перстни-печати уже не выполняли своих первоначальных функций, а являлись попросту женскими украшениями (перстни носили на руках, геммы подвешивали на шею).

Значительную ценность представляют собой и микенские изделия из *слоновой кости*. К их числу относятся не только упоминавшиеся выше инкрустированные этим материалом мечи из шахтовых гробниц, но прежде всего различные мелкие предметы, целиком изготовленные из слоновой кости. Это шкатулки и ящички с великолепными [163] рельефными украшениями, в которых некогда хранились женские украшения и принадлежности туалета. Богатством исполнения отличаются также дощечки с различными изображениями, служившие декором тех или иных предметов микенской мебели. Сохранился также целый ряд отдельных фигурок и фигурных групп из слоновой кости. Во время недавних раскопок Тейлора в Микенах была обнаружена небольшая человеческая головка из слоновой кости, представляющая исключительную художественную ценность.

Упоминания о предметах из слоновой кости имеются как у Гомера, так и в текстах линейных табличек. Слово *elephanteios* — «из слоновой кости» часто выступает при регистрации различных предметов, главным образом мебели и ее декора. Примечательно, что некоторые виды изделий из слоновой кости представлены в материковой Греции намного обильнее, чем на Крите. А поскольку слоновая кость ввозилась в Эгеиду, микенские изделия из этого материала должны иметь богатую историю. Кроме того, имеются доказательства и их вывоза в страны Ближнего Востока.

Замечательные образцы предметов прикладного искусства изготовлялись и из других материалов — кости, раковин, янтаря, различных керамических и стеклянных масс, в частности из фаянса (главным образом вазы и бусы). Последние до 1470 г. до н. э. вывозились с Крита; что же касается более позднего времени, то на материке можно предполагать существование по крайней мере одного самостоятельного центра производства фаянса (вероятно, в Арголиде, а кроме того, возможно, и в Мессении). В отличие от этого, производство каменных сосудов не получило на материке широкого распространения: большинство найденных здесь образцов такого рода было изготовлено на Крите, где уже в XVII—XVI вв. до н. э. создавались изумительные по красоте изделия из камня (сосуды с изображениями жнецов, кулачного бойца, «принца» и воина, ритон в виде бычьей головы — целиком из серпантина). Критское происхождение имеют также чаша из горного хрусталя с головой утки и большой двуручный кубок из белого камня, напоминающего мрамор, найденные в могильных кругах А и Б в Микенах.

Намного большее распространение на материке получило производство глиняной посуды. Развитие микенской керамики определяется двумя основными моментами: с одной стороны, она продолжает местные элладские [164] традиции, с другой — испытывает интенсивное воздействие критского искусства. Основным источником элладских традиций в микенской керамике является минийская керамика, изготавливавшаяся уже с помощью гончарного круга и названная так Шлиманом в честь мифического царя Орхомена Минии. Сегодня известно несколько видов этой керамики, получивших распространение как на материке, так и в ряде других соседних областей (например, в Трое). Древнейшие образцы минийской керамики относятся к концу раннеэлладского периода (РЭ III, около 2200—2000 гг. до н. э.). Появление этой керамики иногда связывают с приходом на территорию Эгеиды индоевропейского населения.

Наиболее совершенным типом минийской керамики, основное время распространения которой приходится уже на среднеэлладский период (СЭ, около 2000—1500 гг. до н. э.), принято считать тонкую и хорошо обожженную керамику серой и серо-голубой окраски, без каких-либо украшений (в более позднее время зачастую желтой окраски). Наряду с неолитической керамикой культуры Сескло и более поздней микенской керамикой XIV—XIII вв. до н. э. минийская керамика относится к числу лучших достижений гончарного производства доисторического времени в материковой Греции. В понятие «минийская керамика» обычно включают и некоторые более примитивные типы среднеэлладской керамики, в особенности так называемую красную, черную или бурую минийскую керамику. Уровню серой минийской керамики этого времени близка лишь особая, изготовленная вручную матовая посуда, для обозначения которой, как правило, употребляется английский термин *matt-painted* — «матово расписанная». Подобная керамика украшена линейным орнаментом, наносившимся тусклой марганцевой краской.

Если в первой половине II тысячелетия до н. э. на материке получила распространение минийская керамика, то на Крите изготавливалась самобытная керамика, которая уже в XVIII в. до н. э. (период СМ II) достигла исключительно высокого уровня в изготовлении ваз так называемого стиля «камарес». Это пестрые сосуды, раскрашенные белой и красной краской по темному фону, а их орнамент, мотивы которого занимают промежуточное положение между живой и неживой природой, производит впечатление вихревого движения. Свое название эти вазы получили от селения Камарес, расположенного у подножия горы [165] Ида на Крите, в пещерах которой и были обнаружены первые образцы керамики этого стиля.

На развалинах, в которые обратились города Крита в результате сильного землетрясения около 1700 г. до н. э., возникает критский натурализм. Для этого стиля характерны фигурные композиции, обнаруживающие тенденции, аналогичные тем, которые господствовали в критской фресковой живописи и прикладном искусстве (украшения, перстни-печати, металлические и каменные сосуды и т. п.). Вначале здесь преобладают растительные мотивы, а время от времени появляются и сюжеты из животного мира. Поначалу сосуды расписывались, как и прежде, светлой краской по темному фону (период СМ III). Противоположная техника — переход к темному рисунку на светлом фоне — становится типичной вплоть до так называемого позднеминойского периода, начало которого приходится примерно на 1580 г. до н. э. На протяжении почти всего следующего века в вазовой росписи преобладают устойчивые растительные мотивы (период ПМ I А, около 1580—1510 гг. до н. э.). Эта основная тематика существенно обогащается к концу XVI в. до н. э. так называемым «морским стилем», т.е. натуралистическими изображениями морских растений и животных. Самыми известными образцами этой керамики являются вазы с осьминогами и каракатицами (период ПМ I Б, около 1510—1470 гг. до н. э.).

После катастрофы, вызванной извержением Ферского вулкана около 1470 г. до н. э., в искусстве Кносса, который вскоре после этого оказался под властью микенских ахейцев, наблюдается значительное отклонение от непосредственности натурализма и переход к противоположной тенденции — схематизации использовавшихся ранее мотивов и их орнаментизации, зашедшей так далеко, что на основании самого только рисунка уже никоим образом невозможно определить предмет, легший в основу орнамента. Так возникает стиль, называемый со времени Эванса «дворцовым», поскольку на протяжении длительного времени он был известен только в Кносском дворце. Еще до начала второй мировой войны А. Дж. Б. Уэйс обратил внимание, что этот стиль имеет весьма близкое соответствие в микенской керамике того времени, изготовлявшейся в материковой Греции, и высказал предположение, что речь идет именно о схематизации критских декоративных элементов, осуществленной ахейцами на материке в течение XV в. до н. э. Сегодня принято считать, [166] что после катастрофы, достигшей критские дворцовые центры, ахейцы перенесли этот стиль с материка на Крит, в частности в Кносс. Следует, однако, отметить, что керамика дворцового стиля не является единственным известным нам типом керамики, получившим распространение на Крите во второй половине XV в. до н. э. (период ПМ II). В этот период там продолжает существовать и более древний натуралистический стиль периода ПМ I. Кроме того, здесь засвидетельствован еще один стиль, который возникает несколько позднее — уже в начале периода ПМ III A (приблизительно 1400—1380 гг. до н. э.). Этот стиль представляет собой своеобразный синтез двух предыдущих — минойского натуралистического и ахейского дворцового. В результате такого сочетания возникает специфический критский стиль, который по сравнению с дворцовым ближе к художественным традициям критского натурализма, в особенности к стилю периода ПМ I A. Но около 1380 г. до н. э. это направление оборвалось в результате гибели Кносского дворца, и с тех пор критская керамика представляла собой всего лишь периферийное течение в развитии керамического производства Эгеиды.

Мы прервали обзор развития производства элладской керамики в конце среднеэлладского периода. Для того времени было типично прежде всего значительное распространение минийской керамики, весьма часто встречающейся также в шахтовых гробницах, в частности в могильном круге Б (около 1650—1550 гг. до н. э.). Однако наряду с ней здесь все чаще появляются сосуды, обнаруживающие следы влияний критского декоративного искусства, характеризующиеся натурализмом изображений и расписанные тусклыми красками. Кроме того, здесь были найдены предметы, изготовленные непосредственно на Крите. Этот удивительный симбиоз особенно характерен для первого периода позднеэлладской эпохи (ПЭ I, около 1550—1500 гг. до н. э.). Критские влияния усиливаются, но традиции керамики среднеэлладской эпохи еще не преодолены.

И наоборот, в XV в. до н. э., т.е. в эпоху ранних купольных гробниц в Микенах (ПЭ II), для материковой керамики уже в высшей степени характерно влияние критского натуралистического стиля с присущими ему растительными и животными мотивами. Однако довольно скоро здесь начинает проявляться то же стремление к схематизации названных мотивов, которое было типичным для дворцо-[167]



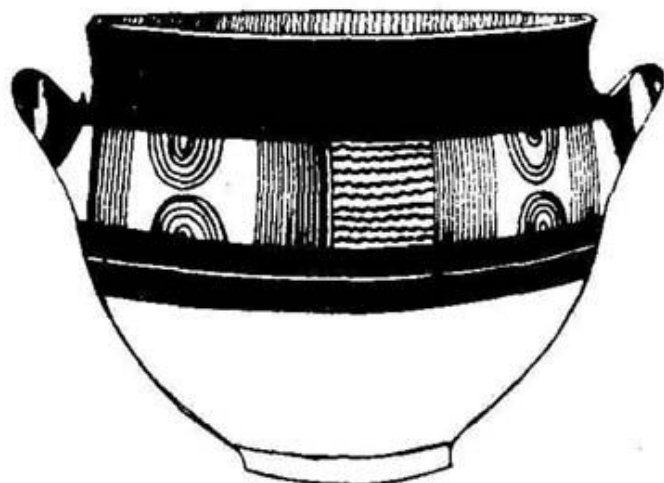
*Эгейский сосуд (а) и критский сосуд дворцового стиля (б) второй половины XV в. до н. э.
(ПЭ II и ПМ II)*



Эгейские сосуды XIV—XIII вв. до н. э. а, б: ПЭ III А (XIV в. до н. э.);



б



з

в, з: ПЭ III В (XIII в. до н. э.) [168]

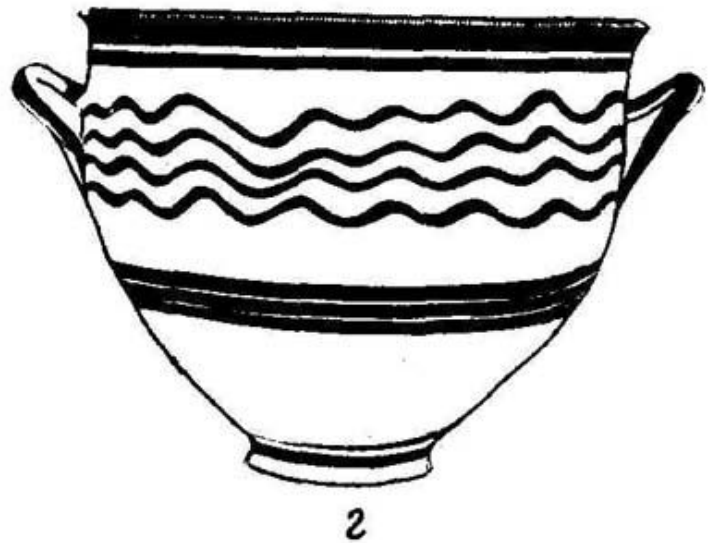


а



б

Элладские сосуды XII—XI вв. до н. э.: ПЭ III С (а, б — узкий стиль)



Элладские сосуды XII—XI вв. до н. э.: ПЭ III С (в — узкий стиль, г — амбарный стиль)

вого стиля Крита второй половины XV в. до н. э. и рассматривается как результат материкового влияния на критскую керамику. Некоторые виды элладских сосудов этого периода свидетельствуют уже о высокой степени производственной самостоятельности микенской керамики, хотя здесь имеет место использование критских элементов. Речь идет прежде всего о так называемых сосудах из Эфиры, напоминающих по форме среднеэлладские образцы, но использующих различные критские декоративные элементы и при этом в композиционном отношении отличных своим рафинированным однообразием от преисполненной вычурности прочих типов керамики того времени. Этот вид керамики засвидетельствован и в Кноссе времени непосредственно перед разрушением Кносского дворца около 1380 г. до н. э. [169]

Материковая керамика XVI—XIII вв. до н. э. (период ПЭ III А-Б) продолжает позднеэлладские традиции, для которых характерно стремление к самостоятельному преобразованию критских изобразительных элементов, причем главным образом путем схематизации критских декоративных мотивов вплоть до их полной геометризации. Образцы этой керамики отличаются, как правило, высоким уровнем, однако скорее в том смысле, что речь идет о технически совершенной посуде широкого потребления, но при этом довольно примитивной с художественной точки зрения. Это была массовая продукция в полном смысле этого слова: в центральных и восточных областях Средиземноморья найдены тысячи образцов поздних микенских сосудов, датируемых указанными двумя веками.

Крушение микенских центров около 1200 г. до н. э. знаменует собой крутой поворот в политическом развитии Греции, а в отношении памятников материальной культуры — существенное изменение тенденций ее последующего развития. В керамике это проявляется прежде всего в распространении двух совершенно противоположных стилей. С одной стороны, здесь получает распространение так называемый «узкий стиль», названный так по той причине, что ремесленник заполнял максимум свободного пространства росписью, а с другой — так называемый «амбарный стиль», названный так в связи с тем, что многочисленные образцы керамики этого стиля были найдены в амбаре Микенской крепости неподалеку от Львиных ворот. Этот декоративный стиль, наоборот,

ограничивает украшения керамики до минимума, чаще всего — лишь до нескольких волнистых линий, смыкающихся кольцом вокруг поверхности сосуда.

В «темные века», наступившие после падения микенской цивилизации, позднемикенская керамика периода ПЭ III В (около 1200—1125 гг. до н. э.) и в особенности керамика амбарного стиля сменяются субмикенской (около 1125—1050 гг. до н. э.) и протогеометрической (около 1050—950 гг. до н. э.) керамикой, а затем уже ранней архаической керамикой так называемого геометрического стиля (около 950—700 гг. до н. э.) античной Греции.

Керамика не единственный вид изделий из глины, производившихся в Микенском мире. Весьма ценными находками являются также фигурки из обожженной глины, как правило, изображающие людей и животных. Наиболее значительными являются упомянутые выше [170] находки двух групп статуи и статуэток культового характера из Микен (около 20) и из Айя-Ирины на Кеосе (также около 20). Эти предметы изготовлялись на гончарном круге, а затем работа завершалась вручную. В большинстве случаев это изображения женщин, в том числе в натуральную величину, причем по крайней мере отдельные экземпляры могут указывать на следование критским образцам (обнаженная грудь, критская юбка). Следы критского влияния обнаруживает прежде всего редкостная находка целого ряда ларнаков (глиняных погребальных раков в форме ларца) в расположенной в Беотии к востоку от Фив Танагре, не имеющих к тому же равнозначных аналогов на материке (если не принимать во внимание нескольких находок глиняных ларнаковых ванн).

[109] О прикладном и декоративном искусстве Микенской Греции см.: *Higgins H.*, 1973; *Strong D. E.* *Umění světa*. Praha, 1970; *Pijoan J.* *Dejiny Umění*. Praha, 1977; *Marinos Sp.*, *Hirmer M.*, 1976; *Hood M. S. F.*, 1978. (См. также: *Блаватская Т. В.*, 1976, с. 157-165; *Соколов Г. И.* *Эгейское искусство*. М., 1972; *Сидорова Н. А.* Новые открытия в области античного искусства М., 1965, с. 32-59; *она же*. *Искусство Эгейского мира*. М., 1972; *Колпинский Ю. Д.* *Искусство Эгейского мира и Древней Греции*. М., 1970; *Vunper B. P.* *Искусство Греции*. М., 1972; *Воцинина А. И.* *Античное искусство*. М., 1962; *Полевой В.* *Искусство Греции. Древний мир*. М., 1970. — *Примеч. пер.*)

[110] *Chadwick J.*, 1976a, с. 138 и сл.

[111] Там же, с. 150.

[112] *Olivier J.-P.*, 1967, с. 89 и сл.

[113] *Bass G. F.*, 1967. (О находке у мыса Хелидония см. также: *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. М., 1982, с. 55-57. — *Примеч. пер.*)

[114] *Chadwick J.*, 1976a, с. 141.

± В книге — 3,5 и 7 кг соответственно. *HF*.

[115] Однако в текстах линейного письма Б засвидетельствовано название ремесленной профессии *khalkous* — «кузнец», являющееся производным от греч. *khalkos* — «медь», «бронза».

[116] *Chadwick J.*, 1976a, с. 145. (О янтарных изделиях и торговле янтарем во II тысячелетии до н. э. см.: *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953, с. 264-265; *Блаватская Т. В.*, 1976, с. 93-94. — *Примеч. пер.*)

Глава 12.

Торговля и мореплавание

Сельскохозяйственные продукты и изделия микенских ремесленников предназначались отнюдь не только для удовлетворения потребностей дворцов микенских властителей, но являлись также предметами товарообмена. Так, на двух пилосских табличках упоминаются товары, стоимость которых служила эквивалентом некоторых видов кореньев (An35, Un443): в первом случае — 6 кг шерсти, 4 козы, 3 ткацких изделия, 288 л вина и 384 л смокв, а во втором — 30 кг шерсти и 10 кусков ткани. При этом здесь еще нет признаков существования какой-либо твердо установленной единицы обмена (у Гомера цена вещи измеряется определенным числом быков).

Существование торговли в микенском мире убедительно доказано археологическими исследованиями. В нижнем городе Микен А. Дж. Б. Уэйс обнаружил строения, которые он назвал по характеру сделанных там находок «Домом торговца маслом», «Домом виноторговца» и т. п. Сегодня принято считать, что это постройки торгового назначения и склады, относящиеся ко дворцовому комплексу. Многочисленные образцы предметов микенского производства находят почти по всему Средиземноморью.

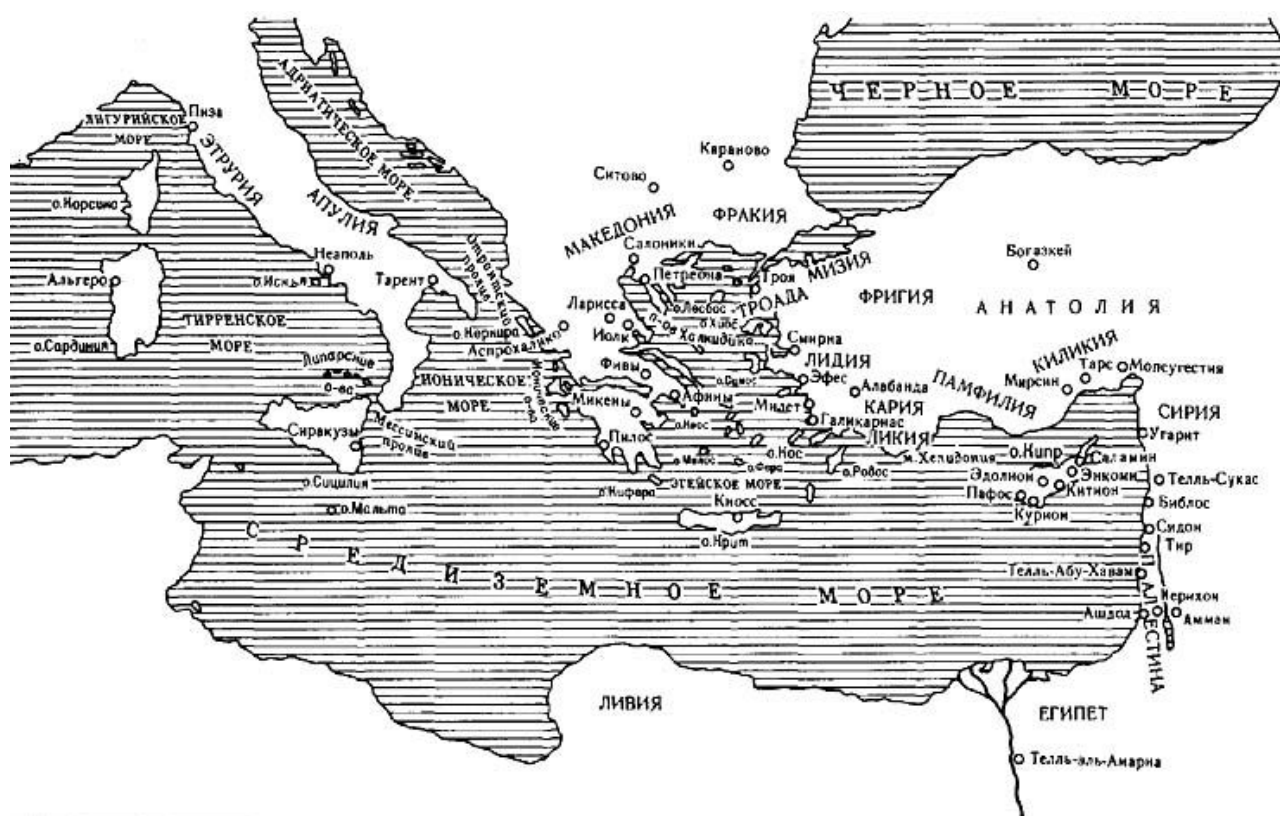
Что же, собственно говоря, вывозили и что ввозили микенцы?¹¹⁷ Важными предметами экспорта были оливковое масло и вино, а также крупные глиняные емкости, являвшиеся средствами перевозки (из 1800 таких сосудов, зарегистрированных в одной кносской табличке, по [171] крайней мере часть предназначалась на вывоз). Предметом вывоза были также керамические сосуды повседневного обихода меньших емкостей, в том числе найденные в Пилосском дворце сосуды различных типов, число которых исчисляется тысячами. Вывозились также изделия из бронзы (прежде всего, очевидно, оружие), ткани (в частности, полотно из Пилоса), а также благовонные мази и различные виды кореньев (например, кипер, найденный в Кноссе). Наиболее надежным критерием при определении мест, куда вывозились товары микенского производства, являются находки микенской керамики. Мы встречаем ее в самых различных областях Средиземноморья. Микенскую керамику находят не только в материковой Греции и на Кикладских островах, но также в Македонии и Фракии, на западном и южном побережье Малой Азии, на Кипре, в Сирии, Палестине и Египте, а в Центральном Средиземноморье — от Мальты до Сицилии и Южной Италии и далее вплоть до Этрурии (Средняя Италия). При этом некоторые из мест, в которых обнаружена микенская керамика, следует рассматривать или как собственно микенские поселения или по крайней мере как микенские торговые центры.

На рубеже XV—XIV вв. до н. э. микенские ахейцы овладели важной колонией критян Миллавандой (Милет) на западном берегу Малой Азии. Наличие микенской керамики

надежно установлено и в других местах на западе Малой Азии, и притом иногда в столь значительных количествах и в такой связи (например, в захоронениях), что даже можно сделать вывод о существовании в местах этих находок постоянных микенских поселений. Впоследствии, в начале I тысячелетия до н. э., эти поселения были перекрыты миграционной волной другого греческого племени — ионийцев (в Милете, Колофоне, Эфесе, Клазоменах и ряде других мест).

Перемены, аналогичные тем, которые имели место в Милете, произошли и на острове Родос. Еще в конце XV в. до н. э. здесь возникло микенское поселение в Ялиссе по соседству с более древней критской колонией у Трианды. После падения Кносса остров был быстро микеноизирован, став новым крупным центром микенской цивилизации и важным центром производства микенской керамики.

Несколько более сложной представляется ситуация на Кипре, где микенская керамика появляется уже в первой половине XIV в. до н. э., хотя не все исследователи склонны считать, что уже в то время там существовали [172] колонии ахейских поселенцев, торговцев и ремесленников. Однако некоторые характерные черты кипрской керамики этого периода указывают на то, что речь идет не просто о ввозе из элладских областей, а о продукции, изготовлявшейся непосредственно на острове. Такие же специфически местные черты имеет и микенская керамика Родоса. Это дает основание полагать, что именно местная кипрская, а также родосская керамика составляли важную часть микенского ввоза прежде всего в Сирию, Палестину и Египет, а родосская, кроме того, и далеко на запад — в Италию.



Карта № 6. Центральное и Восточное Средиземноморье [173]

Само производство микенской керамики на Кипре XIV—XIII вв. до н. э. не обязательно следует связывать со значительной микенской колонизацией. Большинство специалистов скорее склонно усматривать существование здесь в указанную эпоху микенских торговых

пунктов, куда керамика частично ввозилась из Микенской Греции, а частично изготавливалась ахейскими ремесленниками непосредственно на месте.

За микенские товары Кипр расплачивался прежде всего медью. Ее залежи находятся главным образом во внутренних районах острова, и поэтому — если учесть, что предметы микенского происхождения находят, как правило, на побережье, — создается впечатление, что на протяжении всего бронзового века внутренняя часть острова продолжала оставаться территорией местного кипрского населения. Медь экспортировалась в виде слитков, имевших форму распластанной овечьей шкуры. Начиная с XV в. до н. э. такие слитки появляются во многих областях Средиземноморья, в то время как на самом Кипре в силу стечения ряда обстоятельств их древнейшие образцы относятся только к XII в. до н. э. Предположение, что слитки изготавливались уже за пределами острова, а с Кипра вывозилась только необработанная руда, следует отвергнуть прежде всего потому, что некоторые из найденных за пределами Кипра слитков, имеющих весьма раннюю датировку, отмечены знаками кипро-минойского письма.

Но независимо от того, с какого времени и в какой степени микенские ахейцы колонизировали Кипр и кто владел залежами меди на острове, существование микенских поселений на Кипре самое позднее в последние десятилетия XIII в. до н. э., несомненно, подтверждается тем фактом, что еще во второй половине I тысячелетия до н. э. кипрский диалект классического греческого языка обнаруживает тесные связи с аркадским диалектом [174] внутренней горной части Пелопоннеса, а это сходство невозможно объяснить иначе, как следствием переселения пелопоннесских греков на Кипр еще до конца микенской эпохи. Наличие еще одного близкого диалекта в Памфилии — отдаленной области на юге Малой Азии, равным образом подтверждает предположение археологов, что приблизительно в период падения микенской цивилизации греческие поселенцы обосновались и на южном побережье Малой Азии. Об этом свидетельствует также микенская керамика, найденная в Киликии — приморской области, расположенной вблизи современной турецко-сирийской границы (Тарс, Мирсин).

Существование ряда микенских торговых поселений предполагают также на сиропалестинском побережье (в частности, в Угарите и, возможно, в Тель-Абу-Хаваме и Тель-Сукасе). Отсюда предметы микенского производства ввозились на территорию соседних областей. Сегодня в этом районе известно около 60 мест с находками предметов микенского производства как на морском побережье, так и в глубине материка — от Алалаха (современная Тель-Атхана) и Угарита на севере и далее через Библос, Тель-Абу-Хавам до Лахиша и Ашдода на юге и от Газора к северу от Тивериадского озера через Бет-Шеан до Аммана к востоку от реки Иордан.

Торговые контакты с Микенским миром поддерживал и Египет, несмотря на то, что эта страна долгое время избегала связей с внешним миром. Хотя здесь не было основано ни одного собственно микенского торгового поселения, находки предметов микенского производства в Египте заслуживают упоминания в связи с их исключительной ценностью. Вспомним прежде всего современную Тель-эль-Амарну — столицу египетского фараона Эхнатона, который во время своего недолгого правления в первой половине XIV в. до н. э. отважился вершить судьбами Египта вопреки засилью жрецов Амона. Здесь найдено около 1350 фрагментов микенской керамики, составляющих в общей сложности около 800 экземпляров сосудов. Отдельные находки микенской керамики встречаются и в других местах Египта (почти в двадцати). Чаще всего это сосуды, найденные в египетских гробницах.

В Центральном Средиземноморье предметы микенского производства довольно рано появляются на побережье Албании, однако далее в глубь области Адриатики они не проникли. Изредка они встречаются также на Мальте, весьма часто — в Сицилии (в частности, близ Сиракуз: [175] керамика, украшения), а в исключительно больших количествах — на юге Италии, в Апулии. Весьма ранние образцы микенского вывоза засвидетельствованы на Липарских островах (XVI в. до н. э.). Кроме того, микенская керамика обнаружена в районе Неаполитанского залива (остров Искья) и, наконец, отдельные ее экземпляры найдены в Этрурии (Люни-суль-Миньоне). Наиболее богатые находки микенской керамики на территории Италии сделаны в местности Скольо-дель-Тонно возле древнего Тарента (Апулия), где следует предполагать существование если не настоящего микенского поселения, то по крайней мере мастерских и торговых факторий. При этом интересно отметить, что здешние образцы керамики обнаруживают поразительное сходство с родосской керамикой, что подтверждается и химическим анализом глины. Это обстоятельство указывает на то, что Родос играл весьма важную роль в проникновении микенцев на юг Италии.

Традиционные контакты материковой Греции с сицилийско-южноиталийским регионом восходят еще к среднеэлладской эпохе. Элладское население издревле ввозило с Липарских островов обсидиан, хотя его залежи имелись и значительно ближе — на острове Мелос. Однако вплоть до середины XV в. до н. э. Мелос являлся критским поселением и критяне безраздельно распоряжались вывозом обсидиана с острова. Правильность этого предположения подтверждает тот факт, что после падения Кносса контакты материковой Греции с Липарскими островами идут на убыль, поскольку Микенский мир с этого времени вполне удовлетворяется использованием более близких мелосских залежей обсидиана.

Для производства бронзы ахейцы испытывали необходимость в меди и олове. Залежи меди находились сравнительно недалеко — на Кипре. С оловом дело обстояло сложнее. Оно встречается реже, чем медь, а его ближайшие залежи находились, вероятно, в Средней Италии. Принимая во внимание это обстоятельство, представляется вполне естественным, что микенскую керамическую продукцию находят на острове Искья, на путях вдоль западного побережья Италии и особенно в Этрурии.

Существуют также свидетельства контактов Микенского мира со странами, расположенными далеко на западе — Иберией, Бретанью и Британией. Там тоже имелись залежи олова, и поэтому неудивительно, что фрагмент микенского бронзового меча был найден в могиле знатного лица в Уэссексе (Великобритания). Не исключено [176] и существование тесной связи между предметами из шахтовых гробниц и некоторыми другими находками в Великобритании (например, золотой кубок из Риллатона в Корнуэльсе рассматривается или как предмет непосредственно микенского производства, или как его местная имитация). Можно усмотреть даже определенную связь между микенскими сооружениями и мегалитическим кругом в Стоунхендже. С другой стороны, янтарные бусы из микенских гробниц (Микены, Каковатос, Пилос) иногда считают предметом ввоза из Британии, хотя в данном случае предпочитают говорить о контактах с побережьем Балтийского моря. Вероятным представляется и существование контактов Микенского мира с Иберией, где имелись оловянные и серебряные руды, но свидетельства о торговых связях с этим регионом весьма скромны и не всегда ясны (такowymi являются главным образом находки микенских металлических наконечников копий). Некоторые исследователи приписывают микенскому посредничеству распространение производства фаянсовых бусин, изготовлявшихся первоначально в Египте, на территории ряда европейских стран (в Центральной Европе, в особенности на

территории современной Венгрии). Предметом микенского происхождения считают также золотой кубок, найденный в Фрицдорфе, неподалеку от Бонна (ФРГ).

В главе об эгейских письменах мы уже отмечали, что влияние эгейской цивилизации довольно рано проникло во внутренние области Центральной Европы, где оказало воздействие на формирование определенных черт памятников материальной культуры. Это влияние прослеживается и на территории нынешней Чехословакии;¹¹⁸ в настоящее время их все отчетливее различают в ряде недавно исследованных археологами мест (вспомним, например, Спишки-Штврток возле Попрада, где проводил раскопки И. Владар¹¹⁹).

Остается только кратко упомянуть о том, какие товары, в свою очередь, ввозились в Микенскую Грецию. Это прежде всего различные необработанные металлические руды, поступавшие со всех концов известного в то время мира (от Британии и Иберии до Кипра и Нубии, а возможно, и из стран, расположенных еще далее к востоку), слоновая кость из Сирии, где некогда водились слоны, и самые различные предметы роскоши — прежде всего из Египта и Передней Азии.

В настоящее время можно уже утверждать, что микенские государства обладали монополией на внешнюю [177] торговлю, как это имело место и в странах Ближнего Востока. Они располагали опытным административным аппаратом и обширными складами для товаров, а также достаточным для ведения внешней торговли количеством кораблей. При этом высокий уровень учета производства, о существовании которого свидетельствуют архивы микенских дворцов, позволяет с полным правом утверждать, что государство осуществляло также управление внутренней торговлей, т.е. контролировало распределение товаров внутри отдельных микенских государств. Лица, занимавшиеся этим распределением, являлись дворцовыми служащими.

На основании изложенного выше можно говорить, что внешнеторговые связи Микенского мира характеризуются обширным географическим охватом: значительная часть Восточного Средиземноморья представляется, по существу, «микенским» ареалом, так же как в предыдущие столетия многие из расположенных здесь приморских стран можно было в той или иной степени считать ареалом «критским». Материальные предпосылки для этого у микенских государств имелись. После ферско-критской катастрофы и падения минойского Кносса микенские мореплаватели стали законными наследниками древних эгейских мореходных традиций.¹²⁰ Самое древнее из сохранившихся до наших дней свидетельств существования таких традиций — это изображение кораблей на терракотовых изделиях с одного из островов Кикладского архипелага, Сироса (III тысячелетие до н. э.). Непродолжительное господство Киклад на море сменилось в первой половине II тысячелетия до н. э. критским, а в XIV—XIII вв. до н. э. микенские ахейцы успешно завершили развитие эгейского мореплавания. Впрочем, ахейцы занимались мореплаванием еще во времена расцвета критского владычества на море, что подтверждается не только находками ранней микенской керамики даже на далеких Липарских островах (XVI в. до н. э.), но также, например, фрагментом среднеэлладского сосуда из Иолка (Фессалия), на котором предположительно изображены два неоконченных корабля (около 1600 г. до н. э.). Учитывая эти древние мореходные традиции Фессалии, представляется не случайным, что именно в Иолке, согласно греческой мифологии, был построен знаменитый корабль Арго, который отправился отсюда в дальнее плавание за золотым руном к берегам Кавказа. Однако еще большее значение имеют некоторые более поздние находки — такие, как рисунок на каменной стеле из Восточной Беотии (Драмеси, около 1500 г. до н. э.) [178] или изображения корабля на глиняном ларце из Траганы возле Пилоса и на сосуде из Асины (XII в. до н. э.).

На основании сопоставления этих данных, а также некоторых других соображений можно сделать вывод, что элладские корабли имели низкую осадку, позволявшую им легко причаливать к берегу в мелководье с песчаным дном. Двигались они с помощью весел, причем сзади имелось еще одно длинное весло, служившее кормилом. Более крупные корабли были, кроме того, оснащены парусом и имели на палубе капитанскую каюту. Число гребцов на обычных эгейских кораблях эпохи бронзы составляло, по данным критских и ферских рисунков, 20, 30 или 42 человека (42 — на ферской фреске с изображением морского похода, которая датируется примерно 1500 г. до н. э.).

Последние из приведенных здесь количественных данных приблизительно соответствуют сведениям Гомера, который насчитывает на каждом корабле, принимавшем участие в походе на Трои, как правило, 50 гребцов. Рассказывая о событиях мирной жизни, Гомер иногда говорит и о двадцативесельных кораблях. Однако вывод об упоминании Гомером стовесельных кораблей сделан на основании явно ошибочного толкования места из «Илиады» (II.509-510), где говорится, что на палубе беотийских кораблей помещалось 120 мужей. Общая длина гомеровских пятидесятивесельных кораблей предположительно составляла от 30 до 35 м, средняя скорость корабля равнялась около 8 км в час. Знаменитая находка обломков корабля у мыса Хелидония (Турция) не в состоянии дополнить эту картину более подробными деталями, поскольку там была обнаружена только часть корпуса с грузом металла весом около 1 т, в то время как прочие остатки корабля были снесены морем. Во всяком случае это был, безусловно, грузовой корабль с несколько более коротким корпусом.

Что же касается основных морских путей сообщения, то анализ данных о микенской торговле и общих тенденций развития мореплавания в Средиземноморье позволяет сделать вывод, что микенские корабли обычно плавали вдоль побережья. В Эгейском море суда передвигались, как правило, от острова к острову. Путь микенских мореплавателей на Восток проходил от острова Родос вдоль южного побережья Малой Азии до Кипра и расположенных напротив него Киликии и Угарита, а оттуда — вдоль сиро-палестинского побережья к Египту. При плавании [179] в западном направлении нужно было миновать представлявшие опасность для кораблей мысы на юге Пелопоннеса, возле которых Одиссея настигла буря и начались его скитания, а затем плыть вдоль западных берегов Греции до Керкиры. Далее путь лежал через пролив Отранто до области Апулия в Южной Италии, откуда плавание продолжалось вдоль нижней части италийского «сапога» до Мессинского пролива. Затем корабли двигались в избранном направлении или к Сицилии и далее на запад, или на север до Неаполитанского залива, а иногда и дальше на северо-запад — до Лигурийского моря.

Микенские ахейцы вынуждены были плавать по всем этим морям и вдоль всех этих берегов, поскольку их собственная земля не отличалась богатством металлических руд. Морская торговля стала для них необходимым условием достижения культурного уровня своей эпохи. Но думается, что именно эта деятельность, заставившая ахейских предков античных греков стать более целеустремленными и изобретательными, в чем не нуждались народы, создавшие великие цивилизации Передней Азии, и позволила микенским ахейцам в течение нескольких веков преодолеть среднеэлладскую отсталость и создать в Средиземноморье экономический потенциал первой величины. Она явилась в полном смысле слова подготовкой к мощной греческой колонизационной экспансии первой половины I тысячелетия до н. э.

[117] О торговле в Микенском мире см.: *Immerwahr S.*, 1960; *Taylour W.*, 1964, с. 148 и сл.

[118] Подробнее о связях Эгеиды с Центральной Европой см.: *Bouzek J.*, 1965; *Vladár J.*, 1973.

[119] *Vladár J.*, 1975.

[120] О микенских кораблях см.: *Casson L.*, 1971, с. 30 и сл.; *Gray D.*, 1974. (На русском языке см.: *Петерс Б. Г.* О морском деле в Эгейском мире. — История и культура античного мира. М., 1977, с. 160-169; *Поплинский Ю. К.*, 1978, с. 58-64. — *Примеч. пер.*)

Глава 13. Военное дело

О военных событиях в микенском мире мы узнаем как из греческой мифологии, так и из памятников материальной [191] культуры, а также из письменных источников.¹²¹ Греческая мифология содержит довольно много преданий о войнах микенской эпохи, о способах их ведения и о вооружении, однако реальное ядро из этих сведений выделить весьма сложно. Мы знаем о походе коалиции семи пелопоннесских городов против Фив — событие, отображающее соперничество микенских ахейцев Аргολиды с родственным им населением Беотии. Об этом свидетельствуют следы разрушения дворца микенского времени в Фивах — так называемой Кадмее. Мифология сообщает также, что роду Нелеидов, и в частности Нестору, поначалу пришлось в Мессении довольно нелегко: после своего прихода [180] с севера они были вынуждены выдержать там целый ряд ожесточенных войн. С этим вполне согласуется тот факт, что Пилосский дворец Нестора был сооружен только в начале XIII в. до н. э., в то время как более древние поселения греков того же племени находились далее к северу — возможно, именно в исследованной Дерпфельдом местности Каковатос, ошибочно отождествлявшейся им с Пилосом Нестора. Что же касается похода греков против Трои, то, хотя весьма сомнительно, что основной причиной войны явилось похищение Елены, по существу, мы верим в реальность Троянской войны. Однако это событие следует рассматривать только как один из эпизодов целого ряда военных действий, происходивших в конце XIII в. до н. э. на территории Малой Азии и прилежащих областей, весьма важную роль в которых определенно сыграли ахейцы.

Хотя тексты линейного письма Б ничего не сообщают нам о конкретных военных действиях, некоторые содержащиеся в них сведения, бесспорно, отражают военные события. Так, на пилосских табличках подсерии An часто фиксируется то или иное число гребцов (*eretai*). Табличка An 1 сообщает о 30 гребцах, «направляющихся в Плеврон» (неизвестно, подразумевается ли здесь Плеврон на северном берегу Патрасского залива или, что более вероятно, место с таким же названием где-то вблизи Пилоса). В тексте таблички An 610 мы находим даже сведения о 569 гребцах, причем то обстоятельство, что табличка не закончена и повреждена, дает основание предполагать, что общее число упомянутых в табличке лиц было на несколько десятков большим. Однако уже само приведенное здесь количество гребцов равно экипажам по меньшей мере одиннадцати боевых пятидесятивесельных кораблей. Столь высокие количественные данные не должны удивлять нас. Держава Нестора, безусловно, испытывала потребность в сильном флоте. В то время как пути проникновения внутрь территории этого государства со

стороны материка были хорошо защищены, со стороны моря царство Нестора было намного уязвимее. Сказанное касается, в частности, района Наваринского залива, от которого не так уж было далеко до дворца, а в северной его части — в бухте, называемой ныне Воидокилия, бесспорно, существовала Пилосская гавань. Пилосский властитель хорошо осознавал исходящую с этой стороны опасность и поэтому, как о том свидетельствует отдельная группа пилосских табличек, создал весьма хорошо продуманную систему [181] обороны побережья своего государства. Первая из пяти табличек группы, рассказывающей о системе обороны, — табличка An 657 — начинается словами: «Так дозор охраняет побережье страны».

Согласно данным этих табличек, все побережье Пилосского царства было разделено на десять секторов. Каждый сектор находился в ведении определенного лица, имевшего несколько помощников и отряд воинов, численность которых была кратна десяти и нигде не превышала 110. Имеющиеся в нашем распоряжении записи говорят в целом о 800 воинах. Учитывая, что общая протяженность прибрежной линии составляет около 150 км, речь идет, вероятно, об отдельных дозорных отрядах, которые в случае серьезной военной опасности отходили на более выгодные позиции обороны.

Отдельные секторы обозначены на табличках тем или иным топонимом, а отряды воинов — особым знаком, находящимся в явном соответствии с районом их размещения. Иногда в текстах встречается формула «и с ними геквет имярек». Мы уже говорили о гекветах, что они составляли дружину пилосского царя и выполняли функции военного характера. Охрана морского побережья явно относилась к числу их самых важных задач. Ученые долгое время ломали голову над вопросом, почему на упомянутых пяти табличках речь идет об одиннадцати гекветах, хотя секторов обороны было только десять, и почему тот или иной геквет не обязательно был ответственным за один сектор. Так, один геквет ведал тремя секторами, а в другом случае, наоборот, три геквета осуществляли надзор за отдельными участками одного сектора.

Ответ на этот вопрос (и как представляется, окончательный) получил только недавно один из авторов дешифровки линейного письма Б. Дж. Чедуик.¹²² Он исходил из вполне обоснованного предположения, что перечень дозорных отрядов подан в направлении с севера (т. е. от горы Ликей) на юг (до мыса Акритас) и далее на восток (вплоть до горы Тайгет). В таком же порядке на табличках составлен и перечень основных округов Пилосского царства (см. выше, с. 109). При такой географической ориентации секторы I (на северо-западе у устья реки Нед[в]а) и секторы VII и VIII (на юго-западе в районе Наваринского залива) действительно представляются наименее защищенными от нападения неприятеля; поэтому неудивительно, что за сектор I несли ответственность два геквета (второй из них осуществлял надзор [182] также над сектором II — с более гористым рельефом и менее подверженным угрозе нападения), за сектор VII — также два, а за сектор VIII — даже три геквета (см. карту Мессени на с. 110).

При этом гипотеза Чедуика позволяет рассматривать войско охраны побережья одновременно и как подразделение, способное к быстрой передислокации. Оно представляло собой довольно значительную силу при отражении неприятеля, нападающего с моря, который, по всей вероятности, не мог быть столь многочисленным, как непрошеные гости со стороны суши. На мобильность гекветов указывает тот факт, что, согласно свидетельствам прочих табличек, они имели в своем распоряжении также боевые колесницы.

Основное ядро войска было сосредоточено, таким образом, в секторах I, VII и VIII, где нападение с моря представляло наибольшую опасность, в то время как отряды,

размещенные в гористой местности в секторах II-VI, выглядят скорее резервом для перемещения на север или на юг. Дозорный отряд, дислоцированный в довольно обширном секторе IX, мог перемещаться или к западному, или к восточному побережью полуострова, оканчивающегося на юге мысом Акритас. Принимая во внимание конфигурацию области, можно полагать, что непосредственно с юга угрозы нападения не существовало. Странной, однако, кажется при этом малая плотность охраны на побережье Мессенского залива (сектор X). Но основной задачей пилосского царя являлась защита от возможного вторжения дворца и его окрестностей, для чего можно было временно перебросить воинов из восточной части царства, т.е. из долины реки Памисс. В случае же проникновения неприятеля через горы, разделявшие восточную и западную части царства, он встречал сопротивление отрядов, стянутых из южных районов. Весьма вероятно, что кроме войска охраны побережья в распоряжении властителя имелись и другие воинские отряды. Некоторые из них, несомненно, размещались в округе Пилосского дворца, на сравнительно обширной территории которого несли службу пять из упомянутых выше 11 геккетов.

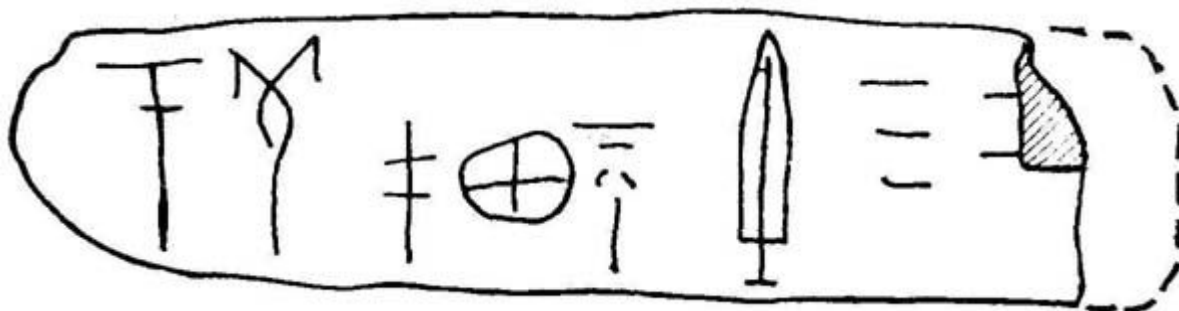
Если по вопросу об организации обороны Пилосского царства мы опирались только на сведения линейных табличек, то, рассказывая о микенском вооружении, можно вновь обратиться к сопоставлению данных всех трех основных типов источников. Гомеровская «Илиада» как типично военный эпос содержит многочисленные упоминания [183] о военных средствах и личном вооружении ее героев. В отдельных случаях эта тематика выступает и в «Одиссее», поскольку путешествие по морю в конце бронзового века было отнюдь не безопасной прогулкой.

Археологические коллекции содержат большое количество предметов боевой техники позднего бронзового века Эгейды. В частности, в Афинском национальном археологическом музее мы не устаем восхищаться мечами из шахтовых гробниц Микен, инкрустированными благородными металлами, и прочими предметами микенского вооружения из Аргολиды, Мессении и других областей Греции. Но особого упоминания заслуживают полный бронзовый доспех из Дендры, который можно увидеть в экспозиции Музея Навплиона, или же металлический шлем и другие предметы вооружения из находящейся к северу от Кносса гробницы ахейских воинов, которые экспонируются в Музее Гераклиона на Крите.

Неудивительно, что некоторые сведения о микенском вооружении содержат также тексты линейных табличек, составленных в связи с непосредственной угрозой Пилосу в последний год существования дворца. Так, в Пилосе (а также и в Кноссе) мы часто встречаем идеограмму, несомненно обозначающую панцирь. В Кноссе она иногда дополнена изображением наплечников (Sc 217), в Пилосе — изображением шлема (группа табличек Sh). На табличках упомянутой группы из Пилоса фигурирует и греческое слово, обозначающее панцирь, — *thorakes* (множественное число от *thorax*), однако в Кноссе это слово отсутствует. И наоборот, только в Кноссе встречается слово *korus* — «шлем».

Кроме того, на табличках встречаются сведения об отдельных деталях защитного вооружения. Например, шлем, как в Пилосе, так и в Кноссе, был снабжен четырьмя бронзовыми пластинами, а относительно панциря пилосские таблички с удивительной детализацией говорят о 20-22 больших и 10-12 малых подвесках. Все это свидетельствует о том, что полное вооружение из Дендры включает не совсем обычный микенский панцирь. По-видимому, таковой был похож на египетский, основу которого составляла полотняная рубаха с большим числом нашитых на нее металлических пластин. Существенное различие состояло только в том, что египтяне имели на одном панцире от 250 до 500 таких пластин, в то время как таблички из Пилоса говорят о 30-34 пластинах.

Однако сам принцип оставался тем же: вероятно, пять вертикальных [184] длинных пластин на груди и пять сзади, затем дважды по пять (или шесть) более коротких пластин у пояса, навешенных так, чтобы воин мог легко поворачиваться и наклоняться, и, наконец, дважды по пять или шесть пластин для защиты живота и боков.¹²³ Хотя точная конструкция кносского панциря нам неизвестна, бесспорно, что плечи были защищены двумя более крупными дополнительными пластинами. Шлем в большинстве случаев изготовлялся из кожи или войлока, а выполнению его защитной функции способствовали также четыре бронзовые пластины.



Табличка Ra 1540 из Кносса с текстом слогового письма *to-sa pa-ka-na tosa phasgana* — «столько мечей», идеограммой меча (более вероятно — кинжала) и числовым обозначением 50

С первого взгляда поражает, что в текстах микенского времени не установлено ни одной идеограммы и ни одного слогового обозначения щита. Однако довольно хорошее представление о различных типах щитов дают нам сохранившиеся памятники материальной культуры. Очевидно, щиты изготовлялись из бычьей кожи и были укреплены металлом. Заслуживает внимания, в частности, закрывавший все тело высокий щит в форме восьмерки, от которого впоследствии произошел излюбленный декоративный элемент настенных фресок. Он встречается уже в декоре Кносского дворца около 1400 г. до н. э.; кроме того, он засвидетельствован и во дворцах на материке, развалины которых на 200 лет младше. В отличие от панциря и шлема щит являлся сугубо личной частью вооружения, поэтому не было нужды регистрировать его как дворцовое имущество, чем и объясняется отсутствие упоминаний о щитах в дворцовых архивах. Самым знаменитым щитом греческой древности был никогда не существовавший щит Ахиллеса из гомеровской «Илиады», изготовление которого описывается в поэме с мельчайшими подробностями (XVIII.478-608).¹²⁴

Одна группа табличек из Кносса содержит сведения о предметах, в которых обычно усматривают мечи. Такое [185] толкование дается как на основании схематического изображения (идеограммы) короткого меча, так и на основании предшествующего слогового текста, в котором выступает (при этом во множественном числе) слово *phasgana*, являющееся одним из обозначений меча у Гомера. Однако, принимая во внимание определенную неясность упомянутой идеограммы, а также возможные изменения значения, которые могли произойти в переходный период между микенской и гомеровской эпохами, некоторые исследователи отдают предпочтение здесь толкованию «кинжал, нож». На одной из кносских табличек (Ra 1540) зарегистрировано в общей сложности 50 таких мечей. Эти данные, несомненно, относятся к какому-то дворцовому арсеналу. По всей вероятности, упомянутые здесь мечи являлись вооружением личной охраны. С другой стороны, на пилосских табличках мы встречаем и другое греческое название меча: *ksiphene* — «два меча» (двойственное число) и при этом без сопроводительной идеограммы (ср. классическое греческое *ksiphos*).

Как в Кноссе, так и в Пилосе тексты табличек содержат богатую информацию о копьях. Сюда относится слово *enkhe(h)a* — множественное число от *enkhos* — «тяжелое копье» (на табличках имеется и без идеограммы), а также неясное слово *pa-ta-ja*, не засвидетельствованное в позднейшем греческом языке. В Кноссе это слово встречается на печатных глиняных ярлыках с изображением стрелы на торце, которые обнаружены среди обломков двух деревянных ящиков вместе с несколькими бронзовыми наконечниками (например, Ws 1704). Таким образом, это слово, очевидно, обозначало легкий дротик, использовавшийся, в частности, на охоте. Кроме того, на табличках встречается идеограмма стрелы с весьма высокими числовыми обозначениями (6010+2630 штук на кносской табличке R 4482).

Особое место среди микенского вооружения занимают боевые колесницы. Мы располагаем их изображениями как на памятниках материальной культуры (в особенности на фресках и сосудах), так и в виде идеограмм на линейных табличках из Кносса. Колесницы были легкой конструкции, двухколесные; запрягали в них, как правило, двух лошадей. При этом последние, как о том свидетельствуют найденные кости животных, были более низкого роста, чем большинство современных пород лошадей. Колеса обычно регистрировались отдельно от остова колесницы. Это согласуется со сведениями из гомеровской «Илиады» [186] (V.722; VIII.441), согласно которым в то время, когда колесницы не были в употреблении, с них снимали колеса, а сами колесницы ставили на подставку и накрывали холстом. При этом в тексте кносской таблички Sg 1811 приводятся рядом количественные данные о колесницах (без колес) и о колесах: здесь упомянуто по меньшей мере 246 колесниц и 208 пар колес. В текстах табличек подсерий Sd и Sc, где говорится еще о 41 колеснице (без колес), мы, кроме того, встречаем и весьма подробное их описание. В частности, в них содержится много конкретных сведений о состоянии колесниц, в особенности об отсутствующих деталях и прочих неполадках. Так, в тексте кносской таблички Sd 4402 читаем: «Колесница без колес, разобрана, пурпурного цвета, без поводов, к использованию не готова... без подножки, борта и днища». По мнению ряда ученых, только незначительная часть зарегистрированных на кносских табличках колесниц находилась непосредственно в дворцовом арсенале; большинство же их было распределено между различными лицами для присмотра за ними (или даже для использования в мирных целях).

Инвентарные данные о колесах включают также сотни единиц, а по мнению некоторых ученых, они превышают даже тысячи. Это вроде бы позволяет увеличить общее число колесниц по крайней мере на 500, однако таблички слишком уж фрагментарны, чтобы на их основании можно было делать подобные выводы.

В отличие от текстов кносских табличек упомянутых подсерий, найденных в помещении кносского арсенала, который находился за пределами собственно дворца, в текстах табличек подсерий Sc, обнаруженных непосредственно в одном из помещений дворца, была установлена еще 91 идеограмма боевых колесниц, изображенных на этот раз уже вместе с колесами. На каждой из этих табличек упоминается поименно экипаж колесницы (в большинстве случаев два человека — боец и возничий), причем идеографически здесь зафиксировано точное количество колесниц, панцирей и лошадей. Цель составления текстов этих табличек неясна, а сами они отличаются некоторыми особенностями: часть записей не закончена (в одном случае отсутствует конь, в другом — колесница, в третьем — один или два панциря); но главное то, что они составлены почерками разных писцов и притом с определенным стремлением составить каллиграфическую запись и в то же время избежать всех замеченных ранее [187] индивидуальных отклонений. Это привело Дж. Чедуика к любопытной мысли,¹²⁵ что в данном случае мы имеем дело не с отделом дворцового архива, а с учебными текстами для начинающих учеников чиновничьих

профессий. Помещение, где были найдены эти таблички вместе с табличками другой подгруппы, содержащими записи подобного типа (на них дан только перечень имен), являлось, таким образом, не чем иным, как школой кносских писцов. Это весьма остроумная догадка, хотя и не вполне обоснованная.

В отличие от Кносса, в Пилосе сохранились только записи о колесах от колесниц и притом в значительно меньшем количестве. Однако этого вполне достаточно для выдвижения гипотезы, что в Пилосе использовались такие же колесницы, как и в Кноссе. Любопытно, что часть колес упомянута в пилосских текстах в таком контексте, что создается впечатление, будто они принадлежали гекветам, а на этом основании можно сделать вывод, что гекветы, как уже отмечалось выше, располагали выделенными им боевыми колесницами. При этом внимание прежде всего привлекает опять-таки то обстоятельство, что способ ведения учета колес отдельно от колесниц в Кноссе и в Пилосе совершенно одинаков, хотя архивы этих двух городов отдалены друг от друга не только на несколько сот километров в пространстве, но также, согласно преобладающему мнению специалистов, и почти на два века временной дистанции.

Не вполне ясным продолжает оставаться и способ использования боевых колесниц в микенском мире.¹²⁶ Обычно принято считать, что боевые колесницы с конской упряжью в Средиземноморье занесли в конце XVIII в. до н. э. семитские племена гиксосов и что в Грецию этот вид боевой техники попал, получив там в последующие века распространение, через Египет. На Востоке боевые колесницы использовались непосредственно в сражениях, на что совершенно недвусмысленно указывают изображения разных эпох. Их приняли на вооружение и хетты, которые в течение XIV в. до н. э. владели обширными равнинами Передней Азии от Персидского залива до самого Средиземного моря. Однако в условиях гористой Микенской Греции использование колесниц в сражениях было неприемлемо. Поэтому представляется, что здесь боевые колесницы — по всей вероятности, более легкие, нежели употреблявшиеся на Востоке, — использовались микенскими ахейцами так, как это великолепно описано [188] в гомеровской «Илиаде», т.е. служили для доставки на поле боя облаченных в тяжелые воинские доспехи знатных ахейских воинов. Для этой же цели их применяли, по всей вероятности, и пилосские гекветы.

Очевидно, в Микенской Греции существовали и другие способы использования боевых колесниц. Наличие сети дорог, остатки которых до сих пор хорошо видны, например, в Арголиде (мост через русло ручья возле Микен, дорога с мостами между Навплионом и Эпидавром), в Мессении (дорога от Каламаты до Пилоса) и в районе Кносса, позволяет сделать вывод о широком использовании колесниц в невоенных целях. Это подтверждает, в частности, и фреска из Тиринфа с изображением колесницы, которой управляют две женщины. Таким образом, в условиях Эгеиды колесницы, несомненно, имели весьма широкое применение и стали неотъемлемой частью быта высших слоев микенского общества.

Но вернемся к вопросам военного дела в Микенском мире. Какого уровня мог достичь военный потенциал микенских ахейцев, лучше всего показано в гомеровской «Илиаде». Описание ахейского флота (так называемый «Каталог»), отправившегося под Трою в составе 1186 кораблей из 29 областей Греции, составляет содержание значительной части второй песни «Илиады» (стихи 484-785) и включает 146 топонимов, 46 имен военных вождей и 16 названий различных греческих племен. Поскольку из других источников (письменных и памятников изобразительного искусства) известно, что экипаж микенского корабля составлял около 50 человек, «Илиада» дает сведения о громадных воинских силах, насчитывавших приблизительно 60 тыс. человек.

«Каталог» микенских кораблей, отправившихся за военным счастьем под Трою, является уникальным документом. ¹²⁷ Им занимались еще античные географы, историки и толкователи Гомера подобно тому, как десятки современных ученых неоднократно предпринимали попытки проанализировать и истолковать его самым тщательным образом. Большинство исследователей склоняется сегодня к мысли, что речь идет об исключительно древнем литературном произведении, возникшем, вероятно, еще во время, весьма близкое Троянской войне. В отличие от повести о Троянской войне и гнев Ахилла, которая передавалась на протяжении веков из уст в уста поколениями эпических певцов (причем некоторые из них вносили свои дополнения, пока гениальный сказитель Гомер [189] не придал всему повествованию определенную художественную форму), «Каталог» фактически сохранился в своем изначальном виде со времени его возникновения. По мнению некоторых исследователей, он даже рисует картину микенского мира времени Троянской войны и, в сущности, отображает состояние вещей в момент, когда греческие корабли собрались в ожидании попутного ветра в Авлиде на побережье Беотии. Однако другие исследователи склонны считать, что отображаемая в «Каталоге» ситуация имела место примерно на 50, а то и на 100 лет позже и уже носит отпечаток бурных событий после падения целого ряда микенских центров. В этом случае «Каталог» следовало бы датировать второй половиной XII в. до н. э.

Но так или иначе, исключено, что «Каталог» был создан лишь в VIII в. до н. э., когда «Илиада» уже получила свой непревзойденный облик благодаря обработке Гомера: в «Каталоге» имеется целый ряд сведений географического порядка, уже не соответствовавших тогдашней действительности. Согласно результатам последних исследований, 70% упомянутых в «Каталоге» городов можно считать микенскими поселениями, хотя около 40 топонимов невозможно идентифицировать топографически и поныне. При этом в «Каталоге» упоминаются города, о которых известно, что они существовали в микенскую эпоху, но во времена Гомера уже были оставлены жителями, как, например, Пилос в Мессении. Именно упоминание о Пилосе должно свидетельствовать о возникновении «Каталога» до 1200 г. до н. э.

С другой стороны, «Каталог» не мог возникнуть *задолго до* 1200 г. до н. э., и не только по той причине, что это было время, предшествующее Троянской войне, но также потому, что в нем не содержится упоминания о Фивах, которые были разрушены приблизительно во второй половине XIII в. до н. э. в результате братоубийственной войны между ахейскими греками Беотии и Арголиты. В пользу более «низкой» даты — между 1150—1100 гг. до н. э. должны были бы говорить многочисленные упоминания о беотийцах, приход которых в область, где ранее господствовали ахейские Фивы, датируется только второй половиной XII в. до н. э.

«Каталог», несомненно, возник как произведение мифологического содержания, стихотворная форма которого должна была способствовать лучшему сохранению в памяти преданий о великих исторических событиях. Стихи [190] получили характер канонического списка, который декламировался слово в слово: без дословного заучивания целостность была бы, несомненно, нарушена и перестала бы передавать точную информацию. Кроме того, сам по себе этот список (в силу своего исключительно описательного характера) не представлял достаточных возможностей для последующего творческого усовершенствования.[±]

«Каталог» помещен во второй песне «Илиады», т.е. перед описанием боев, которые вели греки на десятом году войны, и сразу же после рассказа о ссоре Ахилла и Агамемнона. В стихах, непосредственно предшествующих «Каталогу», говорится, как ахейцы готовятся к битве, после чего сказитель взывает к музам, чтобы те помогли ему перечислить «всех

приходивших под Трою ахейн» («Илиада», II.492). В целом содержащиеся в «Каталоге» сведения представляют собой перечень военных сил ахейцев по состоянию лет на десять раньше описываемых событий; поэтому Гомер вынужден рассказывать кое-где о персонажах, которых в то время «уже черная держит могила» («Илиада», II.699), и при случае вводить в «Каталог» те или иные пояснения. Так, в стихах 687-694 мы встречаем упоминание о временном самоустранении из Троянской войны Ахилла, поскольку он находился тогда в ссоре с Агамемноном из-за того, что Агамемнон отобрал у него прекрасную пленницу.

Внести в «Каталог» эти дополнительные сведения не составляло для Гомера особого труда. Однако при этом от его внимания ускользнули некоторые существенные противоречия между «Каталогом» и прочими частями «Илиады». Например, в «Каталоге» упоминается ряд имен воинов, о которых в «Илиаде» ничего не говорится. Так, о 10 из 46 упомянутых в «Каталоге» главных вождей мы не встречаем больше упоминания ни в одном из 15 тыс. стихов «Илиады». И наоборот, в «Каталоге» отсутствует упоминание о таких героях, как Патрокл, Тевкр или Антилох, играющих в «Илиаде» весьма важную роль, а Патрокл — даже одну из ключевых.

Таким образом, «Каталог» определенно не был создан как составная часть «Илиады». Он принадлежит той же эпической традиции, однако эта последняя выступает в «Илиаде» и в «Каталоге» на различных уровнях своей эволюции. В основу обоих произведений положены события одного и того же исторического и географического плана, имевшие место около 1200 г. до н. э. или вскоре после [191] них. Но поскольку «Каталог» сохранился в практически неизменной форме и представляет собой, по существу, древнейшее из дошедших до нас произведений греческой литературы, он был лишь соответствующим образом прокомментирован Гомером, а в языковом плане несколько модифицирован в духе новой эпохи. Собственно же «Илиада» является результатом длительной работы многих поколений певцов над традиционным повествованием о Троянской войне.

Отметим, что информация, содержащаяся в «Каталоге», не совпадает полностью со сведениями текстов табличек линейного письма из Пилоса. Последние трижды дают перечень девяти городов (Cn 608, Jn 829, Vn 20), несомненно занимавших важное положение в государстве Нестора. Любопытно, что и у Гомера число девять часто выступает при упоминании о Пилосе. Так, в «Каталоге» («Илиада», II.591 и далее) Нестор назван предводителем войск перечисленных поименно девяти населенных пунктов, а в «Одиссее» (III.3 и далее) он во главе девяти групп подвластного ему народа приносит на морском берегу жертву богу моря Посейдону. Отличие состоит в том, что топонимы на трех упомянутых пилосских табличках и в «Каталоге» совпадают только в одном случае и при этом не вполне определено. В текстах других пилосских табличек выступают еще три топонима, фигурирующие в «Каталоге», и прежде всего название Pulos, как первоначально звучало слово «Пилос».

Эти несоответствия существенным образом усиливают позиции тех ученых, которые считают, что сведения «Каталога» отображают ситуацию, сложившуюся приблизительно в конце XII в. до н. э., когда на Пелопоннесе уже появились дорийцы, а ахейские беженцы из южных и восточных областей Пелопоннеса переселились на север и северо-запад полуострова, в результате чего более точные сведения топографического характера о Пилосском царстве канули в забвение.

С «Каталогом» ахейских кораблей, объем которого составляет более 300 стихов («Илиада», II.484-785), перекликается «Каталог» троянских союзников, который

существенно короче и составляет неполных 100 стихов («Илиада», II.786-877). В нем содержатся сведения о 15 городах и областях. При этом даются сопутствующие описания гор и рек. Поименно здесь перечислено 26 предводителей войск, о многих из которых (восьми) в «Илиаде» опять-таки нет нигде больше упоминаний. И наоборот, [192] некоторые прославленные греки, воевавшие на стороне троянцев, вообще не упоминаются в «Каталоге». Эти и некоторые другие обстоятельства дают основание полагать с достаточной степенью уверенности, что «Каталог» троянских союзников также первоначально не являлся составной частью «Илиады», а представлял собой самостоятельное произведение, версифицированное с целью более легкого его запоминания. Тот факт, что этот перечень не отмечает присутствия на малоазийском побережье к югу от Трояды греков-ионийцев (позднейший ионийский Милет здесь еще назван поселением племени карийцев), можно рассматривать как доказательство того, что и «Каталог» троянских союзников был составлен до 1000 г. до н. э., т.е. во время, предшествующее так называемой ионийской колонизации западного побережья Малой Азии. В сущности, здесь мы имеем дело с кратким обзором знаний последних поколений микенских греков о Трояде и некоторых других областях Малой Азии, а также о фракийском побережье Эгеиды, обитатели которого также были союзниками Трои. В этой связи следует отметить, что более подробные сведения о землях Малой Азии (кроме самой Трояды) относятся только к области Милета, где с древнейших времен, по-видимому, среди местного населения жили и микенские колонисты, а также к окрестностям Сард в Лидии, где порознь встречаются довольно многочисленные образцы импортированной микенской керамики.

В заключение скажем, что Микенский мир не был столь мирным, как минойский Крит. Об этом свидетельствуют не только укрепленные микенские центры, ярко контрастирующие с лишенными укреплений дворцами Крита, но и гробницы ахейских воинов, появившиеся в округе Кносса вскоре после того, как в Кноссе обосновались микенские ахейцы. В этих гробницах обнаружено микенское оружие, представляющее собой прямые аналоги предметам того же времени, найденным в материковой Греции, в частности в археологическом комплексе Дендры. Это еще не означает, что ахейцы добились господства над Кноссом не иначе как в результате военного вторжения, но военные походы были настолько присущи образу жизни высших слоев ахейского общества, что и на Крите их представители брали с собой в могилу доспехи в качестве необходимого атрибута своего могущества. Такой образ жизни был причиной того, что вместе с купцами в заморские странствия зачастую отправлялись на поиски [193] приключений отряды ахейских воинов, а торговля тесно соприкасалась с пиратством и захватом прибрежных поселений.

[121] О микенском оружии см.: *Snodgrass A. M.*, 1967. О военной организации Пилосского царства см.: *Chadwick J.*, 1976a, с. 159 и сл.

[122] *Chadwick J.*, 1976a, с. 173 и сл.

[123] *Chadwick J.*, 1976a, с. 163.

[124] О цитах, использовавшихся в Эгейском мире, а также об их реминисценциях в эпической поэзии см.: *Гесиод. Щит Геракла* (Перевод с древнегреческого, вступительная статья и примечания О. П. Цыбенко). — ВДИ. 1985, №3, с. 203-206. (Примеч. пер.)

[125] *Chadwick J.*, 1976a, с. 168.

[126] Об использовании боевых колесниц в Микенском мире и соседних странах см., например: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык... Т. 2, с. 544-561, 717-738; *Кожин П. М.* [Кносские колесницы](#). — Археология Старого и Нового Света. М., 1966; *Поплинский Ю. К.*, 1978, с. 118-119; *Горелик М. В.* [Боевые колесницы Переднего Востока III—II тысячелетий до н. э.](#) — Древняя Анатолия. М., 1985, с. 183-201; *Ковалевская В. В.* Конь и всадник. М., 1977. (*Примеч. пер.*)

[127] О «Каталоге кораблей» см.: *Hope Simpson R., Lazenby J. F.*, 1970. (См. также: *Гордезиани Р. В.*, 1978, с. 72, 170-173; *Андреев Ю. В.* Политическая география гомеровской Греции. — Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 128-151. — *Примеч. пер.*)

± Альтернативную точку зрения см., например, у Л.С. Клейна: ["Каталог кораблей: структура и стратиграфия"](#). *HF*

Глава 14. Религия и культ

Определить основные характерные черты микенской религии пытались уже многие исследователи, однако до сих пор эта задача не может считаться решенной.¹²⁸ Вплоть до дешифровки линейного письма Б все соображения на этот счет основывались либо на интерпретации памятников материальной культуры, либо попросту на анализе данных, относящихся к более поздним этапам истории греческой религии. В определенной степени такой путь, может быть, и является продуктивным, но делать выводы о религиозных воззрениях лишь на основании памятников материальной культуры — это все равно, что исследовать христианское учение, основываясь только на анализе памятников христианского искусства.

Проследить микенские начала греческой религии, безусловно, задача чрезвычайно сложная. Сегодня не приходится сомневаться в том, что ключ к решению этой проблемы кроется в изучении религиозных воззрений Эгеиды позднего бронзового века. Эту точку зрения отстаивал еще в 30-х годах шведский исследователь М. П. Нильсон. При этом религиозные верования эпохи бронзы исходят не из единого источника — в их формировании участвовали по крайней мере два элемента. С одной стороны, это были религиозные воззрения догреческого населения, обитавшего на территории Средиземноморья. Весьма важную роль играло в них женское божество Мать Земля, которое впоследствии встречается у греков в различных местностях и в различных воплощениях. При этом религиозные представления догреческого населения могли, в свою очередь, быть результатом предшествующего взаимодействия различных религиозных верований. Существенную роль, безусловно, играли здесь хтонические (подземные) божества (от греч. *chton* — «земля»), почитавшиеся туземным раннеэлладским населением. Кроме того, здесь мы встречаем культы восточного происхождения, и прежде всего — специфические критские культы. Вторым основным элементом была религия индоевропейских пришельцев, главной фигурой в которой являлся Зевс — бог ясного неба, [194] а в более поздних представлениях греков — владыка олимпийских богов. Индоевропейское происхождение Зевса находит подтверждение в том факте, что его имя выступает в аналогичных языковых формах в религиозных системах прочих индоевропейских народов: гипотетическое позднее индоевропейское **djeus* перешло в греческом языке в *Zeus*, в древнеиндийском

(санскрите) — в Dyaus-pita «отец Дияус», а в латинском — в Iuppiter (первоначально «отец» — [D]ju). Равным образом индоевропейское происхождение имеет имя бога Диониса. Его первоначальной формой было Diwos-sunos, т.е. «сын Дия», из которой затем возникло промежуточное Diwonus (s)os, засвидетельствованное уже в микенском диалекте.

Что же касается имен прочих олимпийских божеств, то ни об одном из них нельзя с полной уверенностью сказать, что в своей окончательной форме оно является индоевропейским. Напомним, что всего олимпийских богов (вместе с Зевсом) было двенадцать:¹²⁹ Зевс, Посейдон, Гермес, Аres, Аполлон, Гефест, Дионис, Гера, Артемида, Афродита, Афина, Деметра. Существует гипотеза, согласно которой имя Demeter (первоначально Dameter) означает «Мать Земля» (da = греч. ga — «земля», а meter — «мать»), а имя Посейдон (первоначально Poteidaon) — «Владыка (или супруг) Земли» (potis, posis — «супруг», а da/ga — «земля»), однако убедительных доказательств в пользу тождества слов da и ga определенно не хватает.

Много сведений о микенской религии дает прежде всего греческая мифология, а также сопоставление греческой религии классической эпохи с данными, полученными на основе анализа как мифологической традиции, так и памятников материальной культуры. Полученная в результате такой реконструкции картина ранних греческих религиозных верований становится начиная с 50-х годов нынешнего века в отдельных своих деталях все более ясной благодаря использованию результатов интерпретации линейных текстов.

Чрезвычайно важные сведения о микенских божествах сообщает кносская табличка V 52, состоящая к настоящему времени из двух более крупных и одного мелкого фрагментов, остальные части таблички утрачены. Перед изумленными дешифровщиками, прочитавшими в 1952 г. тексты линейных табличек с помощью предложенного М. Вентрисом ключа, предстали хорошо известные имена четырех греческих божеств:

1) a-ta-na-po-ti-ni-ja — [Athana Potnia («Владычица [195] Афина»), что имеет соответствие в часто встречающихся у Гомера сочетаниях слова potnia с именами женских божеств (например, potnia Hete), а иногда и высокопоставленных женщин;

2) e-nu-wa-ri-jo — [Enuwalios (позднее Enyalios) — речь идет об имени божества боевого неистовства и боевых кличей — Эниалия, иногда отождествлявшегося с богом войны Аресом;

3) pa-ja-wo [Paiawon, выступающий у Гомера как целитель богов Paieon (позднее Paian или Paion), иногда отождествлявшийся с Аполлоном, причем его имя зачастую являлось эпитетом Аполлона;

4) po-se-da [, окончание слова повреждено, но не вызывает сомнений, что речь идет о боге моря Посейдоне, первоначальной формой имени которого было Poteidaon, а в так называемых южногреческих диалектах, к числу которых принадлежал и микенский, — Poseidaon.

Со временем был найден упомянутый выше малый фрагмент таблички, который позволил заменить слово pa-ja-wo более полной его формой pa-ja-wo-ne и тем самым было убедительно доказано, что все перечисленные имена стоят в дательном падеже единственного числа. Кроме того, на торцевой стороне таблички удалось прочитать слово e-ri-nu-we — Erinuwei, что является дательным падежом от Erinus (в классическом

греческом *Eṛinys* — «Проклятие»). В греческой мифологии так называли души убитых, которые преследовали врага, мстя за убийство.

При этом рядом с именами двух первых божеств сохранилось числовое обозначение «1», а за двумя другими именами в первоначальном, неповрежденном тексте также следовало определенное число. При беглом рассмотрении представляется, что табличка V 52 содержит сведения, вероятно касающиеся какого-то жертвоприношения, предназначавшегося упомянутым божествам, и при этом всегда в количестве одной единицы. В то же время текст написан столь тщательно, что, по мнению Дж. Чедуика, не исключено использование этой таблички в качестве учебного материала для упражнений в искусстве письма.¹³⁰ Но как бы то ни было, в обоих случаях табличка представляет для нас несомненную ценность: она является доказательством того, что Афина и Посейдон, т.е. двое из наиболее почитаемых олимпийских божеств, занимали (наряду с прочими) место в микенском пантеоне.

И уж ни в коем случае не носит характер письменного [196] упражнения текст пилосской таблички Tn 316 — один из наиболее спорных в настоящее время линейных текстов. Речь идет о довольно крупной табличке, исписанной (правда, с некоторыми пробелами) с обеих сторон. Не возникает сомнений, что табличка составлялась в большой спешке, мы видим здесь прочерченные строки, заготовленные для последующих записей, которые так и остались ненаписанными, да и сделанные записи местами не поддаются прочтению. Детальный эпиграфический анализ таблички показал, что писец начал писать на одной ее стороне, а затем, словно недовольный своей работой, стер все записи и начал писать заново на оборотной стороне. Здесь он заготовил 16 строк для текста, но заполнил только 10, затем снова перевернул табличку и стал писать на выровненной стороне и там опять заготовил 10 строк, из которых заполнил текстом только 6, после чего прервал запись и только внизу справа в спешке добавил несколько непонятных знаков. Что явилось причиной такой поспешности? Не содержится ли ответ на этот вопрос в самом тексте таблички?

Табличка Tn 316 начинается словом *ro-ro-wi-to-jo*, в котором усматривают родительный падеж единственного числа от названия месяца *Plowistos*, т.е. «месяца, в котором выходят в море», — очевидно, одного из весенних месяцев. Греция расположена на Средиземном море, и поэтому навигационный период длится здесь не круглый год: мореходы впервые выходили в море после окончания периода зимних бурь — приблизительно во время весеннего равноденствия. Текст состоит из четырех частей, каждая из которых начинается линейными знаками *ru-ro*, что является графическим написанием топонима *Pulos* (более древнее название Пилоса).

Содержание отдельных частей текста таблички не вполне ясно, но создается впечатление, что речь идет о каком-то религиозном обряде — вероятно, о жертвоприношениях (в тексте встречается греческое слово *phero* — «несу») целому ряду божеств. Так, уже первый параграф сообщает: «Владычице — один золотой сосуд, одна женщина», а следующие четыре слова также являются именами божеств, каждому из которых приносится по одному сосуду, а в двух случаях также по одной женщине. Подобные сведения содержит и завершающая часть текста таблички — отличие состоит только в именах божеств. В двух случаях, когда речь идет о мужских [197] божествах, им приносится не женщина, а мужчина (по одному в каждом случае).

Эти данные заставили выдвинуть интересную, хотя и вызывающую дрожь гипотезу, согласно которой речь идет о фиксации факта человеческих жертвоприношений. Существование таковых в Микенской Греции в общем-то не должно вызывать удивления.

Достаточно вспомнить, что предводитель похода греков на Трою царь Микен Агамемнон принес в жертву оскорбленной им богине Артемиде свою дочь Ифигению, чтобы богиня ниспослала попутный для отплытия к Трое ветер. Представляется, что правильность подобной гипотезы могут подтвердить и находки человеческих костей вблизи некоторых микенских гробниц.

Это проливает новый свет на обстоятельства, при которых была составлена табличка Tn 316. Поспешность писцов, человеческие жертвоприношения различным богам и в особенности тот факт, что в группе из пяти других пилосских табличек содержатся сведения о подготовке военной охраны побережья, а на других табличках — о сборе металла с целью последующей его переработки, — все это так или иначе указывает на то, что Пилосу угрожала какая-то смертельная опасность; вопрос стоял о самом его существовании, и у писца уже не было времени переписывать или хотя бы исправлять текст таблички. Если при этом вспомнить, что все найденные таблички датируются последними месяцами существования Пилосского дворца, то естественно напрашивается мысль, что по крайней мере некоторые из них были составлены в самые последние дни перед катастрофой. Весьма вероятно, что к их числу относится и табличка Tn 316.

Но вернемся к содержанию текста таблички, в частности к сведениям о божествах, которым предназначаются жертвенные дары. На каждой из четырех частей таблички записаны сведения, касающиеся определенной группы богов и богинь, несомненно связанных с тем или иным местом отправления культа. Первое из них расположено в местности, называемой Сфагианес, входившей, согласно свидетельству текстов прочих табличек, в округ Пилосского дворца. Вторая группа данных относится к местности, называемой Посидайон, т.е. к культовому округу Посейдона. Более точная локализация третьего участка неясна, четвертая же группа сведений касается культового округа Зевса.

Всего на табличке упомянуто 14 божеств, каждому из [198] которых поименно, жертвуются в общей сложности 13 золотых сосудов и 10 человек (двое мужчин и восемь женщин). Как ни странно, в списке божеств, которым предназначаются дары, отсутствует Посейдон, однако появляется его женский аналог — Посидаэя (в текстах на греческом языке более позднего времени богиня с таким именем вообще не засвидетельствована). Из олимпийских божеств упомянут Зевс (вместе с его малоизвестным женским аналогом Дивией), а также Гера и Гермес (последний с эпитетом *Areias*, напоминающим имя бога войны Ареса). О богине, выступающей здесь под именем Потнии («Владычица»), ничего более подробно сказать нельзя: это попросту «Владычица» (округа Сфагианес), которая была хорошо известна современникам. Некоторые другие имена божеств вызывают у нас определенные мифологические реминисценции и по крайней мере могут быть довольно хорошо интерпретированы на основе греческого языка. Это, однако, не исключает вероятности того, что речь может идти и о догреческих божествах, получивших греческие имена в результате перевода или каким-либо иным образом. Так, имя Ифемедея напоминает об Ифимедее¹³¹ — женщине, родившей Посейдону двух сыновей, как о том рассказывает Гомер («Одиссея», XI.305-307). Имя *Trishegos* («Трижды герой») образовано аналогично целому ряду более поздних греческих культовых имен (ср. Гермес Трисмегистос — «Гермес трижды величайший»).

Таким образом, в тексте таблички Tn 316 прослеживается, с одной стороны, определенная преемственность между верованиями микенской эпохи и последующих периодов истории греческой религии, а с другой — присутствуют имена богов, совершенно неизвестных в более позднее время. В микенском мире весьма широко почитались различные местные божества, большей частью догреческого происхождения.

К аналогичным выводам приводит и анализ текстов отдельных серий табличек, содержащих подробные сведения о жертвоприношениях тем или иным божествам и о различных культовых отправлениях. Наиболее богатую информацию дают тексты табличек серии F, регистрирующие жертвенные дары, каковыми являлись оливковое масло и благовония, — прежде всего подгруппа Fs текстов из Пилоса и подгруппа Fr текстов из Кносса. Представляют интерес также тексты других подгрупп, в особенности тех, которые содержат сведения о жертвоприношениях [199] различного рода и при этом зачастую в огромных количествах. Так, на пилосской табличке Un 2 содержатся сведения, которые можно рассматривать как информацию о культовом жертвоприношении пилосского властителя. Для этой цели было выделено следующее количество земледельческих продуктов и скота: 1574 л ячменя, 14,4 л кипера (растение, экстракт которого добавлялся в качестве ароматического вещества к маслам и мазям), 114 л муки, 307 л маслин, 9,6 л меда, 96 л смокв, 1 бык, 32 барана, 4 козы, 7 поросят, 585,6 л вина, а кроме того, другие, точно не определенные дары. Из текстов этих и некоторых других табличек явствует, что наиболее почитаемым в Пилосе был Посейдон — божество, власть которого первоначально распространялась на более широкую сферу, чем одна только морская стихия, как это имело место в Греции классического периода. В Пилосе Посейдон был божеством, значительно превосходившим по своему значению Зевса, упомянутого только на табличке Tn 316. В свете данных пилосских табличек Посейдон представляется божеством, которому выделяется наибольшее количество различных жертвоприношений — от скота и продуктов земледелия до текстильных изделий, включая масла и благовония. Кроме того, Посейдон имел свой собственный священный округ и жрецов. О столь же значительном почитании этого бога интересным образом свидетельствует и вступительная часть III песни гомеровской «Одиссеи». Сын Одиссея Телемах во время странствий, предпринятых им с целью узнать о пропавшем без вести отце, прибывает к берегам Мессении в Пилос и встречает там Нестора и его подданных в том момент, когда они справляют празднество в честь Посейдона. Значимость Посейдона в культовой жизни Пилоса получила отражение и в легендарной родословной пилосских властителей: отец Нестора Нелей по греческой мифологии был сыном Посейдона.

В отличие от Пилоса главное божество Кносса было, по всей вероятности, женским. Иногда оно выступает под именем Потнии, что значит «Могущественная». Это слово индоевропейского происхождения родственно латинским *possum* — «мочь», *potestas* — «власть», греческому *posis* — «супруг» и обычно переводится как «Владычица». (В данном случае речь идет о верованиях, аналогичных религиозным воззрениям французов, называющих Деву Марию *Notre Dame* — «Госпожа наша».) Несмотря на индоевропейское происхождение этого имени, речь, бесспорно, идет о догреческом божестве, получившем [200] греческое имя в результате перевода его изначального имени. Это божество, несомненно, было эгейским аналогом различных восточных богинь — таких, как фригийская Кибела, называемая «Великой матерью богов», сирийско-финикийская Астарта и др., и являлось в целом ряде божественных воплощений, носивших различные имена. При этом имя Потния засвидетельствовано не только в текстах линейных табличек из Кносса, но также весьма часто встречается в Пилосе, а изредка и в Микенах и Фивах. Возможно, что не всегда во всех этих случаях имя Потния обозначало одно и то же божество.

В текстах табличек это имя выступает в некоторых особых сочетаниях. В ряде случаев оно зафиксировано в качестве постоянного эпитета имени собственного: *Athana Potnia* — «Владычица Атана» (Кносс), *Sito Potnia* — «Владычица Сито». В последнем случае речь идет о богине плодородия Деметре, имевшей в Греции классической эпохи культовый эпитет Сито, производный от греческого *sitos* — «хлеб».

Иногда имя Потния сопровождается пояснительным определением в форме прилагательного или же существительного в косвенном падеже. Сюда относится, например, словосочетание *Daburinthoio Potnia* — «Владычица лабиринта» (Кносс), обозначающее богиню-покровительницу Кносского дворца, известного под названием *daburinthos* или *laburirithos*.¹³² Особенно много подобных случаев употребления родительного (или дательного) падежа существительного засвидетельствовано в текстах из Пилоса, но, к сожалению, поясняющее определение зачастую непонятно. Некоторые исследователи относят сюда и упомянутый выше эпитет Деметры, истолковывая его как *Siton* (родительный падеж множественного числа) *Potnia*, т.е. «Владычица хлебов». Равным образом другие микенологи усматривают родительный падеж и в сочетании *a-ta-na-ro-ti-ni-ja*, толкуя его как *Athanas Potnia*, т.е. «Владычица Атаны». Вряд ли можно согласиться с утверждением, что это имя обозначает Афины (греч. *Athenai* является множественным числом и первоначально имело форму *Athanaï*). Впрочем, контакты между Критом и Афинами существовали издревле (достаточно вспомнить о победе Тесея над Минотавром), так что это предположение не может считаться совершенно лишенным основания. Однако против толкования «Владычица Атана» можно возразить, что древнейшей формой имени богини Афины было *Athanaia*, т.е. «афинская». [201]

Иногда имя Потния выступает в сочетании с пояснительным эпитетом, как, например, *Potnia Hikkweia* — «Конная Владычица», «Владычица коней» (Пилос). Заслуживает внимания то обстоятельство, что и в классической Греции засвидетельствовано почитание женского божества с конскими атрибутами, например *Athena Hippia*.

Несколько раз имя Потния выступает самостоятельно (в Пилосе, Микенах и Фивах), в особенности в тех случаях, когда более конкретную характеристику божества дает стоящий рядом топоним. Со своим самостоятельным значением это имя засвидетельствовано в Фивах, где на табличке Of 36 читаем *ro-ti-ni-ja wo-ko-de*, что можно, вне всякого сомнения, толковать как *Potnias woikonde*, т.е. «в дом (храм) Владычицы». Однако ответить на вопрос, о какой богине идет речь в данном случае, невозможно.

Следует отметить, что с божеством, именуемым Потния, каким-то не совсем ясным образом связана информация о пилосских кузнецах. Эти сведения имеют весьма интересные аналоги в исследованиях, касающихся области материальной культуры. Установлено, что некоторые культовые пещеры Крита использовались в качестве кузнечных мастерских; кроме того, недавно У. Тейлор обнаружил на культовом участке Микенской крепости кузнечную мастерскую в непосредственной близости от того места, где была открыта фреска с изображением женщины.

Вероятно, прочитанное в тексте одной из пилосских табличек словосочетание *Matrei theiai* — «Божественной матери» (дательный падеж) следует расценивать как упоминание о том же древнейшем женском божестве Эгеиды, выступавшем (хотя и в различных воплощениях) под именем Потнии и с самого начала, несомненно, тождественном критской богине Рее, которую греческая мифология называет матерью Зевса. Супругом Реи был отец Зевса Крон, известный тем, что он пожирал собственных детей. Зевс убил Крона и стал владыкой богов и людей. То, что ахейские греки сделали Зевса сыном Реи, имело глубокий смысл: не Крон, а Рея была подлинной владычицей в древнем Эгейском мире, где элементы существовавшего некогда матриархата играли значительно более важную роль, чем в патриархатном мире индоевропейских ахейцев. Только благодаря установлению родственных связей с Реей индоевропейскому Зевсу¹³³ удалось получить божеские почести. При этом Зевс был еще вынужден сделать своими братьями древних эгейских богов Посейдона и Аида¹³⁴ и доверить им власть над морем (Посейдону) и

подземным [202] царством (Аиду), а также провозгласить некоторые другие божества своими сыновьями и дочерьми, как, например, Афины — древнейший афинский аналог богини Реи. В дальнейшем Рея стала пользоваться славой матери Зевса, а Зевс получил власть над Эгейским миром и над «своей», образовавшейся в результате таких перемен семьей олимпийских богов.

Как было сказано выше, тексты линейных табличек никоим образом не отображают еще той стадии развития верований, когда Зевс всевластно царит на Олимпе над богами и людьми. В Пилосе Зевс упоминается хотя и дважды, но только в тексте одной таблички. Здесь он имел свою святыню, называемую Дивион. В Кноссе Зевс упоминается в текстах целого ряда табличек, но всегда только вскользь: на табличке Fr 1 он назван в числе десяти божеств и при этом даже на первом месте, но ему выделяется лишь незначительная часть пожертвованного количества оливкового масла. Интересно, что здесь он упомянут как *Zeus Diktaios* — «Зевс Диктейский». Тем самым уже в тексте на кносской табличке времени около 1380 г. до н.э. получает подтверждение микенское происхождение античной традиции, помещавшей место рождения Зевса в пещере на горе Дикта. Очевидно, уже к этой же столь отдаленной эпохе следует относить и завершение процесса, в рамках которого происходит слияние индоевропейского бога ясного неба и владыки грома и молнии Зевса с местным критским божеством плодородия, колыбель которого находилась в Диктейской пещере, а могила — на горе Юкта к югу от Кносса.

В микенском мире Зевс всемогущим владыкой еще не стал. В этой связи неизбежно возникает вопрос, засвидетельствована ли уже в текстах линейных табличек вся совокупность двенадцати олимпийских богов и богинь. Рассмотрим эти божества по порядку.

Об *Афродите*, греческой богине любви и красоты, с самого начала обнаруживающей древние связи с Востоком, тексты линейных табличек не содержат даже малейшего упоминания, несмотря на то, что согласно мифологической традиции она играла чрезвычайно важную роль в событиях, приведших к Троянской войне.

Равным образом нет в линейных текстах и прямого упоминания об *Аполлоне* — боге здоровья и болезней в гомеровском эпосе. На кносской табличке V 52 мы встречаем лишь божество, именуемое *Paḡawon*, с Которым, очевидно, был впоследствии отождествлен Аполлон — божество [203] явно синкретического плана. Впрочем, совершенно неясно, имело ли место это отождествление уже в эпоху, к которой относится табличка.

Арес, греческий бог войны, упоминается в текстах двух табличек и при этом в одном случае, несомненно, в религиозном контексте (странным является здесь только графическое написание а-ге, в то время как следовало а-ге поскольку здесь употреблен дательный падеж). На почитание этого божества в Микенской Греции указывает и ряд производных мужских имен в Пилосе и Кноссе — таких, как *Areios*, *Areimenes* и т. п.

Кроме того, на кносской табличке V 52 засвидетельствовано имя *Enuwalios*, зачастую выполняющее в греческой мифологии функции эпитета Ареса. Могло ли это иметь место около 1400 г. до н. э., опять-таки остается неясным. Скорее всего речь идет о двух различных божествах: в классическом греческом языке *Enuwalios* также выступает иногда как имя более или менее самостоятельного божества боевого неистовства и воинственных возгласов.

Артемида, греческая богиня охоты и владычица природы, упомянута в текстах пилосских табличек несколько раз. Форма этого имени колеблется между *Artemis* и *Artimis* (при этом

на одной более поздней надписи из области Лидия [Малая Азия] оно выступает в форме Artimul, а в родительном падеже — Artemitos вместо ожидаемого Artemidos). Кроме того, к Артемиде имеет отношение текст на одной табличке из Фив, где говорится о выделении шерсти для Амаринфа (Of 25) — топонима, известного в более позднюю эпоху как название важного центра культа Артемиды на западном побережье острова Эвбея, расположенного на незначительном расстоянии от Фив.

Богиня *Афина*, являвшаяся, согласно М. Нильсону, покровительницей дворцов микенских властителей, а в позднейших верованиях греков также дарительницей мудрости и покровительницей наук и ремесел, фигурирует только в тексте упоминавшейся выше кносской таблички V 52. Встречающееся там словосочетание a-ta-na-ro-ti-ni-ja истолковывается как «Владычица Атаны», т.е. «Владычица поселения, называемого Атана».

Имя греческой богини плодородия *Деметры* в текстах табличек отсутствует. То обстоятельство, что в более позднем греческом языке слово «Потния» выступает во множественном числе («Потнии») как общее имя Деметры и ее дочери Персефоны, может вызвать вопрос, означает ли [204] (по крайней мере в некоторых случаях) Потния в текстах линейных табличек богиню Деметру как самостоятельное божество или же как особое воплощение эгейской богини Земли (Геи). Несомненно, что Деметру следует усматривать в богине, именуемой si-to-ro-ti-ni-ja, т.е. Siton Potnia — «Владычица Сито» или Sito Potnia — «Владычица хлебов».

Имя *Диониса*, греческого бога растительности, вина и буйного веселья, дважды засвидетельствовано в текстах из Пилоса, в том числе в целиком сохранившейся форме Diwonusojo (родительный падеж). Однако контекст здесь весьма фрагментарен (Ха 102). В пользу предположения, что речь идет действительно об имени этого божества, приводится то обстоятельство, что в тексте на оборотной стороне этой таблички начертано слово wo-po-wa-ti-si, рассматриваемое как производное от греческого слова (w)oinos- «вино» (Ха 1419).

Имя божественного кузнеца и бога огня *Гефеста* (первоначально Haphaistos) непосредственно в текстах табличек не отмечается. Здесь упоминается только личное мужское имя a-ra-i-ti-jo, что может означать Haphaistios или Haphaistion, т.е. имя, производное от Haphaistos — аналогично тому, как, например, Dionysios является производным от Dionysos.

Имя супруги Зевса *Геры* точно засвидетельствовано по одному разу в Пилосе (на той же табличке, что и имя Зевса) и в Фивах. Отмеченная в Кноссе форма e-га передает, вероятно, какое-то другое имя.

Имя гомеровского вестника богов *Гермеса* было прочитано в форме e-ma-ag, т.е. Harmahas в текстах нескольких пилосских табличек, одной таблички из Кносса и одной из Фив. При этом форма, отмеченная в Кноссе, не имеет вполне однозначной интерпретации.

И наконец, последний из двенадцати олимпийских богов *Посейдон* неоднократно упоминается в текстах табличек из Пилоса и дважды — из Кносса.

Таким образом, в текстах линейных табличек олимпийский пантеон представлен еще не полностью, а Зевс решительно не занимает главенствующего положения среди микенских богов. При этом тексты табличек содержат и имена других богов. Следует вспомнить, что среди памятников линейной письменности встречаются упоминания о жертвенных

подношениях, предназначавшихся сразу «всем богам» (pansi theoihi). Подобная культовая практика немыслима у Гомера.¹³⁵ [205]

Из божеств, не вошедших в более позднее время в число двенадцати олимпийских богов, но засвидетельствованных на табличках, нам уже известны женские аналоги Зевса (Дивия) и Посейдона (Посидаэя), а также Эриния (в единственном числе, в то время как впоследствии говорится обычно о нескольких Эриниях). Кроме того, как мы уже отмечали, некоторые божества, имена которых отмечены на табличках, вообще только с трудом могут быть идентифицированы с богами и богинями, известными в более поздние времена. Но в отдельных случаях линейные тексты, касающиеся менее известных греческих божеств, удивительным образом совпадают со сведениями, полученными из других источников. Так, тексты нескольких табличек из Кносса упоминают в религиозном контексте имя e-ge-u-ti-ja, которое следует истолковывать как Eleuthia и связывать с греческой богиней деторождения, называемой Илифия, Элевфия или Элевфо. В гомеровской «Одиссее» (XIX.188) говорится, что она почиталась на Крите в пещере неподалеку от Амнисса. И действительно, в окрестностях этого бывшего кносского порта археологи не так давно обнаружили культовые пещеры, использовавшиеся начиная с минойского и вплоть до римского времени. Это удивительное совпадение сведений любопытным образом согласуется с тем обстоятельством, что в тексте одной из кносских табличек — в том самом, где говорится об этой богине (Gg 705), — рядом с ее именем упоминается топоним Амнисс.

В тексте на другой кносской табличке (Fr 1) имеется выражение da-da-re-jo-de — Daidaleonde («в дом Дедала»), в котором мы неожиданно встречаем имя Дедала — мифического критского зодчего, якобы построившего для царя Миноса его знаменитый лабиринт. Упомянутое выражение обозначает место, куда следует доставить предназначенное жертвенное подношение. Таким образом, речь, несомненно, идет о культовом сооружении, посвященном или самому Дедалу, или скорее всего какому-то божеству, не названному в тексте таблички по имени, святилище которого являлось, по всей вероятности, творением Дедала.

Интересным образом перекликается выражение anemon(h)iereia в тексте из Кносса с тем обстоятельством, что именно на Крите (а также в Афинах) культ ветров пользовался исключительным вниманием и в более поздние времена.

Сведения такого рода подводят нас к вопросу о том, кто совершал отправления культа в Микенской Греции. В то [206] время как, например, в гомеровских поэмах жрецы и жрицы не играли сколько-нибудь важной роли (обряды совершал, как правило, непосредственно вождь племени или глава семьи), жреческое сословие в свете линейных табличек, как кажется, занимало весьма почетное положение. Наличие понятий hierous — «жрец», hierēia — «жрица» подтверждается десятками примеров. К этой же категории, без сомнения, следует причислять и так называемых «божьих слуг» и «божьих служанок», о которых мы уже упоминали. Культовую подоплеку определенно имеют и некоторые другие обозначения служителей, таких, как (h)ieroworgos — «священнодействующий» (классическое греческое hierurgos) или klawi(d)phoros — «ключница (храма)», выполняющая функции, о которых говорится в гомеровской «Илиаде» (VI.297-304).

В текстах табличек встречаются также некоторые любопытные названия праздников, в той или иной степени поддающиеся идентификации. Достаточно вспомнить хотя бы термин theophoria — «несение богов» (Пилос), т.е. торжественное шествие, в котором проносились священные изображения и статуэтки богов. Сведения о таких культовых обрядах, строго установленных и тщательно выполнявшихся, весьма хорошо согласуются

с нашими нынешними представлениями о самых различных сторонах общественной и экономической жизни Микенской Греции, подчиненной централизованному управлению, рисуя нам картину микенского общества и в этом плане значительно более близкой странам Востока, нежели античной Греции.

Обилие сведений о микенской религии, содержащихся в текстах линейной письменности, явно контрастирует с довольно малым числом объектов, бесспорно определенных как культовые сооружения микенской эпохи. Об их существовании мы практически вообще не имели никакой информации вплоть до недавнего времени.¹³⁶ Было, однако, известно, что определенные культовые отправления совершались в главном зале микенских дворцов, о чем свидетельствуют не только соответствующие места из гомеровского эпоса, но и сохранившиеся остатки интерьера таких залов. Так, в Пилосском дворце в непосредственной близости от царского трона находился комплекс приспособлений сакрального характера с системой отверстий и желобков для культовых возлияний. Важными местами отправления культа во всем микенском мире были и места погребения, в особенности шахтовые и купольные гробницы. Отдельные же сооружения и прочие места, специально [207] предназначавшиеся для отправления культа, не были известны вплоть до 1960 г. Было принято считать, что какое-то отношение к культу имел лишь так называемый «Дом Цундаса» в Микенах, относившийся к комплексу строений, расположенных к юго-востоку от шахтовых гробниц могильного круга А. Здесь были обнаружены остатки сооружения, в котором можно усматривать алтарь для жертвенных возлияний. Однако в 1960 г., прежде чем в непосредственной близости от этого места были сделаны значительно более важные открытия, в Айя-Ирини на острове Кеос Дж. Л. Кескей обнаружил, кроме прочего, продолговатое сооружение размерами 23 * 6 м, внутри которого был найден ряд культовых предметов, в частности уже упоминавшиеся выше глиняные статуэтки числом около 20 (все находки датированы временем около середины XV в. до н.э.). Эти статуэтки, дошедшие до нас фрагментарно, представляют танцующих женщин, одетых в критские колоколообразные юбки с подчеркнуто зауженной талией и в полуоткрытый тесный корсаж с обнаженной по критскому обычаю грудью.

Только в 1969 г. было сделано самое значительное открытие в интересующей нас области. Вблизи «Дома Цундаса» в Микенах У. Тэйлор обнаружил культовый участок XIII в. до н.э., включающий два небольших святилища размерами около 10,5 и 11,5 * 4 м, представлявших собой комплекс из зала и прихожей,¹³⁷ с остатками колонн и центрального очага, с интересными фрагментами фресок культового содержания и более 20 культовыми статуэтками, опять-таки преимущественно женскими, и прочими предметами культа, среди которых, в частности, 17 изготовленных из терракоты змей, множество уложенных в сосуды украшений и фрагменты жертвенников. Статуэтки представлены двумя типами: с одной стороны, это 19 довольно грубоватых мужских и женских фигур высотой до 60 см с цилиндрическими телами, изготовленными на гончарном круге, с гротескными головами, искривленными лицами и невероятно пестрой раскраской, с другой — четыре женские статуэтки меньших размеров, изготовленные и раскрашенные уже значительно изящнее. Последним близка по своему характеру и одна более крупная статуэтка богини с воздетыми по критскому обычаю руками.

Одни статуэтки находились вместе с жертвенными дарами непосредственно в святилищах, другие найдены на прилегающей территории. Принято считать, что более [208] крупные статуэтки имеют какое-то отношение к культу хтонических, т.е. подземных, божеств и что им приписывались магические функции — либо умиротворения этих божеств, либо нанесения вреда недругам. Статуэтки меньших размеров (и одна близкая к ним по исполнению более крупная) найдены в небольшом помещении с фреской, изображающей женщину, держащую ячменные колосья, что заставляет вспомнить о

греческой богине плодородия Деметре. В святилище, к которому относится это помещение, была найдена также восхитительная по исполнению женская голова из слоновой кости. Здесь, очевидно, почиталось другое божество, по-видимому отличное от божества, почитавшегося во втором — «хтоническом» храме, в котором найдено большинство статуэток с искривленными лицами.

Вспомним, что остатки микенских святилищ были обнаружены также в дворцовом комплексе в Тиринфе и, кроме того, под более поздними культовыми сооружениями в Элевсине и на Делосе, а в последнее время в микенских слоях Филадельфии на острове Мелос.

Все микенские святилища представляют собой сооружения относительно небольших размеров, весьма тесно примыкавшие к участку дворца или жилища. Фактически это соответствует критским традициям, хотя нам неизвестно о существовании в микенском мире святилищ естественного характера, целый ряд которых был открыт на Крите (в частности, в пещерах). Микенские и критские святилища резко отличаются отсутствием четко выраженной монументальности от греческих храмов I тысячелетия до н. э., на возникновении которых явно сказалось влияние Ближнего Востока, в особенности Египта.

Формы микенского религиозного культа настолько схожи с культовой практикой Крита, что можно даже говорить об эгейском культовом ритуале в целом. Характерной чертой почитания богов во всей Эгее был, например, обряд возлияния различных жидкостей. На это указывают не только находки сосудов для возлияний (так называемые ритоны), зачастую в форме бычьей головы и встречающиеся повсеместно в Эгее, но и использование сложных приспособлений для возлияний, наподобие системы, обнаруженной в Пилосском дворце.

Другой традиционной формой почитания богов было жертвоприношение животных. Изображения их встречаются на самых различных памятниках материальной [209] культуры — например, на резных камнях или на одной из фресок, недавно открытой на культовом участке Микенской крепости. Самым известным памятником подобного рода является знаменитая сцена жертвоприношения на саркофаге из Агия-Триады, датированная приблизительно 1400 г. до н. э.

На фресках и прочих произведениях изобразительного искусства весьма часто прослеживаются и некоторые другие элладско-минойские параллели, касающиеся области культа: тип эгейской колонны, расширяющейся в верхней части, изображения священных растений и деревьев, почитание животных (прежде всего быков, а также, например, змей) и особенно женские образы, идет ли речь об изображении самих богинь или только их жриц. Следует, однако, отметить, что многие из найденных в материковой Греции изделий представляют собой творения именно критских умельцев. Поэтому совсем неубедительны попытки объяснить сходство между найденными на Крите и на материке резными камнями, перстнями и прочими украшениями всего лишь как результат элладско-минойских аналогий. Но с другой стороны, вполне обосновано утверждение, что подобные аналогии прослеживаются и в элладской и минойской фресковой живописи. При этом фресковая живопись материковой Греции характеризуется значительной степенью независимости от минойской как в выборе мотивов (частое обращение к военной и охотничьей тематике), так и в манере художественного исполнения (заметная склонность к схематизации).

Существенное различие между материком и Критом прослеживается в погребениях, поскольку в Микенской Греции и сам культ мертвых, и в особенности формы погребения целиком основываются на местных традициях среднеэлладской эпохи.¹³⁸ В материковой Греции засвидетельствовано три типа захоронений микенского времени: могильные (насыпные) захоронения, ямные погребения (включая сюда их усовершенствованные формы — ящиковые и особенно шахтовые гробницы) и, наконец, камерные гробницы с их наиболее совершенной разновидностью — купольными гробницами, являющимися вершиной строительной техники микенских погребений.

Могильные захоронения, т.е. возвышающиеся над окрестным ландшафтом насыпные погребения, в микенскую эпоху встречаются редко. Они засвидетельствованы только на западе Пелопоннеса и имеют, в сущности, местное значение. [210]

Простейшим типом *ямных захоронений* была вырытая в земле прямоугольная яма, предназначавшаяся для одиночного погребения. Другой тип представлен ямами, выложенными каменными плитами, — так называемыми *ящиковыми гробницами*. Оба типа засвидетельствованы уже в среднеэлладский период, и на их основе на рубеже среднеэлладского и позднеэлладского периодов возникли шахтовые гробницы. Это были глубокие прямоугольные ямы, выложенные снизу слоем мелких камней, а по бокам покрытые каменной кладкой. Погребаемые останки укладывались в яму в небольшом углублении на шкуру животного или деревянный настил, а вокруг складывались погребальные дары. Затем сооружалось защитное покрытие из деревянных брусьев, скрепленных на концах бронзовой оковкой. Сверху на это покрытие укладывали каменные плиты, после чего все оно обмазывалось глиной. В случае необходимости место погребения (например, в могильном круге А в Микенах) отмечалось каменной стелой высотой до двух метров, иногда с рельефными украшениями.

Как уже упоминалось выше, на западном участке Микенского акрополя археологи обнаружили два обширных комплекса захоронений XVII—XVI вв. до н. э. Так называемый могильный круг А, открытый еще в 1876 г. Г. Шлиманом, включал шесть шахтовых гробниц периода 1600—1450 гг. до н. э. (шестую гробницу раскопал в 1877 г. греческий смотритель П. Стаматакис). Этот круг диаметром 27,5 м был включен приблизительно в XIII в. до н. э. в систему укреплений Микенского акрополя и обнесен монументальным кольцом из каменных блоков. Объяснение этому факту, очевидно, следует видеть в том, что эти гробницы являлись объектом особого почитания со стороны правивших тогда микенских властителей как могилы их славных предков.

Второй могильный круг, открытый греческими археологами в 1951 г. и названный могильным кругом Б, насчитывает 24 гробницы и является несколько более древним. Захоронения здесь производились в период около 1650—1550 гг. до н. э. Это место всегда находилось вне укреплений Микенского акрополя. Только 14 из этих гробниц являются шахтовыми, а остальные представляют собой обычные ямные могилы, на которые сверху положен обтесанный камень. Гробницы этого круга, как правило, значительно меньше гробниц, открытых Г. Шлиманом, самая большая из которых имеет размеры 6,55 * 4,1 м при [211] глубине около 4 м, в то время как самая большая гробница круга Б — только 3,8 * 2,8 м при глубине лишь 3,5 м. При этом на участке могильного круга Б обнаружены следы еще более древнего, в значительной степени разрушенного могильного круга, датировать который весьма затруднительно.

Гробницы могильного круга Б более просты, а находки в них беднее. Здесь обнаружена главным образом керамика, а также, хотя и в меньшем количестве, золотые и серебряные сосуды, бронзовые мечи и кинжалы, наконечники копий и прочие предметы вооружения

из бронзы, обсидиана и камня. Из числа сделанных здесь находок необходимо отметить три следующих предмета: маска умершего, изготовленная из сплава серебра и золота, который впоследствии назывался «электрон», линзообразная аметистовая печать с изображением бородатой головы и сосуд из горного хрусталя с ручкой в виде повернутой назад утиной головы.

В шести гробницах могильного круга А обнаружены останки 19 человек (9 мужчин, 8 женщин и 2 детей), захоронение которых охватывает временной период около 150 лет. Некоторые могилы использовались для погребения по нескольку раз, на что указывают находки предметов, значительно отличающихся друг от друга уровнем развития ремесленной техники. Наиболее богатые находки сделаны в могилах № 3, 4, и 5. В могиле № 3 было обнаружено 8 золотых и 1 серебряный сосуд, в могиле № 4 — целых 11 золотых и 5 серебряных сосудов (и прежде всего серебряный ритон с рельефом осажденного города, обороняющегося от вражеского штурма). Кроме того, в гробницах № 3, 4 и 5 было найдено 20 бронзовых сосудов, множество фрагментов керамики и огромное количество самых разных драгоценностей и украшений, изготовленных из благородных металлов и прочих редких материалов (золотые диадемы, браслеты, кольца, каменные печати, шкатулки, кубки и т. п.), а также целый ряд бронзовых мечей и кинжалов, богато инкрустированных золотом, серебром и различными сплавами благородных металлов с изображениями военных и охотничьих сцен, и, наконец, — великолепная коллекция из пяти золотых масок, найденных на лицах знатных покойников. В общей сложности во всех этих гробницах было найдено золотых предметов весом около 14 кг.

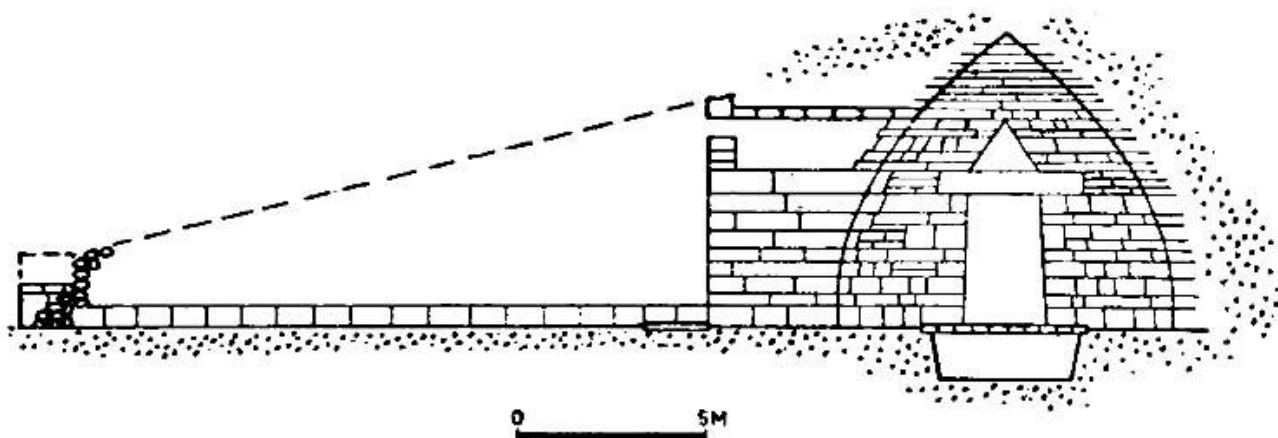
Как уже было сказано, микенские шахтовые гробницы не имеют равноценных аналогов вне самих Микен. [212] Однако некоторые комплексы аналогичных погребений заслуживают хотя бы краткого упоминания. Так, группа из 33 могил, открытых в середине 20-х годов В. Дерпфельдом в Нидри на острове Левкада (Западная Греция), обнаруживает сходство с шахтовыми гробницами как в отношении предметов заупокойного культа, так и тем, что этот комплекс был окружен каменной стеной. Однако погребения здесь значительно беднее и труднее поддаются датировке (несомненно лишь, что они древнее могильного круга Б в Микенах), а связь этого комплекса с шахтовыми гробницами в Микенах сомнительна уже хотя бы вследствие значительной территориальной отдаленности.

Представляется, что шахтовые гробницы Микен были поистине уникальным явлением в раннемикенской погребальной архитектуре. В других областях материковой Греции в это время получает распространение иной способ захоронений. В особенности это касается раннемикенских погребальных сооружений на Западе Мессении — прежде всего насыпных могил и купольных гробниц в Клеиди и Перистерии, где были найдены предметы, обнаруживающие удивительное сходство с находками из шахтовых гробниц Микен. Гробница в Клеиди, открытая в 60-х годах греческим археологом Н. Ялурисом, представляет собой насыпную могилу, в которой найдено около 120 глиняных сосудов, весьма напоминающих керамические изделия из шахтовых гробниц. Вблизи Перистерии С. Маринатос проводил в 60-х годах исследования трех купольных гробниц, одна из которых предоставила в распоряжение археологов чрезвычайно ценную коллекцию сосудов, оставшихся незамеченными грабителями могил.¹³⁹ Было выдвинуто предположение, что найденные здесь изделия из золота принадлежат той же школе золотых дел мастеров, что и золотые предметы из шахтовых гробниц Микен.

Купольные гробницы, которые уже в XVI в. до н. э. были в Мессении преобладающей формой захоронений для лиц знатного происхождения, становятся начиная с XV в. до н. э.

основным типом погребальных сооружений в Микенах, а затем и повсеместно в материковой Греции.

В архитектурном плане купольные гробницы представляют собой усовершенствованный тип так называемых *камерных гробниц*, использовавшихся с конца среднеэлладского периода для семейных захоронений. Камерные гробницы — это элладские семейные могилы, вырытые в склоне холма наподобие пещер и соединенные с внешним миром дорогой, полого спускающейся к постепенно [213] сужающемуся месту, которое и являлось входом в гробницу. В плане гробница представляла собой прямоугольник со срезанными углами. Члены семьи опускали покойников на пол гробницы, где заранее были вырыты предназначенные для останков небольшие углубления. С правой стороны гробницы имелись ниши для предметов заупокойного культа.



Микенское купольное захоронение (фолос)

Купольные гробницы (фолосы) сооружались в склонах холмов и были выложены изнутри камнем. В плане эти гробницы круглые и соединяются с внешним миром проходом, выложенным по обеим сторонам каменной кладкой. Такой проход, называемый «дромос», достигал в отдельных случаях до 37 м длины (в так называемой «гробнице Клитемнестры» в Микенах). Вход в гробницу имел (особенно в более поздних фолосах) массивный порог с каменной дверной рамой, иногда украшенной выпуклыми мраморными колоннами. На дверную раму опускали каменный блок, над которым помещалась вытесанная в форме треугольника каменная глыба, разгружавшая наддверную массу. Вход в гробницу закрывала двустворчатая деревянная дверь, ни один из образцов которой по вполне понятным причинам не сохранился.

Гробница в собственном смысле этого слова сооружалась, как правило, в склоне холма недалеко от его вершины. Ее сооружение начиналось с вертикально выкопанной круглой ямы, которая выкладывалась изнутри — за исключением дверного проема — каменными плитами. При этом каждый последующий (сверху) ряд камней выкладывался с таким расчетом, чтобы кладка в конце концов сошлась посередине в одной точке. Одновременно от склона холма рыли проход, у внутреннего конца которого сооружался вход в гробницу, а по обеим сторонам устанавливалась опорная каменная кладка. [214]

Конструкция фолосов прошла эволюцию от примитивных купольных гробниц с довольно простым входом до эффектных сооружений с великолепно решенным входным пространством. Лучшим образцом такого типа является так называемая «сокровищница Атрея» в Микенах, сооруженная, по всей вероятности, в начале XIII в. до н. э. В более

поздних фолосах с правой стороны зачастую встречаются ниши для предметов культового характера.

После совершения обряда погребения дромос засыпали и холм вновь обретал свой первоначальный вид. Лишь на вершине гробницы оставляли холмики из глины, по которым фолосы и распознавались грабителями. Гробница использовалась для захоронений по нескольку раз. При этом, чтобы освободить вход в гробницу, нужно было расчистить дромос от глины.

Как уже было сказано, фолосы сооружались фактически на протяжении всего времени расцвета микенской цивилизации. Древнейшим из них является гробница «Осман Ага» в Мессении у Наваринского залива, датируемая XVI в. до н. э. Ненамного младше и другие мессенские фолосы, как, например, упоминавшиеся выше гробницы в Перистерии. Фолосы же, сооруженные в Микенах, моложе шахтовых гробниц — ни один из них не датируется ранее XV в. до н. э. В общей сложности в районе Микенского акрополя обнаружено девять фолосов. Они датируются XV—XIII вв. до н. э., при этом самые ранние из них были сооружены в то время, когда в отдельных случаях захоронения производились и в шахтовых гробницах могильного круга А. Таким образом, микенские фолосы предоставляют исследователям редкую возможность изучения развития архитектуры купольных гробниц от весьма простых сооружений (к их числу принадлежит так называемая «гробница Эгисфа» неподалеку от Львиных ворот) вплоть до значительно более совершенных, представленных расположенной поблизости от «гробницы Эгисфа» так называемой «гробницей Клитемнестры», а также знаменитой «сокровищницей Атрея», на расстоянии полукилометра к югу. Размеры этой гробницы поразительны: диаметр пола составляет 14,6 м, высота купола — 13,3, высота входа — 5,4, ширина входа — 2,7 снизу и 2,45 сверху, длина дромоса — 36, ширина — 6м.

На сегодняшний день в материковой Греции открыто в общей сложности более 65 фолосов, главным образом на Пелопоннесе и в Средней Греции. Из пелопоннесских гробниц самыми знаменитыми, помимо микенских, являются [215] фолосы Мессении (один из них находится в непосредственной близости от Пилосского дворца Нестора, некоторые другие — несколько далее). Известностью пользуется и фолос, открытый в Лаконии в Вафио (вблизи Спарты). Здесь найден целый ряд ценных предметов, и прежде всего упоминавшиеся выше два золотых великолепно украшенных кубка, изготовленных критским мастером около 1600 г. до н. э. Самым значительным фолосом, найденным за пределами Пелопоннеса, является так называемая «сокровищница Миния» в Орхомене (Беотия), к сожалению разграбленная, как и большинство прочих фолосов. Из числа исследованных фолосов не пострадали от грабителей только три: два в Аργοлиде (в Дендре и Касарме) и гробница представителя знати в Мессении (в Мирсинохори), где найдено десяток мечей и кинжалов, пять каменных печатей, янтарное ожерелье и прочие предметы. Все остальные фолосы разграблены, по меньшей мере частично.

Круглый план фолосов обнаруживает явные аналоги с подобными же гробницами на Крите еще III тысячелетия до н. э., но у тех иная конструкция. Поэтому было высказано предположение, что купольные гробницы являются исконно элладскими сооружениями, появившимися в результате дальнейшей эволюции элладских камерных гробниц, которые, однако, остались более распространенным типом захоронений, имея аналоги, в частности, на Кикладских островах. Специфически элладской считается также находка костных останков двух лошадей, захороненных в фолосе в Марафоне (впрочем, аналог этому имеется на Кипре).

В отличие от фолосов камерные гробницы были значительно беднее и менее привлекали грабителей, по причине чего многие из них остались неразграбленными. Найденные в них жертвенные предметы имеют для нас исключительно большое значение, поскольку предоставляют возможность изучения быта широких слоев микенского общества. Наряду с пестрой палитрой вещей повседневного обихода мы встречаем здесь также различные культовые предметы, пожертвованные простонародьем. Особое место среди них занимают небольшие глиняные фигурки, опять-таки преимущественно женские, с весьма пестрой раскраской. Камерные гробницы встречаются в большинстве случаев группами в количестве около двадцати, что приблизительно соответствовало родовой структуре местного населения. [216]

Следует отметить, что умершим воздавались почести лишь до тех пор, пока еще не закончилось разложение мягких тканей тела. Это видно из того, что при последующих захоронениях как в камерных гробницах, так и в фолосах, более старые останки иногда попросту зарывали в заготовленную для этого яму или же укладывали в крупные сосуды, чтобы освободить место для нового захоронения посреди гробницы. Предварительно совершалось очищение с помощью благовоний, помещавшихся в курильницы с древесным углем, которые находят в этих гробницах в больших количествах.

Наряду с этими обычными видами микенских захоронений встречаются также захоронения в глиняных ларнаках, что засвидетельствовано в Танагре (Беотия) в слоях конца XIII в. до н. э. и является результатом критского влияния. В отдельных случаях на них уже встречаются изображения умерших, что, очевидно, было элладским нововведением и стало прообразом аналогичных мотивов на античных сосудах I тысячелетия до н. э.

Из нашего рассказа о микенской религии явствует, что религиозные воззрения микенцев формировались под сильным влиянием Крита, но отличались при этом ярко выраженными элладскими чертами. Это была, несомненно, политеистическая религия; значительную роль играли в ней женские божества, подчеркнуто выделен был аспект плодородия. Формы культа в большинстве случаев существенно не отличались от критских, однако почитание усопших предков проводилось явно в соответствии с местными элладскими обычаями и представляло собой весьма важный комплекс специфически элладских черт, заметно отличающихся от культовой практики Крита.

Составленная на основании сопоставления археологических и письменных источников картина микенской религии свидетельствует о том, что культовые отправления в значительной степени регулировались дворцовыми центрами. Письменные документы скрупулезно регистрируют самые разнообразные жертвоприношения божествам, а сделанные в последнее время открытия микенских святилищ очень малых размеров (именно поэтому было весьма затруднительно определить характер этих помещений) дают основания полагать, что официальный культ дворцовых божеств отправлялся в присутствии только узкого круга участников.

На первый взгляд может показаться, что такая картина в значительной степени противоречит тому, что мы узнаем [217] о почитании богов из гомеровских поэм, например о всенародном жертвоприношении Посейдону во время прибытия Телемаха в Пилос. Однако это противоречие только кажущееся. Следы микенских празднеств под открытым небом, разумеется, не могли сохраниться спустя три тысячелетия. Кроме того, согласно данным археологических раскопок, религиозные обряды совершались в особых официальных помещениях дворцов, в частности в зале мегарона. С другой стороны, у Гомера встречаются также сведения о существовании особых дворцовых святилищ,

предназначенных только для узкого круга лиц из окружения властителя: например, в «Илиаде» (VI.297-310) говорится о совершении обряда в одном из троянских святилищ.

В заключение можно сказать, что религиозные воззрения Микенской Греции в значительной степени были обусловлены как тщательным контролем со стороны дворцовой администрации, так и исключительным положением господствующего класса микенского общества. Поэтому они представляются весьма далекими от очеловеченного образа греческой религии, известного нам в особенности в последующие века I тысячелетия до н. э.

[128] Важнейшая литература по данному вопросу указана в примечаниях к главам 2 и 7.

[129] Понятие о каноническом греческом пантеоне из двенадцати богов в настоящее время считается спорным. (*Примеч. пер.*)

[130] *Chadwick J.*, 1976a, с. 89.

[131] Античная мифологическая традиция считает Ифимедею матерью героев-богоборцев Алоадов, причем, согласно Гесиоду (конец VIII — начало VII в. до н. э.), Ифимедея родила Алоадов от Посейдона (Гесиод, фрагмент 19, по изданию Меркельбаха — Уэста). Не исключено, что Ифимедея, упоминаемая на табличках линейного письма Б, тождественна Ифигении античной традиции, которую тот же Гесиод ([фрагмент 23 А](#), с. 16-26) называет Ифимедой и сообщает, что после того, как ее принесли в жертву, она почиталась под именем Артемиды Дорожной. (*Примеч. пер.*)

[132] Это название является производным от критского *dabrys* или *labrys* — «двойная секира». Чередование d/l было характерно для языков догреческой Эгеиды (ср., например: греч. Одиссей и лат. Улисс).

[133] О почитании Зевса на Крите см.: *Лосев А. Ф.* Античная мифология..., ч. I; *Борухович В. Г.*, 1979, с. 3-26. (*Примеч. пер.*)

[134] Обычно Аид упоминается в качестве примера древнего индоевропейского божества. (*Примеч. пер.*)

[135] Это утверждение сомнительно. (*Примеч. пер.*)

[136] О микенских святилищах см.: *Caskey J. L.*, 1962-1966; *Taylour W.*, 1969; 1970; *Rutkowski B.*, 1972; *Bouzek J.*, 1979, с. 56 и сл.

[137] Эта часть архитектурного комплекса микенского мегарона, называемая по-гречески *продомос* — «прихожая», явилась прообразом портика «в антах» и архитектуре античной Греции (*Примеч. пер.*)

[138] О культуре мертвых см.: *Mylonas G. E.*, 1951.

[139] *Yalouris N.* — AD, 1965, № 20, 1, с. 6 и сл.; *Marinatos Sp.*, 1962.

Глава 15.

Повседневная жизнь

Повседневная жизнь микенских греков получила отображение как в произведениях героического эпоса, так и в памятниках материальной культуры, а некоторые сведения о ней сообщают и тексты линейных табличек. Отдельных сторон микенского быта мы уже касались в предыдущих главах, здесь же остановимся на его общей характеристике и рассмотрим подробнее только те его стороны, которые до сих пор оставались вне нашего внимания, в частности то, что нам известно о жилище, одежде и кухне Микенской Греции.¹⁴⁰

Образ жизни в микенском мире, естественно, определялся общественным положением того или иного лица и его социальной принадлежностью. Один образ жизни был присущ представителям господствующего класса, жившим во дворцах, другой — городскому и сельскому населению, в той или иной степени зависимому от властителя, и уже совершенно иными были жизненные условия людей, обреченных на жалкую участь бесправных рабов. Имеющиеся [218] в нашем распоряжении сведения касаются прежде всего образа жизни господствующих слоев.

Жизнь высшего класса микенского общества была насыщена развлечениями и праздниками, о чем свидетельствуют не только Гомер, но и результаты археологических раскопок, в особенности различные изображения на фресках, украшениях и прочих предметах материальной культуры того времени.

Хотя центром общественной жизни являлся дворцовый мегарон, прочие помещения дворца также отличались достаточной благоустроенностью, позволявшей вести утонченный образ жизни. К сожалению, в большинстве случаев мы слабо информированы об устройстве жилых помещений дворцов, которые, как правило, находились на верхних этажах. Достаточно хорошее представление об этом дает нам только восточное крыло Кносского дворца с целым лабиринтом лестниц, прихожих, комнат и соединительных переходов. Большая часть внутреннего убранства дворца была уничтожена в результате пожара и последовавшего за ним запустения. До наших дней дошли лишь предметы из более устойчивых материалов, как, например, ряд глиняных скамей в различных помещениях дворца. Весьма скудны сведения о гигиенических удобствах, которым, по примеру Крита, уделялось большое внимание. Остатки ванн обнаружены в Кноссе, Тиринфе и Пилосе. В частности, в Пилосском дворце сохранилась керамическая ванна; в одном углу ванной комнаты найдены остатки больших сосудов для чистой воды, а в другом — отверстие для стока. Возникает мысль, не описывает ли Гомер омовение, производившееся именно в этой ванной комнате, когда рассказывает в «Одиссее» (III.464-468) о пребывании Телемаха в гостях у пилосского царя Нестора?

Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для помытия в баню, когда же
Дева его и омыла и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный.

Микенские греки всегда заботились о том, чтобы иметь достаточные запасы воды. На акрополях Микен, Тиринфа и Афин были сооружены крупные подземные колодцы. В Пилосе вода поступала во дворец по водопроводу из источника, находившегося на расстоянии почти одного километра. Для изучения жизненных условий микенского

общества сегодня мы уже располагаем не только данными, [219] полученными при исследовании основных дворцовых центров, но и некоторыми другими сведениями. Из числа нескольких сот раскопанных к настоящему времени поселений целый ряд исследован в такой степени, что уже можно составить определенное представление о жилищах широких слоев микенского населения. Независимо от того, находились ли поселения в непосредственной близости от дворцовых центров или же в более отдаленной сельской местности (например, Элевсин, Кораку, Зигуриес, Просимна, Бербати, Навплион, Лерна), в большинстве случаев они встречаются на местах, обитаемых уже в более раннее время, причем сельские поселения оставались, как правило, неукрепленными. Некоторые жилища имели мегарон, однако чаще это были сооружения или с большим числом помещений, произвольно образующих один архитектурный комплекс, или же архитектурные комплексы, состоящие из нескольких самостоятельных сооружений. К числу последних можно отнести и крупные строения в нижнем городе Микен, например так называемый «Дом торговца маслом» размерами 27 * 18 м, в котором найдены крупные наполненные оливковым маслом сосуды, уже запечатанные и приготовленные к отправке. Согласно преобладающему в настоящее время мнению, здесь мы имеем дело с торговым филиалом Микенского дворца, а не с домом частного лица. С таковыми же мы чаще встречаемся в поселениях, расположенных несколько далее от дворца. Их архитектура значительно проще, зато в этих жилищах зачастую находят множество самых различных предметов повседневного обихода. Так, в Зигуриесе был открыт дом размерами 15 * 11 м, состоящий из пяти помещений. Внутри его найдено около 1 тыс. экземпляров керамики, в том числе более 500 глубоких тарелок определенного типа и большое количество сосудов для смешивания вина. Известно и много случаев обнаружения ремесленных мастерских — гончарных, кузниц и др. Однако и здесь не следует исключать возможности того, что местные ремесленники находились в зависимости от дворцового хозяйства; вспомним, с какой тщательностью регистрировали дворцовые чиновники различные виды ремесленной продукции.

Одежда, в частности женская, известна главным образом по изображениям на фресках, различных предметах повседневного обихода и украшениях. Микенская мода, в сущности, следовала критским образцам и оставалась на редкость неизменной. Одежды богини на декорированной [220] пряжке из шахтовой гробницы № 3 в Микенах (XVI в. до н. э.) ничем особо не отличаются от одежды женщины, изображенной на ручке из слоновой кости из так называемой «гробницы Клитемнестры» (XIII в. до н.э.), или от одежд двух женщин (или богинь), которых представляет любопытная скульптурная группа из слоновой кости, найденная в Микенах и датируемая XIV—XIII вв. до н. э. У женщин, которые изображены здесь вместе с ребенком, обнаженная грудь, узкий корсаж с короткими рукавами и длинные юбки с многочисленными складками и оторочками. Волосы одной из женщин подобраны сзади, завиты и уложены в прическу, оканчивающуюся остроконечным «хвостом», волосы другой уложены в узел. Принято считать, что речь может идти о матери и дочери, а также что прическа у второй была характерна для младшего поколения.

Женщины из господствующего класса носили в качестве модных аксессуаров различные украшения из благородных металлов и драгоценных камней — перстни, серьги, ожерелья, браслеты, пряжки и т. п. Отметим, что находки всевозможных шкатулок для косметики, корзиночек, гребней и зеркал свидетельствуют о высоком уровне развития микенской женской косметики.

Обычной мужской одеждой была короткая набедренная повязка. Более изысканным видом одежды являлась легкая рубаша типа туники с короткими рукавами, узкий жилет и мужская юбка. Праздничные мужские одеяния, наоборот, были длинными, ниспадая до

лодыжек, как об этом свидетельствует фреска с изображением певца, находящаяся в мегароне Пилосского дворца. Мужчины носили высокие кожаные гамашы, очевидно, для защиты ног на дорогах вне населенных пунктов.

Волосы носили длинные, с одним локоном, ниспадающим по критской моде возле уха, а также бороду, однако никогда не носили усов. К числу мужских украшений относятся перстни-печати и геммы-печати, хотя и те и другие зачастую являлись также излюбленными украшениями женщин.

Сведения о микенской кухне основываются главным образом на информации линейных текстов о сельскохозяйственной, в частности животноводческой, продукции. Эти данные подтверждаются частыми изображениями различных животных на предметах материальной культуры. Здесь встречаются домашние животные, охотничья дичь, несомненно дополнявшая микенскую кухню, а также рыба [221] и прочая морская живность. Самым излюбленным развлечением была львиная охота, о существовании которой в Микенской Греции сообщают как мифология, так и изображения на самых различных памятниках материальной культуры. Отдельные сведения о тех или иных продуктах растительного и мясомолочного ассортимента предоставляют случайные находки некоторых видов этой продукции более чем трехтысячелетней давности, в особенности зерна и оливкового масла.

На должном уровне находилось и кулинарное искусство, о чем косвенным образом свидетельствует огромное количество кухонной посуды, обнаруженной во всех микенских поселениях. Достойную удивления вкусовую изощренность кулинаров подтверждает группа табличек из «Дома сфинксов» в Микенах, регистрирующая различные виды корней.

Краткими сведениями о жилище, одежде и кухне мы и закончим наш обзор различных сторон жизни микенского общества. Мы не располагаем возможностью вдаваться в подробности, а также заниматься различными спорными вопросами. Здесь предпринята всего лишь попытка отметить основные характерные черты микенского быта. В частности, мы подчеркнули высокую степень информативности сведений, содержащихся в текстах линейного письма Б, которые до сих пор не привлекались в таком объеме в чешской научной литературе. Совокупность этих сведений может сослужить читателю службу в качестве сопроводительного материала при рассмотрении завершающей части нашей работы, содержание которой составляет обзор ранней истории Греции от появления человека в Эгеиде и до падения микенской цивилизации. [222]

[140] См.: *Taylour W.*, 1964, с. 119 и сл.; *Faure P.*, 1975.

Часть III. История

Глава 16. До прихода индоевропейцев¹⁴¹

Древнейшее свидетельство существования человека на территории современной Греции дает пещера возле Петралоны на полуострове Халкидика (в 75 км к юго-востоку от Салоник), где в 1971 г. был найден череп неандертальца, датируемый, как и найденные в той же пещере кости животных, периодом 75-50 тыс. лет до н. э. К среднему палеолиту (т. е. к среднему периоду древнекаменного века, длившегося в Греции приблизительно от 100 до 33 тыс. лет до н. э.)¹⁴² относятся и древнейшие каменные орудия, найденные на территории Греции, каковыми являются каменный топор из Палеокастро возле Сиатисты в Македонии (около 100 тыс. лет до н. э.) или различные находки В. Милойчича в долине реки Пеней возле Лариссы в Фессалии. К этим предметам хронологически примыкают другие находки палеолитических орудий в Северной Греции (пещера Аспрохалико возле селения Коккинопилос у дороги из Яннины в Превезу в Эпире), на Пелопоннесе (Хлемутци, неподалеку от западной оконечности полуострова), а также на островах Эгейского моря (остров Галоннесос к востоку от Фессалии, во времена палеолита еще соединенный с материком). Однако затем следы присутствия человека как бы исчезают, поскольку первые данные о существовании в Греции «человека разумного» относятся только к мезолиту (среднекаменный век, около 8000—7000 лет до н. э.). Речь идет прежде всего о находках в пещере Франхти неподалеку от Порто-Хели в восточной части Пелопоннеса, где, в частности, обнаружен первый на территории Греции человеческий скелет, датированный при помощи радиоуглеродного анализа временем около 7600 г. до н. э.

Однако эпохой подлинного выхода Греции на магистральный путь развития мировой цивилизации стал лишь неолит¹⁴³ (новокаменный век, около 7000—2800 гг. [223] до н. э.), обычно подразделяющийся в Греции на ранний докерамический неолит (VII тысячелетие до н. э.), ранний керамический неолит (конец VII и все VI тысячелетие до н. э.), средний неолит (V тысячелетие до н. э.) и поздний неолит (IV и начало III тысячелетия до н. э.). Это было время, когда человек каменного века перестает заниматься только собирательством и охотой и благодаря использованию все более совершенствовавшихся каменных орудий постепенно становится производителем земледельческих продуктов и начинает разводить скот. В эту эпоху наблюдается также интенсивная деятельность по строительству поселений. В отдельных случаях человек продолжает еще селиться в пещерах (Франхти), однако по большей части он уже создает первые настоящие постройки. Древнейшие поселения докерамического неолита (VII тысячелетие до н. э.) открыты в Фессалии (в частности, в Аргиссе и Суфли-Магула в районе Лариссы), несколько младше их некоторые другие, до сих пор еще недостаточно исследованные комплексы, а к рубежу VII—VI тысячелетий относится древнейшее свидетельство человеческого поселения на Крите, относящееся к докерамическому слою Кносса.

Неолитические комплексы с находками керамических изделий насчитываются уже десятками. Древнейшие из них находятся опять-таки в Северной Греции, как, например, Никомидия к западу от Салоник, датируемая весьма ранним временем — около 6200 г. до н. э. К VI тысячелетию до н. э., в особенности к его второй половине, относится целый ряд находок из различных областей Северной и Средней Греции, прежде всего из Фессалии, Беотии и Аттики, а также из Пелопоннеса, в частности его северо-восточной части, а из островов Эгейского моря — главным образом с Крита. На основании этих ранненеолитических находок можно сделать интересные выводы об устройстве жилищ и образе жизни того времени. Поселенцы уже выращивали некоторые виды зерновых (в

Фессалии сохранились остатки обуглившегося зерна), разводили скот (главным образом коз и овец), умели изготавливать керамику. На развитие культа Матери и плодородия указывают находки небольших статуэток, изображающих женщин с подчеркнутыми признаками плодородия. Покойников зачастую погребали в больших сосудах вне жилищ.

Те же хронологические рамки, т.е. VI тысячелетие до н. э., действительны и для первых неолитических поселений в Малой Азии и на Кипре (именно на этом острове такие поселения встречаются особенно часто). [224]

Однако первая высокоразвитая неолитическая культура Греции относится уже лишь к среднему неолиту — V тысячелетию до н. э. Областью ее возникновения стала опять-таки Фессалия. Внимание ученых уже издавна привлекали расположенные на плодородной равнине к северо-западу от современного города Волос отдельные группы могильных холмов числом около 150, причем самый большой из них имеет диаметр около 300 м. В начале нашего века Х. Цундас¹⁴⁴ открыл в этой местности мощные раннеисторические слои, вертикальный срез которых достигал 10 м. Самый нижний из этих слоев иногда относится еще к мезолиту, но большую часть образуют неолитические слои, зачастую даже перекрывающиеся слоями бронзового века. Таким образом, эта местность была обитаема на протяжении многих тысячелетий. В частности, здесь прослеживаются два комплекса неолитических слоев — археологические культуры Сескло и Димини.

Культура Сескло возникла в самом начале V тысячелетия до н. э., явившись непосредственным продолжением местных раннеолитических слоев. Поселения типа Сескло не имели укреплений. По прошествии некоторого времени в здешних слоях все чаще встречается прямоугольный зал с открытой прихожей — по всей вероятности, первый отдаленный прообраз важного новшества, которое впоследствии, начиная с культуры Димини, становится в Греции на протяжении целых тысячелетий основным формообразующим элементом, известным в архитектуре под названием *мегарон*. Жилища культуры Сескло состояли из одного или нескольких помещений (площадью не более 8 кв. м), а в целом в селениях лишь в редких случаях насчитывалось более двадцати домов. Для керамики характерны сосуды, раскрашенные красной и черной краской, с геометрическими узорами. Новшеством являлось и использование при изготовлении каменных орудий обсидиана, что, однако, предполагало уже развитие мореплавания (в частности, в направлении Киклад, где имелись залежи обсидиана) или по крайней мере значительное развитие торговли. Существование культа плодородия подтверждается и далее многочисленными находками женских статуэток. Культура Сескло получила распространение по всей континентальной Греции. Несмотря на то, что в ней прослеживаются тесные связи с Ближним Востоком, в своей основе эта культура возникла на местной почве и не была явственно связана с появлением какой-либо повой миграционной волны. [225]

Успешное поступательное развитие этой культуры в Фессалии было неожиданно прервано где-то в IV тысячелетии до н. э. Последний слой культуры Сескло перекрывается разительно отличающимся от нее слоем, известным как культура Димини (по названию могильного холма в Фессалии). В отличие от культуры Сескло, эта культура территориально ограничена почти лишь одной Фессалией, далее на юг она проникает только в единичных случаях. Поселения культуры Димини уже имеют укрепления и при этом всегда в виде нескольких низких концентрических валов. В самом кургане Димини ядро укреплений образует внутренний двор длиной 35 м. Позади двора помещается мегарон длиной 10 м, состоящий из двух помещений, в одном из которых находился круглый очаг. Добавим, что примерно в 14 км к северу от холма Димини в 1941 г. открыто аналогичное неолитическое поселение с мегароном длиной почти 30 м.

Обитатели этих поселений знали уже лук и стрелы, и это существенное новшество — наряду с внезапным появлением самой культуры — привело некоторых исследователей к выводу, что культура Димини создана новым населением с развитой военной организацией, в культурном отношении стоящим, однако, несколько ниже местных жителей. В этой связи иногда говорят или о пришельцах из Малой Азии (и укрепленный вал и, возможно, мегарон имеют там аналоги), или же из Дунайских областей и Центральной Европы (так объясняют происхождение некоторых видов орнамента, прежде всего спирали, появляющейся, в частности, на поздней керамике культуры Димини). Предположение о существовании связей с Центральной Европой дает даже ряду исследователей основание считать, что в формировании по крайней мере последних слоев культуры Димини уже принимали участие индоевропейцы. Но это предположение труднодоказуемо. Недостаточной ясностью отличаются и некоторые другие рассуждения относительно этнической принадлежности населения, создавшего культуру Димини.

В то время как на севере Греции, в Фессалии, главенствующее положение занимала культура Димини, в Средней и Южной Греции и далее к югу продолжали развиваться более древние культуры, принадлежащие к кругу культуры Сескло, а на крайнем юге древней Эгеиды — на Крите в эпоху неолита возникает оригинальная местная культура, обнаруживающая связи с Ближним Востоком. Сооруженный в более позднее время Кносский дворец [292] стоит на культурных слоях неолита, толщина которых достигает семи метров. Кроме всего прочего, эти слои содержат уже некоторые первичные элементы более поздней критской архитектуры. Существенное значение для критского неолита имели пещеры, являвшиеся и местами обитания, и местами отправления культа. Очевидно, в одной из них предметом поклонения был крупный сталактит. На неолитических слоях Крита обнаружен также ряд женских идолов и в числе прочих находок статуэтка мужчины в молитвенной позе.

Заслуживает упоминания также так называемая культура Рахмани в Фессалии в самом конце неолита, ограниченная уже менее обширной территорией, и при этом, несомненно, связанная с приходом нового населения с севера или с северо-востока, скорее всего из Фракии. Это довольно слабо развитая культура, основным признаком керамики которой является особая настовая техника росписи, присущая внутренним областям Балканского полуострова и Карпатской котловины. Орнаментация этой керамики и ее формы указывают на Карпатскую котловину, обнаруживая некоторое сходство с так называемой моравской расписной керамикой.

В течение первой половины III тысячелетия до н. э. на всей территории Эгеиды неолит сменяется бронзовым веком. Однако бронза не была первым известным человеку металлом: предметы из металла, в частности золота и меди, встречаются уже в ранних слоях эгейского неолита. Поэтому поздний неолит иногда называют халколитом (греч. *khalkos* — «медь» и *lithos* — «камень»). Разумеется, что сами по себе эти металлы не могли заменить камень, и поэтому только бронза — весьма удачный сплав меди и олова, оказалась способной совершить первый крупный технический переворот в развитии человеческого труда. Древнейшие центры производства бронзы расположены к востоку и юго-востоку от Эгеиды в областях с богатыми залежами руд, каковыми являлись, в частности, Малая Азия, горы на северной окраине Месопотамии, Кавказ, Кипр и Южный Египет. Поэтому бронзовая металлургия начала развиваться в этих областях значительно раньше по сравнению с Эгеидой. Уже около 3000 г. до н. э. там начала разрабатываться технология производства металла как особой производственной отрасли, требующей новой трудовой специализации и довольно скоро уже оказывавшей влияние на общественную структуру целого ряда поселений, дотоле исключительно земледельческих. Производство предметов [227] из металла стало надежным средством обогащения, а

результатом этого процесса явилось как быстрое превращение земледельческих поселений в города, так и усиление тенденций к колонизации отсталых районов. Одна из миграционных волн двинулась через Малую Азию в Эгеиду, оставив на территории материковой Греции следы своего пребывания, протянувшиеся широкой дугой от Беотии в Средней Греции через Аттику до Арголиды на Пелопоннесе, причем сильные малоазийские влияния прослеживаются даже в Фессалии и Македонии. Вторая волна, шедшая со стороны Египта, обогнула Пелопоннес с юга, оставив следы на его западном побережье и Ионических островах. При этом Крит подвергался влияниям, идущим как из Малой Азии, так и из Египта. Под термином «волна» мы понимаем прежде всего комплекс влияний, результатом которых явилось распространение бронзовой металлургии в отдельных районах, причем здесь ее создателями были мастера, принесшие с собой новую технологию. В равной степени вероятно, что по крайней мере в ряде случаев отмеченные культурные новации сопровождались довольно значительными передвижениями населения.

Детально проследить отдельные миграционные движения весьма затруднительно, однако на существование сложного процесса ассимиляции указывает то обстоятельство, что должно было пройти еще несколько столетий, прежде чем Эгеида заявила о себе своими собственными несомненными культурными достижениями. Это касается всех трех ее основных регионов: материка, Кикладских островов и минойского Крита (вспомним в этой связи таблицу на с. 35, где приводится данная А. Эвансом периодизация бронзового века Эгеиды, составленная по историко-географическому принципу). О наиболее раннем периоде эпохи бронзы, обозначаемом сокращенно: для материка — РЭ I, для Киклад — РК I и для Крита — РМ I и начавшемся приблизительно около 2500 г. до н. э., мы располагаем весьма скромными свидетельствами. Это был всего лишь своеобразный подготовительный этап периодов РЭ II и РК II, ставших эпохой первых значительных достижений в истории культуры Эгеиды эпохи бронзы.

Из элладских поселений раннего бронзового века выделяется прежде всего Лерна в Арголиде, ставшая наиболее хорошо исследованным поселением этой эпохи на материке благодаря работам экспедиции Дж. Л. Кескея. Лерна была обитаема уже со времени неолита. Неолитический человек по достоинству оценил выгодность ее положения: сзади [228] с запада ее прикрывали вознесшиеся до 1700 м над уровнем моря горы Аркадии, а спереди постепенно расширялась гладь Арголидского залива: справа залив простирался до открытого моря, а слева — переходил в отмели Арголидской низменности. При этом в те далекие времена еще не возвышались вдаль под защитой двух высоких гор могущественные Микены царя Агамемнона. Таким образом, насчитывающая двадцать неолитических слоев Лерна была самым важным среди поселений эпохи неолита, открытых на территории Арголиды. Об этом неолитическом периоде предыстории Лерны еще и сегодня напоминает восхитительная женская статуэтка без подчеркнутых признаков плодородия, которую можно увидеть среди экспонатов Археологического музея в Аргосе. Однако в первый период раннеэлладской эпохи (РЭ I) здесь имел место культурный разрыв, и появление нового населения прослеживается только где-то около 2400 г. до н. э. Следующее поселение, относящееся уже к периоду РЭ II и называемое обычно Лерна III, стоит на мощном, толщиной до 120 см каменном фундаменте, на котором возведены стены из необожженного кирпича. Все поселение окружал мощный вал. В центре находилось крупное строение, которое спустя некоторое время было перестроено. Это сооружение можно причислить к числу лучших достижений раннеэлладской архитектуры. Это так называемый «Дом черепиц» размерами 25 * 12 м с двумя большими внутренними помещениями, вокруг которых расположен ряд переходов меньших размеров. Дом назван так по причине находки среди развалин дворца большого количества терракотовых черепиц, обвалившихся во время пожара, который уничтожил дворец около 2200 г. до н. э.

Очевидно, это строение было разрушено в результате вражеского нашествия, поскольку непосредственно на слоях, отмеченных следами пожара, находилось поселение периода РЭ III, заметно отличающееся от того, что найдено в предыдущих слоях, и более примитивное в культурном отношении. Существование этого поселения продолжается без перерыва и в среднеэлладскую эпоху. Мощные развалины «Дома черепиц» так и остались неубранными. Новые обитатели Лерны лишь обнесли их кольцом валунов, а рядом построили собственные жилища.

Гибель «Дома черепиц» в Лерне произошла одновременно с целым рядом разрушений, имевших место в других местностях Арголиды (в числе прочих было уничтожено крупное строение округлой формы в Тиринфе 27 м [229] диаметром, также покрытое черепицей). То же самое касается области Коринфского перешейка, а также Киклад. Слой РК II (2500—2200 гг. до н. э.) представляет собой высший расцвет цивилизации Кикладских островов на протяжении всего бронзового века. Некоторые из тамошних поселений имели весьма мощные укрепления. В Халандриани на Сиросе крепостной вал был 70 м в окружности, а в самом уязвимом месте его двойные стены были усилены еще и особым выступом в виде башни, преграждавшим путь неприятельским воинам и вынуждавшим их сражаться с защитниками один на один. Но несмотря на эти мощные укрепления, в конце периода РК II поселение было внезапно оставлено жителями: четыре тысячи лет спустя здесь были обнаружены склады, заполненные товарами, и различные ценные предметы. Другое значительное поселение раннего бронзового века, приходящееся, однако, уже на следующий период (РК III), было открыто на острове Мелос неподалеку от современной деревни Филакопи. Оно находится в таком же отношении к Халандриани на Сиросе, в каком Лерна конца раннеэлладской эпохи (РЭ III) — к Лерне «Дома черепиц» (РЭ II). Очевидно, на некоторых островах Эгейского моря около 2200 г. до н. э. имел место культурный разрыв, аналогичный разрыву, происшедшему в Арголиде и Коринфии. Прочих элладских областей случившаяся тогда катастрофа не затронула.

Время, предшествовавшее потрясениям на Кикладах, важно для истории мировой культуры прежде всего появлением замечательных художественных изделий из камня — так называемых кикладских идолов. Это женские и мужские мраморные статуэтки высотой от 20 см до полутора метров, передающие оригинально решенные геометрически образы, весьма близкие к современным художественным вкусам. Все они найдены в захоронениях, что указывает на их связь с культом. Необычайного развития достигли в эпоху ранней бронзы и торговые контакты Киклад. Кикладский обсидиан использовался в то время не только на Востоке, но и далеко на Западе, в том числе на Балеарских островах и в Иберии.

Менее ясны процессы, происходившие в эпоху ранней бронзы на Крите. Представляется, однако, что и там второй период раннего бронзового века (РМ II) ознаменован стремительным развитием материальной культуры, о чем свидетельствуют самые разнообразные находки и следы самых различных культурных влияний, шедших с севера [230] (материковая Греция), северо-востока (Киклады), востока (Малая Азия, Передняя Азия) и юга (Египет). При этом для Крита раннего бронзового века характерно непрерывное развитие вплоть до эпохи средней бронзы и отсутствие ярко выраженного культурного разрыва, имевшего место в Арголиде и Коринфии (т. е. на северо-востоке Пелопоннеса) и кое-где на Кикладах около 2200 г. до н. э., а в прочих районах элладской культуры — около 2000 г. до н. э.

В ученых кругах все чаще появляется тенденция объяснять обе упомянутые выше катастрофы приходом индоевропейского населения. В пользу этнического тождества виновников обеих катастроф приводится именно то обстоятельство, что определенные

археологические находки, типичные для целого ряда областей материковой Греции вплоть до среднеэлладского I периода, появляются на севере-востоке Пелопоннеса и на Кикладах уже в слоях периода РЭ — РК III (образцы минойской керамики, полукруглая абсида в архитектуре). Неясным остается, однако, какова взаимосвязь между этими миграционными волнами, отделенными друг от друга двумя веками, а также вопрос, почему первая волна прослеживается только на северо-востоке Пелопоннеса и на ряде Кикладских островов, тогда как в поселениях прочих районов на материке (например, в Эвтресисе в Беотии) культурный разрыв имеет место на два века позже. К этим вопросам мы еще вернемся в следующей главе, а сейчас завершим наш краткий очерк истории Эгеиды эпохи ранней бронзы упоминанием о Трое, которой, вне всякого сомнения, должно принадлежать здесь особое место, как по причине ее расположения на северо-восточном побережье Эгейского моря, так и в связи с традиционными тесными культурными контактами, существовавшими между Троей и прочими районами Эгеиды.

Первое поселение на Троянском холме появилось на рубеже неолита и бронзового века, где-то около 3000 г. до н. э. Вначале здесь существовала Троя I (около 3000—2500 гг. до н. э.), за которой в 2500—2200 гг. до н. э. (т. е. в период существования «Дома черепиц», крупного строения в Тиринфе и крепости в Халандриани на Спресе) следует Троя II с ее золотым кладом, по неведению отождествленная Г. Шлиманом с гомеровской Троей. Максимальный диаметр этого поселения, окруженного стеной восьмиметровой высоты, составлял более 100 м. На самом высоком месте его находилось строение с центральным залом типа мегарона. Около 2200 г. до н. э. Троя II была [231] также превращена в развалины, что служит свидетельством внезапного изменения политической и, разумеется, этнической ситуации также и в северо-восточной части Эгеиды. Существовавшие здесь в последующие века (2200—1800 гг. до н. э.) культурные слои Трои III, IV и V значительно беднее Трои II и представляют собой всего лишь незначительное интермеццо между впечатляющими слоями Трои II и Трои VI (и VIIa).¹⁴⁵

Свидетельства высокого культурного уровня развития раннеисторических культур второго периода ранней элладской, кикладской и минойской эпох поставили вопрос о том, какие же народы или племена были носителями этих культурных достижений, откуда они появились и на каких языках говорили. Относительно первых двух периодов эпохи ранней бронзы можно сказать, что они отличаются довольно единообразными чертами на всем обширном географическом пространстве, протянувшемся от западного побережья Малой Азии через Киклады до материковой Греции и Крита. Определенные различия здесь, естественно, существовали, но в целом культура Эгеиды эпохи ранней бронзы выглядит, в особенности до 2200 г. до н. э., как результат творческой деятельности одной и той же этнической группы. Начало этой культуры в значительной степени связано с эгейским неолитом, однако вряд ли можно представить возникновение бронзовой металлургии в Эгеиде без миграции населения откуда-то с востока, по всей вероятности двигавшегося из Малой Азии через Кикладские острова. На существование этих древних этнических связей между Малой Азией и Эгеидой указывают не только находки аналогичных предметов материальной культуры, но и некоторые любопытные языковые параллели догреческого происхождения, прежде всего совпадение суффикса -s(s)os,¹⁴⁶ -ttos, получившего распространение как в эгейско-элладском регионе (ср. Parnassos, Knossos), так и в Малой Азии (Halikarnassos, Ephesos), а также близость элладско-эгейского -nthos (Korinthos, Zakynthos) с малоазийским -ndos, -nda (Lindos, Karyanda). Данная древнейшая этническая и языковая общность принимала участие также в образовании значительно более широких культурных связей в древнем Средиземноморье. Это подтверждается, например, примечательными языковыми соответствиями между греческим и латинским языками, заимствовавшими ряд слов древней культурной лексики из единого доиндоевропейского средиземноморского субстрата, занимавшего географически весьма

обширную [232] территорию (ср. греч. elaiwa: лат. oliva — «маслина»; elaiwon: oleum — «оливковое масло»; kybernetes: gubernator — «кормчий»; rhodon: rosa — «роза»; sukon, sykon: ficus — «смоква»; woinos: vinum- «вино»).

[141] Кроме работ, указанных в примеч. 18 и 78, обзор древнейшей истории Греции см.: Bouzek J., 1967; Oliva P., 1976. Pečirka J., 1979; PaP, 1974; САН.

[142] Периодизация древнейшей истории Греции продолжает оставаться открытым вопросом. В настоящей книге за основу периодизации палеолита и неолита взята работа: PaP, 1974, с. 48, а за основу периодизации последующих эпох — работа: Hood M. S. F., 1978, с. 15. При этом хронологическим рубежом между раннеэлладской и среднеэлладской эпохами мы считаем 2000 г. до н. э. (см.: Higgins R. 1973, с. 13). В последнее время Худ принял в качестве названного хронологического рубежа более отдаленную дату — 2100 г. до н. э. (ранее он считал таковым 1900 г. до н. э.). См.: Hood M. S. F. Dating Troy II. — Institute of Classical Studies. (L.), 1979.

[143] Подробнее см.: Титов В. С. Неолит Греции. М., 1969. (Примеч. пер.)

[144] Tsountas Chr. Ai proistorikai akropoleis Dimeniou kai Sesklou. [Б. М.], 1908.

[145] Периодизация троянской культуры дана по К. Блегену (САН, II, 2). В последнее время М. С. Ф. Худ предпринял попытку пересмотреть периодизацию К. Блегена следующим образом (см. примеч. 142): Троя I (до 2200 г. до н. э.), Троя II (2200 — 2000/1900 гг. до н. э.), Троя III-V (1900—1650 гг. до н. э.), Троя VI (после 1650 г. до н. э.). Таким образом, датировка отдельных периодов троянской культуры значительно приближена. Впрочем, мнение специалистов по этому вопросу еще предстоит услышать.

[146] Гласный в позиции перед ss, как правило, краткий, в других же случаях бывает и долгим. (Из работ по Эгейской ономастике укажем: Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965; Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967; он же. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. — Примеч. пер.)

Глава 17.

Путь к шахтовым гробницам

Итак, цивилизации раннего бронзового века Эгеиды были созданы населением, относительно языковой принадлежности которого существуют лишь смутные догадки. Лишь где-то на рубеже III-II тысячелетий до н. э. на территории Греции появились новые пришельцы, которые, бесспорно, говорили на языке (или же на языках), относившемся к индоевропейской семье.¹⁴⁷ Понятие этой языковой общности возникло в первые десятилетия XIX в., и с того времени лингвистам удалось с помощью сравнительного метода убедительно доказать генетическое родство большинства современных европейских и целого ряда неевропейских языков. В достаточной степени можно уже начертать схему отделения тех или иных языков от существовавшей некогда индоевропейской праязыковой общности.

Установление ряда праиндоевропейских слов, обозначающих растения (например, бук и др.) и животных (например, волк, лосось и др.), равным образом как и определение ареала распространения этих растений и животных в евразийском регионе привели к выводу, что индоевропейская праязыковая общность до того, как приобрела облик единого племенного образования с одним общим языком, проходила, по всей вероятности, процесс формирования в восточноевропейских степях между Вислой и Волгой. Эта языковая общность всегда отличалась в зависимости от занимаемой территории определенной неоднородностью, и внутри ее регулярно происходили те или иные изменения языкового характера. Только когда в IV—III тысячелетиях до н. э. отдельные составные части индоевропейской общности начали передвигаться в различных направлениях, в результате их постепенно растущей изоляции друг от друга стали проявляться более выраженные различия языкового плана. Однако при этом территориально близкие группы оказывали весьма сильное влияние друг на друга, поэтому существовавшие некогда представления о механическом разветвлении индоевропейских языков, пользовавшиеся особой популярностью в XIX в., [233] очень и очень далеки вследствие своей схематичности от реально протекавшего процесса. Этот процесс, безусловно, был чрезвычайно сложным и запутанным настолько, что определить его протекание можно только с весьма малой степенью достоверности. Исключительную роль в нем играли постоянные внешние воздействия языкового плана, оказывавшие влияние на отдельные группы индоевропейцев. Прежде всего это имело место в более развитой в культурном отношении средиземноморской и переднеазиатской среде, где индоевропейские языки вступали в тесный контакт с местными языками, значительно отличающимися от них грамматическим строем и намного более богатыми лексически. Так, в течение II—I тысячелетий до н. э. образовался целый ряд самостоятельных индоевропейских языков, ставших уже непонятными для носителей других языков той же семьи, а за последние два тысячелетия тенденции к расхождению еще более усилились.

Современную классификацию индоевропейских языков можно упрощенно представить следующим образом.

А. Языковые группы и языки, существующие вплоть до настоящего времени:

- 1) Индоиранская группа, подразделяющаяся на две подгруппы: индийскую (древнейшие письменные памятники относятся к XIV в. до н. э.) и иранскую (памятники с VII в. до н. э.).
- 2) Армянский язык (с V в. н. э.).

- 3) Греческий язык (с XV в. до н. э.).
- 4) Албанский язык (с XVI в. н. э.) — вероятно, рудимент так называемых иллирийских языков (древние иллирийцы обитали приблизительно на территории современных Югославии и Албании).
- 5) Латинский язык (с VI в. до н. э.)¹⁴⁸ — основа романских языков.
- 6) Кельтская группа — в настоящее время языки этой группы сохранились только в Ирландии (с VI в. н. э.), Шотландии, а также в Уэльсе и французской Бретани.
- 7) Германская группа (с IV в. н. э.).
- 8) Балтийская группа (литовский и латышский языки, оба с XVI в., а также мертвый прусский язык, засвидетельствованный памятниками XIV—XVI вв.).
- 9) Славянская группа (с IX в.). [234]

Б. Мертвые языковые группы и языки:¹⁴⁹

- 10) Анатолийская группа — мертвые индоевропейские языки Малой Азии. Во II тысячелетии до н. э. к ним относились хеттский клинописный (XVII—XII вв. до н. э.), лувийский и палайский, а в I тысячелетии до н. э. засвидетельствованы «хеттский иероглифический», лидийский и ликийский языки — по всей вероятности, продолжатели лувийского языка.¹⁵⁰
- 11) Фракийская группа. Фракийцы населяли территорию современной Северо-Восточной Греции и Болгарии. Их языку были родственны языки даков и гетов, обитавших на территории современной Румынии, и, возможно, языки некоторых древних народов северо-запада и севера Малой Азии — такие, как фригийский и вифинский. Некоторые исследователи включают в эту группу и армянский язык, но, по-видимому, ошибочно. Представляется, что сюда же относился и древний македонский язык.¹⁵¹
- 12) Оскско-умбрская группа (мертвые языки осков, умбров и некоторых других индоевропейских племен, обитавших главным образом в гористых областях Средней Италии).
- 13) Венетский (мертвый язык венетов, населявших в древности Северо-Восточную Италию).
- 14) Тохарские языки (мертвая языковая группа с письменными памятниками V—VII вв. н. э., найденными в китайской провинции Синьцзян).

Конечно, четыре тысячи лет назад различия между этими языками были значительно менее существенными. Поэтому не исключено, что в формировании греческого этноса принял участие целый ряд пришлых индоевропейских племенных групп. Считается, однако, общепринятым, что основная масса индоевропейских пришельцев, ставшая впоследствии ядром более поздних греков, прибыла в элладский регион с севера и в самом начале бронзового века, т.е. около 2000 г. до н. э. Теория А. Эванса, относящего появление греков только к 1200 г. до н. э., в настоящее время опровергнута в связи с осуществленной М. Вентрисом дешифровкой линейного письма Б. Для периода около 1600 г. до н. э., также рассматривавшегося в качестве приблизительной даты прихода

греков, какие-либо признаки [235] культурного разрыва отсутствуют. При этом напрашивается вопрос: нельзя ли отодвинуть дату прихода греков (или вообще индоевропейцев) еще далее в прошлое? Часть исследователей отрицает такую возможность, однако в последнее время все большее число ученых допускает возможность того, что еще до греков на элладские земли пришла какая-то другая, «догреческая» группа индоевропейцев. Выше уже упоминалось, что «Дом черепиц» в Лерне был уничтожен в результате какого-то нашествия еще около 2200 г. до н. э. и что почти повсеместно в Арголиде и Коринфии, а в отдельных случаях и на Кикладах имел место значительный культурный разрыв на 200 лет ранее, чем на прочих землях континентальной Греции. Это заставило Дж. Л. Кескея выдвинуть предположение, что в течение раннего бронзового века индоевропейское население появлялось на территории Арголиды и, очевидно, также в районе Коринфа и на Кикладских островах в общей сложности дважды.¹⁵²

Впервые это произошло около 2200 г. до н. э. В Арголиде, где находились основные центры всего Эгейского мира, пришельцы встретили тогда решительный отпор со стороны большей части населения и вынуждены были прибегнуть к насилию, следствием чего явились многочисленные разрушения арголидских поселений. Только в весьма редких случаях здешние селения, по-видимому, покорились пришельцам и тем самым избежали уничтожения. Поскольку в то время аналогичные процессы имели место также и в области Коринфа и на Кикладах, возможно, что это вторжение в Эгеиду осуществлялось через море в направлении с востока на запад и, по всей вероятности, было вызвано миграцией индоевропейских лувийцев — близких родственников хеттов, которые проникли на юг и юго-запад Малой Азии предположительно еще где-то около 2300 г. до н. э. Само собой разумеется, что это только гипотеза, умозрительно объясняющая некоторые объективно существующие археологические открытия. Поскольку уничтожение отдельных поселений около 2200 г. до н. э. является достоверным фактом и предположения о приходе нового населения носят характер вполне приемлемой теории, отождествление этого населения с индоевропейцами, и в особенности с лувийцами, представляется одной из вероятных гипотез.

Некоторое время спустя в элладско-кикладском регионе появились новые пришельцы (по мнению Дж. Л. Кескея, этнически близкие тем, кто совершил первое нашествие) — [236] ядро будущего собственно греческого населения. В Арголиде, Коринфии и на Кикладах они встретили уже население, схожее с ними образа жизни и говорящее на родственном им языке. Поэтому их закрепление на новых местах проходило в большинстве случаев мирным путем, результатом чего явились не уничтожение ранее существующих селений, а лишь некоторые частичные изменения, довольно хорошо засвидетельствованные археологически. Так, в Лерне приход нового населения датируется, согласно данным радиоуглеродного анализа, временем незадолго до 1948 г. до н. э. ± 117 лет. И наоборот, в прочих областях греческого мира — там, где пришельцы встретили более древнее население иной этнической принадлежности, — они беспощадно убивали, грабили и разрушали их селения. Эта гипотеза о двух волнах индоевропейских пришельцев имеет интересную параллель в греческой мифологии о племени «божественных» пеласгов. Ко времени прихода греков пеласги будто бы населяли многие районы Эгеиды, и греческие легенды исполнены самого искреннего восхищения ими, в чем действительно можно усматривать отражение воспоминаний о древнем этническом родстве.

И еще несколько слов о второй волне пришельцев. Согласно традиционной точке зрения они прибыли с севера через Фессалию. Существует, однако, и гипотеза о приходе греков из-за моря с востока,¹⁵³ т.е. из Малой Азии, где после разрушения Трои V в конце XIX в. до н. э. появилось новое население, некоторые стороны материальной культуры которого

обнаруживают сходство со второй волной пришельцев, появившихся в материковой Греции (сходство керамики, а также разведение лошадей, ранее не известных в Эгеиде). Большинство ученых выступает против этой гипотезы, указывая на трудности, связанные с перевозкой лошадей через море, причем некоторые предлагают следующее объяснение упомянутых аналогий. От массива индоевропейского населения, двигавшегося в течение III тысячелетия до н. э. на юг вдоль западного побережья Черного моря, где-то к северу от устья Дуная отделилась часть племен, которая двинулась далее вдоль северного, восточного и южного берегов Черного моря и в конце XIX в. до н. э. достигла северо-западного побережья Малой Азии, где и явилась причиной разрушения Трои V эпохи ранней бронзы.

Но и те ученые, которые не принимают этой довольно смелой гипотезы, все же считают возможным, что по своему происхождению греки и троянцы были «родными» (или [237] в крайнем случае «двоюродными») «братьями», что, однако, не помешало им впоследствии вести между собой на редкость упорную и ожесточенную войну. При этом движение предков будущих греков вдоль западного побережья Черного моря во Фракию и Македонию и далее на юг мимо Олимпа представляется сегодня в значительно более ясном свете благодаря как новейшим археологическим исследованиям, проведенным в этих областях, так и результатам анализа различных мифологических традиций.

Однако культура, которую принесли с собой эти новые пришельцы, настолько уступала достижениям раннего бронзового века, что должно было пройти целых триста лет, прежде чем материковая Греция смогла воспринять от нее что-либо положительное. Среднеэлладский период (СЭ, 2000—1550 гг. до н. э.) был, в сущности, лишь длительной подготовкой предков будущих греков к небывалому культурному подъему позднеэлладского или микенского периода (ПЭ, 1550—1050 гг. до н. э.). За исключением высококачественной минийской керамики, изготовлявшейся уже на гончарном круге, и матово-расписных керамических изделий, выполнявшихся еще вручную и напоминавших старые эгейские и кикладские полуглянцевые образцы, памятники материальной культуры, сохранившиеся от среднеэлладского времени, не заслуживают большого внимания.

Жилища этого времени были тесными и оканчивались с одной стороны полукруглым завершением — так называемой абсидой (в Лерне этот тип встречается еще в период РЭ III). При этом главное помещение и далее остается прямоугольным, с круглым очагом и прихожей — здесь снова выступает архитектурный принцип мегарона. Большинство поселений не имели стен. Выразительное исключение представляет собой укрепленное поселение, открытое в Мальфи на севере Мессении. Все среднеэлладские гробницы очень бедные. Покойников зачастую хоронили внутри ограды или же в фундаменте домов, а в ряде случаев их укладывали в простые ящиковые могилы, облицованные каменными плитами. Только памятники завершающего периода этой эпохи, и в особенности первые настоящие шахтовые гробницы в Микенах, относящиеся уже к самому ее концу, указывают на возросшую степень имущественного накопления и стремительный подъем уровня культуры.

Сходную картину представляют и находки, сделанные [238] на Кикладских островах. После самого блестящего периода в истории кикладской культуры, завершившегося около 2200 г. до н. э., в последующие века здесь тоже имел место упадок, и после этого кризиса Киклады как самостоятельный культурный регион так уже больше никогда и не оправались. Скудность археологического материала, датируемого началом среднего бронзового века, вынуждала даже предполагать, что Киклады в этот период вообще не были заселены. Эта точка зрения в настоящее время опровергнута новыми находками,

однако некоторые из Кикладских островов все же, по-видимому, оставались в переходный период без населения. Во время нового культурного подъема значительно усиливается влияние Крита, некоторые острова вскоре становятся зависимыми от него если не в политическом, то во всяком случае в экономическом отношении. Это относится, в частности, к Кифере, Мелосу, Фере и Кеосу. Следы критских колонистов появляются уже около 1700 г. до н. э. и на побережье Малой Азии (в Милете), и на острове Родос. Зато на северо-западе Малой Азии в районе Трои и далее продолжает развиваться культура, чем-то напоминающая элладскую. Здесь изготавливается керамика, родственная среднеэлладской минийской, поддерживаются тесные торговые контакты с материковой Грецией.

Средний бронзовый век явился, таким образом, для элладско-кикладско-тройанского региона эпохой относительного упадка и подлинного культурного застоя. Только изредка в том или ином месте проблескивает слабый свет археологических находок, частично освещающих некоторые стороны жизни того времени, которая представляется значительно более убогой в сравнении со вторым этапом раннего бронзового века. И почти ничто не указывает здесь на то, что еще до окончания бронзового века мы сможем с изумлением заглянуть в первые шахтовые гробницы Микен, которые будут знаменовать собой приближение новой эпохи зрелой культуры на материке. Подчеркнем, что древнейшие из этих гробниц относятся ко второй половине XVII в. до н. э., т. е. еще к среднеэлладскому периоду. Но прежде чем мы уделим им более пристальное внимание, остановимся на некоторое время на острове Крит, который именно в период упадка элладской и кикладской культур в начале II тысячелетия до н. э. начинает поступательное движение к высотам своего небывалого расцвета среднеминойской эпохи.

Развитие Крита в начале бронзового века неясно. Представляется, [239] что в ряде наиболее важных критских местностей ранние минойские слои полностью отсутствовали. Ученые, как правило, объясняют это тем, что перед постройкой мощных среднеминойских дворцов раннеминойские слои удалялись, и указывают на открытие памятников ранней бронзы в недавно исследованной местности Като-Закро на востоке Крита, где достаточно хорошо представлены слои как раннего, так и среднего бронзового века.

На рубеже III—II тысячелетий до н. э. на Крите начинается строительство поселений определенно городского типа. Их центрами становятся дворцы, архитектура которых вскоре достигает уровня, заслуживающего восхищения. Эти дворцы не имели укреплений, поскольку критские властители чувствовали себя на своем острове в полной безопасности. Главные дворцы этой эпохи возникают в центральной части Крита — в Кноссе, Маллии и Фесте. Все три дворца существовали вплоть до XV в. до н. э. На протяжении их длительной эволюции мы можем четко выделить два этапа в истории дворцов — периоды древних и новых дворцов, причем хронологический рубеж между ними проходит приблизительно около 1700 г. до н. э. Мы не располагаем сколько-нибудь подробными данными об эволюции строительства древних дворцов, однако известно, что с самого начала своего существования это были обширные сооружения, возводившиеся вокруг центрального прямоугольного двора.¹⁵⁴

Богатства критских владык и блеск их дворцов, почти полное отсутствие угрозы вражеского вторжения, безопасные морские пути, открытые для иноземной торговли, исключительная творческая одаренность населения Крита — все это заметно отличает Крит среднего бронзового века как от соседнего с ним убогого мира остальной Эгеиды, так и от мира великой славы и великой культуры, но вместе с тем мира непрерывных войн, каковыми были страны Ближнего Востока (Передняя Азия, Египет). Однако

произошел ряд землетрясений, и около 1700 г. до н. э. критские дворцы внезапно оказались лежащими в развалинах.

Впрочем, возможности критской цивилизации тогда были еще далеко не исчерпаны. Спустя несколько десятилетий в Кноссе, Фесте и Маллии уже возводятся новые дворцы, а со временем к их числу присоединяются и другие, из которых к настоящему времени наиболее обстоятельно раскопан дворец в Закро на востоке Крита, а на западе острова археологическими исследованиями надежно [240] установлено существование дворцового комплекса в древней Кидонии (современная Ханья). Все эти дворцовые сооружения получают в XVII—XVI вв. до н. э. ту планировку, которая сохранилась фактически вплоть до их окончательного разрушения. На развалинах, в которые превратились дворцы после крупного землетрясения, около 1700 г. до н. э. возникает критский художественный натурализм, основу которого составляет изображение сцен живой природы как на керамических и прочих изделиях прикладного искусства малых форм, так и на фресках, украшающих стены дворцов.

Но около 1580 г. до н. э. снова содрогнулась земля и дворцовые сооружения вновь оказались повергнутыми в руины. И вновь из разрушенного старого рождается еще более замечательное новое. Как показывает произведенная на основании данных археологии реконструкция, Кносский дворец приобретает вскоре в той или иной степени свой окончательный облик.

Непрерывное многовековое развитие, хотя и нарушаемое время от времени естественными катастрофами, позволило Криту превратиться в процветающую в культурном, экономическом и политическом отношениях средиземноморскую державу первостепенного значения, соперничавшую в культурном и экономическом плане с обоими главными центрами цивилизации того времени — Египтом и Месопотамией. При этом создается впечатление, что общественной структуре Крита в значительно большей степени было присуще чувство гражданственности, чем современным ей крупным государственным образованиям Ближнего Востока. Властитель как высший представитель государственной власти никогда не выступает в критском изобразительном искусстве на первом плане. Не встречаем мы здесь и военной тематики, а религиозное чувство передается главным образом посредством изображения культовых отправлений или символики, но никогда — изображением божеств. Все это было следствием длительной истории, не знающей войн и притязаний на великие завоевания. Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что на Крите не существовало монументальных храмов. Представляется, что их функции выполняли дворцы (а при случае и иные сооружения) и находящиеся в них святилища. Вспомним при этом, что дворец в Кноссе назывался «Лабиринтом», что первоначально означало «Дом двойной секиры», а двойная секира играла важную роль в культовой символике Крита. [241]

Естественная катастрофа, происшедшая около 1580 г. до н. э. и ставшая концом среднеминойской (СМ I-II, около 2000—1580 гг. до н. э.) и началом позднеминойской (ПМ I-II, около 1580—1050 гг. до н. э.) эпох, привела к тяжелым последствиям на Крите и отрицательным образом сказалась на его внешней торговле. Например, в Египте следы ввоза позднеминойской керамики отсутствуют примерно с 1580 до 1510 г. до н. э. (ПМ I A), причем именно в это время в Египте появляется микенская керамика из материковой Греции. Крит окончательно преодолел этот застой только в конце XVI в. до н. э. Кроме находок собственно критских изделий этот перелом подтверждается и тем фактом, что первой третью XV в. до н. э. датируются фрески из гробниц в Фивах Египетских с изображениями критских посланцев, подносящих дары. При этом на фресках отмечается определенное противоречие, которое заслуживает более подробного освещения. Речь идет

о фресках из четырех гробниц, из которых две более ранние (одна датируется временем около 1490 г. до н. э., а вторая почти на пятнадцать лет младше), несомненно, указывают, учитывая время их возникновения, на минойский, доахейский Крит. Третья гробница сооружена около 1470 г. до н. э. Находящаяся в ней фреска первоначально представляла критских посланников в таких же одеждах, какие изображены в предыдущих гробницах, т.е. в типично минойских передниках, спускающихся сзади на ноги, в то время как спереди с пояса свисает только какой-то привесок. Но спустя некоторое время эта одежда на фреске в третьей гробнице была перерисована таким образом, что получила вид передника, охватывающего весь корпус и ниспадающего спереди длинным углом, чем обнаруживает сходство с мужской одеждой материковой Греции. Часть исследователей считает, что перерисовка одежды связана с политическими изменениями на Крите, когда после происшедшей в Эгеиде крупной катастрофы, вызванной извержением вулкана на острове Фера около 1470 г. до н. э., власть в Кноссе захватили микенские ахейцы. Хорошо согласуется с этим предположением и тот факт, что фреска из четвертой гробницы, датируемая третьей четвертью XV в. до н. э., представляет уже именно те одеяния, с которыми мы встречаемся в перерисованном варианте в третьей гробнице и которые можно считать типичными для тогдашнего населения материковой Греции.

Однако это не единственное любопытное [242] обстоятельство, указывающее на возможную смену власти и установление ахейского влияния в Кноссе. Как мы уже упоминали, во второй половине XV в. до н. э. (ПМ II) в памятниках изобразительного искусства в Кноссе начинает проследиваться ярко выраженная тенденция к орнаментированной схематизации художественных элементов, в частности в керамике, на фресках и печатях. Отмеченная особенность обнаруживает весьма показательное сходство с аналогичными предметами элладского региона, особенно с микенской керамикой того времени, и является важным аргументом в пользу той точки зрения, что на рубеже XV—XIV вв. до н. э. в восстановленном Кноссе господствовали греки.

Впрочем, оставим Крит, который после разрушительной вулканической катастрофы утрачивает свою прежнюю роль ведущей культурной и экономической силы Эгеиды и становится всего лишь одной из частей Микенского мира, центральное место в культуре которого теперь уже полностью принадлежит материку. Мы снова возвратимся на несколько веков назад — во времена шахтовых гробниц, когда микенские ахейцы впервые оказались стоящими ко главе культурного развития Эгеиды. На Крит мы еще вернемся, но уже в то время, когда под влиянием критской культуры ахейцы достигнут такого уровня, что их можно будет с полным на то основанием называть законными наследниками критских традиций.

[147] Об индоевропейских языках см.: *Crossland R. A.* — САН, I, 2. (См. также, например: *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык... Т. I, с. 371-428. — *Примеч. пер.*)

[148] Правильнее было бы говорить об италийской группе, которая подразделялась на латино-фалисскую и оскско-умбрскую ветви. Кроме италийских на территории Италии в древности имели место распространение и другие языки, как индоевропейские, так и неиндоевропейские — этрусский, мессапский, венетский, лигурийский, кельтский. Учитывая последующее развитие из латинского романских языков, можно также говорить об италийско-романской группе (не путать с итало-романской группой современных романских языков! — *Примеч. пер.*)

[149] Кроме упомянутых здесь языков существовал еще целый ряд мертвых индоевропейских языков и даже языковых групп. Таковыми были, например, иллирийские (некоторые ученые относят сюда, в частности, мессапский или гипотетически реконструируемый пеласгский). Унифицированная общепринятая классификация индоевропейских языков (в частности, мертвых) еще не создана. (*Примеч. пер.*)

[150] Языки анатолийской группы (хеттский, лувийский, палайский, «язык хеттских иероглифов» и исторически продолжающие их «новые» языки I тысячелетия до н. э. — лидийский, ликийский и, возможно, карийский) представляют особый интерес для исследования этнокультурных процессов, происходивших в Эгеиде в эпоху бронзы, поскольку они являются не только родственными греческому (и гипотетическому пеласгскому), но и вступали с ним в непосредственный контакт. (*Примеч. пер.*)

[151] Языки этой группы представлены памятниками письменности крайне скудно, поэтому их исследование сопряжено с целым рядом трудностей. Однако не исключено, что фракийский элемент играл существенную роль в древнейшей истории Эгеиды. Краткое описание языков фракийской группы см.: *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978. (*Примеч. пер.*)

[152] *Caskey J. L.* — САН, II, 1, с. 135 и сл.

[153] Взгляда о приходе протогреческих племен из Малой Азии придерживаются, в частности, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов (Индоевропейский язык... Т. I, с. 898-908). Дискуссию по поводу их индоевропейской теории см.: ВДИ, 1960, № 3, с. 3-27; 1981, № 2, с. 11-33; 1982, № 3, с. 3-30, № 4, с. 11-25; 1983, № 3, с. 31-37. (*Примеч. пер.*)

[154] О Крите эпохи бронзы см.: *Press L.*, 1972; *Platon N.*, 1966; *Hood M. S. F.*, 1971; *Faure P.*, 1978, а также литературу, указанную в примечаниях к главам 3, 7, 16.

Глава 18. Расцвет Микен

Группы индоевропейцев, явившиеся основным ядром формирования греческой народности, в течение среднеэлладской эпохи смешались с догреческим населением континентальной Греции в этническом и языковом отношениях. В языковом плане результатом этого процесса явился ряд быстро происшедших изменений, существенно изменивших фонетическую структуру языка (прежде всего согласных звуков), а также заменивших весьма значительное число древних индоевропейских слов лексикой, заимствованной из эгейского субстрата. В результате этого во второй половине II тысячелетия до н. э. возник древнейший греческий язык, сохранивший индоевропейскую грамматическую структуру, но его словарный запас уже существенно отличался от индоевропейской праязыковой основы. [243]

Новые пришельцы подверглись также мощному воздействию культуры покоренного догреческого населения. Таким образом, когда в XVI в. до н. э. материковая Греция эпохи микенских шахтовых гробниц снова становится во главе развития эгейской цивилизации,

греческие пришельцы уже осуществляют контроль практически над всем элладским регионом, но их собственная культура находится еще только на полпути к полному синтезу, в который со временем должны вступить на территории Эгеиды древние индоевропейские, изначальные элладские и специфические крито-минойские элементы.

Обилие сокровищ, обнаруженных в шахтовых гробницах Микен, является интересным свидетельством, отражающим структуру и экономический уровень раннего микенского общества. Оно является доказательством стремительного имущественного накопления, имевшего место в политических центрах отдельных областей, и одновременно свидетельством далеко зашедшей социальной дифференциации. Погребенные в шахтовых гробницах представители господствующего класса, несомненно, были прославленными воителями, о чем свидетельствует ценное оружие, обнаруженное в гробницах, а их останки характеризуются антропологическими чертами, отличными от более древнего населения средиземноморского типа (мощное телосложение, более 180 см роста). В их распоряжении находились опытные ремесленники самых различных профессий. Об этом свидетельствуют находки предметов материальной культуры, подтверждающие существование значительной дифференциации ремесла. Показательны и экономические связи с другими странами, в особенности с Критом и малоазийским побережьем, а также с Ближним Востоком, культурным миром древней Италии и даже с Западной и Центральной Европой. Ряд находок указывает уже на значительную степень синтеза местных и иноземных художественных приемов, прежде всего взаимодействия элементов культуры материка с влиянием утонченной культуры минойского Крита.

Появление шахтовых могил XVI в. до н. э. знаменует собой выход микенской цивилизации на магистральный путь развития истории мировой культуры, но это было только началом небывалого подъема этой цивилизации. Столь быстрое накопление сокровищ в шахтовых гробницах представляется ряду исследователей и без того столь неожиданным и поразительным в сравнении со скромным среднеэлладским прошлым, что многие склонны говорить [244] о появлении этих сокровищ в Эгеиде откуда-то извне.

Например, некоторые ученые полагают, что около 1600 г. до н. э. мог иметь место поход материковых ахейских воителей на Крит, откуда они вернулись домой с богатой добычей. Однако на Крите не обнаружено никаких следов вражеского нашествия, относящегося к тому времени. При этом рост экономического потенциала микенцев продолжается и в последующий период, причем столь интенсивно, что его невозможно объяснить следствием одного лишь грабежа, даже крупного масштаба.

Другие исследователи, в свою очередь, считают, что некоторые предметы из шахтовых гробниц обнаруживают определенные черты, указывающие на Египет, и пытаются увязать древнегреческую легенду о прибытии Даная в Арголиду из Северной Африки с тем установленным фактом, что именно в XVII в. до н. э. Египет переживал серьезные потрясения политического характера. В конце XVIII в. до н. э. с Кавказа и гор Армении двигалась разрушительная волна воинственных семитских народов, которые прошли по всему Ближнему Востоку, используя неизвестную до того времени военную технику — боевые колесницы, запряженные лошадьми. Одна часть их сокрушила военную мощь Вавилона, а другая — так называемые гиксосы — проникла на рубеже XVIII и XVII вв. до н. э. в Нильскую дельту и овладела более чем на столетний период большей частью Египта. Сходство дат здесь поистине поразительно: конец владычества гиксосов в Египте приходится на время около 1560 г. до н. э., прибытие Даная в Арголиду «Паросский мрамор» относит к 1510 г. до н. э., а самые богатые гробницы могильного круга А в Микенах датируются 1550—1500 гг. до н. э. Все это привело к появлению гипотезы о том, что отряд микенских воинов принимал в Египте участие в последних боях с гиксосами,

был щедро награжден за свою службу и возвратился домой вместе с группой египетских соратников.

Эта гипотеза весьма привлекательна и довольно остроумна, однако не имеет при этом надежного подтверждения данными материальной культуры. Наоборот, в результате детального анализа египетских особенностей предметов из шахтовых гробниц установлено, что речь, несомненно, идет о вещах, явно обладающих также чертами, присущими минойским изделиям, так что ни одна из них не предполагает необходимости существования непосредственных египетско-микенских контактов. Решающее значение для [245] появления и дальнейшей судьбы этих предметов на материке сыграла скорее посредническая роль Крита. То же можно сказать и о целом ряде прочих находок, сделанных в шахтовых гробницах. Поэтому в настоящее время большинство исследователей склоняется к мысли, что появление сокровищ шахтовых гробниц явилось результатом успешной хозяйственной политики местных микенских властителей.

Однако все это вовсе не исключает возможности существования прямых связей с Египтом и вообще со всем Ближним Востоком, поскольку именно ко времени около середины II тысячелетия до н. э. устная традиция приурочивает появление и ряда других центральных фигур раннего пласта греческой мифологии, связанных по своему происхождению с Востоком. Кроме Даная таковыми являлись, в частности, Кадм и Пелоп. И это вовсе не простая случайность, а реальное отображение древнейших связей, существовавших между Эгеидой и Ближним Востоком в XVII—XVI вв. до н. э. Представляется также, что эти легендарные личности могли быть связаны с появлением в Эгее некоторых материальных ценностей. По всей вероятности, они явились носителями различных знаний и опыта организационного, экономического и технического характера, а когда со временем действительно стали играть ту видную роль в политической жизни, которую приписывает им греческая мифология, то, несомненно, добились значительно более быстрого и, главное, более стабильного накопления материальных ценностей в ранних центрах микенской культуры, чем того можно было достичь путем лишь одного военного похода.

Тенденции к взаимодействию элладской и минойской культур, прослеживающиеся уже в находках из шахтовых гробниц Микен, особенно усиливаются во второй позднеэлладский период (ПЭ II), охватывающий почти весь XV век до н. э. Это был исторический этап, характеризующийся, к сожалению, отсутствием более подробных сведений о строительстве дворцов и поселений того времени, поскольку археологические слои этого периода по большей части бесследно исчезли под более поздними слоями. Возможно, что уже к этому времени относится начало существования некоторых важных с хозяйственной точки зрения сооружений, каковыми, в частности, являются ирригационные системы Беотии и Арголиты. Довольно хорошо мы информированы опять-таки о способах захоронений. Купольные гробницы, в предыдущем [246] столетии встречающиеся главным образом на западе Пелопоннеса, начинают появляться также и в районе Микен, и, хотя большинство их разграблено, своим архитектурным великолепием они указывают на богатство и знатное происхождение властителей и других представителей господствующего класса того времени.

Период ПЭ II принято подразделять на два этапа. В начале столетия важным хозяйственным и культурным фактором в Эгее продолжает оставаться Крит, откуда еще и в это время на материк вывозится множество художественных изделий. Равным образом материковая керамика продолжает и далее испытывать сильное влияние натуралистического стиля Крита периода ПМ II Б, для которого характерно обращение к морской тематике.

Однако это влияние принадлежит уже к числу последних в длинном ряду явлений, свидетельствующих о выдающемся вкладе критской цивилизации в сокровищницу Элладской культуры. Уже несколько десятилетий спустя по всей южной части Эгеиды прокатилась волна сильных землетрясений. Вызванные ими разрушения достигли своей высшей точки в катастрофическом извержении на острове Фера около 1470 г. до н. э., в результате которого остров раскололся, а его остатки оказались покрытыми многометровым слоем лавы. Это извержение было настолько мощным, что, нанеся смертельную рану существовавшей на Крите еще с конца неолита многовековой минойской цивилизации и подвергнув оставшееся население острова неожиданным лишениям, его последствия поставили в конце концов Крит в политическую и экономическую зависимость от микенских ахейцев.

При этом Крит был не единственным островом, пострадавшим от извержения Ферского вулкана. В частности, разрушение недавно открытого города близ Айя-Ирини на Кеосе датируется тем же хронологическим периодом. Осталось неизвестным, на каком языке разговаривало здешнее население — на минойском (древнекритском) или микенском (греческом).

Само собой разумеется, что ферско-критская катастрофа явилась причиной исчезновения критского влияния на материке. Однако, к счастью, эти разрушения произошли в то время, когда микенская культура материковых ахейцев была уже способна к самостоятельной жизни, и поэтому последующие десятилетия XV в. до н. э. явились тем периодом, когда в Эгее происходит окончательное слияние минойских и элладских элементов в итоговом [247] микенском синтезе. Это относится не только к керамике, но и к прочим изделиям прикладного искусства.

Установление факта губительного воздействия извержения ферского вулкана на критскую цивилизацию позволяет нам сегодня составить также определенное представление о том, каким образом ахейцы овладели тогда Кноссом. Вопреки существовавшей ранее точке зрения, ахейцы, вероятно, появились здесь и не в качестве завоевателей, покоривших критские города, и не как дружина, сопровождающая ахейского царевича к наследнице Кносского престола, а как морская разведывательная экспедиция — с целью выяснения возможности поселения на Крите, подвергнувшись тяжелым последствиям ферского извержения. А поскольку Кносс в значительной степени избежал разрушения в прямом смысле слова и был лишь засыпан пеплом, ахейцы довольно быстро превратили его в политический центр своей власти, но при этом они, безусловно, опирались на поддержку пережившего бедствие местного населения. Для Кносса этого времени характерно близкое следование более древним критским традициям и в то же время воздействие самых разнообразных влияний, идущих с материка.

Представляется, что наряду с Кноссом ферско-критскую катастрофу пережили и некоторые другие критские центры, продолжавшие оставаться зависимыми от центральной власти Кносса и во время владычества ахейцев. Этот вывод следует прежде всего из анализа топонимических данных, содержащихся в текстах на кносских табличках, где фигурируют такие названия, как Амнис, Туллис (позднее Тилисс) в центральной части северного Крита, Фест на юге острова, Лукт (позднее Литт) в восточной части, Лато далее к востоку, два места на крайнем востоке (wa-to = более позднее Палеокастро?, o-du-ro-we = Закрос?) и Кудония на западе острова (позднее Кидония, совр. Ханья). А то отмечавшееся выше обстоятельство, что сельскохозяйственная продукция в этих и других районах Крита около 1380 г. до н. э. снова достигла значительного подъема, выразительно свидетельствует о преодолении экономического застоя, вызванного происшедшим чуть менее столетия до того

извержением вулкана на Фере. Таким образом, вероятно, что некоторые административные центры Крита вновь поднялись из руин, но находились уже под властью ахейских пришельцев утвердивших к тому времени свое господство на острове.

Таков был облик Крита в периоды ПМ II (около 1470— [248] 1400 гг. до н. э.) и ПМ III А (около 1400—1380 гг. до н. э.). В это время тронный зал Кносского дворца получает свой известный в настоящее время облик, вблизи Кносса появляются гробницы воинов с микенским вооружением, в самом Кноссе изготавливается керамика дворцового стиля, обнаруживающая значительное сходство с керамикой материковой Греции.

Но вскоре — около 1380 г. до н. э. происходит окончательная гибель и этого вновь отстроенного Кносского дворца. Относительно того, каким образом это случилось, исследователи никогда не придерживались единого мнения. Явилось ли это следствием землетрясения, восстания критян против ахейцев или нападения материковых ахейцев на своих кносских соплеменников, обосновавшихся на Крите на два-три поколения ранее? Как ни странно, часть ученых сегодня вновь возвратилась к ставшему уже традиционным объяснению происходивших на Крите катастроф землетрясением. Теория же внутренних столкновений в настоящее время отвергнута большинством исследователей, поскольку представляется невероятным, чтобы их последствия могли сказаться на Крите в такой степени, что победившая сторона была не в состоянии заново отстроить хотя бы некоторые из разрушенных центров. К тому же предметы материальной культуры малых форм изготавливались на Крите и позднее, причем приблизительно на том же уровне, что и до разрушения дворцов.

В последнее время ученые вновь начинают возвращаться к мысли о вторжении материковых ахейцев, но лишь в качестве *дополнительной причины* окончательного упадка Кносса. На первый взгляд эта мысль довольно абсурдна. Если Крит находился под властью ахейцев уже в течение нескольких десятилетий, то зачем самим же ахейцам вдруг понадобилось разрушать его? Однако не следует забывать, что во второй половине XV в. до н. э. Крит был не территорией, зависимой в политическом отношении от материковых ахейцев, а самостоятельным государством, в той или иной степени прямым продолжателем древних минойских традиций. Несмотря на существенное сокращение вывоза своих товаров, Крит и в это время продолжал оставаться серьезным торговым конкурентом континентальной Греции на средиземноморских рынках, а это не могло устраивать материковых ахейцев. Учитывая эти обстоятельства, внезапное вторжение последних в Кносс являлось вполне логичным. [249] Но доказать это пока что не представляется возможным.

Поэтому единственный вроде бы приемлемый выход — связать изложенные выше события с гипотезой о землетрясении. Если около 1380 г. до н. э. на Крите действительно произошла стихийная катастрофа и до Микен дошло известие, что Кносс (а возможно, и другие критские поселения) обращен в развалины, вряд ли материковые ахейцы были заинтересованы в их восстановлении. Скорее всего ахейцы сделали бы все возможное, чтобы воспрепятствовать этому и устранить из экономической жизни столь опасного соперника, каковым являлся Крит, даже если его правящий класс и говорил уже по-гречески.¹⁵⁵

Однако и после этого Крит продолжал оставаться частью Эгейского мира; он и далее, хотя уже в меньшей степени, принимал участие в экономической и культурной жизни Эгеиды. Безусловно, на Крите оставалась и часть ахейского населения, говорящего по-гречески и поддерживающего связи с родным материком. Выше мы уже отмечали, что и после

падения Кносса на Крите еще в течение довольно долгого времени продолжало использоваться линейное письмо Б, как явствует из целого ряда критских текстов, относящихся хронологически ко времени от разрушения Кносса до конца XIII в. до н. э. Об этом свидетельствуют прежде всего надписи на фрагментах сосудов из Хании на западе Крита и расположенного недалеко селения Мамелюко, а также один документ из Кносса. Сюда же относятся и упоминавшиеся выше надписи на фрагментах сосудов, найденных в слоях конца XIII в. до н. э. в Фивах, относительно которых принято считать, что они изготовлены на востоке Крита.

В настоящее время становится все более очевидным, что XIV—XIII вв. до н. э. были временем не полной политической изоляции Крита от прочих районов Эгеиды, а историческим периодом, во время которого ахейский элемент и далее продолжал играть определенную роль. Когда же несколько позднее — в конце II тысячелетия до н. э. — на Крите появились греческие дорийцы, сумевшие в течение нескольких веков существенно «доризировать» Крит, их диалект все же сохранил некоторые черты древнеахейского наречия. Да и древнейший, догреческий элемент довольно долго еще не был полностью ассимилирован на Крите. Еще в середине I тысячелетия до н. э. надписи из восточнокритского Прессоса фиксируют совершенно непонятный местный язык, не имеющий ничего [250] общего с греческим и производящий весьма необычное впечатление прежде всего избытком звука «г».

Но оставим Крит и возвратимся снова в материковую Грецию времени около 1400 г. до н. э. Господство в Кноссе многому научило ахейцев. Прежде всего они научились организации системы дворцового управления, основанной на письменной регистрации отдельных хозяйственных процессов. Весьма возможно, что использовавшееся в Микенской Греции линейное письмо Б возникло еще где-то в XVI в. до н. э. и что на материке оно получило распространение уже в то время; однако несомненно, что совершенному владению микенцами письменностью способствовала более чем пятидесятилетняя практика ведения администраторской документации непосредственно в Кноссе.

Столь же сильное влияние испытала во время господства ахейцев в Кноссе и их материальная культура. Кносс — город, на который вся Эгеида взидала как на центр эгейского просвещения, — попал в руки ахейцев, а вместе с ним и весь опыт критян, веками накапливавшийся здесь благодаря существованию богатых восточных и местных традиций.

Вполне закономерно, что в материковой Греции в начале второй половины XV в. до н. э. сложилась следующая ситуация. Изготавливавшиеся здесь предметы достигают теперь столь высокого уровня, что, в сущности, не уступают критским образцам. В декоративном искусстве ахейцы и далее явились скорее способными эпигонами, чем оригинальными мастерами, но и здесь благодаря сочетанию материковых традиций с различными минойскими влияниями они сумели достичь заслуживающего восхищения высокого уровня художественного мастерства. При этом критское влияние было воспринято не без творческого переосмысления, а ахейские мастера не отказываются от собственных унаследованных от предков традиций как в практическом, так и в эстетическом плане. Так, в архитектуре жилищ основным элементом и далее продолжает оставаться мегарон, а среди форм погребальных сооружений ведущее место продолжают сохранять купольная гробница и ее упрощенная разновидность — камерная гробница.

Что касается торговых контактов, то в XV в. до н. э. продолжают развиваться и углубляться связи, установленные в более ранние времена, а к концу столетия ахейские

поселенцы обосновываются в ряде местностей Эгеиды, [251] бывших дотолее сферой критского влияния (Милет на побережье Малой Азии, остров Родос и др.).

К XV в. или самое позднее к началу XIV в. до н. э. относятся, вероятно, и события, нашедшие отражение в целом ряде преданий древнейшего слоя греческой мифологии, т.е. более раннего, чем «троянский» слой, но в то же время несколько более позднего, чем тот, к которому относились весьма древние мифы о Дане, Кадме и Пелопе. К их числу принадлежат мифы о Персеидах — предшественниках Атридов на троне Микен, о Беллерофонте — предке аргосского царя Диомеда, о Нелее — отце Нестора и о некоторых великих совместных свершениях героев греческой мифологии, также более древних, чем Троянская война, каковыми были поход аргонавтов за золотым руном или охота на Калидонского вепря. Указанное в этих преданиях временное соотношение между отцами и сыновьями в целом ряде случаев следует понимать не дословно, а как соотношение предков и потомков, между которыми стоит еще ряд малозначительных поколений, не оставивших после себя следа в мифологии. Таким образом, старшие поколения «отцов», вероятно, представлялись героям Троянской войны столь же полумифическими, какими ахейские воители под Троей казались современникам Гомера.

Упадок Кносса около 1380 г. до н. э. имел ряд других последствий. Хотя приблизительно за 70 лет до этой даты Кносс уже стал ахейским, древние критские традиции сохранялись здесь и позднее и при этом даже продолжали в значительной степени оказывать влияние на материковую Грецию. После разрушения Кносса критское влияние почти не ощутимо, а элладская культура начинает развиваться по своему собственному пути, на котором традиционные элементы минойской цивилизации выступают уже в совершенно преобразенном виде.

Тенденция к схематизации, прослеживаемая в микенском искусстве уже в предыдущий период, еще более усиливается в XIV—XIII вв. (ПЭ III А-Б). Изображения, обязанные своим происхождением существовавшему некогда на Крите натурализму, становятся как был лишенными жизни. Так, осьминоги, представленные на критских вазах морского стиля периода ПМ I Б, приобретают в микенской керамике столь схематическую форму, что разглядеть здесь осьминогов можно только при наличии богатой фантазии. Но, с другой стороны, около середины XIV в. до н. э. мы неожиданно встречаем на микенских [252] сосудах изображения человека и животных. Это, безусловно, свидетельствует о влиянии фресковых росписей микенских дворцов, на которых одними из наиболее излюбленных декоративных мотивов того времени были охотничьи и военные сцены. Необходимо, однако, сразу же отметить, что некоторые фрески, особенно последнего периода существования микенских дворцов, отличаются весьма низким уровнем технического исполнения (крайняя схематизация или же, наоборот, чрезмерная педантичность в изображении деталей, а также использование неестественных красок). И напротив, некоторые специфические мотивы фресковых росписей, как, например, сплошной фриз военных сцен в Микенах или же картина пирующих за столами мужчин и изображение певца в Пилосе, вводят нас в атмосферу, удивительно близкую миру гомеровских поэм. Это уже не просто игра художника традиционными критскими мотивами, имеющая место, например, в изображении культовых женских процессий, а попытка реального отображения жизни господствующего класса микенского общества. Глядя на эти фрески, нетрудно представить себе, как сын Одиссея Телемах входит в мегарон Пилосского дворца и садится за пиршественный стол вместе с Нестором и его окружением («Одиссея», III.386-396).

В отличие от предыдущего периода, XIV и XIII века до н. э. предоставляют нам ряд весьма обстоятельных сведений о микенской архитектуре. Речь идет об историческом

периоде, в конце которого микенские поселения большей частью уже лежали в развалинах и восстанавливались только в редких случаях, да и то в ограниченной степени. Впрочем, довольно сложно определить, когда именно была построена та или иная из сохранившихся до нашего времени частей дворцов и резиденций, поскольку в дворцовых комплексах, как правило, довольно трудно различить неоднократно осуществлявшиеся различные перестройки. Так, в течение XIV—XIII вв. до н. э. в Микенах были проведены по крайней мере три перестройки. В XIV в. до н. э. дворец в Микенах, до того времени фактически неукрепленный, обносится мощными стенами, которые доходили вплоть до могильного круга А, остававшегося, впрочем, вне укреплений. В середине XIII в. до н. э. система укреплений была расширена в направлении на юго-запад; в территорию крепости был включен и могильный круг А, который после перестройки приобрел свой известный в настоящее время вид; тогда же были [253] сооружены и Львиные ворота. В конце XIII в. до н. э. территория крепости увеличивается за счет строительства северо-восточного выступа стен, охранявшего доступ к водяной цистерне. В Тиринфе циклопические стены сооружаются только к XIV—XIII вв. до н. э. (также проводившиеся в три этапа). Мощные стены возводятся в это же время и в других микенских поселениях (Аргос, Дендра, Афины, Гла и др.). Во второй половине XIII в. до н. э. строится даже защитная стена на Коринфском перешейке, которая должна была прикрывать внутреннюю часть Пелопоннеса от нападения с моря. Относительно погребальных сооружений отметим только, что в XIII в. до н. э. они достигают своей вершины в появлении купольных гробниц изысканной архитектуры типа «сокровищницы Атрея» в Микенах.

О том, кто владел этими мощными крепостями и кто обрел последнее свое успокоение в находящихся неподалеку великолепных гробницах, мы можем лишь строить догадки, основываясь на греческой мифологии. Если мифологические предания о владыках микенского трона понимать буквально, то где-то в течение этого периода в Микенах имела место смена династий: власть Персеидов унаследовали кровожадные Пелопиды. В Мессении же около 1300 г. до н. э. на месте более древнего поселения возникает дворец, власть в котором принадлежала роду Нелеидов из Фессалии.

Греческая мифология сообщает также, что рассматриваемая нами эпоха уже сама по себе требовала существования мощных крепостей с укрепленными подступами. В течение нескольких предыдущих веков экономического подъема их владельцы сумели накопить множество сокровищ: им было что прятать за мощными стенами своих дворцов. Но с другой стороны, призрак такого же богатства, находящегося во дворце соседа, толкал их на путь военного соперничества. Очевидно, именно так и возник внутриахейский междоусобный конфликт, ставший причиной уничтожения могущественного города Средней Греции — семивратных Фив. Как мы уже упоминали, в основе этих событий лежал спор о власти над Фивами между сыновьями Эдипа Этеоклом и Полиником. Поскольку братья не сумели соблюсти первоначального договора о поочередной смене власти, Фивы стали целью двух военных походов. Сначала против них выступили войска семерых вождей, собранные аргосским царем Адрастом. Однако Фивы отразили это нападение, и все [254] семеро вражеских предводителей нашли смерть в бою.¹⁵⁶ Город был захвачен и уничтожен только поколение спустя, когда против него выступили сыновья погибших вождей под предводительством внука Адраста Диомеда, который приобрел впоследствии славу как один из героев Троянской войны. Все это говорит о том, что разрушение Фив явилось делом рук уже того поколения ахейских героев, которое жило во время Троянской войны. Если эта война происходила около 1220—1210 гг. до н. э., о чем мы будем говорить ниже, то падение Фив приходится приблизительно на третью четверть XIII в. до н. э., а неудачный поход семерых вождей — на вторую четверть того же столетия.

Вывод, что разрушение Фив приходится на время около 1230 г. до н. э., вплоть до недавнего времени подтверждали и результаты исследований археологов. Однако сегодня большинство их считает, что Фиванский дворец бронзового века, так называемая Кадмея, был уничтожен в самом конце XIII в. до н. э.¹⁵⁷ Эту временную несогласованность можно устранить либо путем переноса даты Троянской войны на 1190—1180 гг. до н. э. (античная датировка Эратосфена), либо путем пересмотра хронологии Фив (соответствующим образом выделив здесь несколько этапов разрушений). Но как бы ни была решена проблема хронологии, несомненно, что за разрушением Фив кроются политические причины. Если четверо из семерых вождей первой антифиванской коалиции были родом из Арголиды — а Арголида являлась центром элладской культуры начиная уже с эпохи ранней бронзы, — то речь, бесспорно, шла о том, чтобы сровнять с землей Фивы, представлявшие собой опасного конкурента. Странно только, что в сказании отсутствуют упоминания о Микенах, а вдохновителем похода назван Аргос. Но это противоречие объясняется упомянутыми выше условиями послемикенского времени, когда Микены уже лежали в развалинах, а Аргос представлял собой мощный центр, с которым вынуждена была считаться уже не только Арголида, но и весь Пелопоннес.

Но что наиболее заслуживает внимания и вместе с тем особенно характерно для периода ПМ III А-Б, так это чрезвычайно интенсивная торговая экспансия микенцев, идущая из материковой Греции в различные внеэлладские области. Территориально микенский мир уже не ограничивается одной лишь материковой Грецией, а включает в себя практически всю Эгеиду и ряд других районов Средиземноморья. Для всего микенского мира в широком [255] смысле этого слова характерен высокий уровень стандартизации материальной культуры, что отразилось, в частности, в значительной степени унификации микенской керамики, которую находят во многих областях Средиземноморья — от Италии до Сирии и Египта. Определенное исключение из этой унификации представляет собой только продукция двух окраинных районов — Родоса и Кипра, а также Южной Италии, где образовались самостоятельные торговые и производственные центры с гончарными мастерскими, а в ряде случаев и с постоянным ахейским населением. В течение XIV—XIII вв. до н. э. Родос полностью становится ахейским островом и вместе с еще более отдаленным Кипром (где, очевидно, еще в XIV в. до н. э. возникают микенские торговые фактории, а вскоре после этого и центры производства керамики) играет видную роль в распространении высоко ценимой элладско-левантийской керамики на восточном побережье Средиземного моря. В это же время на западе особого расцвета достигает микенское поселение в Скольо-дель-Тонно в окрестностях античного Тарента, где изготавливается микенская керамика родосского типа.

В XIV—XIII вв. до н. э. непрерывный поток высококачественной керамической продукции из материковой Греции и прочих центров производства микенской керамики направляется во все районы Восточного и Центрального Средиземноморья. К этому же периоду относится и интенсивное развитие микенских связей с областями, расположенными на западе малоазийского побережья, и установление контактов с могущественной Хеттской державой в центре Малой Азии.

Как уже упоминалось выше, Э. Форрер установил в хеттских текстах из Богазкёя целый ряд параллелей между хеттскими именами собственными и аналогичными именами собственными греческими. Первое место в этом ряду занимает название *Аххиява* (или Ахихия), сопоставимое с греческим Ахайвия и позднее Ахайя — «Земля ахейцев».¹⁵⁸ Согласно текстам, первым хеттским царем, вступившим в контакт с Аххиявой, был Супиллулиума I (около 1370-1330 гг. до н. э.). Этот властитель отправлял в Аххияву какое-то лицо (возможно, даже собственную супругу), что истолковывается как свидетельство связей, уже существовавших к тому времени между двумя государствами.

Так же следует расценивать и то обстоятельство, что в трудный для него момент хеттский властелин Мурсили II (около 1329—1300 гг. до н. э.) взывает к помощи «бога Аххиявы и бога страны Лазпаш» и особенно то, что при хеттском дворе вместе с его наследником [256] Муваталли (около 1300—1280 гг. до н. э.) воспитывались двое знатных аххиявских юношей, один из которых даже происходил из царского рода Аххиявы, а вторым был некий Тавагалава.

Именно о втором из этих лиц говорится в адресованном царю Аххиявы пространном послании Муваталли, которое, хотя и сохранилось лишь частично, ясно указывает на ухудшение хеттско-аххиявских отношений. Войско Тавагалавы и воины хеттского царя будто бы одновременно вступили в область Лукка в связи с тем, что тамошнее население обратилось с просьбой о помощи сначала к Тавагалаве, а затем и к хеттскому царю. Дело дошло до дипломатических трений, вылившихся в военный конфликт, который окончился победой хеттов. Тогда на сцене появляется хеттский подданный некий Пиямаратус, который отнял у хеттского царя 7 тыс. пленных и ушел с ними в город Милаванду, очевидно находившийся под властью царя Аххиявы. Хеттский царь потребовал у царя Аххиявы выдачи Пиямаратуса, но, не получив ответа, вступил со своим войском в Милаванду. Однако там он не нашел ни Пиямаратуса, отплывшего к тому времени из Милаванды, ни Тавагалавы. Поэтому в конце своего послания Муваталли настаивает, чтобы царь Аххиявы не позволял Пиямаратусу использовать территорию Аххиявы в качестве базы для борьбы с хеттами, и упоминает в этой связи о каком-то уже имевшем ранее место конфликте, связанном с областью Вилуса, который будто бы был улажен двусторонним соглашением.

Послание составлено в на редкость миролюбивом тоне, очевидно вызванном тем обстоятельством, что резиденция царя Аххиявы находилась вне пределов досягаемости хеттских войск, т.е. была отделена морем от Милаванды — владения Аххиявы на территории Малой Азии. Вряд ли в то время в Малой Азии существовала область, которая могла бы безнаказанно не считаться с могуществом хеттов, как это сделал царь Аххиявы, укрывая как Пиямаратуса, так и Тавагалаву. Что касается местонахождения Милаванды, то в настоящее время исследователи полностью согласны с Э. Форрером, отождествляющим Милаванду (или же Милавату) с Милетом — крупным греческим центром на западном побережье Малой Азии (более древней греческой формой названия «Милет» было Милват, причем существование микенского поселения на территории Милета археологически датируется XV в. до н. э.). О возможности проникновения Аххиявы в глубь Малой Азии свидетельствует недвусмысленное указание [257] хеттского царя на то, что во время боев с Тавагалавой он воздержался от разрушения крепости Атрии.

Однако, с другой стороны, возможно, что размеры, владений Аххиявы в Малой Азии были в то или иное время различными. К такому выводу можно прийти на основании послания хеттского царя Хаттусили III (около 1275—1250 гг. до н. э.), адресованного в Милавату, из которого следует, что правитель этого города находился в зависимости от центральной хеттской власти. Была ли в то время Милаванда тождественна Милавате или нет, этот город, так или иначе, уже не принадлежал царю Аххиявы. Заслуживает упоминания и хеттский документ времени Хаттусили III, в котором говорится о подарках царя Аххиявы царю хеттов.

Недостаточно ясен вопрос о развитии хеттско-аххиявских отношений особенно во время правления следующего хеттского царя, Тудхалии IV (около 1250—1220 гг. до н. э.). К этому времени относится фрагментарный текст, в котором говорится, что население земли у реки Сеха выступило с оружием в руках против хеттов и что в связи с этим царь

Аххиявы лично побывал на малоазийской территории, хотя трудно сказать, при каких обстоятельствах, а также на чьей стороне он выступал.¹⁵⁹ Документ оканчивается сообщением о поражении противников хеттов. Представляется, что указанные действия хеттов были тесно связаны с враждебными действиями широкой антихеттской коалиции, возглавляемой областью Ашшува, о чем мы читаем в другом тексте, который относится, очевидно, к тому же времени. В нем дан перечень названий двадцати двух областей, выступивших против хеттов. Первой из них названа Лукка (обычно отождествляемая с позднейшей Ликией на юго-западе Малой Азии), на восьмом месте следует Каркиша (в которой усматривают расположенную далее к северо-западу Карию), а предпоследнее и последнее места занимают Вилусия и Таруиса. Если эти двадцать два района перечислены, как считают многие ученые, в направлении с юга на север, то Таруиса и Вилусия должны были находиться на крайнем северо-западе Малой Азии, т.е. как раз там, где была расположена Троя или [В]илион, греческие топонимические названия которых связывают с хеттскими формами Таруиса и Вилус[ий]я.¹⁶⁰ Далее в тексте говорится о поражении упомянутой коалиции и разрушении центра восстания Ашшувы — области, давшей, согласно Э. Форреру, название всему континенту, известному в раннем греческом языке в форме Асвия, а позднее Асия (Азия). Однако сколько-нибудь надежными [258] сведениями относительно позиции, которой придерживалась во время этого конфликта Аххиява, мы не располагаем.

Другой интересный документ времени Тудхалии IV, содержащий часть текста договора между Тудхалией и царем области Амурру (Северная Сирия), сообщает о запрете на торговлю между Амурру и находившейся тогда во враждебных отношениях с хеттами Ассирией, а также о запрете кораблям из Аххиявы вести торговлю с Ассирией. Таким образом, и этот документ подтверждает, что Аххиява была расположена у моря и что важную роль в ее экономике играла морская торговля. О том, что в то время (или же вскоре после) отношения между хеттами и Аххиявой подвергались каким-то серьезным испытаниям, свидетельствует в договоре одно любопытное обстоятельство. В нем говорится о царях, за которыми признавалось достоинство, равное достоинству хеттского царя. И если первоначально в этой части договора перечислялись поочередно цари Египта, Вавилонии, Ассирии и Аххиявы, то затем упоминание о царе Аххиявы было стерто.

Последним хеттским документом, имеющим отношение к Аххияве, является послание Арнуванды IV (около 1220—1200 гг. до н. э. некоему Маддуватте. Маддуватта некогда был изгнан из своей земли Аттариссией — «мужем из страны Аххиява», бежал к хеттскому царю Тудхалии IV и получил от него власть над областью Ципасла по соседству с Арцавой (где-то в южной части Малой Азии). Аттариссия преследовал его и там, но хеттский царь снова пришел на помощь Маддуватте и возвратил ему его земли. Однако позднее, уже во времена царствования Арнуванды, Маддуватта выступил вместе со своим давнишним врагом Аттариссией против хеттов и предпринял совместно с ним нападение на страну Алашию (последняя обычно отождествляется с Кипром). Арнуванда расценил это как действие, враждебное хеттам, но Маддуватта будто бы возразил, что он не знал, что Алашия входит в сферу интересов Хеттской державы.

Таким образом, из нашего рассказа об Аххияве следует, что хеттско-аххиявские отношения, особенно на начальном этапе, несомненно, отличались чертами дипломатического добрососедства, подтверждаемого в ряде случаев и близкими связями между представителями правящих династий, хотя время от времени оно и нарушалось различными трениями. Источником напряженности прежде всего были предпринимаемые по частной инициативе (и вероятно, только [259] негласно поддерживаемые аххиявскими властителями) попытки различных аххиявских искателей приключений проникнуть в

глубь Малой Азии и далее на восток и юго-восток. Общую тенденцию хеттов к сохранению дружественных отношений в официальной политике можно объяснить различием в территориальном расположении двух государств: власть хеттов распространялась главным образом на внутренние области Малой Азии, в то время как основная территория Аххиявской державы находилась за ее пределами.

Более конкретное определение местонахождения Аххиявы остается пока для нас невозможным. Представляется, что из числа возможных мест следует исключить Кипр, поскольку в хеттских текстах он выступает под именем Алашии. Из островов Эгейского моря заслуживает внимания только Родос. Именно там помещает Аххияву значительная часть ученых.¹⁶¹ Однако некоторые исследователи до сих пор ставят вслед за Э. Форрером знак равенства между Аххиявой и Микенской Грецией в целом, подчеркивая при этом, что ни на Кипре, ни на Родосе в слоях XIV—XIII вв. до н. э. археологически не засвидетельствованы следы какого-либо более или менее значительного политического центра дворцового типа. Вероятно, ближе всего к истине находятся те, кто считает Аххияву одним из прибрежных ахейских государств, возникших в XV в. до н. э. в восточной части Эгеиды и прилегающих к ней районах в связи с потребностями хозяйственной деятельности ахейцев, основу экономики которых составляла морская торговля, зачастую сочетавшаяся с грабежом и пиратством. Таким условиям, естественно, наиболее соответствовал Родос, выгодность географического положения которого определялась близостью побережья Малой Азии и вместе с тем безопасной удаленностью от основных центров Хеттской державы.

[155] Об окончательной гибели Кносса см.: *Hooker J. T.*, 1976, с. 70 и сл.

[156] После первого похода в живых остался лишь Адраст, которому удалось спастись на коне, подаренном ему Гераклом. Хотя второй поход (так называемых эпигонов) будто бы возглавлял внук Адраста Диомед, его главным героем был Алкмеон, сын прорицателя Амфиарая. (*Примеч. пер.*)

[157] *Spyropoulos Th.* — *Chadwick J.*, 1975, с. 69.

[158] Литературу об Аххияве см. в примеч. 15. Соответствующие хеттские тексты см.: *Sommer F.*, 1933; *Güterbock H. G.*, 1936; *Huxley G. L.*, 1960. (См. также: *Борухович В. Г.* Ахейцы в Малой Азии. — ВДИ. 1964, № 3, с. 91-106; *Гордезиани Р. В.*, 1978, с. 176-185; *Гиндин Л. А.* Гом. КНТЕЮИ в конкретно-исторической интерпретации. — Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, с. 32-36; *Гиндин Л. А.*, *Цымбурский В. Л.* Античная версия исторического события, отраженного в KUB XXIII, 13. — ВДИ. 1986, № 1, с. 81-87. — *Примеч. пер.*)

[159] В последнее время было высказано предположение, что этот текст, как и некоторые другие (например, текст о Маддуватте — см. с. 265), относится ко времени царствования Тутхалии II (середина XV в. до н. э.). В таком случае эти тексты могут представлять собой весьма ценные ранние документы об Аххияве, позволяющие пересмотреть заново целый ряд вопросов. Однако такой перенос датировки еще недостаточно обоснован. См.: *Gurney O. R.* — САН³. II, 1, с. 676 и сл.

[160] Тождество названий Вилуша и Вилушийя еще не может считаться доказанным. См.: САН³, II, 1, с. 67.

[\[161\]](#) В пользу такой локализации высказался еще Б. Грозный. См.: *Hrozny B.*, 1929.

Глава 19. Закат Микен

В XIV—XIII вв. до н. э. Восточное Средиземноморье было отнюдь не мирным регионом, а ахейцы были здесь не единственными возмутителями спокойствия. В отличие от критян, чье былое морское господство являлось гарантией порядка и стабильности на морях региона, [260] предприимчивых, но при этом политически разобщенных ахейцев, наоборот, скорее устраивало наличие разветвленной сети торговых связей, осуществлявшихся в большем числе политических образований. Материковая Греция была не в состоянии каким-либо образом регулировать мощную экспансию микенской торговли, поэтому ахейские колонисты становились все менее зависимыми от своей родины. Примером для этого могла служить им ситуация, сложившаяся там же на материке, где так никогда и не образовалась единая микенская держава, а всегда существовал целый ряд мелких государств, связанных друг с другом общностью языка и религиозных представлений, но ревностно оберегавших свою независимость. В течение XIV—XIII вв. до н. э. расположенные вне материковой Греции ахейские поселения и торговые фактории все более усиливаются, некоторые из них становятся важными производственными центрами (Родос, Кипр, Скольо-дель-Тонно близ древнего Тарента и др.), превращаясь в серьезных конкурентов микенских торговых центров на материке. Аналогичные явления имели место и за пределами областей, населенных ахейцами. Во многих местах Восточного Средиземноморья возникают мелкие государства и независимые города, зачастую со смешанным населением, под ахейским или под иным главенством, которые стремятся проводить на свой страх и риск собственную экономическую политику. Впрочем, у большинства приморских политических образований был один весьма существенный недостаток: они не располагали надежной экономической базой, а дававшая им средства к существованию торговая деятельность могла быть нарушена любой переменной политического или экономического характера, стихийным или климатическим бедствием. А поскольку здесь не существовало также более реальной политической силы, которая была бы в состоянии поддерживать порядок на море, в Восточном Средиземноморье стал процветать в крупном масштабе морской разбой, о чем рассказывает и Одиссей в своем только отчасти вымышленном повествовании о том, как он «с дружиной отважных добытчиков поплыл во отдаленный Египет» («Одиссея», XVII.425-426). От такого рода предприятий до разбойничьих нападений на земли других государств, даже намного более сплоченных и могущественных, оставался всего один лишь шаг. Единичные набеги такого плана переросли на рубеже XIII—XII вв. до н. э. в целый ряд агрессивных вторжений, имевших важное значение для последующих [261] исторических судеб всего Восточного Средиземноморья. Эта военная угроза исходила, согласно свидетельствам египетских источников, от так называемых «народов моря».^{[162](#)}

Вспомним, что уже в переписке из Тель-эль-Амарны времени Эхнатона (первая половина XIV в. до н. э.) упоминаются названия некоторых племен, фигурирующих впоследствии среди «народов моря»: дануна/дениен, луку, шек[е]леш, шардана. В то время как три

последних названия обычно связывают с населением Ликий (Малая Азия) и островов Сицилия и Сардиния, в племени дануна (дениен) усматривают либо самих микенских данайцев, либо известный под схожим названием народ, живший на юге Малой Азии в Киликии возле города Тарс. В начале XIII в. до н. э. некоторые из этих племен принимали участие в знаменитой битве при Кадете, происшедшей между египтянами во главе с Рамсесом II и хеттами во главе с Муваталли. Племя шардана сражалось тогда на стороне египтян, в то время как племя луку и вместе с ним кроме прочих племя дардания — на стороне хеттов. (Согласно Гомеру, дарданы были ближайшими родственниками троянцев; в настоящее время о них напоминает название пролива Дарданеллы.) Около 1220 г. до н. э. на территорию Египта вторгся ливийский царь вместе с племенами шардана, шек[е]леш, эквеш, луку и турша (тереш), о которых говорится ниже как о пришельцах с севера. Племя турша (тереш) отождествляют с тирсенами, т.е. более поздними тирренами, как называли греки италийских этрусков, происходивших, согласно Геродоту, из Лидии (Малая Азия). В названии эквеш (или же акийаваша) некоторые исследователи усматривают египетскую передачу греческого этнонима «ахайвой» — ахейцы (другие ученые отрицают такое тождество, поскольку упомянутое племя придерживалось обычая обрезания новорожденных, что не засвидетельствовано у греков). В начале XII в. до н. э. ряд важных городов сиро-палестинского побережья и Кипра подвергся нападению другой волны «народов моря», дальнейшая экспансия которых была остановлена только после двух крупных поражений, нанесенных им египетскими войсками. Первую победу над «народом моря» одержал к западу от дельты Нила фараон Рамсес III на пятом году своего правления (около 1190 г. до н. э., а по мнению других ученых — около 1180 г. до н. э.). Организатором второго вторжения вновь стал ливийский царь, поддержанный «людьми из северных стран» — и в числе прочих племенем [262] пелешт (иногда отождествляемого с упомянутыми в Библии филистимлянами, от которых, согласно библейским сказаниям, вел свое происхождение великан Голиаф, павший от руки Давида). Окончательно «народы моря» были разгромлены на восьмом году правления Рамсеса III в сражении, разыгравшемся одновременно на суше и на море где-то у сиро-палестинского побережья.

За всеми этими событиями, несомненно, стояли упоминавшиеся выше агрессивные и при этом недостаточно согласованные действия многочисленных групп морских искателей приключений самой различной этнической принадлежности, среди которых определенную роль, бесспорно, играли отряды микенских ахейцев. Например, совместные действия на Кипре, предпринятые где-то в конце XIII в. до н. э. Аттариссией из Аххиявы и подданным хеттского царя Маддуваттой,¹⁶³ могли быть самым тесным образом связаны с разрушением ряда кипрских городов около 1200 г. до н. э. Хеттский же документ времени последнего царя хеттов Супиллиулы II (около 1200 г. до н. э.), рассказывающий о морском сражении, которое приблизительно в то же время дали хетты у Алашии, т.е. у Кипра, по всей вероятности, может рассматриваться во временной и причинно-следственной связи с теми разрушениями на Кипре и соседнем сиро-палестинском побережье, которые имели место в начале XII в. до н. э.

С этим смутным временем, столь богатым различными военными вторжениями, в которых ахейцы, безусловно, не отставали от прочих, весьма хорошо согласуются и события Троянской войны. Греческая мифология объясняла причину ее возникновения похищением прекрасной Елены; мы же рассмотрим сейчас, как истолковывает эти легенды современная наука.¹⁶⁴

С поселением на холме Гиссарлык мы расстались около 1800 г. до н. э., когда там появляется археологический слой, известный как Троя VI. Этот город построило появившееся там в это время новое население, вероятно связанное как своей

материальной культурой, так и этнически с новым населением материковой Греции — предками будущих греков. В частности, троянская керамика XVIII—XVII вв. до н. э. обнаруживает близкое сходство с так называемой минийской керамикой, типичной для континентальной Греции. Однако приблизительно с 1600 г. до н. э. Троя начинает несколько отставать от элладского региона в культурном отношении, поскольку материковая Греция оказалась тогда под исключительно плодотворным [263] влиянием критской цивилизации. Впрочем, традиционные связи с элладским миром Троя продолжает сохранять и далее. Об этом свидетельствует обилие микенской керамики, найденной в Трое VI вместе с изделиями местного производства. С другой стороны, здесь почти полностью отсутствуют свидетельства тесных контактов с внутренними областями Малой Азии.

Троя VI создала себе надежный экономический потенциал путем развития двух важных хозяйственных отраслей — коневодства и текстильного производства, явившихся основой ее доходов. По своим размерам Троя VI превосходит все прочие более ранние троянские поселения. В конце существования Трои VI это укрепленное поселение окружали крепостные стены, имевшие около 200 м в диаметре и по крайней мере четверо ворот. Внутренняя часть города поднималась террасами до самой вершины Троянского холма, где находился царский дворец. Позднее, уже в последние века до нашей эры этот холм был в значительной степени срезан, но окраинные части поселения указывают, что толщина культурного слоя, относившегося к Трою VI, превышала 5,5 м.

Около 1300 г. до н. э. или немного позднее произошло внезапное разрушение Трои, которое Дерпфельд считал следствием осады этого города ахейцами; однако в 30-х годах Блеген распознал здесь следы разрушения, вызванного землетрясением, и поэтому стал отождествлять гомеровскую Трою лишь со слоем VIIa, когда город был обращен в пепелище одно или самое большее два поколения спустя (толщина слоя VIIa составляет максимум 1,5 м, а в среднем не более 50 см). Таким образом, на протяжении неполного столетия в Трою археологически засвидетельствованы по крайней мере два разрушения, что удивительным образом заставляет вспомнить греческое сказание о Лаомедонте, отце последнего троянского царя Приама. Лаомедонт не принадлежал к числу людей, умеющих держать свое слово. Когда по приказу Зевса боги Аполлон и Посейдон помогли ему возвести стены вокруг Трои, он не заплатил им за работу, а когда Геракл вырвал его дочь Гесиону из пасти морского чудовища, насланного на Трою разгневанным Посейдоном, царь поступил таким же образом и с ним. Но нарушение данного слова не прошло ему даром. Вскоре Геракл приплыл к троянским берегам с военной дружиной и сразу же совершил то, чего позднее Агамемнон добивался в течение десяти лет. Он убил Лаомедонта и почти всех его сыновей и захватил город. Так [264] произошло первое взятие Трои, о котором сообщает греческая мифология. Язык археологии и язык мифологии не тождественны друг другу, но тем не менее два важных совпадения здесь налицо. Во-первых, хронологическая дистанция между падением Трои VI и Трои VIIa не составляет, по данным археологии, более двух поколений, а это соответствует мифологической традиции, согласно которой Лаомедонт, властитель Трои, уничтоженный Гераклом, был отцом Приама — троянского царя, защищавшего город от ахейцев. При этом у Гомера Приам изображен уже старцем, не принимающим участия в сражениях, а главным полководцем троянцев является в «Илиаде» его сын Гектор — внук Лаомедонта. И во-вторых, по мнению археологов, Троя VI была разрушена в результате землетрясения, причем в сказании о Лаомедонте в разрушении города вместе с Гераклом принимал косвенное участие и бог моря Посейдон, роль которого как «колебателя земли» хорошо известна из греческой мифологии.

Троя VIIa является непосредственным продолжением слоя Трои VI, но во многих отношениях это более скромное и более бедное поселение. Дома здесь меньших размеров и вплотную примыкают друг к другу. На имевшую здесь некогда место длительную осаду указывает большое число крупных емкостей, помещавшихся в количестве от одного до двадцати под полом жилищ. В керамике Трои VIIa не прослеживаются существенных отличий от Трои VI, однако микенский ввоз стал гораздо скуднее, что можно объяснить ухудшением отношений между двумя регионами. За уничтоженной ахейцами Троей VIIa следует Троя VIIб, которую после пожара Трои VIIa начало отстраивать пережившее катастрофу население. Однако и это поселение было уничтожено пожаром еще в XII в. до н. э., а оба следующих слоя на холме Гиссарлык (VIII и IX) относятся к эпохам на много веков младшим.

Не совсем ясен вопрос о точной датировке гибели Трои VIIa. Если вплоть до недавнего времени большинство историков придерживалось точки зрения древнегреческого географа Эратосфена, относившего падение Трои к 1184 г. до н. э., то Блеген попытался на основе своих исследований отодвинуть это событие к несколько более раннему времени — к 1260 г. до н. э. (что согласуется с античной датировкой Геродота). Датировка Блегена основывается как на хронологическом анализе импортированной микенской керамики, так и на том обстоятельстве, что Пилос Нестора и ряд других микенских поселений, в которых также [265] царствовали участники Троянской войны, были разрушены еще около 1200 г. до н. э. Пока что мнение Блегена получило подтверждение только частично, а именно в том смысле, что Троя VIIa была уничтожена еще до падения Пилоса и что наиболее вероятная дата ее гибели приходится на последние десятилетия XIII в. до н. э. Указанная датировка удивительным образом близка хронологическим данным так называемого «Паросского мрамора», относящего начало Троянской войны к 1218 г. до н. э. Если же при этом вспомнить еще и о присутствии царя Аххиявы на территории Малой Азии во время антихеттской кампании в царствование Тудхалии IV, т.е. где-то в третьей четверти XIII в. до н. э., представляется, что оба этих события могли быть каким-то образом связаны друг с другом.

Усиливающийся в Восточном Средиземноморье хаос, доведенный до пределов действиями «народов моря», очевидно, лежал и в основе ахейской экспансии в Малой Азии, где к тому времени уже ослабевало влияние Хеттской державы. Значительный размах Троянского похода (если здесь действительно можно верить Гомеру) указывает, что первоначально планы ахейцев были намного шире. Уже сам факт того, что поход длился около десяти лет, а также некоторые другие указания Гомера дают основание предполагать, что ахейцы предпринимали и другие военные действия в Малой Азии. Однако конечный результат был слишком ничтожен — захват города, несомненно уже переживавшего экономический и политический упадок и бывшего совершенно не в состоянии владеть подступами к Черному морю, как это считалось ранее. Только в устных преданиях эпических певцов борьба за Трою приобрела характер военного события первостепенной важности, и поколения позднейших греков воспринимали ее как высший подвиг своих великих полулегендарных предков. Однако, с другой стороны, мы не согласны с крайне скептической точкой зрения некоторых исследователей, которые считают, что греческая традиция о Троянской войне содержит столь значительное число как полностью вымышленных, так и сильно искаженных сведений, что либо целиком, либо в большой степени отрицают за ней право на историческую достоверность.¹⁶⁵

Разрушение Трои, несомненно, относится к числу последних военных успехов микенских ахейцев. В одной из предыдущих глав мы подробно останавливались на том, с какими трудностями было сопряжено возвращение ахейских героев из-под Трои, и высказали при этом [266] предположение, что кое-кому из них вообще уже некуда было возвращаться.

Если Троянская война окончилась около 1210 г. до н. э., то это было уже преддверие эпохи великих катастроф, постигших материковую Грецию около 1200 г. до н. э. Тогда погиб в пламени пожаров мессенский Пилос, крупные разрушения имели место в Микенах и Тиринфе, уничтожению подверглись прочие микенские дворцы и поселения. Из числа наиболее важных центров удалось устоять только Афинам, а по мнению некоторых исследователей, также и Иолку, причем говорить о Микенах и Тиринфе как о поселениях городского типа можно лишь со значительными оговорками.¹⁶⁶

Одновременно в материковой Греции можно наблюдать следы миграции населения: если в XIV в. до н. э. здесь засвидетельствовано почти 180 поселений, а в XIII в. до н. э. — даже более 260, то в XII в. до н. э. их насчитывалось лишь около 110. Наибольшая убыль числа поселений наблюдается на юго-западе, юге и востоке Пелопоннеса, в частности в Мессении (22:41:8), Лаконии (22:30:7), Арголиде и Коринфии (31:44:19), а также в Беотии (22:28:5), причем то же явление прослеживается и на западе Аттики, в Мегариде, Фокиде, Локриде и на Пелопоннесе (область Элида) — т.е., по существу, во всех основных районах микенской цивилизации на материке.¹⁶⁷ Население указанных областей, вероятно, предчувствовало угрожающую ему опасность. Мы уже отмечали, что особенно начиная с середины XIII в. до н. э. в материковой Греции повышается интенсивность работ по возведению разного рода укреплений. Однако, несмотря на это, уже в 1230 г. до н. э. разрушению подвергается нижний город Микен, а в Тиринфе этого времени отмечены следы вражеского вторжения.

Свидетельством разрушений, имевших место в областях, сдавших родиной микенской цивилизации, является и внезапный приток ахейского населения в окраинные районы Микенского мира, что явствует из определенных изменений в размещении памятников материальной культуры в начале XII в. до н. э. Волна переселенцев двинулась из подвергавшихся опасности земель Пелопоннеса и Средней Греции как в западном, так и в восточном направлениях. На западе беглецы устремлялись главным образом в глубинные районы Ахайи — области, расположенной на севере Пелопоннеса у Коринфского залива, затем на острова Ионического моря, в особенности — на Кефаллению и Итаку, а также в Южную Италию, прежде всего [267] в район Тарента (совр. Таранто). На востоке волна беженцев двинулась в Афины, в восточную Аттику и на прилежащие острова, а также в глубь островной Эгеиды (в частности, на Хиос и Родос). Оттуда они переправлялись не только на соседнее западное и юго-западное побережье Малой Азии, но и на Кипр, который, вероятно, только в это время становится островом с преобладанием греческого населения, а также в лежащие напротив него области Киликию и Памфилию на юго-востоке и юге Малой Азии.¹⁶⁸

Отражением этих миграций являются некоторые любопытные мифологические предания. Так, лучший стрелок из лука в ахейском войске под Троей Тевкр родом с острова Саламин переселился в связи с семейными неурядицами на Кипр и основал там город с таким же названием — Саламин. Другие герои направляются в Киликию и Памфилию. Один из величайших ахейских героев — победитель Фив, доблестно сражавшийся у Трои, аргосский царь Диомед будто бы отправился в связи с изменой жены в Апулию (Южная Италия), прочие герои обосновались у Тарентинского и Неаполитанского заливов, другие основали далеко на севере Италии город Пизу, а некоторые даже переселились в Иберию и на Балеарские острова. Однако здесь мифологическая традиция слишком уж подчеркивает в качестве основных мотивов массовой эмиграции разного рода семейные конфликты и превратности морских странствий. Подлинные причины этих событий определенно носили иной характер, на что и указывает в своей «Истории» (I.12) Фукидид: «...после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. Ведь

запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города. Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона вытесненные фессалийцами из Арны, поселились в современной Беотии, прежде называвшейся Кадмейской землей... а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес».

Кем были дорийцы? Примитивные индоевропейские племена с гористого севера и северо-запада, говорившие на языке, несомненно, настолько схожем с ахейским, что их потомков и потомков ахейцев оказалось возможным объединить в I тысячелетии до н. э. под общим названием [268] эллинов, т.е. греков. А кем были Гераклиды? Потомками Геракла, о которых в древности существовало следующее предание. Сын Геракла Гилл, изгнанный после смерти своего отца из Тиринфа царем Микен Эврисфеем, стал затем царем одного из трех дорийских племен и после смерти Эврисфея двинулся с дорийским войском на юг добиваться власти над Арголидой. Но трон Микен занял Атрей — сын Пелопа и отец Агамемнона, а Гилл был убит в поединке с аркадцем Эхемом. Гилл будто бы вызвал на поединок самого доблестного из войска ахейцев с таким уговором: если победит Гилл, Гераклиды смогут возвратиться в Арголиду, если же он потерпит поражение, они снова уйдут на север и не будут пытаться вернуться обратно в течение не менее ста лет. Смерть Гилла означала, таким образом, отсрочку притязаний сыновей Геракла, а в Микенах тем временем происходили те кровавые оргии, во время которых братья Атрей и Фиест сводили счеты друг с другом. При Агамемноне, сыне Атрея, имел место военный поход на Трою. Затем, как мы слышали из уст Фукидида, через восемьдесят лет после Троянской войны Гераклиды действительно возвратились и овладели Пелопоннесом, в то время как приблизительно на двадцать лет ранее ближайшие родственники дорийцев фессалийцы и беотийцы заняли ряд ахейских областей, расположенных севернее. Двум из этих областей — Фессалии и Беотии — они дали свои имена и, смешавшись с ахейцами, создали основу особой греческой племенной группы, так называемых эолийцев.

Изложенные события довольно хорошо согласуются с хронологической картиной, представленной нам современными археологическими исследованиями. Если падение Трои отнести ко времени около 1210 г. до н. э., то нашествие Гилла на Пелопоннес придется на начало второй половины XIII в. до н. э., т.е. на время, когда здесь возводятся мощные оборонительные сооружения, а вскоре после этого имеют место разрушения в нижнем городе Микен и в Тиринфе. Если же Гераклиды ушли из Пелопоннеса приблизительно в 1230 г. до н. э. (из сопоставления хронологических данных Фукидида и сказаний о Гераклидах следует, что это произошло за двадцать лет до разрушения Трои), это значит, что они возвратились где-то около 1130 г. до н. э. Последнее удивительно хорошо согласуется с датировкой окончательного разрушения Микен, которое единодушно определяется временем около 1125 г. до н. э. [269]

Таким образом, возникает вопрос, кто же именно ответственен за разрушение микенских дворцов, если и античная традиция говорит, что дорийцы овладели Пелопоннесом только через восемьдесят лет после окончания Троянской войны и археологи также не обнаружили следов их участия в разрушении микенских центров около 1200 г. до н. э.? Обычно говорят о трех возможных причинах катастрофы: вторжении внешних врагов, внутренних междоусобицах и климатических изменениях. Первое объяснение имеет многочисленных сторонников и основывается прежде всего на том факте, что после событий, имевших место около 1200 г. до н. э., разрушенные поселения уже не восстанавливались полностью. Внутриахейские распри также могли в отдельных случаях иметь своим следствием то или иное разрушение (как это случилось, например, в Фивах), однако столь крупномасштабное уничтожение поселений нельзя относить целиком на их

счет. При этом важным аргументом, направленным против теории иноземного вторжения, является то обстоятельство, что в материковой Греции следы какого-либо иноземного вторжения времени около 1200 г. до н. э. археологически не засвидетельствованы. Этот аргумент позволил ряду ученых выдвинуть гипотезу, что речь может идти о нашествии «народов моря», которые вскоре после этого оставили материк. Однако говорить о вражеском нашествии подобного рода можно было бы обоснованно только в случае разрушения отдельных приморских городов, к числу которых относится Пилос (вспомним пилосские таблички с текстами об охране побережья) и ряд других городов Пелопоннеса, находящихся на незначительном расстоянии от побережья. Но такое предположение вряд ли подходит для объяснения прочих аналогичных катастроф, имевших место в глубинных районах материка. В этом случае следовало бы ожидать открытия хотя бы какого-нибудь захоронения чужеземного воина или других археологических находок, свидетельствующих о присутствии иноземцев на материке. Это же обстоятельство опровергает и гипотезу о том, что в период рассматриваемого кризиса по материковой Греции прокатилась волна северных варваров, родственных участникам нашествия, уничтожившего в то же самое время Хеттскую державу в Малой Азии.

Что же касается внутренних раздоров, то таковые могли происходить либо между отдельными ахейскими городами и государствами, либо же внутри самих государственных образований. Относительно конфликтов первого типа мы [170] уже отмечали, что они вряд ли могли иметь столь далеко идущие последствия для всей материковой Греции. Исследователи, объясняющие крушение микенской цивилизации внутренними распрями, как правило, имеют в виду возможность потрясений внутри самого микенского общества. Причин для этого было более чем достаточно. Важную роль, безусловно, играла существовавшая во всем Восточном Средиземноморье напряженность, вызванная нападениями «народов моря», и связанное с ней нарушение бывшего экономического равновесия во всем этом регионе. После окончания Троянской войны еще более обостренные формы приняла и напряженность, издревле существовавшая между отдельными ахейскими государствами материковой Греции. Совместный военный поход на побережье Малой Азии только незначительно сгладил эти раздоры извне, но возвращение его участников, пусть даже с добычей, не было столь славным, как ожидалось, и экономический эффект от войны едва ли компенсировал ее тяготы.

Все это усугубляло противоречия между отдельными микенскими государствами, а от раздоров такого рода было уже совсем недалеко и до социальных конфликтов. В результате всех этих причин экономически истощенная и политически разобщенная Ахейская Греция едва ли была способна собрать силы для отражения нашествия внешнего врага. Внезапное нападение неприятеля со стороны моря при таких обстоятельствах могло привести к уничтожению любого приморского города, прочие же ахейские центры могли подвергнуться тому или иному нашествию северных соседей. Что же касается массового появления чужеземного населения на материке, то достаточных оснований для такого предположения нет.

Лишена убедительного обоснования и гипотеза о климатологических причинах миграций, отмечающая, с одной стороны, значительное потепление и катастрофическую засуху, имевшие место в Эгеиде в конце бронзового века (хотя последнее утверждение недостаточно аргументировано), а с другой — связанный с благоприятными изменениями климата мощный демографический взрыв в Центральной Европе (в пользу чего существуют убедительные доказательства).¹⁶⁹ При этом археологически доказуемо и миграционное движение из средней зоны Европы в направлении на юго-восток. Однако материковой Греции эти миграции, очевидно, не достигли, хотя следы их здесь сказались

(правда, лишь косвенным образом и со значительным опозданием), но только во второй половине XII в. [271] до н. э., когда основная масса дорийского населения была вытеснена с места своего обитания на северо-западе Греции.

Главную причину крушения Микенского мира на рубеже XIII—XII вв. до н. э. следует усматривать, таким образом, во внутриахейских конфликтах, к которым вскоре прибавился целый ряд иных причин, детально проанализировать которые и охарактеризовать связь между ними не представляется возможным.¹⁷⁰ 1200 год до н. э. решительно знаменует собой конец эпохи дворцовых центров как средоточия политической и экономической власти, а весь последующий период уже является эпохой заката микенской цивилизации. Но поскольку вся совокупность потрясений, постигших тогда материковую Грецию, не была связана с массовым приходом нового населения, которое вроде бы должно было осесть на этих землях на длительное время, многие явления материальной культуры (например, керамика)¹⁷¹ и далее продолжают традиции позднэлладской культуры. В частности, в ряде мест микенские традиции продолжают сохраняться, дав весьма любопытные результаты еще на протяжении почти целого столетия (кроме Афин таковыми были в особенности местность Перати на востоке Аттики, а также Левканди на Эвбее и Иолк в Фессалии). Микены и Тиринф также продолжают оставаться обитаемыми, хотя их дворцы уже не восстанавливаются.

Окончательное падение микенской цивилизации приходится только на конец XII в. до н. э., когда Микены были полностью сожжены, а на материковую Грецию опустились так называемые «темные века», в течение которых железо вытеснило бронзу. Когда же после этого заката Микенского мира начинается в VIII в. до н. э. расцвет мира античного, большинство бывших основных районов микенской культуры давно уже населяли другие племена — дорийцы. Дорийцы заняли весь северо-запад материковой Греции, частично Фессалию и Беотию. Далее к югу перед их нашествием устояла Аттика, но зато дорийцы овладели Коринфским перешейком, в том числе и самим Коринфом, а также всем Пелопоннесом за исключением горной Аркадии в центре полуострова (кроме того, «ахейской» некоторое время оставалась и область Ахайя на севере Пелопоннеса). Часть дорийцев переселилась на острова Эгейского моря, в том числе на Крит и Родос, а в дальнейшем проникла на юго-западное побережье Малой Азии, главным образом на полуостров Книд.¹⁷² [272]

В связи с этим возникает вопрос: откуда в Эгеиде появилось вдруг столько дорийского населения? Ранее приход дорийцев рассматривался как отдельное вторжение индоевропейского населения, родственного прочим грекам уже по самому своему происхождению, но полностью изолированного от них на протяжении долгих веков в культурном отношении и вступившего на территорию Греции только около 1200 г. до н. э. Сегодня же среди археологов, а в последнее время также и среди лингвистов, все более утверждается мнение, что дорийцы являлись составной частью индоевропейского населения, пришедшего в Элладский регион на рубеже III—II тысячелетий до н. э. и положившего начало будущей греческой народности. В течение целого ряда веков дорийские племена оставались на северо-западной окраине переживавшего свой расцвет Микенского мира, но, несомненно, все же поддерживали с ним культурные контакты. На наш взгляд, эти племена уже с XIII в. до н. э. начали проникать отдельными группами в более южные районы континентальной Греции и оседать вблизи дворцовых центров, на что указывают и элементы дорийского диалекта, установленные Дж. Чедуиком в ряде текстов, составленных линейным письмом Б. Автор настоящей книги¹⁷³ уже давно высказал мысль, что этот постепенный приток нового населения с несколько иным жизненным укладом, но того же этнического происхождения и близкого в языковом отношении способствовал углублению социальных противоречий между

господствующим классом микенских центров и значительно отличающимися от него в социальном плане широкими слоями прочего микенского населения. Языковая ситуация, существовавшая в Греции того времени, никоим образом не указывает на то, что уже тогда дорийцы составляли среди этих слоев сколько-нибудь значительный элемент, как склонен полагать Дж. Чедуик,¹⁷⁴ но в период после 1200 г. до н. э. ситуация начала быстро меняться в их пользу. В те тяжелые времена большая часть микенских дворцов уже перестала играть роль центров политической власти и административно-хозяйственных центров, а жизнь областей микенской культуры становилась изо дня в день все более смутной. Это плачевное состояние предоставляло дорийскому населению, теснимому на северо-западе Греции новыми пришельцами из Центральной Европы, исключительно благоприятные возможности овладеть районами с великим культурным прошлым, но в то время влачащими жалкое существование, без защиты мощных [273] крепостей, а затем и навсегда обосноваться здесь. При этом дорийцы принесли с собой некоторые типичные черты собственной материальной культуры — примитивную технику производства керамики, изготовлявшейся еще вручную, специфический тип бронзовых украшений, иной способ захоронения.¹⁷⁵ Однако уже на этом этапе дорийцы смогли заявить о себе в военном отношении, и если именно они окончательно разрушили Микены около 1125 г. до н. э., то это могло быть связано с приходом большой воинственной группы дорийцев, на основании каких-то причин претендовавшей на власть в Арголиде. Поскольку Микены всегда были самым значительным центром одноименной цивилизации, неудивительно, что греческая мифологическая традиция считает дорийцев виновниками целого ряда разрушений, в результате которых исчезли важнейшие дворцовые центры микенской цивилизации на три четверти столетия ранее.

С окончательным упадком Микен из истории элладской цивилизации исчез город, бывший символом политического могущества ахейцев, и на материковую Грецию внезапно опустились те «темные века» рубежа II и I тысячелетий до н. э., когда примитивный жизненный уровень сочетался с бедностью материальной культуры. Греческие наречия с дорийским элементом вскоре оказались господствующими на территории площадью в тысячи квадратных километров, протянувшейся от северо-западных областей Греции через Пелопоннес и часть островов Эгейского моря до южного побережья Малой Азии.¹⁷⁶

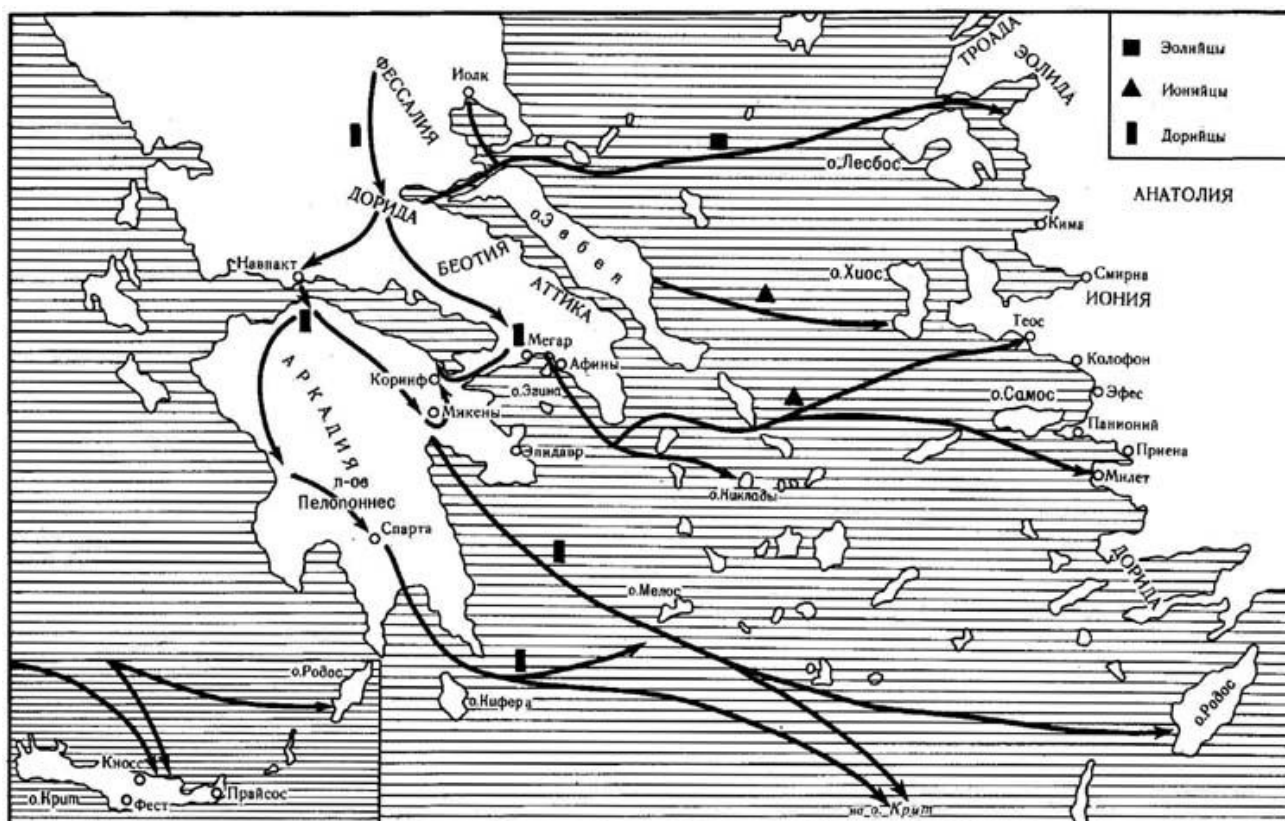
Потомки пелопоннесских ахейцев продолжали обитать только в Аркадии и на Кипре. Население греческого северо-востока, образовавшееся в результате смешения дорийского и ахейского элементов и получившее в I тысячелетии до н. э. имя эолийцев, являлось доминирующим компонентом прежде всего в восточных районах Фессалии и в Беотии. Часть эолийцев переселилась в конце II тысячелетия до н. э. на северо-запад Малой Азии и на остров Лесбос, где впоследствии Алкей и Сапфо положили начало греческой лирике.

Жители Аттики и ее главного города Афин, составлявшие ядро греческого племени ионийцев, приблизительно в то же время отправили своих колонистов на Киклады и далее — в центральную часть западного побережья Малой Азии. Эта область, которая с тех пор стала называться Ионией, дала два века спустя не только всем грекам, но и всему миру Гомера — сказителя, в лице которого [274] получила своего величайшего певца славная эпоха Микенской Греции.

Однако на рубеже II—I тысячелетий до н. э. гомеровская эпоха остается еще в туманном будущем, а греческий мир переживает период политического, экономического и культурного упадка. Но именно в недрах этой суровой жизни уже зарождается то новое качество, которое вскоре придаст новый облик героям недавно минувшей эпохи, чьи разрушенные дворцы уже поросли травой. Мир ахейских героев, говорящий с нами

гомеровскими стихами, совершенно отличен от мира, увидеть который мы можем благодаря микенским табличкам. Несмотря на то, что таблички рассказывают главным образом о ведении хозяйства и ничего не сообщают о культуре и образе жизни Микенской Греции, ни у кого не остается и тени сомнения в том, что дворцами в Кноссе, Микенах или Пилосе владели могучие цари, чем-то напоминающие восточных владык и обладающие мощным административным аппаратом, но отнюдь не патриархальные вожди из гомеровских «Илиады» и «Одиссеи». Образы гомеровских героев, с одной стороны, отражают довольно примитивные условия послемикенской эпохи, когда социально-экономическое развитие материковой Греции как бы возвратилось к эпохе разложения родового строя, а с другой, — в них проявляется ярко выраженное стремление к героической идеализации недавно минувших времен. Бедствие, внезапно обрушившееся на народ, всегда имеет следствием необычный рост его внимания к своему славному прошлому, пробуждающему надежды на возвращение лучших времен.

Здесь мы встречаемся с особым парадоксом греческой истории. Микенская Греция, согласно сведениям дворцовой администрации ее центров, была всего лишь произвольно образовавшимся конгломератом независимых друг от друга небольших государств, объединенных общностью языка и культуры и развивавшихся по соседству с великими державами Востока, с которыми они не могли равняться ни богатством, ни могуществом, ни уровнем культурного развития. Затем наступила внезапная катастрофа, и микенская цивилизация пала. И тогда греки идеализировали недавно минувшее время микенского расцвета, создав нечто новое, наполненное до той поры неизвестным, удивительно человеческим переосмыслением мифической общности богов и людей. Развитие общества как бы вернулось на столетия назад, а затем вновь двинулось вперед от родового строя к развитому классовому обществу, [275]



Карта № 7. Основные переселения греческих племен на рубеже II—I тысячелетий до н. э.

[276]

но теперь уже не в направлении к государству микенско-переднеазиатского типа, а к классическому греческому городу-государству. На гористых греческих землях юга Балканского полуострова теперь образуется новая форма общественной организации — рабовладельческая производственная система античного типа. Такое развитие закономерно определялось географически обусловленной внутренней изоляцией отдельных частей Эгейского мира и независимостью отдельных микенских государственных образований и привело в I тысячелетии до н. э. к возникновению пестрого калейдоскопа античных городов-государств. Внешняя преемственность географического и политического плана явилась в то же время основой чрезвычайно сильной внутренней преемственности идей, прочно соединяющей Микенскую Грецию и Грецию античную. Образы ахейских героев, идеализированные до образов, близких богам, становятся неисчерпаемым источником вдохновения для литературы и изобразительного искусства Греции, а затем прочным соединительным звеном между греческим миром и римским, оставаясь не лишенным смысла понятием и для современного человека.

Опустошительные пожары и разрушения, повергшие в руины Микены, Тиринф, Пилос и прочие центры микенской культуры, подвели итог определенной исторической эпохе, отдаленной от нас более чем тремя тысячелетиями. Они стали той границей, за которой мир микенских ахейцев остался жить только в воспоминаниях грядущих поколений: вначале самих очевидцев, затем целого ряда сказителей и певцов, величайшим из которых был Гомер, и, наконец, в самых различных произведениях мастеров слова и в творениях рук человеческих не только в Греции, но и во всем мире. Благодаря им образы давно ушедшего в прошлое Микенского мира — Агамемнон, Электра, Одиссей, Пенелопа, Эдип, Антигона, Геракл, Ясон, Тесей и многие другие — и поныне живут своей второй, бессмертной жизнью. [277]

[162] О «народах моря» см.: *Barnett B. D.* — САН. II, 2; *Hooker J. T.*, 1976, с. 115 и сл. (См. также: *Немировский А. И.* Этруски: от мифа к истории. М., 1983, с. 30-33. — *Примеч. пер.*)

[163] Ср. сделанную ранее в примеч. 159 оговорку.

[164] См.: *Blegen C. W.*, 1950-1958; 1963.

[165] По мнению М. Финли, падение Трои явилось результатом либо одного из многочисленных вторжений ахейцев на территорию Малой Азии, которое с течением времени приобрело в устной эпической традиции характер военного события первостепенной важности, либо же город был разрушен около 1190 г. до н. э. «народами моря». Во втором случае в основу позднейших эпических сказаний о Троянской войне были положены действия отрядов ахейцев, являвшихся союзниками «народов моря». Если первая точка зрения представляется приемлемой довольно широкому кругу исследователей, то вторая не получила широкого признания по причине ее недостаточной обоснованности. См.: *Finley M. J.*, 1964.

[166] См.: *Warren P.*, 1975, с. 134; *Hooker J. T.*, 1976, с. 141, 149. Состояние дворца в Иолке (Фессалия) не позволяет делать сколь-нибудь решительных выводов. Дж. Т. Хукер высказал ряд весьма существенных оговорок как в отношении размеров катастрофы, происшедшей около 1200 г. до н. э., так и в отношении более точной даты этого события. Позиция этого исследователя, склонного к расширению хронологических рамок периода разрушения, представляется довольно обоснованной и хорошо согласуется с гипотезой о

внутренних междоусобицах как основной причине падения микенской цивилизации (см. ниже с. 279- 281).

[167] *Bouzek J.*, 1969, с. 50 и сл.

[168] Интересным свидетельством проникновения ахейского элемента в глубь Малой Азии может являться легенда о Мопсе из Клароса (район Колофона), основавшем в далекой Киликии несколько городов, в том числе и город с названием Мопсугестия («Очаг Мопса») (*Страбон*, XIV.1.27; 4.3; 5.16). Относительно недавно было установлено на редкость близкое соответствие этому названию в обеих частях двуязычной надписи VIII в. до н. э. из Кара-Тепе, составленной на финикийском языке и на языке «хеттских иероглифов». В тексте на финикийском языке bt-mrs — «дом Мопса» упомянут рядом с этнонимом dnpum, который сопоставим с названием греческого племени «данайцы». (См. также: *Римшнейдер М.* От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977, с. 15-22; *Коннова Н. Н.* Лидия в древнейшей греческой традиции. — Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978, с. 46-57. — *Примеч. пер.*)

[169] Ср.: *Carpenter R.* 1966; *Bouzek J.*, 1969, с. 86 (там же указана литература).

[170] Подробнее о гибели микенской цивилизации см.: *Warren P.*, 1975, с. 140 и сл.; *Hooker J. T.*, 1976, с. 133 и сл.; *Bartoněk A.*, 1976, с. 46 и сл.

[171] Впрочем, хронологическая информативность керамики из этих слоев весьма низкая, поскольку здесь в одном и том же месте случаются находки керамической продукции самых различных типов, например сосудов «узкого» и «амбарного» стилей Микен.

[172] О переселении дорийцев см.: *Bartoněk A.*, 1976, с. 66 и сл.

[173] *Bartoněk A.*, 1969, с. 323; 1973, с. 310.

[174] *Chadwick J.*, 1976; *Bartoněk A.*, 1979, с. 17 и сл.

[175] Впрочем, по мнению Дж. Т. Хукера, не следует переоценивать значения этих различий. См.: *Hooker J. T.*, 1976, с. 141 и сл.

[176] О последнем периоде истории Микенской Греции см.: *Desborough V. R. D'A.*, 1964; *Snodgrass A. M.*, 1971; *Hammond N. G. L.* — САН³. II, 2. О миграциях греческих племен в послемикенскую эпоху см.: *Bartoněk A.*, 1976, с. 71 и сл.

А. И. Немировский. **Древнее Гомера (вместо послесловия)**

Развитие исторической науки и ее отдельных дисциплин менее всего является медленным и последовательным движением вперед. В некий момент происходит взрыв, ведущий к образованию принципиально нового качества и дающий колоссальный импульс для новых дерзновенных открытий. За одно или несколько десятилетий все, что столетиями находилось в тени или виделось в искаженном домыслами и фантазиями свете, озаряется небывалым сиянием пульсирующей звезды. Такие грандиозные перемены пережила на наших глазах почтенная наука о классической древности.

На протяжении полутора столетий в понимании древнейшего периода античной истории почти безраздельно господствовала концепция «греческого чуда», сформулированная в середине XVIII в. Иоганном Винкельманом и дополненная Шиллером, Гете, Гегелем и другими великими умами. Маленький греческий народ, обладавший исключительным природным чувством красоты, создал культуру, которая стала эталоном совершенства и образцом для подражания сначала римлян, а затем народов нового времени, заложил основы философии и науки и, более того, дал миру идеи свободы и демократии.

Открывшаяся в середине прошлого века возможность сопоставления «греческого чуда» с культурными достижениями восточных народов не смогла высвободить трактовку древнейшего периода европейской истории от идеализации, но подкрепила ее новым доводом. То, на что другим народам потребовались тысячелетия, древние греки достигли за столетия, отделяющие Гомера (VIII в. до н. э.) от Эсхила, Фидия, Фукидида (V в. до н. э.). При этом и само вступление греков на путь создания совершенной культуры представлялось не имеющим прецедентов и параллелей. Ведь Гомер появился вроде бы сразу и достиг таких высот, какие были недоступны ни одному из гениев, стоявших в начале развития литературы!

Что можно было противопоставить этой концепции в середине XIX в., когда появилось монументальное исследование Греции великого английского историка Г. Грота? Лишь уверенность самих греков в том, что как до Агамемнона имелись многие герои, так существовали и поэты, [295] их воспевавшие, авторы более древних, чем «Илиада» и «Одиссея», поэм. Греческие предания действительно сохранили имена поэтов Лина, Орфея, Пронапида, которые будто бы еще до Троянской войны первыми использовали для письма изобретенные финикийцами знаки. О Лине рассказывали, что он обучал Геракла и вступил в окончившееся для него гибелью соперничество с богом искусств Аполлоном. Из поэм Гомера можно было узнать о «златообильных Микенах», «крепкостенном Тиринфе», «песчаном Пилосе», о богатстве и роскоши, недоступных грекам даже в V в. до н. э., в период наивысшего развития Древней Греции.

«Но это же сказки!» — авторитетно утверждал Грот с высоты господствовавшего в его время и особенно на его передовой капиталистической родине рационализма. Чего стоит свидетельство о Лине, если его учеником был сказочный герой Геракл, а соперником Аполлон? Если греки задолго до Гомера имели богатые города, литературу, то почему самый правдивый историк древности Фукидид рисует во введении к своему историческому труду картину первоначальной бедности и разобщенности Эллады, даже отсутствия оседлости?

Нежелание выделить в гомеровском эпосе историческое зерно, было, однако, меньшим злом, чем его препарирование с позиций солярно-метеорологической, социологической и

ряда иных теорий мифов. Так, adeпты первой из названных теорий полагали, что Троянская война не что иное, как олицетворение видимых на небесном своде перемен. В этом случае Елена приравнивалась Луне-Селене, похищаемой черной тучей Парисом и освобождаемой буйным ветром Ахиллом.

Начавшиеся именно в это время самых безудержных фантазий гомероведов археологические открытия Генриха Шлимана подействовали подобно ледяному душу. Преуспевающий немецкий коммерсант Шлиман был самоучкой — со всеми преимуществами и недостатками этого пути образования. Он освобождал науку от тирании общепризнанных авторитетов, вырабатывал смелость, облегчал самостоятельность в решении поставленных задач. С другой стороны, он не давал систематических знаний, какие могут избавить от грубых упущений и просчетов и которые создают пропасть между ним и теми, кто имеет основание гордиться своею альма матер и ее профессорами.

В этом выборе пути, в котором, разумеется, сам Шлиман был не волен, определилась его личность человека и ученого, а также место, занятое им в науке. С точки зрения одних, он — открыватель неведомых истории миров, Колумб археологии; с точки зрения других — фантазер и дилетант, не сумевший правильно понять значение своего собственного открытия. И эти категорические, казалось бы, исключаяющие друг друга суждения в равной мере справедливы. Недостатки Генриха Шлимана являлись непосредственным продолжением его достоинств. И в целом они отражали тот еще невысокий уровень археологической науки, который был характерен для XIX века.

Говорят, что семь городов спорили за честь считаться родиной [296] Гомера. Удивительным образом Шлиману также открылось семь городов — в вертикальном разрезе выкопанной им траншеи. В своем археологическом невежестве он поместил гомеровскую Трою во второй слой снизу. Но сколь бы грубыми ни были ошибки Шлимана, стало ясно, что история древнейшей Греции, ставшая достоянием мифов, — не вымысел.

Раскопав разрушенную ахейцами Трою, Шлиман обратился к городам, откуда пришли эти завоеватели-ахейцы, — Микенам, и Тиринфу. Местоположение Микен не приходилось устанавливать: на поверхности земли оставались описанные еще в древности Львиные ворота, являвшиеся входом в город Агамемнона. Близ Львиных ворот Шлиман обнаружил гробницы с находками, в полной мере оправдавшие эпитет «златообильные». Был найден и «крепкостенный» Тиринф. Его стены были сложены из огромных каменных блоков и имели такую толщину, что в пространстве между линиями стен могли находиться гарнизон, склады оружия и припасов.

Вскоре после Шлимана к тайнам древнего Крита, прославленного легендами, более древними, чем мифы троянского цикла, обратился Артур Эванс. Он раскопал дворец Кносса, показав, что памятники материальной культуры и искусства Крита соответствуют преданиям о богатстве властителя этого острова Миноса и легендам о создании им великой морской державы. Важнейшей заслугой английского археолога была попытка поэтапно синхронизировать культуру Крита (он назвал ее «минойской культурой») с периодами известной по письменным документам истории древнего Египта и с памятниками Трои и Микен. Заняв определенное место на хронологической таблице, мифологические данные постепенно приобретали видимость истории.

Последним из известных Гомеру крупных городов древнейшей Греции был раскопан «песчаный Пилос», столица советчика царей «мудрого» Нестора. И здесь археологи

обнаружили грандиозный дворец, напоминающий по устройству микенский. Поблизости от города были выявлены разрушенные купольные гробницы, сходные с той, какую раскопал Шлиман и назвал «гробницей Атрея». Однако самой интересной находкой в Пилосе оказались несколько сотен глиняных табличек с загадочными письменами.

Много ли могли рассказать египетские пирамиды и храмы без разгадки Фр. Шампольоном тайны египетских иероглифов? Что бы мы знали о древнейших цивилизациях Двуречья без клинописных текстов, которые научились читать в середине прошлого века? Шлиману первому удалось проиллюстрировать, что обитатели Пелопоннеса во II тысячелетии до н. э. были создателями великой культуры. Но какой была социально-политическая структура Микен, Тиринфа, Пилоса? Кто возводил стены, получившие название киклопических? Что было причиной расцвета культурных центров? На эти и другие самые существенные вопросы археология не смогла дать вразумительного ответа, а попытки их решения с высоты [297] наших знаний кажутся теперь мифами, которые к тому же, в отличие от гомеровских, лишены какой-либо исторической основы. Достаточно, например, вспомнить, что, опираясь на одни и те же исторические данные, западные ученые авторитетно настаивают на господстве на Крите II тысячелетия до н. э. феодализма, а группа влиятельных советских исследователей, разоблачая антинаучную «циклическую теорию», рассматривала критское общество того времени как классический образец матриархата... Примерно тогда же в Германии под влиянием человеконенавистнической расовой теории был сформулирован тезис о Крите как «изнеженном женском обществе», павшем под ударами «полноценных в расовом отношении» мужественных дорийцев.

Приоткрытая Шлиманом и его последователями дверь в «доисторическое» прошлое Эллады дала пищу и другим, не менее фантастическим идеям. Откуда появилась великая культура Крита и Микен, не уступавшая великим цивилизациям Востока? Постановка этого вопроса приводила не только к плодотворному исследованию взаимных влияний культур Эгеиды и Египта, но и к бессмысленным поискам «культуры Икс», к которой возводилось происхождение как крито-микенской, так и египетской, вавилонской, древнеиндийской культур, а вместе с ними даже культуры майя. Так, на новом витке возродилась псевдонаучная идея Атлантиды как предполагаемой прародины всех человеческих культур. У нас ее апологетом и популяризатором явился поэт Валерий Брюсов. В своем курсе лекций «Учителя учителей» он, повествуя об увлекательных открытиях Шлимана и Эванса, достаточно профессионально анализируя памятники критского и микенского искусства, без всяких на то оснований ищет истоки крито-микенской и других великих культур прошлого в фантастической, никогда не существовавшей Атлантиде. Так замечательный поэт и тонкий знаток искусства оказался в малопочтенной компании теософов и дилетантов, ищущих Атлантиду по всем земным морям-океанам, в песках пустыни и подо льдами Антарктиды. Некоторые из «атлантидоманов» возлагали большие надежды на памятники критского и микенского письма, полагая, что там они узнают об Атлантиде. Прочтение записей на глиняных табличках из Кносса выбило почву из-под ног фантазеров и открыло путь к подлинно научному пониманию целого исторического периода в истории древнейшей Европы.

Это великое открытие было осуществлено в 1953 г. молодым английским ученым Майклом Вентрисом, и с этого времени берет начало та наука, которую принято называть микенологией. Тридцать пять лет для научной дисциплины, особенно при сравнении с почтенным возрастом ее сестер — египтологии и ассириологии, перешагнувших за отметку в полтора века, и даже хеттологии, достигшей семидесятилетия, не зрелость, не отрочество, а детство.

Знакомство с этой книгой, принадлежащей перу одного из крупных современных специалистов-микенологов, может показать, как много [198] удалось сделать ученым за несколько десятилетий. Греческая история была продлена почти на тысячелетие и предстала для нас не столько в изложении красочных легенд, сколько в фактах социально-экономической истории. Сколь наивными выглядят теперь рассуждения о критском матриархате! Перед нами классовое общество и государство с его военными и хозяйственными функциями, с разветвленной системой учета и распределения. А ведь мы уже привыкли к мысли, что в Европе государство впервые появилось в Греции где-то в VII—VI вв. до н. э. в результате разложения первобытнообщинного строя, памятником которого рассматривался гомеровский эпос.

Гомеровские поэмы, воссоздающие мир микенских и троянских героев, разумеется, были и остаются важнейшим источником для изучения микенского времени. Но подход к этому источнику стал иным. Памятники микенского письма, позволившие проникнуть в жизнь общества, сделали анахронизмом как былую гиперкритику гомеровских данных, так и наивное шлимановское отношение к «Илиаде» и «Одиссее» как к описаниям чуть ли не очевидца. Стало ясно, что Гомера отделяли от его героев несколько столетий «темных веков», когда в ходе нашествий, по своему значению сопоставимых с «великим переселением народов» конца античной эпохи, стихийных бедствий и уничтожения культурных центров, исчезла письменная и художественная традиция микенского общества. Сохранились лишь ее устные отголоски в виде былин, исполнявшихся сказителями-аэдами. Пользуясь этим материалом, Гомер создал великие художественные произведения, с которых началась греческая литература — в широчайшем значении этого слова. Ибо на всем протяжении античной эпохи Гомер считался не только художником, единственно достойным звания «поэт», но также первым историком, географом, философом. Благодаря Гомеру стерты с лица земли города Троя, Микены, Пилос, Кносс жили в воображении людей другого мира и судьба их владык Агамемнона, Ахилла, Гектора, Нестора, Одиссея и других волновала мало-мальски образованного человека древности так, словно бы это были его родичи.

Впрочем, и с падением античной цивилизации воздействие гомеровских образов на духовный мир европейцев ослабело лишь в столетия, которые мы называем средними веками. Вспомним размышления человека Возрождения, шекспировского Гамлета о слезах, исторгаемых у публики бродячим актером: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» Или уже в наши дни необычайную популярность повести-эссе Кристи Вольф «Кассандра» с ее попыткой проникновения в духовный мир микенской женщины, чуждой безумию войны.

Однако мир, сотканный из сохраненных аэдами фактов и легенд воображением гениального поэта, соотносился с микенской реальностью не столько в историческом, сколько в художественном плане. Эпическая картина совместного похода ахейцев под началом «пастыря народов» Агамемнона на Трою, равно как и вымышленный повод этого грандиозного [299] предприятия, не дает ничего для понимания истории микенских царств и системы отношений между ними. Неизмеримо большую ценность представляют для нас в гомеровском эпосе тщательно вырисованные поэтом подробности быта гомеровских героев, ибо в этой сфере многое еще жило в памяти последующих поколений и продолжало существовать в виде пережитков.

Бытовая сторона жизни микенских и пилосских владык дается в гомеровских поэмах как бы глазами чужеземца, явившегося на пир из какого-либо вымирающего поселения типа родины Гесиода Аскры, «тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной» (Гесиод. «Труды и дни», 640), и с удивлением взиравшего на невиданное и недоступное изобилие яств и роскошь мегарона, воспринимавшего как истину похвальбу разгоряченных вином

владык о воинских подвигах и встречах с морскими чудищами и разбойниками. Глиняные таблички вводят нас в тот же дворец, но не в пиршественный зал, а в дворцовую кладовую и делают свидетелями сложных и утомительных расчетов с поставщиками зерна, льна, оливкового масла, с корабельщиками, пастухами, гребцами, кузнецами и представителями других профессий. Рядом с прижимистым хозяином мы видим его писца, о существовании которого не знал Гомер, и этот писец становится для нас если не главной, то самой реальной фигурой Микенского мира. Исследования типа графологических экспертиз позволяют нам отличить одного писца от другого и даже понять характеры некоторых из них: утомленные однообразным трудом, они развлекались рисованием на оборотной стороне табличек человечков и животных.

Дворец, однако, состоял не только из пиршественного зала и кладовых. Там, несомненно, были помещения, где царь и члены его семьи занимались интеллектуальным трудом, писали и читали. Ведь если было письмо, то должны были существовать и тексты повествовательного и художественного характера. Имелись помещения, где жили и работали люди искусства, могла быть и комната, в которой обучали детей хозяев дворца. Уровень общества предполагает существование в нем такой же школы, которая нам хорошо известна из иероглифических и клинописных текстов II тысячелетия до н. э. Но пока это только предположения.

В свете того, что стало известно о микенском дворце как административном центре и хозяйственном организме, выявилась огорчительная ограниченность наших знаний по множеству сторон этнической, политической и культурной истории Балканского полуострова во II тысячелетии до н. э.

Наибольшие споры вызывает этническая проблема. Как обитатели материковой Греции и острова Крита Гомеру наряду с ахейцами известны пеласги, которых он локализует в Эпире (Северная Греция). Согласно представлениям более поздних греческих авторов, пеласги были также соседями ахейцев на Пелопоннесе, в Беотии и Аттике, народом, которому последующие эллины обязаны многими достижениями своей культуры. [300] Отсутствие в античной традиции единства в вопросе о пеласагах дало основание одним исследователям вовсе отрицать историческую и этническую реальность пеласгов, а другим, к числу которых принадлежит А. Бартонек, видеть в пеласагах первоначальное население материковой Греции, родственное по языку ахейцам. Против негативизма в этом вопросе говорят сведения о пеласагах в египетской традиции (см. с. 304), но языковая принадлежность пеласгов и характер их отношений с греками остаются неясными, поскольку тексты линейного письма Б ничего не дали для понимания этнической ситуации в Микенской Греции.

Споры вызывает и вопрос о месте формирования индоевропейской праязыковой общности. В XIX в. преобладало мнение, согласно которому прародиной индоевропейцев была территория между Одером и Вислой или между Вислой и Волгой. Но уже в начале XX в., опираясь на результаты изучения памятников тохарского индоевропейского языка, происходящих из Средней Азии, известный историк Э. Мейер опрокинул предположения о прародине индоевропейцев на севере Европы и предложил считать местом их первоначального обитания центральноазиатское плоскогорье. К этому мнению присоединились и развили его на большом лингвистическом и археологическом материале советские лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов.

А. Бартонек приводит ряд убедительных доводов в пользу того, что разрушения в Малой Азии около 2200 г. до н. э. связаны с резким изменением этнической ситуации и действиями какой-то одной этнической группы, в которой он видит носителей языка

индоевропейской семьи. Это, однако, не мешает ему отстаивать мнение, что «индоевропейская праязыковая общность до того, как приобрела облик единого племенного образования с одним общим языком, по всей вероятности, проходила процесс формирования в восточноевропейских степях (!) между Вислой и Волгой» (с. 233).

Среди событий военно-политической истории микенского времени, нашедших отражение в гомеровском эпосе и произведениях древнегреческих трагиков, первое место занимают война царей Аргона с «семивратными» Фивами и объединенная экспедиция ахейских государств против малоазийского центра Трои.

Есть все основания считать, что в мифическом рассказе о долголетней распре между сыновьями Эдипа за власть в Фивах существует определенная историческая реальность, хотя было бы слишком рискованным считать истиной ту последовательность событий, которую рисуют мифы. Прежде всего ясно, что Фивы как центр Беотии действительно могли быть источником военного конфликта. Раскопки выявили известную уже Гомеру крепость Фив Кадмею, а в ней царский дворец, обитатели которого пользовались линейным письмом Б. Находки в Кадмее предметов восточного происхождения, и прежде всего 36 вавилонских цилиндрических печатей из лазурита (XIV в. до н. э.), служат подтверждением особо тесных связей Фив с Востоком, явствующих также из легенды [301] об основании этого города финикийцем Кадмом. Возможно, именно эти выходящие за рамки обычной торговли контакты Фив с Востоком и были истинным источником вражды ахейцев Пелопоннеса к фиванцам, которых Гомер называет «кадмейцами». Историческим событием было и разрушение Фив, о котором говорят мифы. Археологические раскопки показали, что город микенской эпохи был уничтожен в позднеэлладский III Б период (около 1320—1270 гг. до н. э.). Таким образом, подтвердились сведения мифов о разрушении Фив до Троянской войны.

Еще более запутанным является вопрос об историчности Троянской войны, которую Гомер, а вслед за ним все греческие историки считают главным событием военно-политической истории Микенской Греции. Трудно себе представить, что причиной нападения на Трою всех государств Пелопоннеса, об экономическом и военном могуществе которых ныне можно судить на основании табличек линейного письма Б, было похищение троянским царевичем супруги царя Спарты. Дело в том, что похищение Елены является в греческой мифологии мотивом, первоначально не связанным ни с Троей, ни с Микенами. Греческие мифографы рассказывали, что прекрасная юная спартанка Елена была похищена Тесеем и Перифоем, но досталась по жребию Тесею. Во время спуска Тесея в царство Аида Елену вновь похищают, возвращая в Спарту. Но красота Елены продолжает привлекать многих, и на ее руку претендуют кроме Менелая Одиссей, Диомед, Сфенел, оба Аякса, Филоктет, Патрокл, Протесей и другие герои. Все эти женихи Елены соединяются клятвой оберегать честь супруга Елены, которым единодушно избирается Менелай. И действительно, после похищения Елены Парисом все «воздыхатели» во главе с Агамемноном, братом Менелая, будто бы отправляются освобождать Елену из троянского плена. Сведения о том, что в Спарте находился платан Елены и что в Кафии она имела титул «древесная», указывают на то, что до того, как превратиться в предмет любви микенских героев, Елена была древнейшим божеством растительности.

Большое число героев, привлеченных красотой Елены, служит свидетельством наличия местных версий о почитании растительного божества Елены, которые были преобразованы эпическим поэтом в один рассказ и связаны с Микенами и Троей. Все, что мы знаем о микенских царствах на основании табличек линейного письма Б и археологических данных, говорит о невозможности их военно-политического

объединения для такой акции, как многолетняя осада города по другую сторону Эгейского моря, даже если для этого существовала какая-то более реальная причина.

Археология Трои также ничего не дает для подтверждения Троянской войны, как она описана Гомером. Установлено, что Троя VI была разрушена землетрясением, а Троя VIIa — пожаром. Но не каждый пожар, как нам хорошо известно (например, из истории Рима или любого другого города), всегда вызывался вражеским вторжением. [302] Если бы мы не имели сведений римских анналистов о пожарах, почти полностью уничтожавших Рим, по археологическим данным можно было бы думать, что Рим был сожжен не только галлами в 390 г. до н. э., но еще много раз другими завоевателями. Таким образом, соотнесенность пожара Трои VIIa с вторжением микенцев не более чем гипотеза, имеющая такое же право на существование, как другие. Больше оснований связывать сожжение Трои и оставление ее жителями с движением «народов моря», о которых говорят современные Трое VI и VIIa египетские и угаритские источники.

Некоторые исследователи, изучая вопрос об историчности Троянской войны, обратили внимание на то, что названия «Троя» и «Илион», являющиеся для постгомеровской мифологической традиции синонимами, на самом деле не связаны друг с другом. Известно почитание в Греции Афины-Илиас; от этого ее эпитета и происходит полеоним «Илион». Имена Троил, Ил, Илей широко представлены в самой древней Греции. Более того, имена гомеровских троянцев Антенора, Гектора, Троса засвидетельствованы в микенских табличках как греческие имена.

Сторонники историчности Троянской войны пытаются опереться на хеттские источники. По их мнению, упоминаемые в хеттских текстах города «Труиша» и «Вилуша» идентичны «Трое» и «Илиону», что, однако, маловероятно, поскольку отсутствуют данные о каких-либо действиях хеттов на западном побережье Малой Азии. Правда, хеттские источники знают о государстве Аххиява, под которым логично видеть ахейцев, но какие-либо подробные сведения о войнах, которые вели цари Аххиявы, в хеттских источниках отсутствуют.

И все же за повествованием Гомера о Троянской войне должна стоять какая-то историческая реальность, будь это растянувшиеся на полтора столетия разрозненные военные экспедиции микенских правителей в Малую Азию, которые поэт объединил в один коллективный грандиозный поход и десятилетнюю осаду одного города, или воспоминания о бедствиях, принесенных в эти же века «народами моря» или же вторжением в Троаду фракийских племен, как это считал М. П. Нильсон. Главное, что Гомер в своем поэтическом повествовании и образах героев донес масштабность катастрофы, уничтожившей великую цивилизацию и положившей начало новой исторической эпохи. И поэтому принятие некоторыми древними историками Троянской войны за точку отсчета исторических событий имело больший смысл, чем установление фиктивной олимпийской эры, ибо, как это знали в древности, олимпийским играм античной эпохи предшествовали такие же игры микенского времени.

Действие в «Илиаде» и «Одиссее» разворачивается в двух сферах — в земной, где сталкиваются в непримиримой схватке ахейские и троянские герои, и в небесной, где пребывают бессмертные боги, наблюдая с высот Олимпа за тем, что совершается на земле. Из мифологии известно, что иногда боги и богини спускаются на землю, и не только [303] для вступления в любовную связь со смертными мужами или женами, но и для оказания помощи своим любимцам. А согласно «Илиаде», оказывается, Афродита, Аполлон, Артемида, Арес помогают ахейцам, а Афина, Гера — троянцам. Глава же Олимпа, царь богов Зевс, настолько велик, что он выше симпатий к какой-либо из

воюющих сторон. К Зевсу обращаются с мольбами и ахейцы и троянцы. Иногда он помогает первым, иногда вторым, но вмешательство богов в распри смертных вызывает у него смех.

Исследователи гомеровской религии давно уже пытались отыскать земную модель отношений между людьми, которую Гомер перенес на Олимп. Эту модель искали в Ионии, предполагаемом месте создания гомеровского эпоса, но ее политические учреждения — «двенадцатиградь» — не давали ничего для понимания места Зевса как неограниченного владыки.

Обращались в поисках параллели и к Фессалии, что имело как будто больше оснований, ибо Олимп, высочайшая гора Греции, находился именно там. Но название Олимп носили и другие вершины в Греции и Малой Азии, а положение правителя Фессалии (тага) не имело ничего общего с единовластием Зевса.

Дешифровка текстов линейного письма Б позволила понять, что в Микенской Греции главным божеством был не Зевс, а Посейдон, в греческой мифологии брат Зевса и владыка морей. Очевидно, Гомер в создании своего Олимпа использовал не микенскую, а восточную модель. Только у восточных народов земной правитель пользовался такой властью, какой Гомер наделил владыку Олимпа. Исследование хеттских документов показало необычайную близость некоторых гомеровских и хеттских представлений о богах. Разумеется, поэт не пользовался хеттскими текстами, но ему могла быть известной религия лидийцев, соседей ионийцев, занявших в Анатолии место хеттов и, возможно, близких к ним по религии.

Особенно важны восточные источники для изучения того, что А. Бартонек назвал «Закатом Микен». Не отрицая наличия ряда факторов, ослабивших микенские государства (к их числу должно быть отнесено рассмотренное на примере войн Аргоса с Фивами ослабление ахейцев в междоусобных войнах), все же решающую роль в этом сыграло вторжение в Элладу народов, обитавших за пределами Микенской Греции. Античная мифологическая традиция приписывает разрушение микенских центров воинственным греческим племенам дорийцев, обитавших в Северной Греции. Сведения древнеегипетских источников о «народах моря» рисуют сложную картину перемещений многих народов, которая не может быть объяснена давлением одних дорийцев.

Среди народов, вторгшихся в дельту Нила, египетские источники называют акаиваша, дануна, пелешет, шекелша, турша, лукки, текра. Большинство из них уверенно идентифицируется с народами, известными по античной и библейской традиции, что само по себе свидетельствует [304] о надежности этнографической карты «Илиады». Так, известные Гомеру пеласги — это пелешет, акаиваша — ахейцы, дануна — данайцы, лукки — лелеги, шекелша — сикулы, текра — тевкры. Что касается турша, то это тирсены (тиррены, этруски), о переселении которых в Италию сообщает античная традиция.

Сдвинуть все эти народы с первоначальных мест их обитания и заставить искать себе новую родину могло лишь вторжение, по своим масштабам и конечным результатам подобное тому, которое пережила Римская империя в конце IV — первой половине V в. н. э. Эта мощная миграция оставила следы в виде разрушенных микенских центров (захвата и разрушения избежали одни Афины) и народов, оказавшихся далеко от прежних мест своего обитания.

Крушение Микенского мира было катастрофой едва ли не во всех сферах политической и культурной жизни древнейшего населения эгейско-анатолийского региона; оно привело к

гибели множества городов, прекращению функционирования дворцовой государственной системы, исчезновению письма, упадку живописи и прикладного искусства, обезлюдению и всеобщему огрублению. Понадобилось три столетия, чтобы выйти из кризиса и начать движение по пути социально-экономического и культурного прогресса. Но то, что выросло на развалинах микенской цивилизации, разительно от нее отличалось: города-государства (полисы) вместо централизованных монархий; развитые рабовладельческие отношения вместо многообразных форм эксплуатации свободного населения; алфавитная письменность финикийского происхождения вместо громоздкой слоговой системы письма; торговля, обогащавшая не царей и дворцовую бюрократию, а предприимчивое население городов; светская наука, подорвавшая авторитет жречества. Но при этом оставалось понимание величия деяний предков. И в этом главная заслуга Гомера, воспевшего старый и прекрасный мир древних царей и грозных воителей, искусных мастеров и лекарей, храбрых мореплавателей, жизнь которых была поднята им до уровня величайшей человеческой трагедии. Благодаря колдовству поэзии герои микенской эпохи продолжали жить такими, как их создало воображение Гомера. Античному человеку, знавшему о микенском времени неизмеримо меньше нас, казалось кощунством сомневаться в осведомленности величайшего из поэтов. Мелочная критика Гомера была заклеяна в древнегреческой традиции в образе Зоила.

Появление новых источников о Микенском мире, все более и более роня авторитет Гомера как историка, нисколько не принижает его величия как поэта. Отныне надежды на углубление знаний о Микенском мире связаны с открытием новых письменных памятников и их надежной интерпретацией.

Популяризацией науки часто занимаются люди, далекие от нее по характеру своей деятельности и узкой профессии. Нередко им удается увлечь читателя новизной предмета, образно раскрыть его содержание. [305] Но популярные работы специалистов обладают неизмеримо большей ценностью, поскольку они, может быть и написанные менее бойким слогом, дают гораздо более достоверную картину науки и выделяют в ней самое главное. К последнему типу популяризации принадлежит и книга Антонина Бартонка. Занявшись микенологией после дешифровки М. Вентрисом и Дж. Чедуиком табличек линейного письма Б, Бартонек превратил старинный город Брно, где он возглавляет кафедру истории античной культуры, в одну из столиц молодой науки. Еще 24 года назад, в 1966 г., в Брно собрался первый в странах Восточной Европы микенологический симпозиум, ставший важной вехой в развитии микенологии.

Следует иметь в виду, что микенология, как и другие научные дисциплины, изучающие далекие, доклассические эпохи, развивается с такой быстротой, что любая научная книга, вышедшая десятилетие назад, если не устаревает, то нуждается в некоторых дополнениях и уточнениях. Это относится и к работе А. Бартонка, отражающей состояние знаний начала 80-х годов.

Более всего нового принесло науке дальнейшее исследование памятников о. Фера С. Маринатосом и Х. Думасом между 1967 и 1980 гг. Дальнейшие раскопки Х. Думаса (1980—1982 гг.) и исследования других ученых, основанные на этом материале, далеко продвинули изучение «эгейских Помпей» и изменили взгляды по ряду вопросов, освещенных в книге чешского микенолога.

Это касается прежде всего масштабов и даты той катастрофы, которую породило извержение вулкана на Фере. С. Маринатос еще в начале 30-х годов нашего столетия высказал мысль о гибели минойской цивилизации времени гигантских извержений. Раскопав город Акротири на о. Фера в начале 60-х годов, он утвердился в правильности

своей гипотезы, однако ныне она встречает серьезные возражения и прежде всего хронологического порядка. Стало ясно, что Акروتри был покинут жителями и подвергся разрушению в 1500 г. до н. э., разрушение же Крита, главного центра минойской цивилизации, произошло пятьюдесятью годами позднее, в 1450 г. Если гигантская волна действительно дошла до Крита, то она не могла быть причиной гибели критской культуры, а нанесла ей скорее моральный, чем материальный ущерб.

Открытие комплекса зданий на Фере поставило вопрос об их характере и назначении. Жилые ли это помещения богатых торговцев и мореплавателей, как можно было судить по покрывающим их стены фрескам с изображением кораблей и людей, их встречающих, или святилища? Критерием для идентификации послужили не только сами фрески, имеющие, как это ныне установлено, религиозный характер, но и различные находки в помещениях, украшенных фресками: сосуды для возлияний (ритоны), столы для жертвоприношений и другие предметы религиозно-культового назначения. Вся совокупность [306] этих данных позволила исследователям высказать предположение, что дома Акروتри, стены которых украшены фресками, являются святилищами. К числу наиболее красноречивых доказательств этого суждения, наряду с изображениями так называемых «рогов приношений», известных по дворцу-святилищу в Кноссе (Крит), относится открытие в так называемом «Западном доме» ниши, которая, судя по системе глиняных вертикальных труб, заполнялась водой. Еще раньше на Крите и в Пилосе находили глиняные ванны, которым приписывалось гигиеническое назначение; однако некоторые исследователи еще до открытий на Фере высказывали мнение, что часть таких ванн предназначалась для обряда очищения, удостоверенного многими литературными описаниями древних храмов.

Так, в частности, в Ветхом Завете упоминается «медное море» в притворе храма Яхве времени Соломона в Иерусалиме: «И сделал литое море, совсем круглое, высоту в пять локтей... Оно стояло на двенадцати быках, три были обращены лицом к северу, три — к западу, три — к югу и три — к востоку» (1 Царств, 7.23-24). Совершенно ясно, что «медное море» не было ванной для царя, а емкостью для люстраций (очищений). Что касается сооружения в Акروتри, то оно ничем не напоминало ванну и, очевидно, имело чисто религиозное назначение.

Против толкования домов Акروتри как святилищ свидетельствует лишь одно обстоятельство: комнаты, украшенные фресками, невелики и рассчитаны максимум на 10-12 человек. Однако хорошо известно, что наряду с обширными храмами, вмещающими множество людей, в классическую эпоху местами культа служили и жилища, рассчитанные на семью. Не являются ли здания с фресками в Акروتри такими же домашними или родовыми святилищами эгейской эпохи? А если это так, каким богам или богиням здесь приносились жертвы? Какие священные церемонии совершались в четырех стенах, расписанных художниками середины II тысячелетия до н. э.?

Ответить на эти вопросы помогли сами фрески. Уже их открыватель С. Маринатос обратил внимание на то, что фрески одного из домов изображают только женщин, поэтому он назвал его «гинекеем». Богатство живописного декора другого из раскопанных Маринатосом зданий было таково, что ему трудно было подыскать название по характеру изображений и его стали именовать по месту положения «Западным домом».

Наибольшее внимание С. Маринатоса привлекла фреска-миниатюра с изображением кораблей, встречаемых высыпавшими на берег обитателями города, дома которого круто поднимаются вверх по холму. Поскольку на другой части этой фрески изображена река среди тропической растительности, археолог сначала усмотрел в морской сцене

возвращение ферцев (в более поздней своей работе он говорит о микенцах вместе с их союзниками ферцами) после удачной экспедиции [307] в Ливию (Африку). С этой трактовкой согласились и многие другие исследователи, дополнившие соображения С. Маринатоса новыми доводами. Вариант этой гипотезы у нас представил Ю. В. Андреев (см. Приложение 2), считающий мореходов на фреске пиратами Феры.

С иных позиций подошли к фреске с кораблями ученые, исходящие из гипотезы о религиозном назначении открытых на Фере зданий, и среди них дочь открывателя Акротири Н. Маринатос. Они обратили внимание на то, что корабли фрески «Западного дома» обильно украшены цветами: отдельные крупные цветы на носсах кораблей, гирлянды, соединяющие мачту с носом и кормой (см. цветную иллюстрацию). По своему типу эти корабли — скорее барки, отнюдь не предназначенные для дальних походов или рейдов флибустьеров бронзового века. На их палубах две группы персонажей, отличающихся по своей одежде, а значит и социальному положению. Одни из них — в коротких передниках — гребцы, другие — в длинных одеждах, непринужденно сидящие на скамьях под тентом, — пассажиры. А кто их встречает? Такие же юноши в передниках, бегущие навстречу кораблю. Двое из них тащат жертвенное животное. Из огромных окон и с балконов домов за происходящим наблюдают женщины, судя по позам, пышным одеждам и «рогам приношения» — жрицы. Все вместе взятое указывает на религиозный праздник, в котором участвует население всего острова, ибо на фреске изображены два города, разделенные небольшим пространством: один из них, очевидно, раскапываемый Акротири, второй — еще не открытый город на другом берегу острова.

Все говорит о том, что это морской праздник. Согласно греческим мифам, главное место в пантеоне древнейших обитателей Эгеиды занимал не классический Зевс, а его брат Посейдон, первоначально бог влажной стихии вообще, впоследствии сохранивший за собой только власть над морем. Почитание Посейдона в микенскую эпоху подтверждается надписями линейного письма Б, в которых он — первый из богов. О том, что фреска воспроизводит праздник Посейдона, можно судить по жертвенному животному: бык первоначально в микенской мифологии — животное Посейдона (вспомним быка, похитившего Европу и превращенного впоследствии в быка-Зевса; его собрата, ставшего супругом критской царицы Пасифаи; быка, переданного Посейдоном Миносу для жертвоприношения и затем оседланного Гераклом, переплывшего вместе со своим седоком на Пелопоннес, а может быть, и быков о. Фринакия, переосмысленных впоследствии как стадо Гелиоса).

Воспоминанием об угасшем эгейско-анатолийском культе Посейдона служат также праздники, отмечавшиеся в классическую эпоху не только в Малой Азии, но и в Италии. Так, главный праздник Посейдона в малоазийском Эфесе назывался «таурии». Греческий автор Афинея, давший его описание, сообщает, что участники праздничного пира назывались «быками». Праздник точно с таким же названием [308] отмечался в Этрурии, куда его принесли выходцы из Малой Азии тиррены, а вслед за ними его отмечали и римляне. Этруски и римляне приносили в жертву быков и поедали их мясо. Судя по фреске из Феры, быка не убивали, а сталкивали в море. Не отсюда ли миф о плавающем быке Европы и Геракла?

Давно уже периодические издания и популярные книги обошла фреска из того же «Западного дома» Акротири с изображением двух мальчуганов, ведущих бой на кулачках (см. цветную иллюстрацию). Этот удивительно красочный и точный по передаче детской натуры рисунок заслуженно вытеснил даже знаменитую фреску «Парижанка» и кносскую же «Жрицу со змеями». В научной литературе фреска получила название «Боксирующие дети». Детские руки, обмотанные в кисти (наподобие современной боксерской перчатки),

вытянуты для удара. На шее и руках одного из изображенных — ожерелье и браслет из голубых камней; его можно было бы принять за девочку, если бы не одинаково смуглый цвет кожи обоих участников боя. Если вслед за С. Маринатосом рассматривать эту фреску изолированно, можно было бы увидеть в ней воспроизведение ребячьей игры в богатом доме. Но то обстоятельство, что все фрески «Западного дома» носят религиозный характер, заставляет задуматься над смыслом поединка эгейских мальчиков. Ключ к его пониманию дают фрески на трех остальных стенах той же комнаты с изображением пар антилоп с виднеющейся за ними на некотором расстоянии фигурой одинокого животного той же породы. Для человека, чуждого знания звериных повадок, такое размещение антилоп покажется случайным, но служащий заповедника без труда определит, что пара животных, присматривающихся друг к другу, — самцы, вот-вот готовые вступить в бой за самку, терпеливо ожидающую победителя.

Параллелизм двух изображений раскрывает скрытую от поверхностного взгляда идею *агона* (состязательности), унижающую, как это хорошо известно, жизнь и искусство древних греков. Фрески Феры говорят о том, что агон характерен и для жизни догреческих обитателей Эгеиды; при этом ее художники сумели передать идею состязательности с той тонкостью и изяществом, на которые были неспособны греческие живописцы и ваятели.

Агон является составной частью обряда инициации, ритуала перехода из одной возрастной группы в другую. Наиболее очевидно этот обряд представлен в фресках, изображающих обнаженных юношей со связкой рыб в руках. Представление о греховности наготы, выработанное иудаизмом и позднее воспринятое христианством и мусульманством, было чуждо другим религиям Переднего Востока и Восточного Средиземноморья, где нагота богов, жрецов и жриц и т. п. воспринималась как элемент культа плодородия. Нагота заставляет нас видеть в обнаженных с рыбами не рыбаков или поваров, а участников состязания в нырянии, т.е. погружении в стихию Посейдона. Возможно, [309] что это специфика праздника верховного бога в условиях небольшого скалистого островка, где нелегко найти площадку для бега, тем более для конных состязаний.

Не менее интересны как религиозный памятник и фрески «гинекея». Его стены покрыты изображениями девушек в пышных одеяниях. Одна из них перевязывает пораненную камнем ступню, другая пляшет. Остальные, с изящными корзинками в руках, заняты сбором цветов. Среди них выделяется женщина зрелых лет, восседающая на высоком троне. Ее прическа — образец искусства древних парикмахеров. На глубоко декольтированной груди — два оригинальных ожерелья: одно в виде плывущих друг за другом уток (подобное ожерелье известно лишь в этрусском ювелирном искусстве), другое — из наколотых стрекоз с распростертыми крыльями. Одежда столь же необычна: рукава украшены накладными или вышитыми цветами шафрана — растения, широко представленного в критском искусстве того времени. Не вызывает сомнения, что это богиня плодородия, широко почитавшаяся на Крите и других островах Эгеиды. Перед богиней на возвышении — обезьяна, протягивающая владычице природы цветок шафрана. Цветы шафрана, утки, стрекозы — все это признаки весеннего обновления природы; девушки, изображенные на фресках, участвуют в празднестве весны перед их переходом в новую возрастную категорию.

Подобный праздник весны — Фесмофории — тысячелетие спустя отмечался в Афинах и других центрах классической Греции. Его участницами были молодые женщины, совершавшие обряд жертвоприношения, целью которого древний комментатор считает «содействие произрастанию плодов и людей». В этот обряд входили и «розга жизни»,

удар которой повышал плодovitость, поедание плодов граната, приносившее, как верили, тот же эффект, сидение на земле, как бы передающей через это свою материнскую силу, бросание в яму поросят (свинья — символ плодovitости). О древности праздника сообщает Геродот, уверенный в том, что его принесли беглянки из Египта Данаиды и передали пеласгийским женщинам. Богиню, в честь которой совершалось это празднество, отец истории и другие древние авторы называют Деметрой. Таким образом, богиня в двойном ожерелье, изображенная на фреске Акротири, скорее всего и есть владычица природы Деметра.

Посейдон и Деметра, бог-бык и его супруга, носящая на Крите имя Пасифая, — главные боги островного мира Эгейды. Их священный брак — залог плодородия на земле и в водах, от которого зависела жизнь островитян.

Наряду с ними в микенскую эпоху, как это видно из табличек линейного письма Б, почитался и юный бог природы Дионис. В верхней части той же самой фрески-миниатюры, которая представляет морской праздник Посейдона, мы видим бегущих людей в вывороченных [310] шкурах, в научной литературе их принимают за сельских жителей. На наш взгляд, это не что иное, как изображение праздника Диониса, проводимого в классическое время обычно за городской чертой, на лесистых холмах и горах. Помимо горного рельефа и шкур, накинутах на плечи участников, указанием на дионисийское действо на фреске Акротири служит также преследование оленя пантерой, изображенное на той же фреске, но над вторым городом. Пантера — еще одно животное Диониса, а олень — обычная жертва во время Дионисий, описание которых нам известно по произведениям античных авторов классической эпохи.

Можно также предложить гипотезу о связи Диониса с почитавшимися на Фере Посейдоном и Деметрой. Классический Дионис был, как известно, сыном Зевса и Семелы (Земли). Однако, как и во многих других случаях, Зевс вытеснил главу эгейского пантеона, вобрав также и его родственные связи. Что касается Семелы — это богиня того же круга богинь-матерей, что и Деметра.

Таким образом, фрески Акротири свидетельствуют о почитании на Фере Посейдона, Деметры и Диониса. О связи последнего с островным миром говорят также многочисленные предания о странствиях Диониса по морям, посещении островов Икарии, Наксоса и Лемноса и похищении его тирренскими пиратами.

Фрески Феры пролили свет и на социальные отношения, показав наличие по крайней мере трех групп населения, которые условно можно было бы назвать «аристократами», «демосом» и «жрецами». О существовании жречества было известно уже после открытия дворцовых архивов в Кноссе и особенно Пилосе, но здесь впервые наглядно представлены и внешний облик жриц, и исполняемые ими обряды.

Город эпохи бронзы, частично раскопанный археологами, предстал также в изображении на стене одного из очищенных от пепла домов, что открывает перед исследователями новые перспективы. Необходимо иметь в виду, что вскрыто менее половины территории Акротири, еще не найдена его гавань. Можно напомнить, что раскопки римских Помпей длятся более двухсот пятидесяти лет. Неизвестно, сколько потребуется времени, чтобы очистить от пепла улицы и здания «эгейских Помпей», но нет сомнения, что науку здесь ожидают не менее крупные открытия и величественные памятники.

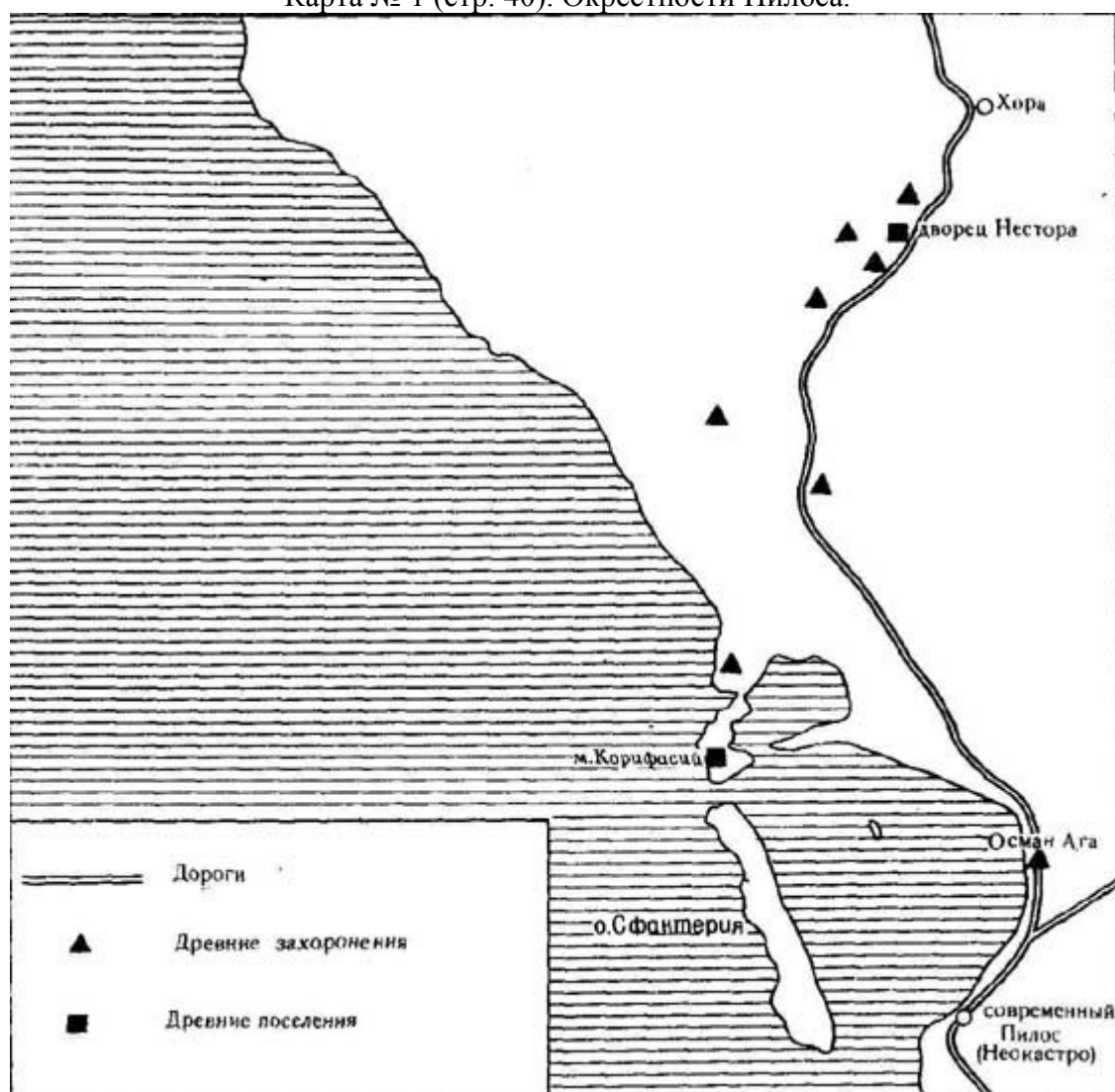
* * *

Примечательно, что, остановившись в заключительном слове на микенологических исследованиях в восточноевропейских странах, А. Бартонек среди специальных исследований назвал детскую книжку С. Я. Лурье «Заговорившие таблички». Участники симпозиума, среди которых председательское место занимал соавтор открытия М. Вентриса Дж. Чедуик, не были шокированы тем, что книга для детей поставлена в один ряд с серьезными работами. Ведь они знали, что С. Я. Лурье был не только [311] популяризатором, но и крупнейшим знатоком греческого языка и первым советским микенологом. И все они помнили, что сам Вентрис заинтересовался тайной древних писмен Эгеиды в четырнадцатилетнем возрасте, став слушателем популярных лекций престарелого Артура Эванса. Быть может, именно этот последний факт наряду с книжкой «Заговорившие таблички» побудил маститого ученого Антонина Бартонека написать эту книгу, которая найдет в нашей стране благодарного читателя. [312]

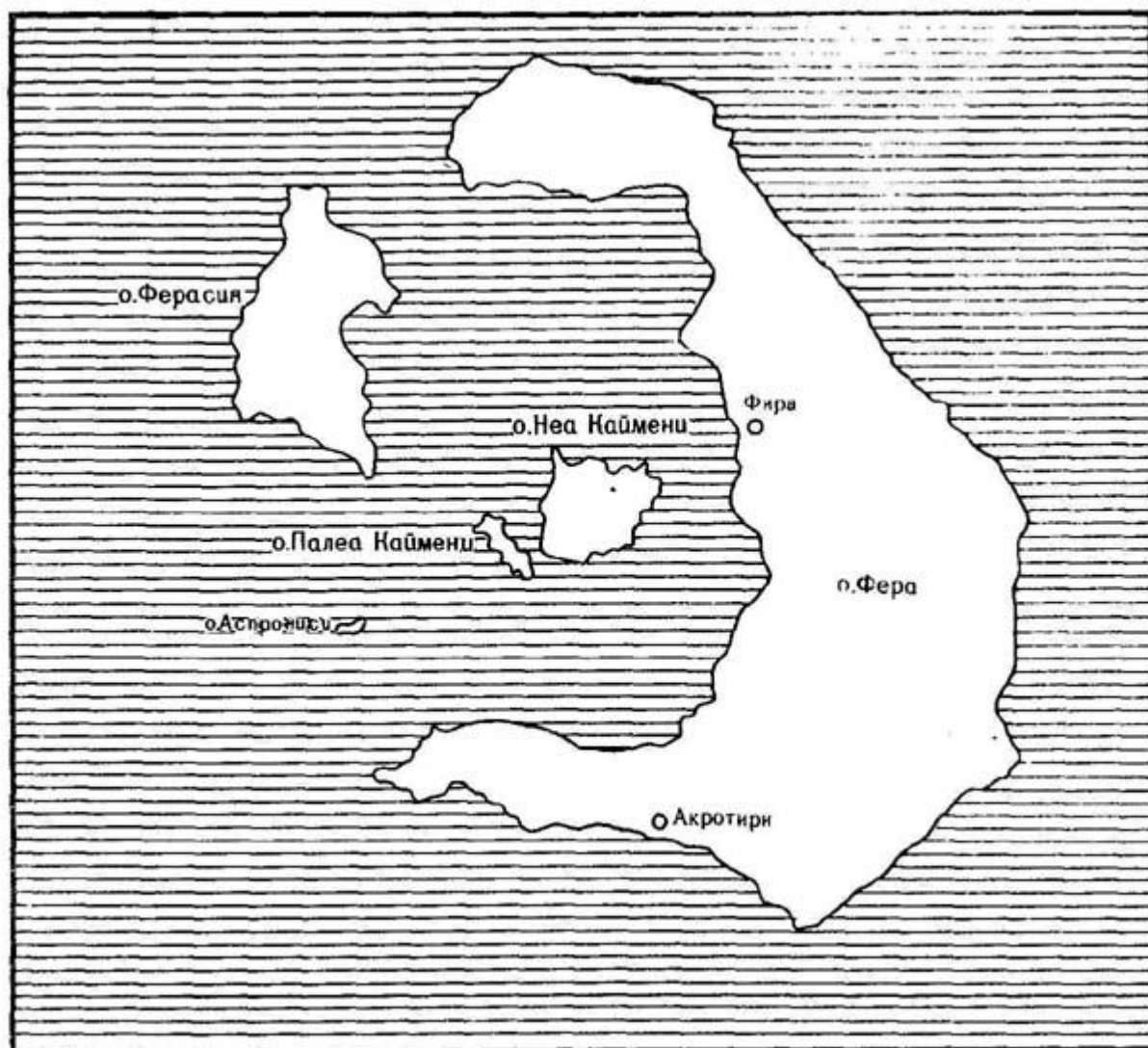


Карты

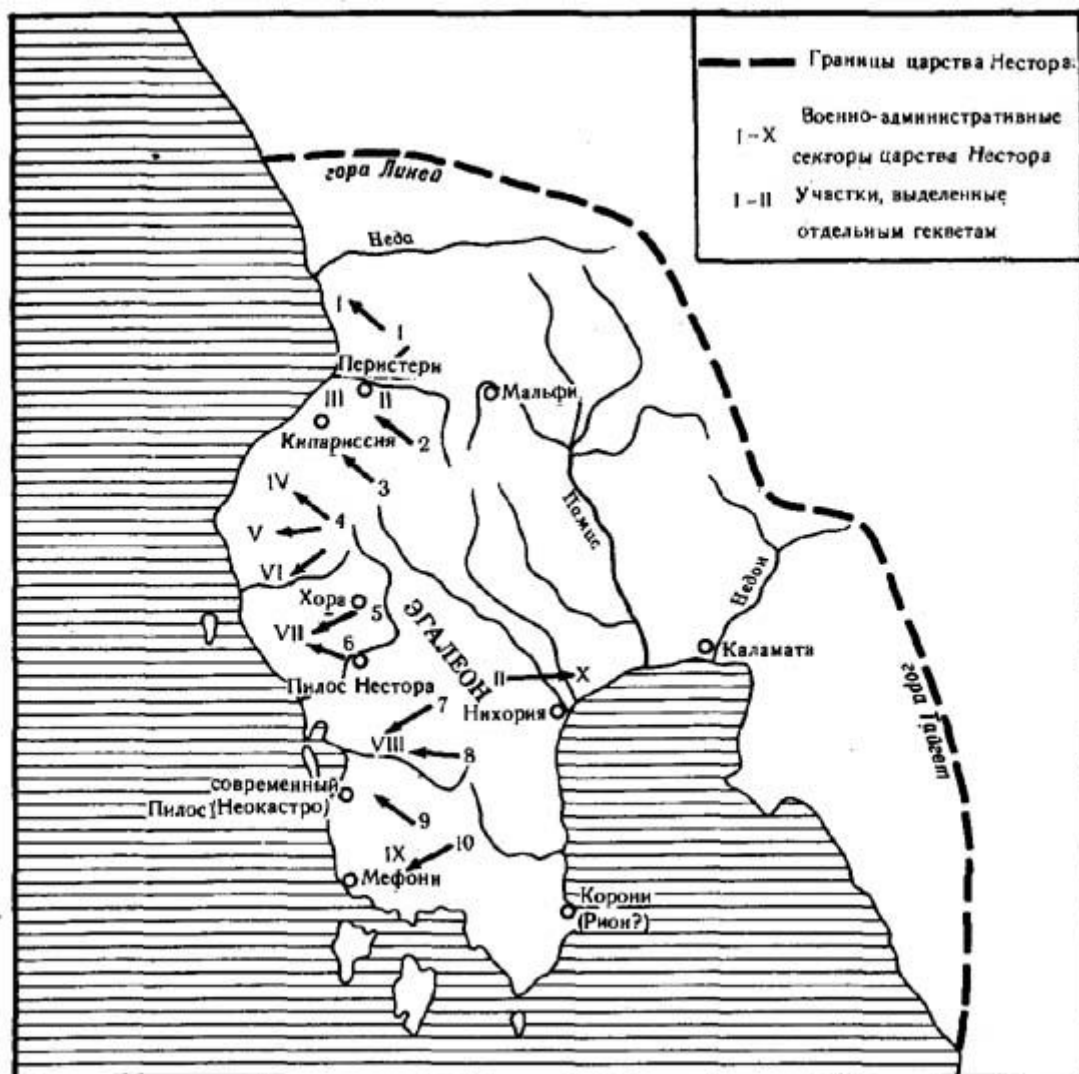
Карта № 1 (стр. 40). Окрестности Пилоса.



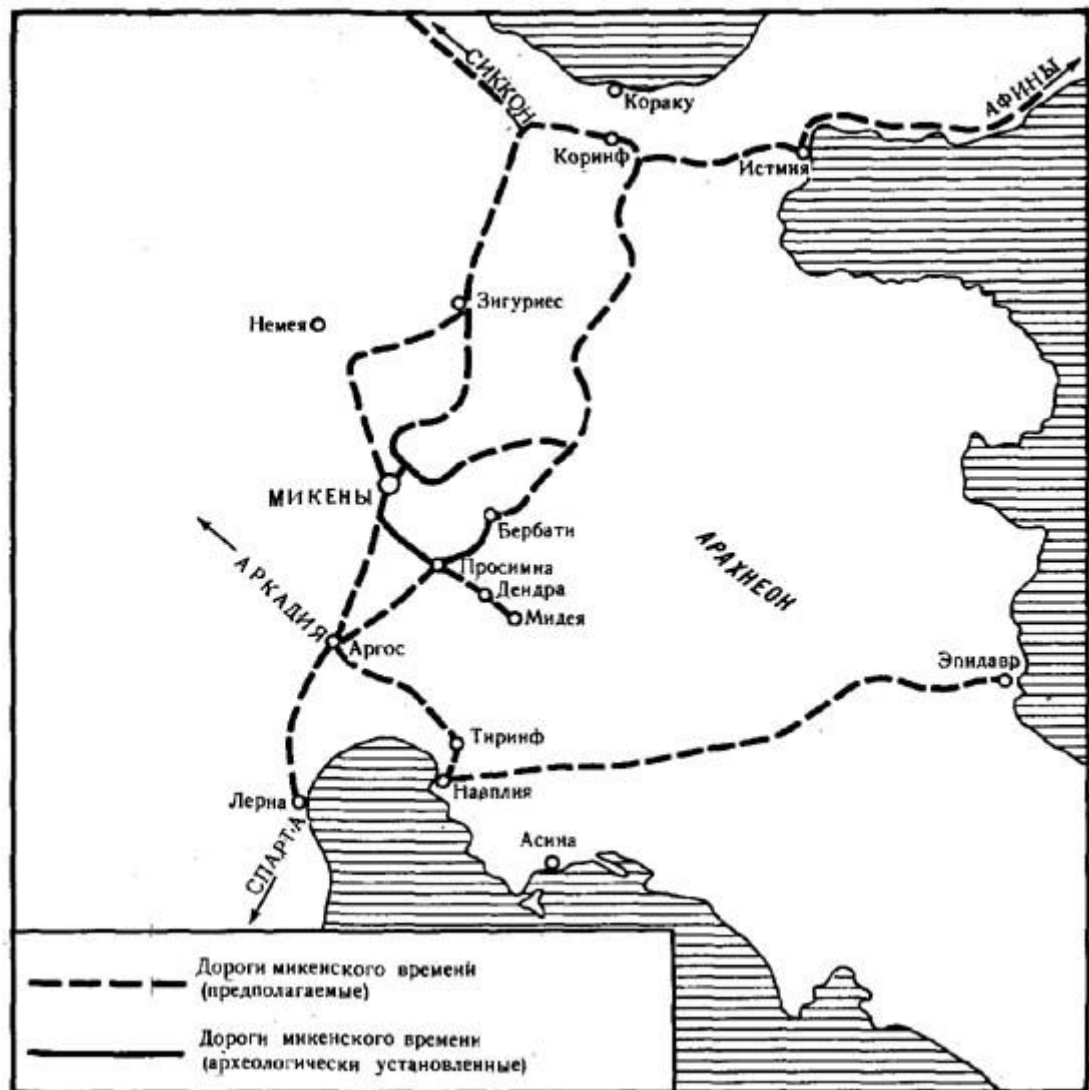
Карта № 2 (стр. 44). Архипелаг о. Фера.



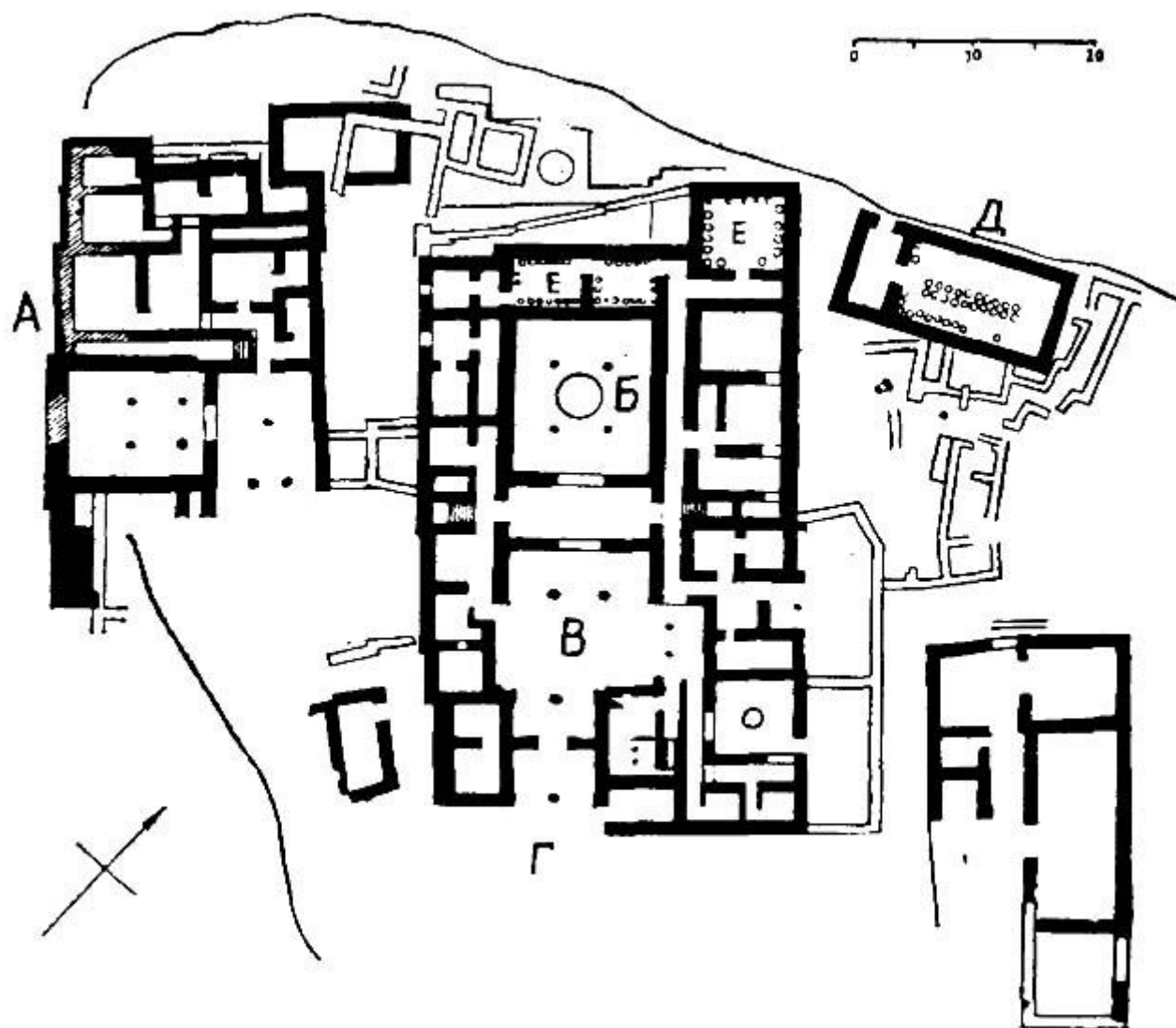
Карта № 3 (стр. 110). Карта Мессении.



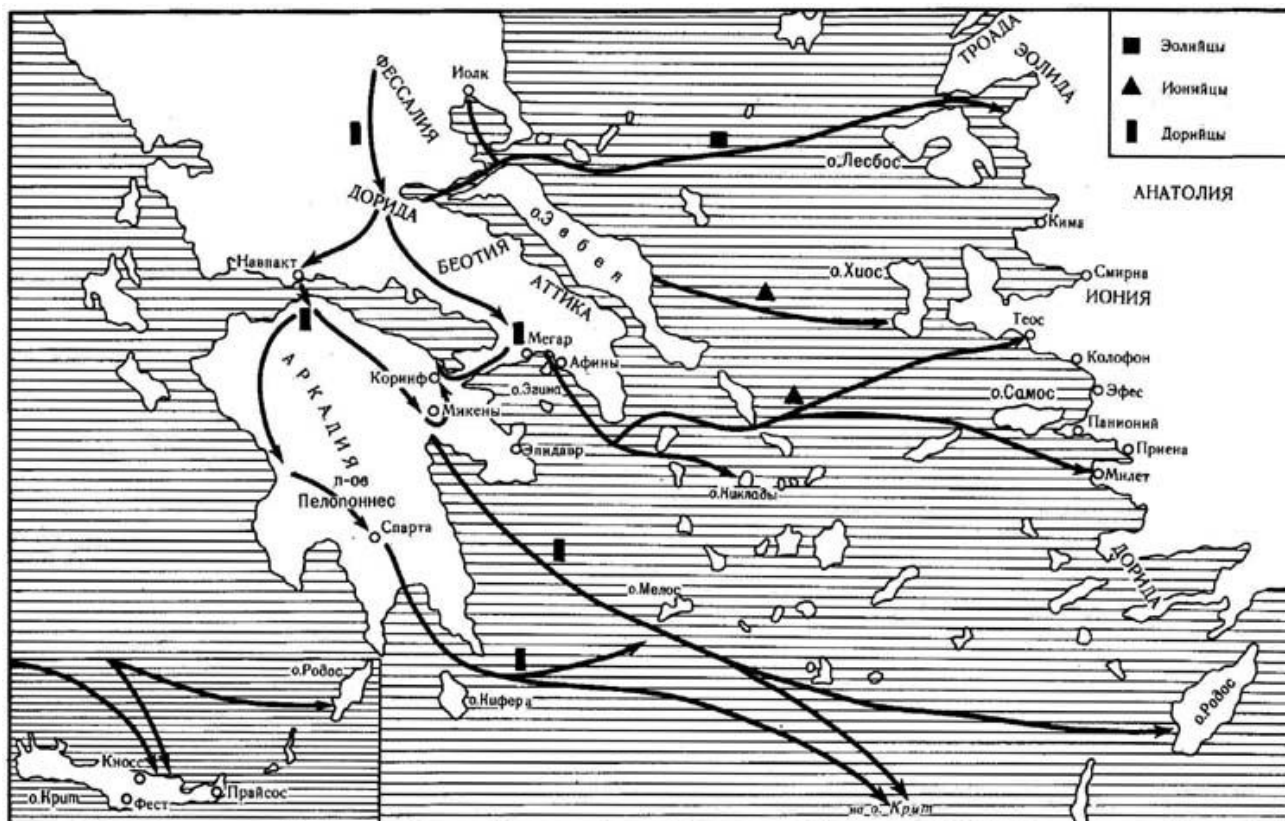
Карта № 4 (стр. 116). Карта Аргολиды.



План Пилосского дворца времени около 1200 г. до н.э.: А - северо-западная (древнейшая) часть дворца; Б - мегарон; В - двор; Г - вход; Д - хранилище. (стр. 121).

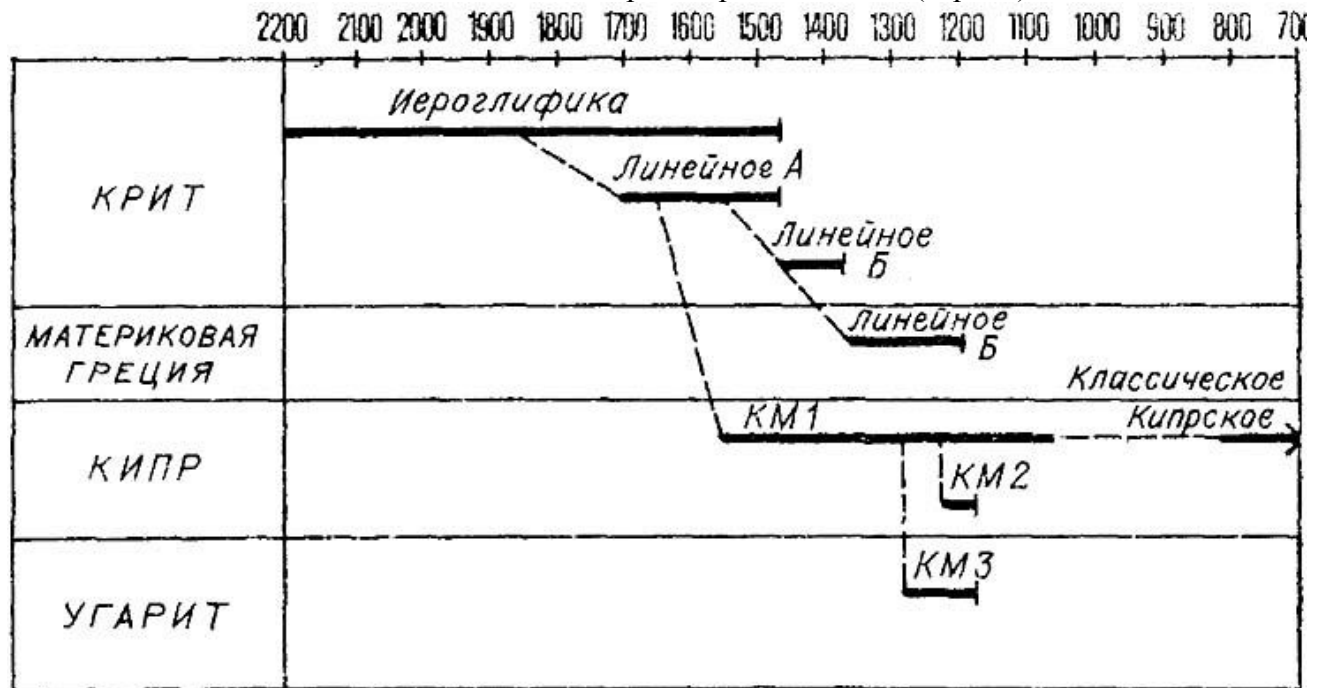


Карта № 7 (стр. 276). Основные переселения греческих племен на рубеже II-I тысячелетий до н.э.



Рисунки в тексте

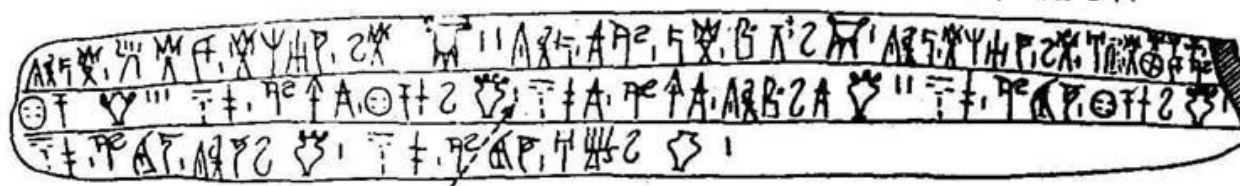
Письменности Эгеиды и Кипра на временной оси (стр. 52).



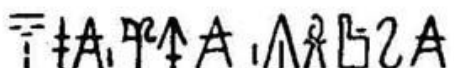
Образцы различных типов кипро-минойского письма: 1 — КМ 1: глиняный валик из Энкоми (XIV в. до н. э.); 2 — КМ 2: большая глиняная табличка из Энкоми (около 1200 г. до н. э.); 3 — КМ 3: глиняная табличка из Угарита (около 1250 г. до н. э.) (стр. 64) ?????

Табличка Та 641 из Пилоса с идеограммами треножников и сосудов с различным числом ручек (здесь же дан анализ статей 6-9) (стр. 64)

РУ Та 641

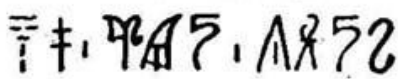


запись №6



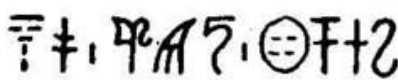
 DI-PA-E ME-ZO-E TI-RI-O-WE-E
 (два) сосуда больших с двумя ручками

запись №8



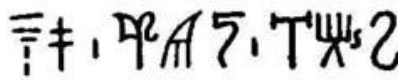
 DI-PA ME-WI-JO TI-RI-JO-WE
 сосуд меньший стремя ручками

запись №7



 DI-PA ME-WI-JO QE-TO-PO-WE
 сосуд меньший с четырьмя ручками

запись №9



 DI-PA ME-WI-JO A-NO-WE
 сосуд меньший без ручек

Система линейного письма Б:

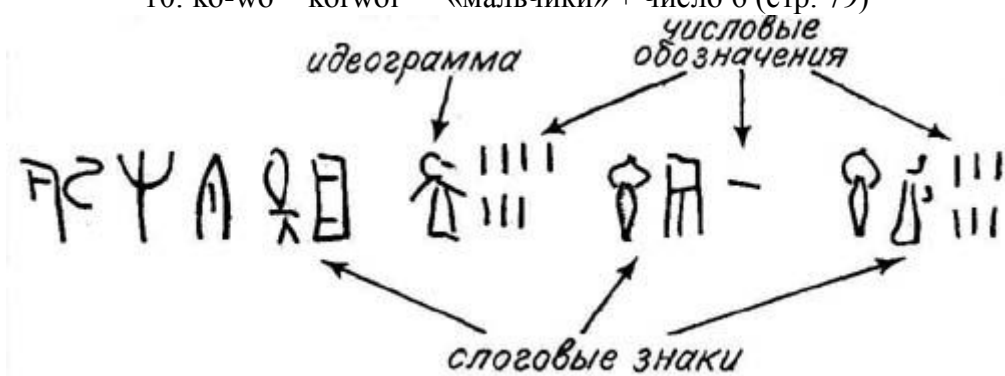
1 — силлабарий (знаки, обозначенные цифрами, не получили удовлетворительного толкования до настоящего времени) (стр. 78)

do		me		pte		sa		we		64	
du		mi		pu		se		wi		65	
dwe		mo		pu ₂		si		wo		79	
dwo		mu		qa		so		za		82	
e		na		qe		su		ze		83	
i		ne		qi		ta		zo		84	
ja		ni		qo		ta ₂		18		86	
je		no		ra		te		19		89	

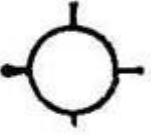
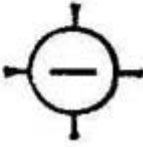
2 — образцы идеограмм (стр. 79)



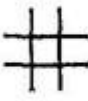
3 — образец текста, выполненного линейным письмом: me-ri-ti-ri-ja = meletriai — «молотильщицы» + идеограмма женщины + число 7; ko-wa = korwai — «девочки» + число 10: ko-wo = korwoi — «мальчики» + число 6 (стр. 79)



(Числовые обозначения в линейном письме Б. стр. 81)

1		100	
10		1000	
		10 000	

(Единицы веса. стр. 82).

	= 30		= 120		(крупная единица)
	1		= 4		(средняя единица)
			1		(мелкая единица)

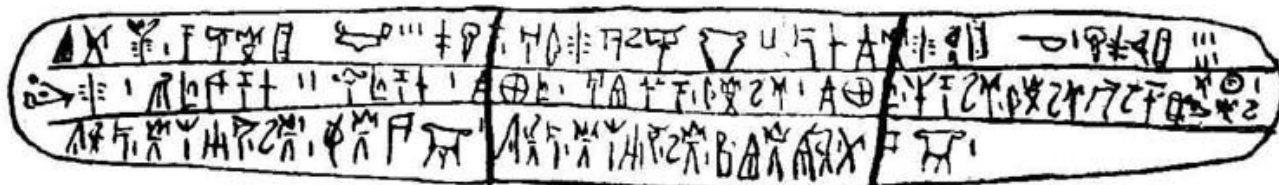
(Объем сыпучих тел. стр. 83)

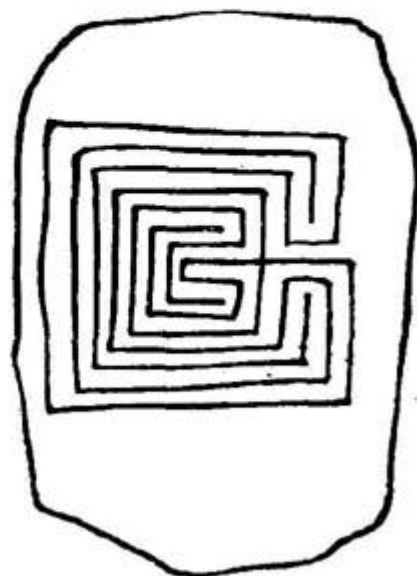
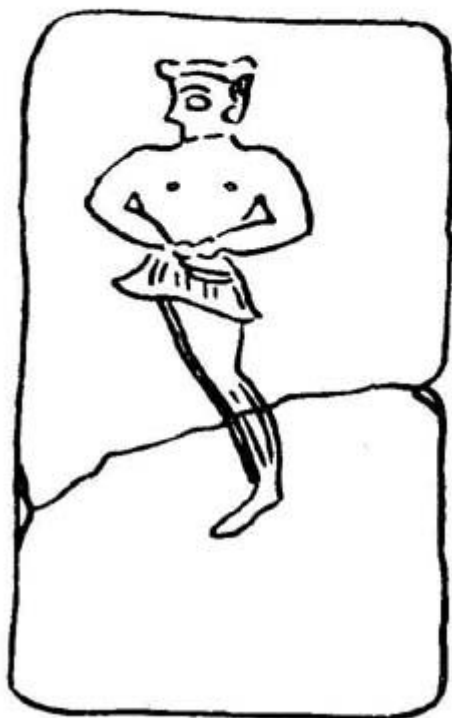
	= 10		= 60		= 240		(крупная ед.)		
(единица объема, здесь пшеницы)	1		= 6		= 24		(средняя ед.)		
							= 4		(мелкая ед.)
									1

(Объем жидкостей. стр. 84)

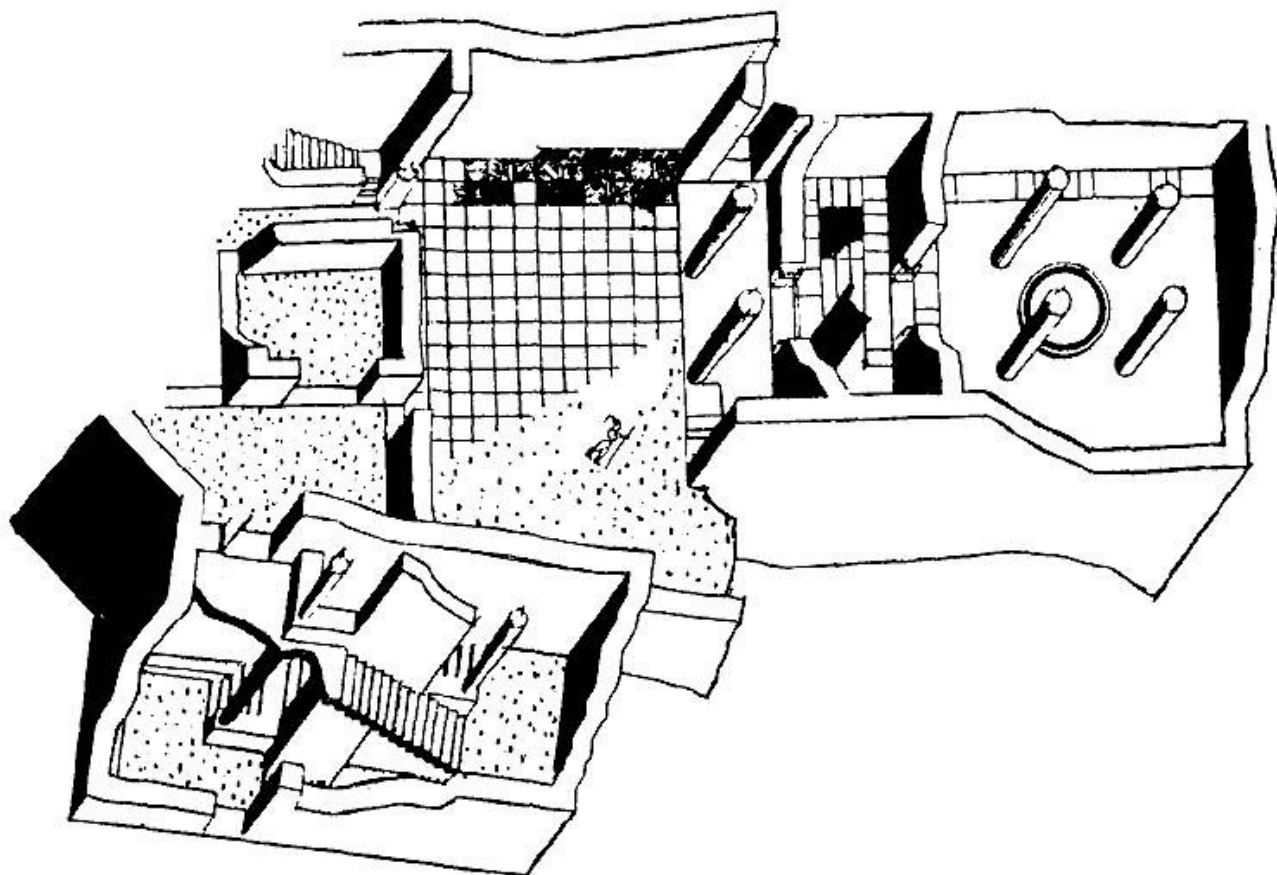
	= 3		= 18		= 72	 (крупная ед.)
(единица объема, здесь вина)	1		= 6		= 24	 (средняя ед.)
		1			= 4	 (мелкая ед.)
					1	 („миска“)

Табличка Та 709 из Пилоса, средняя часть которой была реконструирована Палмером еще до ее находки в 1957 г. (стр. 92)

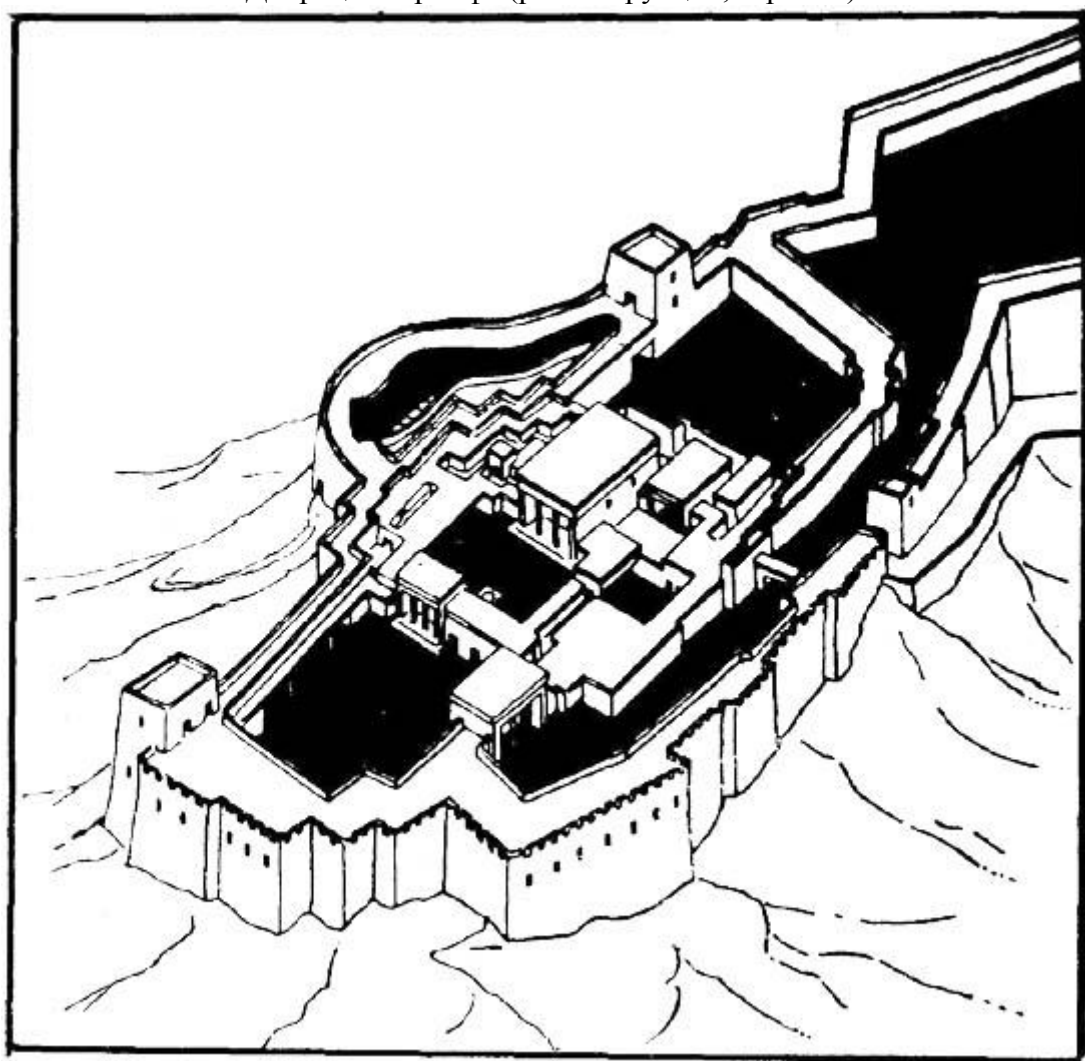




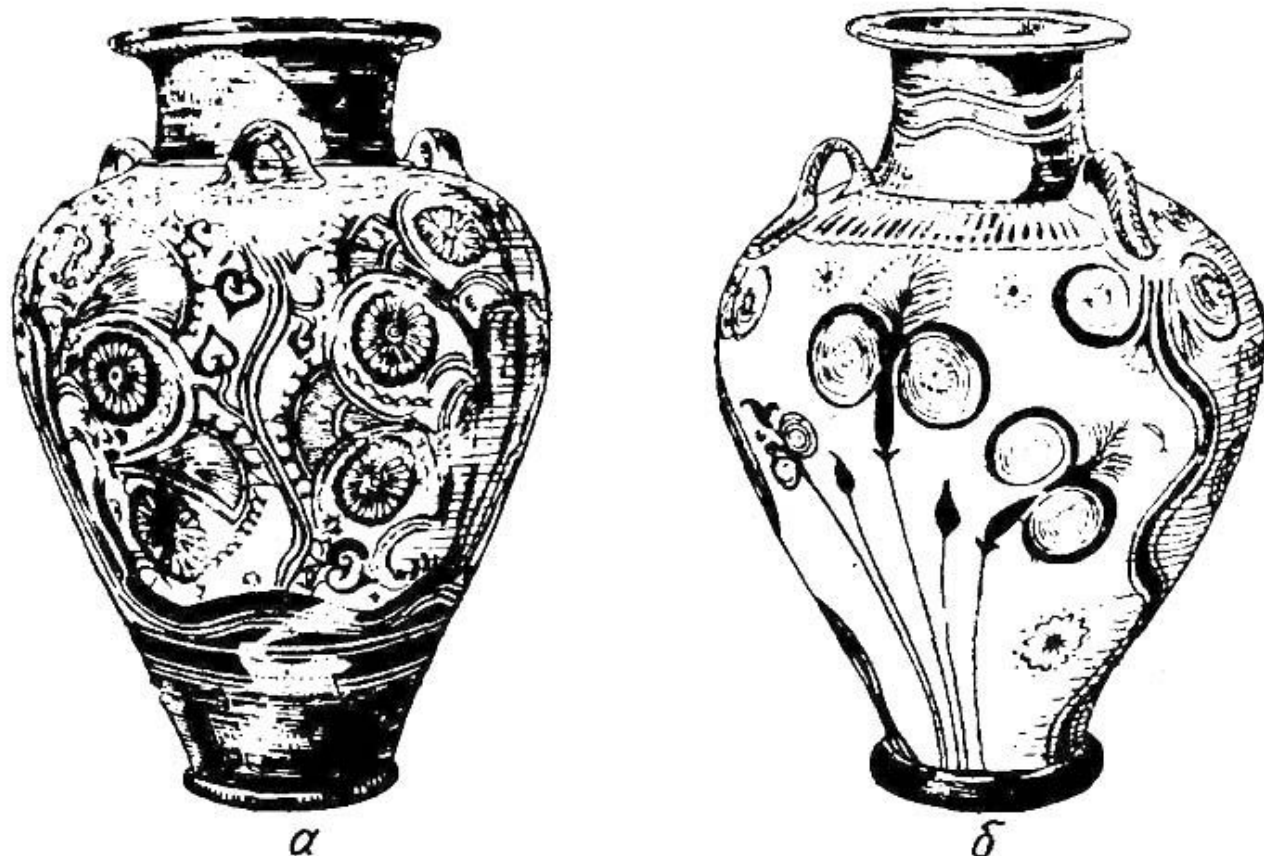
Реконструкция дворца в Микенах (стр. 114. Рисунок повернут на 90° по часовой стрелке).



Дворец в Тиринфе (реконструкция; стр. 118)



Элладский сосуд (а) и критский сосуд дворцового стиля (б) второй половины XV в. до н. э. (ПЭ II и ПМ II; стр. 168)



Элладские сосуды XIV—XIII вв. до н. э. а, б: ПЭ III А (XIV в. до н. э.; стр. 168);



Элладские сосуды XIV—XIII вв. до н. э. в, г: ПЭ III В (XIII в. до н. э.; стр. 168)



в



г

Элладские сосуды XII—XI вв. до н. э.: ПЭ III С (а, б — узкий стиль; стр. 169)

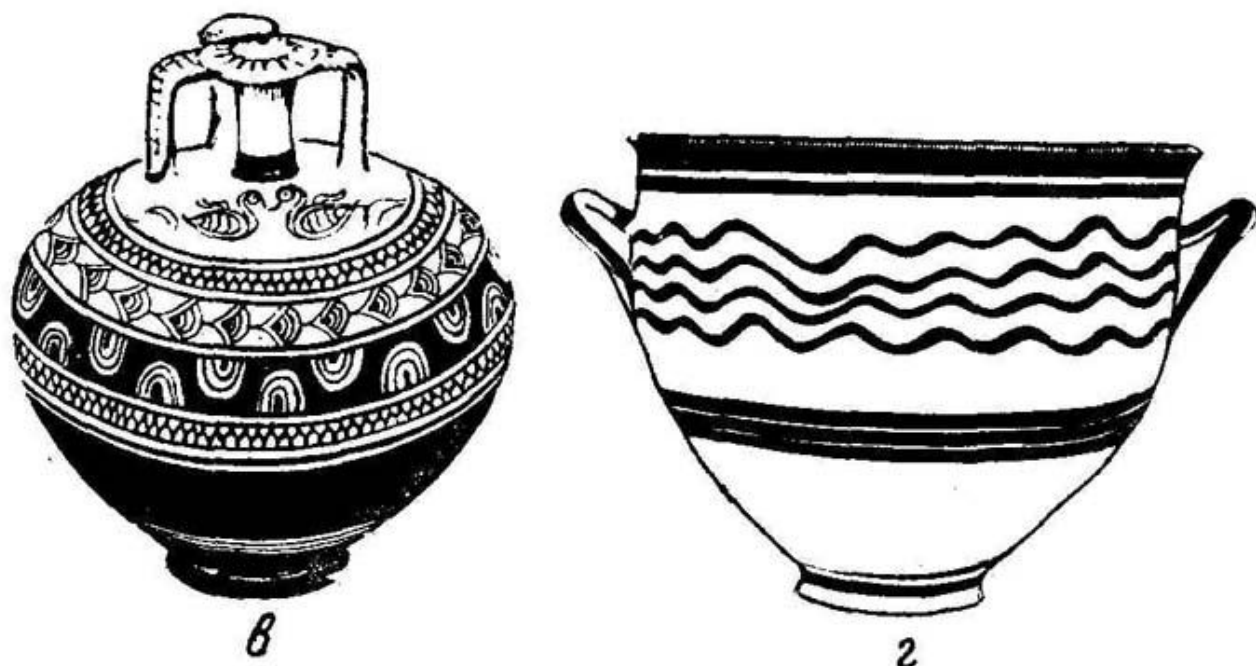


а

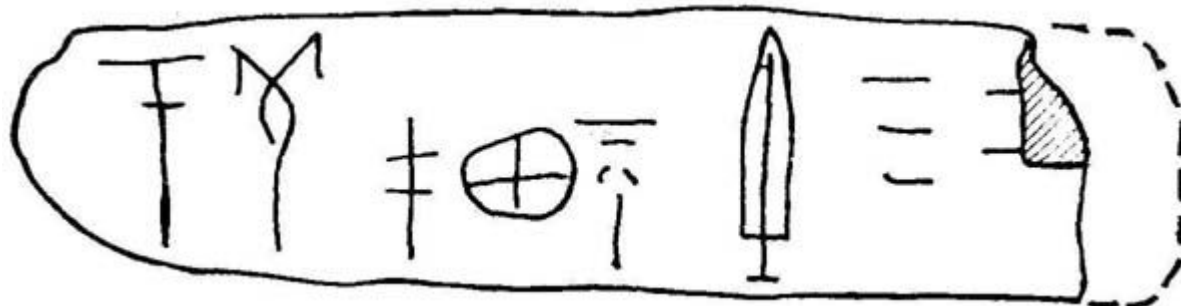


б

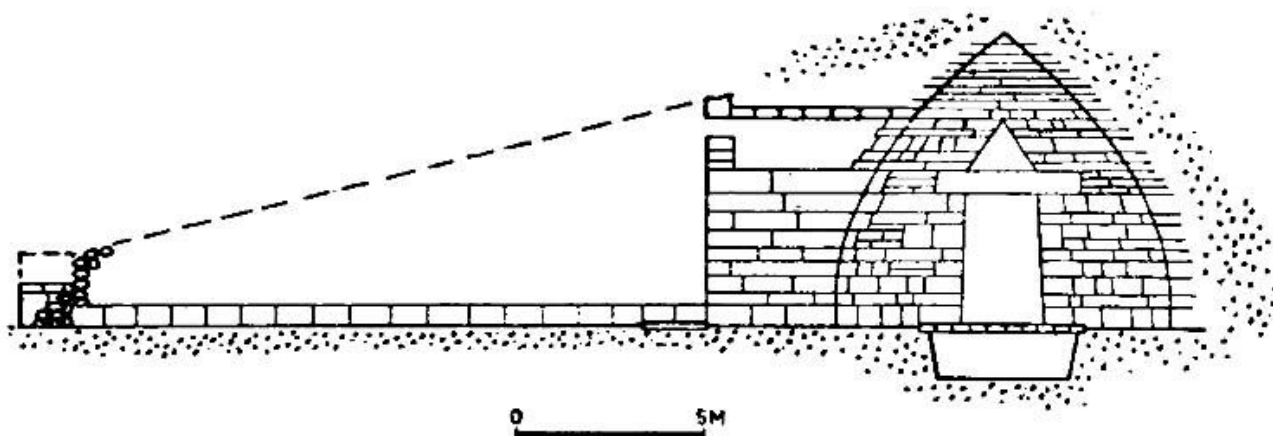
Элладские сосуды XII—XI вв. до н. э.: ПЭ III С (в — узкий стиль, г — амбарный стиль; стр. 169)



Табличка Ra 1540 из Кносса с текстом слогового письма to-sa pa-ka-na tosa phasgana — «столько мечей», идеограммой меча (более вероятно — кинжала) и числовым обозначением 50 (стр. 185)



Микенское купольное захоронение (фолос; стр. 214)



Серая вклейка

Тиринф. Сводчатый вход в крепость.

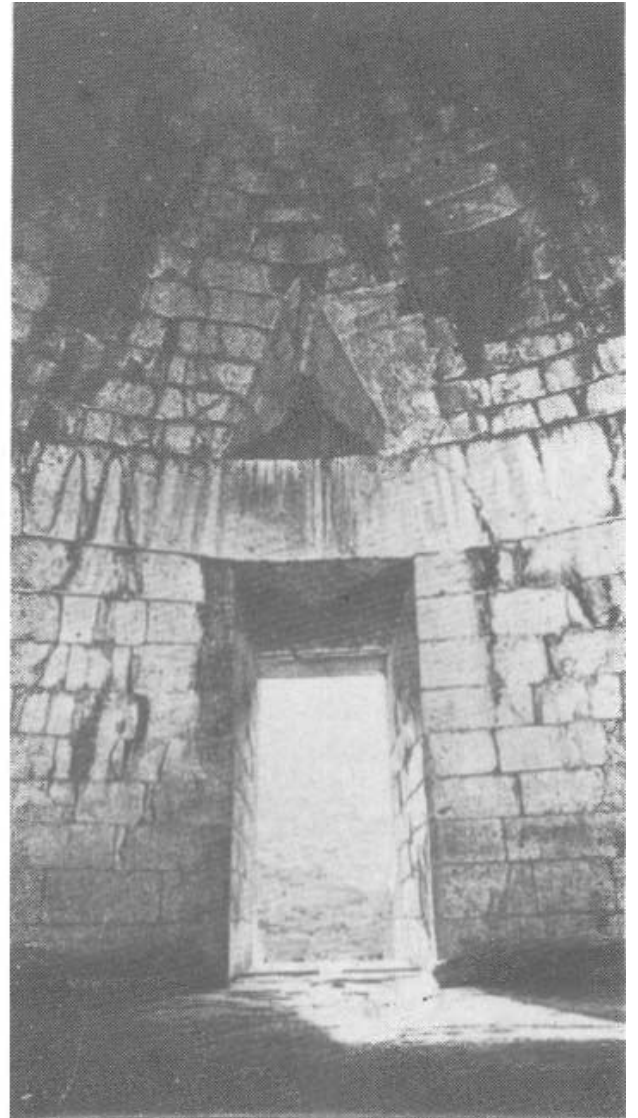
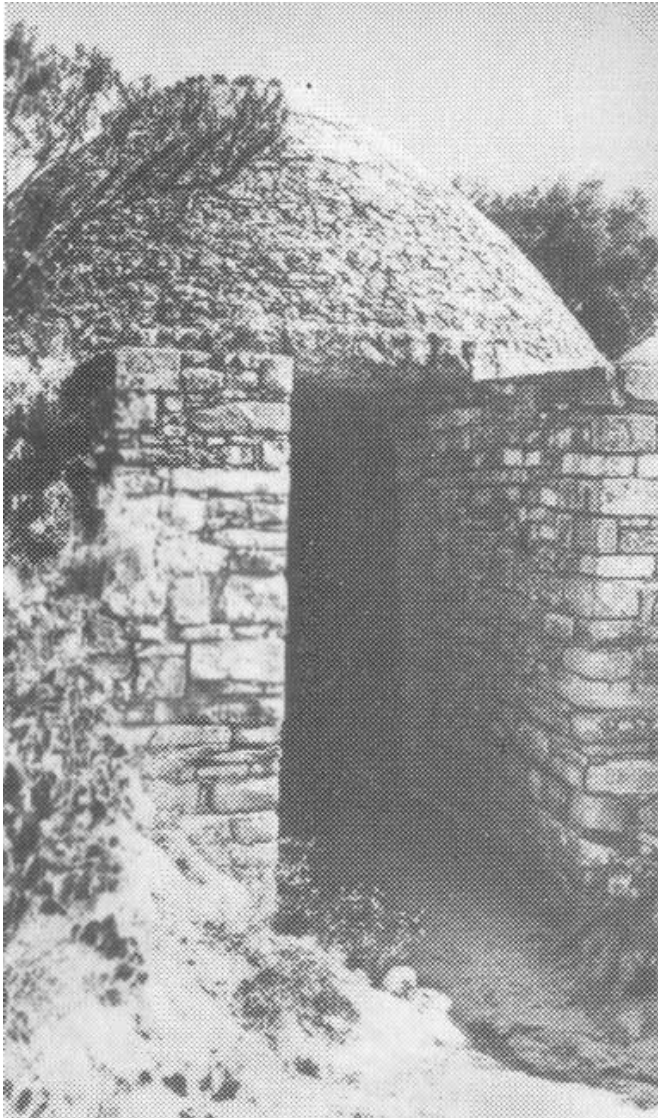


Микены. Могильный круг А.



Пилос. Купольная гробница (XV) в. до н.э.

Микены. Внутренний вид так называемой сокровищницы Атрея (XIII в. до н.э.)



Тиринф. Вход в Акрополь (XIII в. до н.э.)



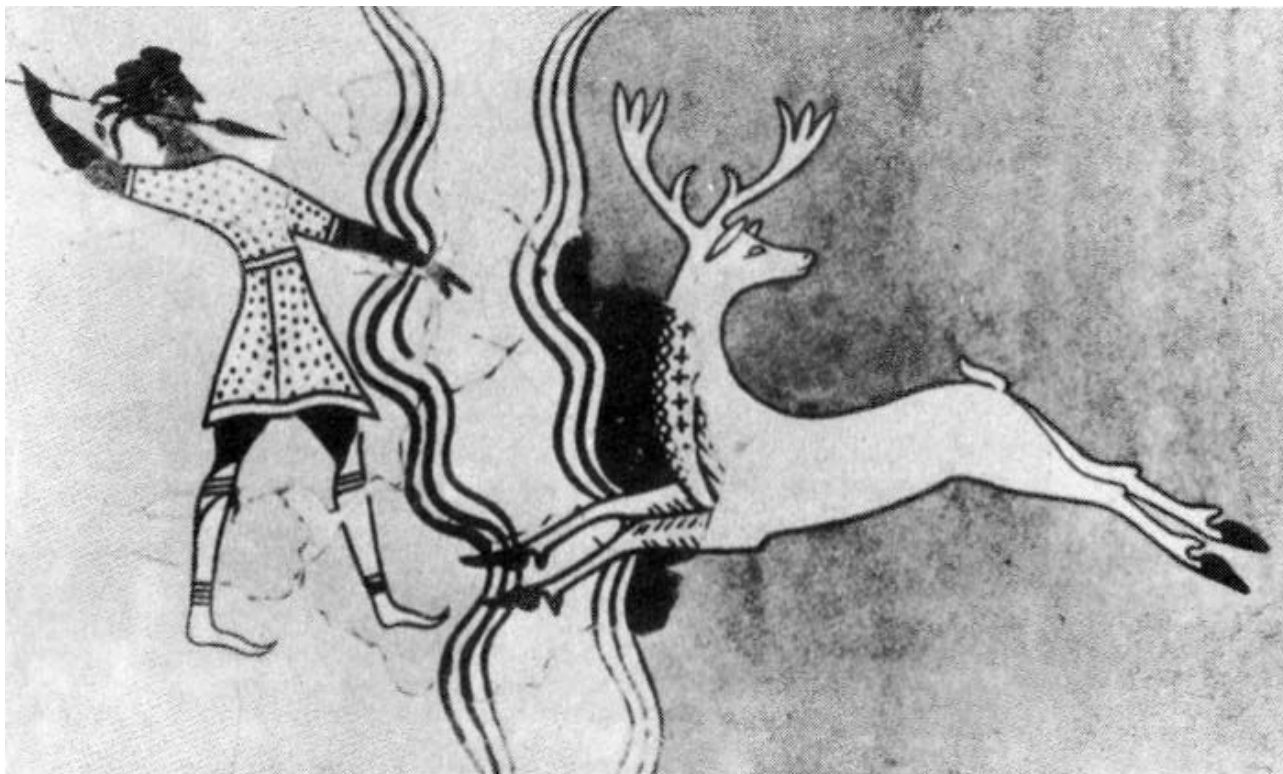
Тронный зал Кносского дворца с изображением грифона (XV в. до н.э.).



Пилос. Фреска с изображением женщин (XIII в. до н.э.)



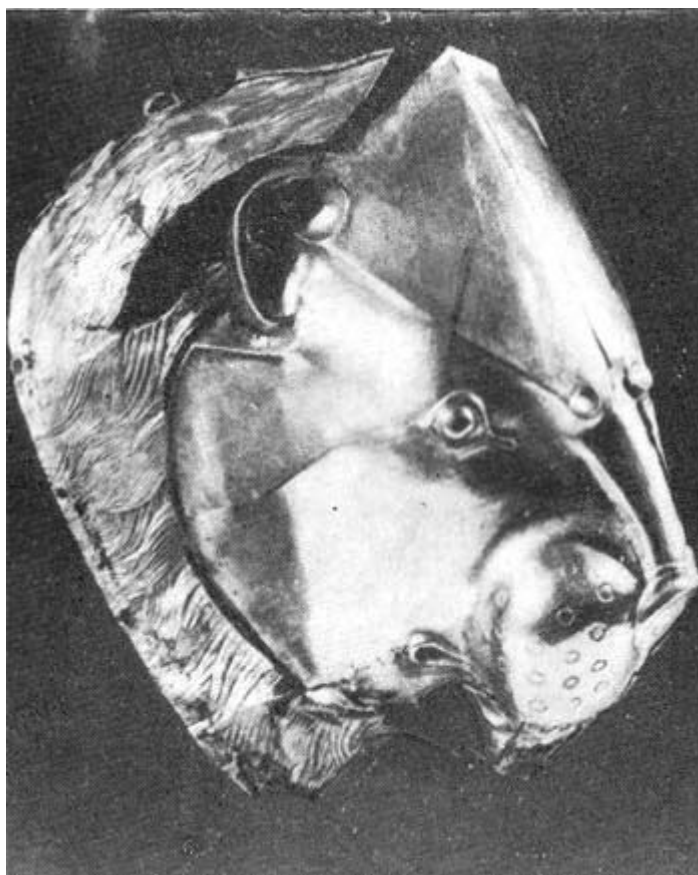
Фреска из Пилосского дворца с изображением охотничьих сцен (XIII в. до н.э.)



Фрески из Пилосского дворца с изображением охотничьих сцен (XIII в. до н.э.)



Золотой ритон в виде львиной головы из 4-й шахтовой гробницы могильного круга А в Микенах.



Золотой кубок из Вафио (XVI в. до н.э.)



Серая минийская керамика: сосуд из Лерны СЭ эпохи.

Матово-расписная керамика: Сосуд с острова Эгина СЭ эпохи.



Сосуд из могильного круга А в Микенах (ПЭ I, около 1500 г. до н.э.)

Ваза из Каковатоса (Мессения, ПЭ II, после 1500 г. до н.э.)



Изображение осьминога на минойском сосуде из Палекастро (Крит, ПЭ I Б, конец XVI в. до н.э.)



Стилизованное изображение осьминога на позднемикенском сосуде из Восточной Эгеиды
(ПЭ III В, XII в. до н.э.)



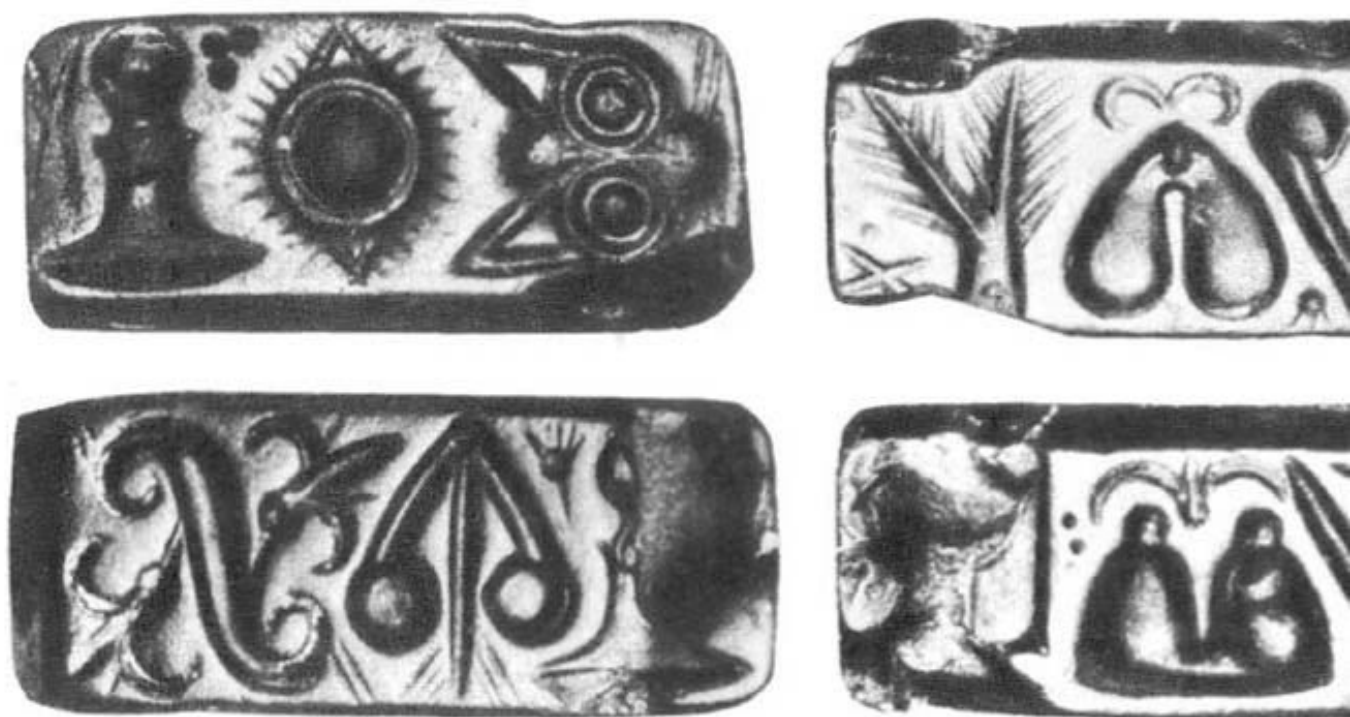
Кипрский серебряный сосуд, инкрустированный золотом и сплавами (XVI в. до н.э.)



Микенский сосуд элладско-levantийского стиля из Энкоми (Кипр, XIII в. до н.э.)



Знаки критского иероглифического письма на четырехугольной печати



Золотой перстень со знаками критского линейного письма А из Мавро-Спили (район Кносса)



Глиняная табличка со знаками линейного письма Б из Кносса



Глиняная табличка со знаками линейного письма Б из Кносса



Знаки линейного письма Б на глиняном сосуде из Тиринфа



Табличка из Энкоми со знаками раннего кипро-минойского письма (около 1599 г. до н.э.)



Надпись из Куриона, выполненная знаками греческого и классического кипрского письма
(Кипр, IV в. до н.э.)

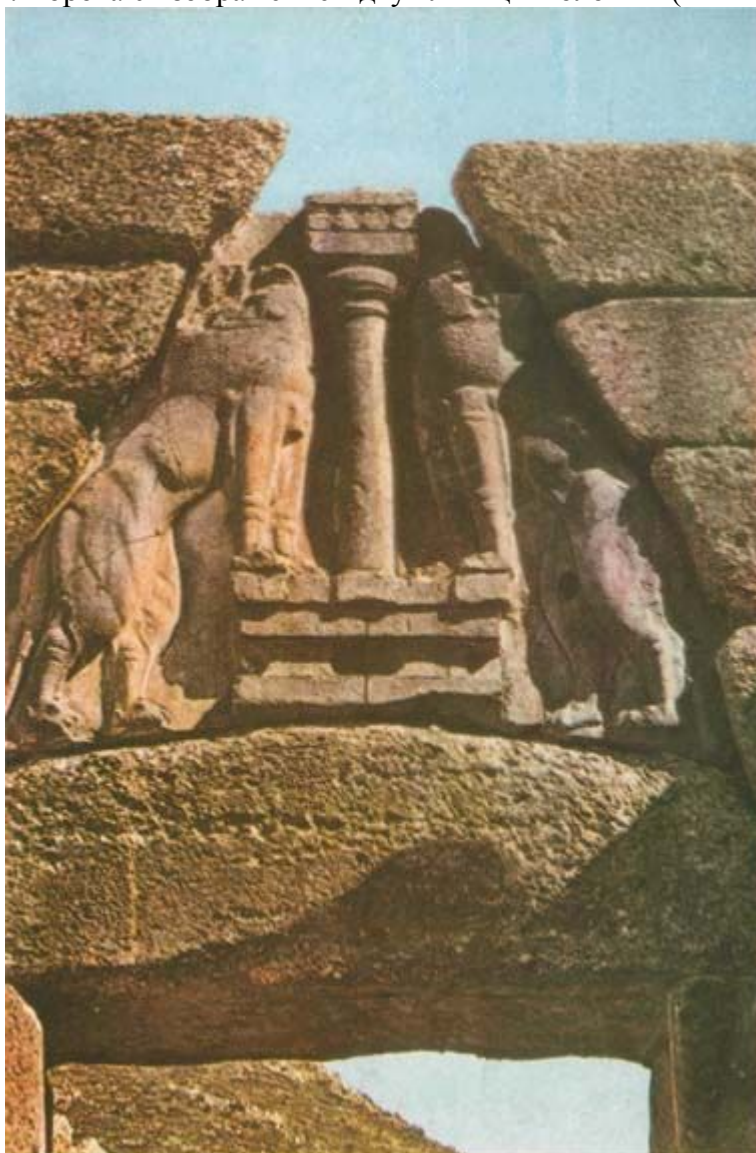


Ларнак (глиняный гроб) из Танагры (Беотия, конец XIII в. до н.э.)



Цветная вклейка

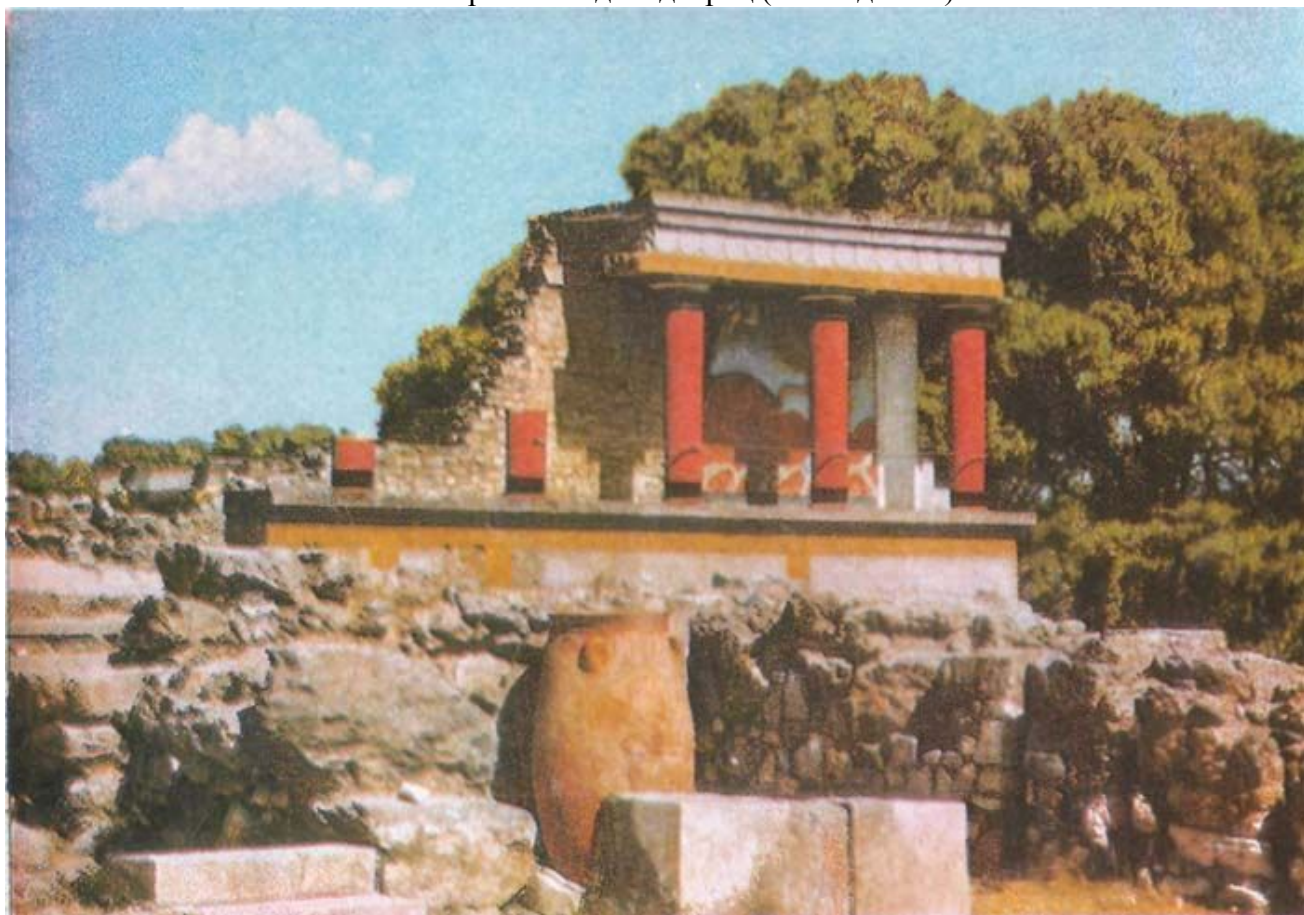
Микены. Ворота с изображением двух львиц и колонны (XIII в. до н.э.)



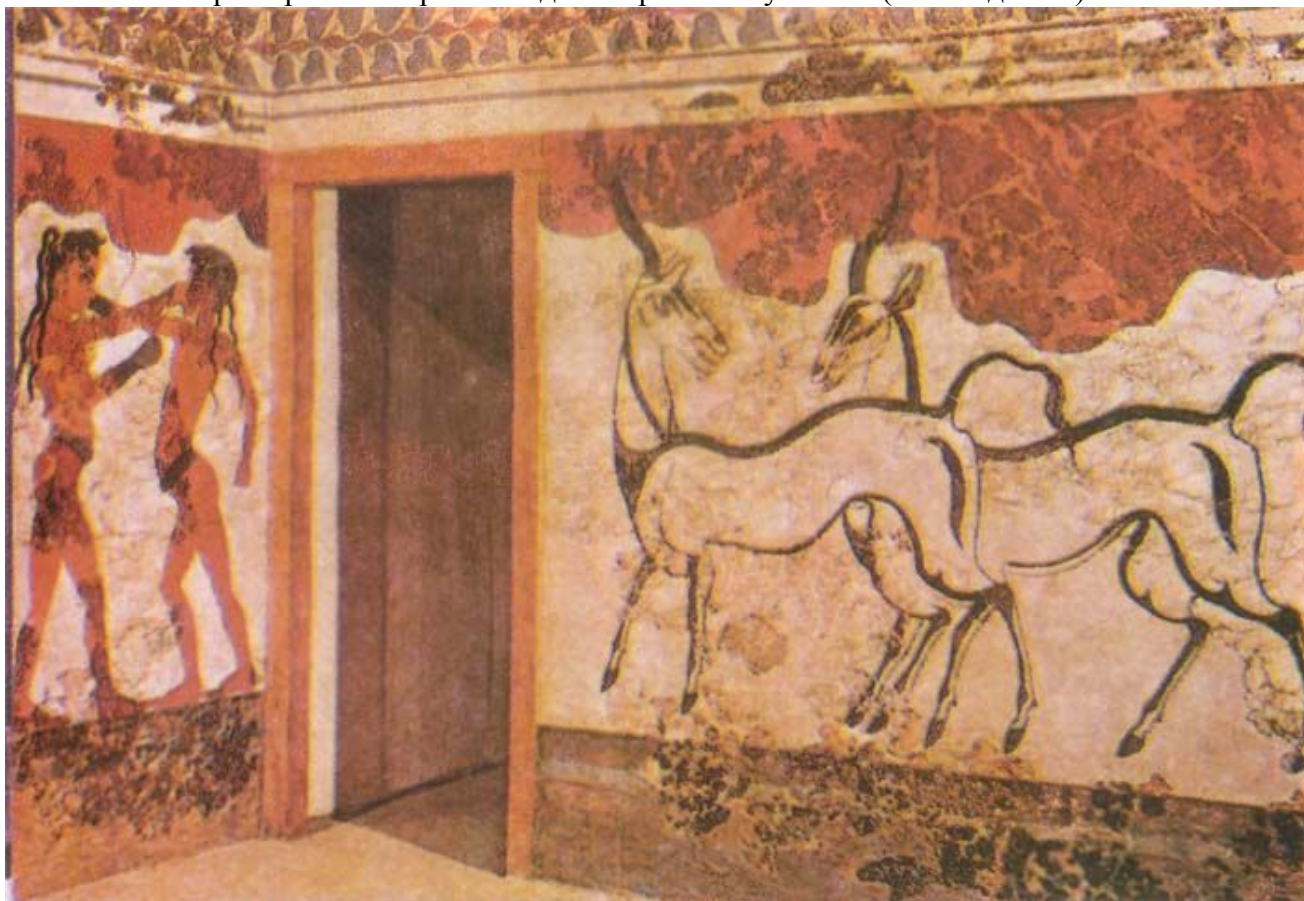
Кносс. Дворец (XV в. до н.э.)



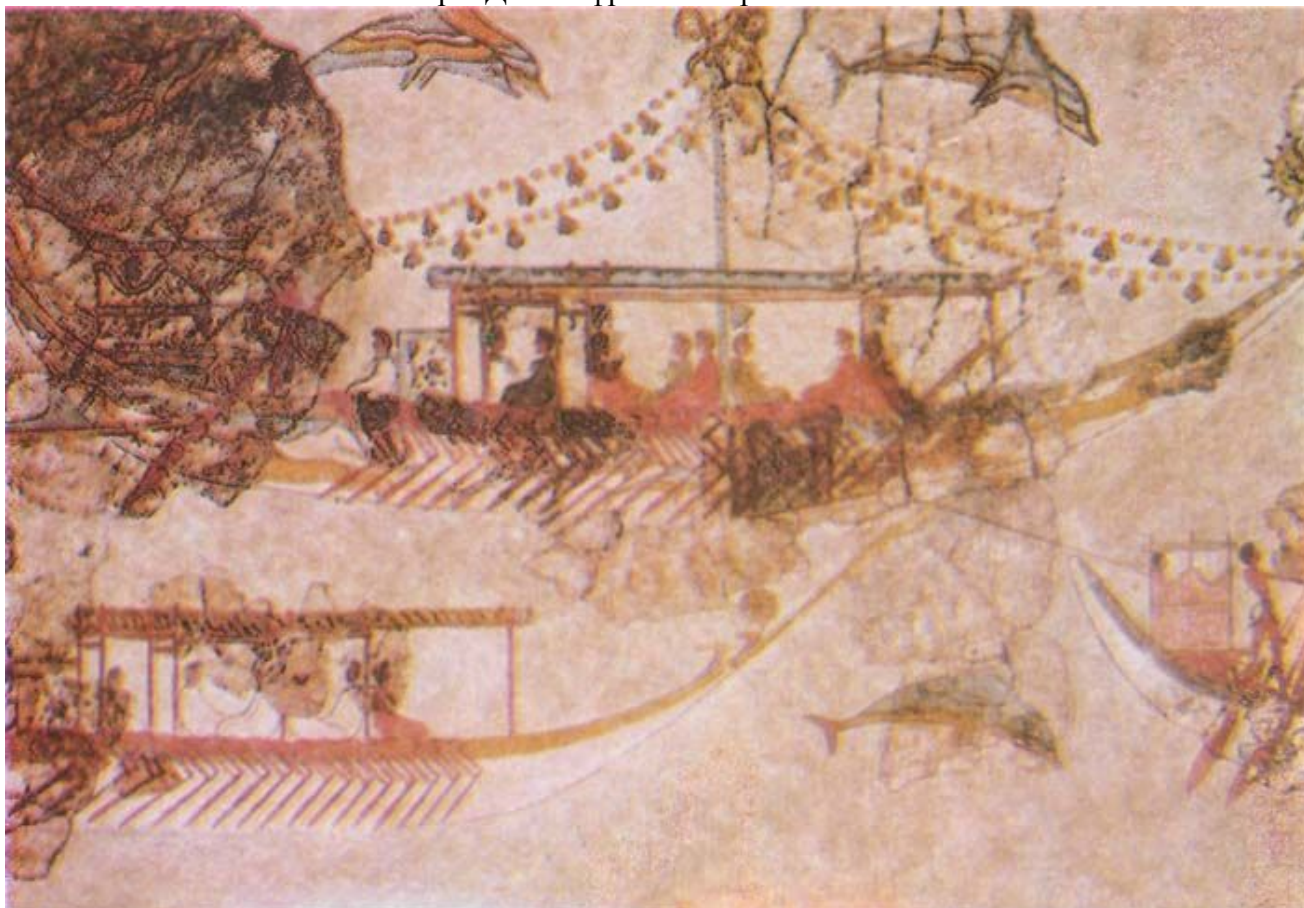
Кносс. Северный вход во дворец (XV в. до н.э.)



Фера. Фресковые росписи до извержения вулканов (XVI в. до н.э.)



Фера. Деталь фресковой росписи.



Фреска с изображением двух женщин на колеснице (Тириф, XVI в. до н.э.)



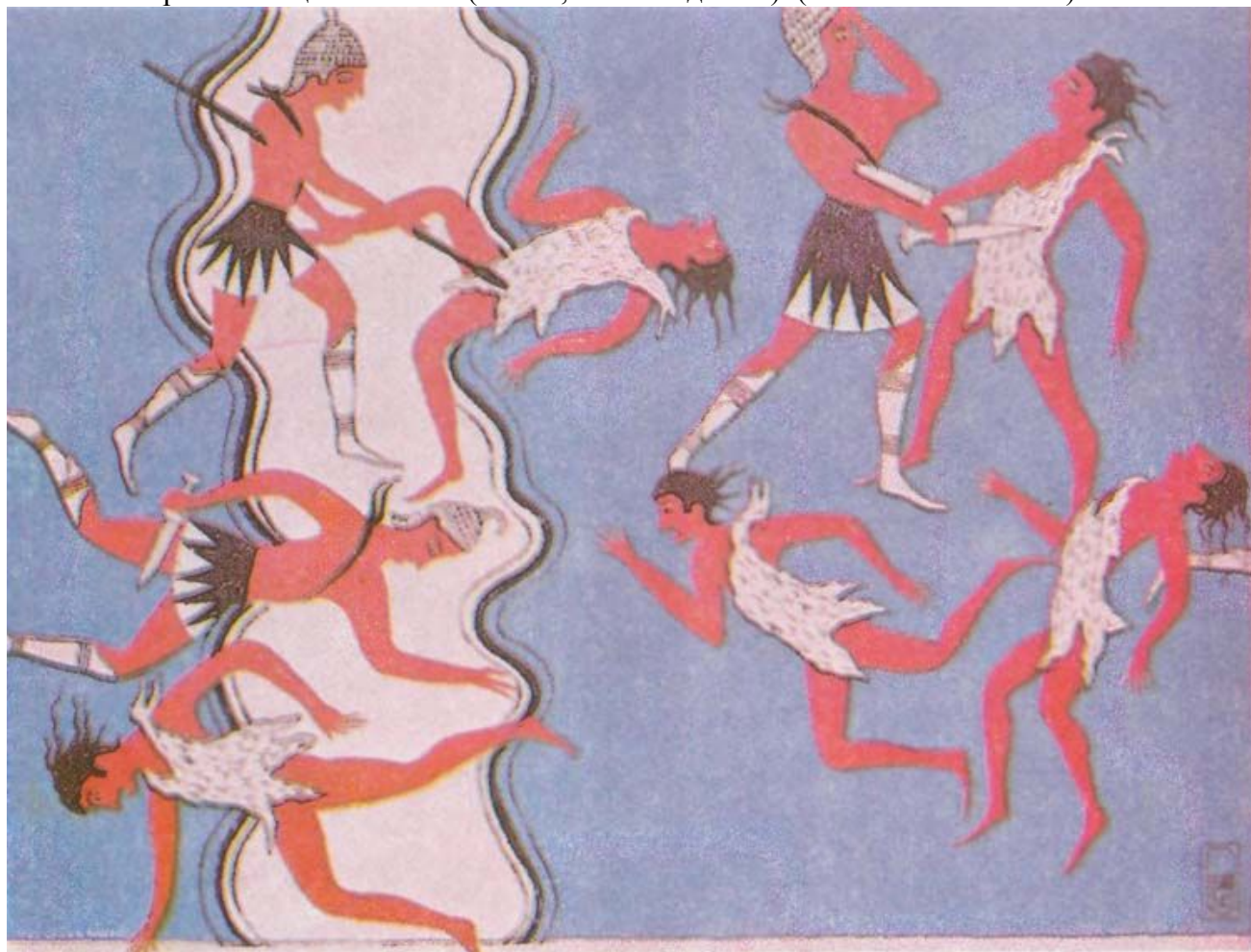
Фреска с изображением певца, поющего под аккомпанемент лиры, и голубя (Пилос, XIII в. до н.э. Реконструкция П. де Жонга)



Фреска с изображением женщины с колосьями в руках (Микены, XIII век до н.э.).



Фреска со сценой охоты (Пилос, XIII век до н.э.). ("охота" в книге. *HF*)



Фреска с изображением боевой колесницы, коня и двух воинов (Пилос, XIII век до н.э.
Реконструкция П. де Жонга)



Две культовые статуэтки из обожженной глины (Микены, святилище в верхней части акрополя, XIII век до н.э.).

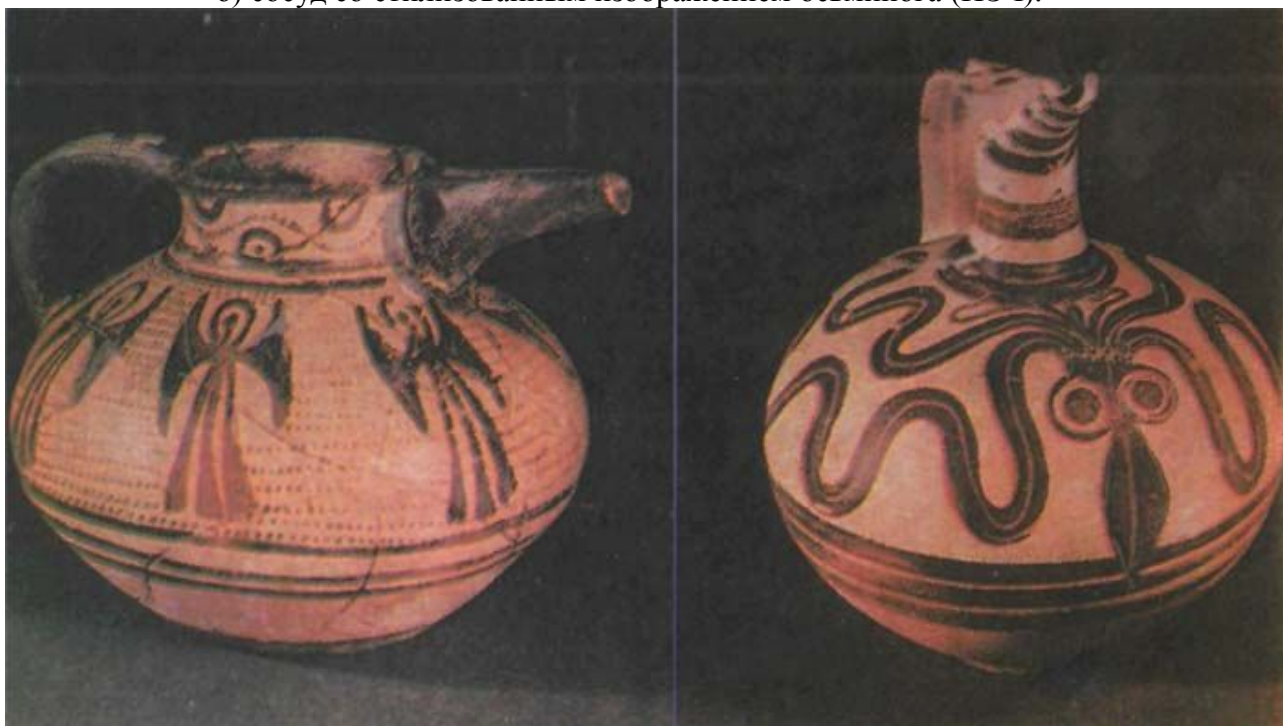
Мужская голова из Асины (XIII век до н.э.)



Глиняные сосуды из Микен (XVI-XV вв. до н.э.).

а) сосуд с изображением критской двойной секиры (ПЭ II).

б) сосуд со стилизованным изображением осьминога (ПЭ I).



Глиняные сосуды из Микен (XVI-XV вв. до н.э.).
в-г) сосуды со стилизованными изображениями растений (ПЭ I).

